Г. В. Плехановъ.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

Томъ III.

6.DK48

Изданіе Т-ва „МІРЪ“.
МОСКВА, Знаменка, 9.

6K 4ii. 7K3.

6.57
38

КП
1697

Типо-лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1917.

Часть III.

ДВИЖЕНІЕ РУССКОИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПОСЛѢ ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМЫ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

Оглавленіе III тома.

ЧАСТЬ III.

Движеніе русской общественной мысли послѣ Петровской реформы.

Глава V.

Стр.

Общественная мысль въ изящной литературѣ 7

Глава VI.

Взаимная борьба общественныхъ силъ въ эпоху Екатерины II. 44

Глава VII.

Западная общественная мысль въ XVIII в. и ея вліяніе на Россію. . . 97
Д. И. фонъ-Визинъ. 167

Глава VIII.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ взаимной борьбы различныхъ общественныхъ элементовъ. Комиссія объ Уложеніи. . . . 188

Глава IX.

Вопросъ объ отношеніи Россіи къ Западу во второй половинѣ XVIII в. . 235

Глава V.

I.

Общественная мысль въ изящной литературѣ.

Историки русской литературы не всегда были справедливы въ своемъ отношеніи къ первымъ нашимъ дѣятелямъ въ области художественнаго творчества пореформенной эпохи. У насъ до сихъ поръ довольно значительно распространенъ тотъ взглядъ, что первоначально наша изящная литература отличалась полнымъ или почти полнымъ отсутствіемъ содержанія. Такъ, напримѣръ, еще совсѣмъ недавно одинъ изслѣдователь утверждалъ:

„Для новой зарождающейся свѣтской литературы, безъ сомнѣнія, прежде всего необходимо было освоиться съ формой. Начало этому было положено Кантемиромъ. Его сатиры часто совершенно отрѣшены отъ жизни и современной дѣйствительности, и въ этомъ ихъ главный недостатокъ. Однако важно то, что благодаря ему пріобрѣтаетъ права гражданства извѣстная литературная форма. Разъ она есть, при дальнѣйшемъ развитіи литературы найдется для нея и живое содержаніе".

Это несправедливо и съ точки зрѣнія теоріи и съ точки зрѣнія фактовъ.

Вообще говоря, форма тѣсно связана съ содержаніемъ. Правда, бываютъ эпохи, когда она отдѣляется отъ него въ болѣе или менѣе сильной степени. Это — исключительныя эпохи. Въ такія эпохи или форма отстаетъ отъ содержанія или содержаніе отъ формы. Но надо помнить, что содержаніе отстаетъ отъ формы не тогда, когда литература только еще начинаетъ развиваться, а тогда, когда она уже склоняется къ упадку — чаще всего вслѣдствіе упадка того общественнаго класса или слоя, вкусы и стремленія котораго въ ней выражаются. Примѣры: декадентство, футуризмъ и прочія имъ подобныя литературныя явленія нашихъ дней, вызванныя духовнымъ упадкомъ извѣстныхъ слоевъ буржуазіи. Литературный упадокъ всегда выражается, между прочимъ, въ томъ, что формой начинаютъ

дорожить гораздо болѣе, нежели содержаніемъ. Но содержаніе такъ тѣсно связано съ формой, что пренебреженіе къ нему быстро влечетъ за собою сначала утрату красоты, а потомъ и полное уродство формы. Для примѣра опять укажу на декадентство и футуризмъ въ литературѣ и еще, пожалуй, на кубизмъ въ живописи. Но въ тѣ эпохи, когда еще только начинается развитіе литературы (или искусства), происходитъ явленіе прямо противоположное тому, которое мы наблюдаемъ въ эпохи упадка. Тогда не содержаніе отстаетъ отъ формы, а наоборотъ — форма отъ содержанія. И это какъ нельзя лучше видно на примѣрѣ сатиръ Кантемира, будто бы совершенно лишенныхъ содержанія и оторванныхъ отъ жизни. Мысли, въ нихъ содержащіяся, таковы, что нѣкоторыя изъ нихъ до сихъ поръ вполнѣ сохранили свое значеніе (напримѣръ, мысли о воспитаніи). Но форма, въ которую облечены эти мысли, такова, что теперь уже нельзя читать Кантемира безъ довольно большого усилія. Да и послѣ Кантемира литературѣ нужно было долго и много поработать надъ собой для того, чтобы стать въ самомъ дѣлѣ изящной, т.-е. чтобы найти подходящую форму для того содержанія, которымъ она располагала, и которое въ каждое данное время опредѣлялось общественными отношеніями Россіи.

Въ періодъ своего „примиренія съ дѣйствительностью“ Бѣлинскій, какъ извѣстно, не долюбливалъ сатиры. Но подъ конецъ своей жизни онъ относился къ ней совсѣмъ иначе, и тогда онъ съ удовольствіемъ и, скажу, съ гордостью отмѣчалъ, что наша литература, начавшись сатирой, была для нашего общества, живымъ источникомъ даже практическихъ нравственныхъ идей и что въ лицѣ Кантемира она объявила нещадную войну невѣжеству, предразсудкамъ, сутяжничеству, ябедѣ, крючкотворству, лихоимству и казнокрадству, которыя она застала въ старомъ обществѣ не какъ пороки, но какъ правило жизни, какъ моральное убѣжденіе. Этотъ отзывъ Бѣлинскаго о сатирѣ Кантемира ни мало не противорѣчитъ дѣйствительности. Но спрашивается, могла ли бы эта сатира явиться источникомъ нравственныхъ идей для кого бы то ни было, могла ли бы она вести войну съ общественными пороками, если бы она была лишена содержанія и оторвана отъ жизни?

Та мысль, что выработка формы явилась едва ли не исключительнымъ дѣломъ нашей литературы въ теченіе XVIII и отчасти даже XIX столѣтія, была твердо и ясно высказана у насъ Н. Г. Чернышевскимъ. Но у него она еще не имѣла того общаго значенія, какое придалъ ей цитированный мною выше изслѣдователь. Во-первыхъ, Чернышевскій дѣлалъ исключеніе именно

для того „сатирическаго направленія“, которое, по его словамъ, „всегда составляло самую живую или, лучше сказать, единственную живую сторону нашей литературы“. Во-вторыхъ, все, что было за предѣлами сатиры, грѣшило, какъ говорилъ онъ, отсутствіемъ содержанія не только въ XVIII вѣкѣ, но и въ XIX,— вплоть до появленія Гоголя. Чернышевскій утверждалъ, что многіе его современники уже не удовлетворялись содержаніемъ пушкинской поэзіи. „Но у Пушкина,—прибавлялъ онъ,— было во сто разъ больше содержанія, нежели у его сподвижниковъ, взятыхъ вмѣстѣ“. Въ поэзіи этихъ послѣднихъ почти совсѣмъ не было содержанія: „форма была у нихъ почти все, подъ формою не найдете у нихъ почти ничего“ [1]).

Съ этимъ едва ли согласятся современные намъ изслѣдователи. Да и невозможно согласиться съ этимъ. Невозможно потому, что насъ теперь уже не удовлетворяетъ точка зрѣнія просвѣтителей: ходъ общественнаго и литературнаго развитія представляется намъ уже въ другомъ свѣтѣ.

Чернышевскій находилъ, что сатирическое направленіе изящной литературы правильнѣе было бы назвать критическимъ. А критическое направленіе онъ опредѣлялъ, какъ направленіе, которое, „при подробномъ изученіи и воспроизведеніи явленій жизни, проникнуто сознаніемъ о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи изученныхъ явленій съ нормами разума и благороднаго чувства“ [2]).

Онъ былъ убѣжденъ, что сознаніе такого соотвѣтствія или несоотвѣтствія было, до выступленія Гоголя, слишкомъ мало развито у дѣятелей нашей изящной литературы. Поэтому онъ и говорилъ, что вплоть до эпохи Гоголя литература эта была почти совсѣмъ лишена содержанія, и что Гоголь впервые пробудилъ въ насъ сознаніе о насъ самихъ.

Какъ и всѣ просвѣтители, онъ слишкомъ склоненъ былъ принимать за абсолютную ту „норму разума и благороднаго чувства“, которой держался онъ со своими единомышленниками. Онъ забывалъ, что норма эта измѣнялась вмѣстѣ съ измѣненіемъ обстоятельствъ времени и мѣста. Такъ какъ его собственные разумъ и благородное чувство во многихъ отношеніяхъ очень сильно отличались отъ разума и благороднаго чувства литературныхъ дѣятелей прежнихъ эпохъ, то онъ и полагалъ, что для этихъ дѣятелей форма была почти все, а за формой у нихъ не было почти ничего.

---

[1]) Н. Г. Чернышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. II, стр. 13. Между сподвижниками Пушкина Чернышевскій называетъ Языкова, Козлова и проч.

[2]) Тамъ же, стр. 12, примѣчаніе первое.

Это—точка зрѣнія раціонализма. Въ настоящее время мы предпочитаемъ смотрѣть на явленія общественнаго развитія не съ раціоналистической, а съ исторической точки зрѣнія.

Какъ не однажды сказано выше, первые литературные дѣятели послѣ Петровской эпохи сами были, въ извѣстномъ смыслѣ, усердными просвѣтителями. Отнюдь не случайнымъ явилось то обстоятельство, что Татищевъ написалъ „Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ", а первой сатирой Кантемира была сатира „На хулящихъ ученіе". Въ предисловіи къ ней Кантемиръ говорилъ: „Сатиру можно назвать такимъ сочиненіемъ, которое забавнымъ слогомъ осмѣивая злонравіе, старается исправлять нравы человѣческіе. Потому она въ намѣреніи своемъ со всякимъ другимъ нравоучительнымъ сочиненіемъ сходна". Совершенно понятно, что при такомъ взглядѣ на задачу сатиры онъ не могъ быть равнодушенъ къ содержанію своихъ сатирическихъ произведеній. Но слѣдуетъ помнить при этомъ, что уже съ первыхъ шаговъ нашей литературы нравоучительный элементъ сильно проникалъ у насъ даже въ такія отрасли ея, которыя вовсе не имѣли прямого отношенія къ морали.

II.

Въ предисловіи къ той же сатирѣ Кантемиръ признавался: „Я въ сочиненіи своихъ (сатиръ. *Г. П.*) наипаче Горацію и Боалу, французу, послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ". Тутъ въ немногихъ словахъ дана правильная оцѣнка дѣятельности нашего перваго сатирика; онъ „послѣдовалъ" и Горацію и „Боалу, французу", да и не только имъ: онъ бралъ свое добро всюду, гдѣ находилъ его. Но, „послѣдуя" иностраннымъ писателямъ, онъ „присваивалъ" заимствованное къ русскимъ „обычаямъ". Какъ именно дѣлалъ онъ это, показываетъ исторія пятой его сатиры, разсказанная въ примѣчаніяхъ къ ней.

„Стихотворецъ, предъ отъѣздомъ въ чужіе края,—читаемъ мы тамъ,—сочинилъ было сатиру, на подражаніе осьмой Боаловой, которая надписана на человѣка; но потомъ, усмотрѣвъ, что (его собственная сатира. *Г. П.*) почти вся состояла изъ рѣчей французскаго сатирика, выбравъ изъ нея малую часть стиховъ, составилъ себѣ такую сатиру". Но пятая сатира—одна изъ самыхъ длинныхъ Кантемировыхъ сатиръ. Заимствованная имъ у Буало „малая часть стиховъ" почти совсѣмъ пропадаетъ въ томъ, что „составлено имъ самимъ". И это, имъ самимъ составленное, имѣетъ очевидное и непосредственное отношеніе къ русской общественной жизни. Кто читалъ пятую сатиру, тотъ, навѣрно,

не забылъ поистинѣ превосходнаго описанія всеобщаго пьянства въ праздничный день:

. . . . . еще не обѣдалъ
Было народъ, и солнца полкруга небесна
Не пробѣгло, а почти ужъ улица тѣсна
Была отъ лежащихъ тѣлъ. При взглядѣ я первомъ
Чаялъ, что моръ у насъ былъ да не пахнетъ стервомъ,
И вижу, что прочіе тѣхъ не отбѣгаютъ
Тѣлъ люди, и съ нихъ самыхъ ины подымаютъ
Руки, ины головы тяжки и румяны;
И слабость ногъ лишь не даетъ встать; словомъ, всѣ пьяны...

Я съ удовольствіемъ продолжилъ бы эту выписку, если бы она не была длинна и безъ того. Въ ней поражаетъ не оторванность отъ жизни, а, напротивъ, реализмъ воспроизведенія одного изъ самыхъ непривлекательныхъ народныхъ „обычаевъ“. Точно такъ же прямо изъ жизни выхваченъ образъ купца, очень заботливо соблюдающаго всѣ церковные обряды и въ то же время безсовѣстно обманывающаго своихъ покупателей. На упрекъ въ обманѣ богомольный купецъ (онъ торговалъ водкой) отвѣчаетъ:

Кромѣ того, что товаръ дорогъ мнѣ приходитъ
Въ лавку; сколько, знаешь ли, въ подаркахъ исходитъ
Судьѣ, дьяку и писцу, кои пишутъ, правятъ
И крѣпятъ указы мнѣ? И сколько заставятъ
Въ башмакахъ однихъ избить, пока тѣ достану?
Сколько ихъ даромъ испою? Сенькѣ и Ивану
Ходакамъ, и ихъ слугамъ, что и спятъ съ стаканомъ?

Всѣ эти взяточники и всѣ эти полицейскіе служители, которые даже „спятъ съ стаканомъ“, опять заимствованы были не изъ „Боаловой“ сатиры, а прямехонько изъ русской жизни. Но, можетъ быть, всего удачнѣе въ пятой сатирѣ Кантемира описаніе судьбы временщика. Мнѣ очень хочется напомнить читателю это превосходное описаніе:

Болваномъ Макаръ вчерась казался народу,
Годенъ лишь дрова рубить или таскать воду,
Никто ощупать не могъ въ немъ ума хоть кроху.
Углемъ чернымъ всякъ пятналъ совѣсть его плоху.
Улыбнулося тому жъ счастіе Макару,
И сегодня временщикъ: ужъ онъ всѣмъ подъ пару
Честнымъ, знатнымъ, искуснымъ людямъ становится,
Всякъ уму наперерывъ чудну въ немъ дивится,
Сколько пользы отъ него царство ждать имѣетъ!

Тогдашніе русскіе люди, видавшіе немало такихъ временщиковъ, должны были признать, что портретъ совершенно сходенъ со своимъ оригиналомъ...

Не могли они не согласиться и съ тѣмъ, что дальнѣйшая судьба временщика тоже изображена Кантемиромъ съ полной точностью:

. . . . . Макаръ скоро поскользнулся
На льду скользкомъ; день его свѣтлый столь минулся
Спѣшно, сколь спѣшно насталъ; въ прежну вдругъ сходитъ
Глупость свою, и съ стыдомъ въ печали проводитъ
Достальную бѣдно жизнь между соболями.
Кои на мѣсто его спѣшатъ, ждутъ и сами
Часто тотъ же себѣ рокъ; однакожъ пихаетъ
Другъ-друга, и на-прерывъ туда поспѣшаетъ.

Да, именно такъ и бывало: побѣдители спѣшили насладиться своей побѣдой и роскошествали въ Петербургѣ, а побѣжденные отправлялись въ Сибирь, гдѣ и проводили остатокъ своей жизни „между соболями“. Тотъ фактъ, что Кантемиръ заклеймилъ своей насмѣшкой эту безпощадную взаимную борьбу аппетитовъ и честолюбій, еще разъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ близка была его сатира къ нашей тогдашней общественной жизни.

Если мы сравнимъ его пятую сатиру съ восьмой сатирой Буало, въ подражаніе которой она была написана, то, не возвращаясь къ сказанному выше о незначительности размѣровъ прямого заимствованія, сдѣланнаго русскимъ сатирикомъ у французскаго, мы придемъ къ такому выводу:

Произведеніе Буало несравненно выше произведенія Кантемира въ смыслѣ формы. Но при этомъ она бѣднѣе его конкретнымъ, прямо изъ жизни взятымъ содержаніемъ.

Этотъ выводъ можетъ быть полезенъ для провѣрки нѣкоторыхъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ весьма распространенныхъ у насъ мнѣній о русской литературѣ XVIII вѣка.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ подробно разсматривать здѣсь содержаніе другихъ сатиръ Кантемира. Скажу только, что если только пятая сатира его едва ли не самая содержательная, то все-таки ни въ одной изъ остальныхъ авторъ не отрывается отъ жизни.

Возьмемъ хотя бы шестую сатиру, написанную на отвлеченную тему „о истинномъ блаженствѣ“.

Кантемиръ доказываетъ въ ней преимущества умѣренности:
Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.

На первый взглядъ могло бы, пожалуй, показаться, что это разсужденіе о преимуществахъ умѣренности осуждено вращаться въ области абстракціи. Но это не такъ. Къ убѣжденію въ выгодахъ умѣренности Кантемиръ пришелъ не посредствомъ отвлеченныхъ соображеній, а путемъ близкаго знакомства съ той же общественной жизнью, которая такъ хорошо изображена имъ въ пятой сатирѣ. Мораль сатиры „О истинномъ блаженствѣ“ представляетъ собою логическій выводъ изъ наблюденій именно надъ этой жизнью.

Изслѣдователи, занимавшіеся моралью Кантемира, не всегда принимали это въ соображеніе, и потому сильно ошибались въ своемъ сужденіи о ней. Я уже говорилъ объ этомъ въ другой связи. Но на этомъ стоитъ остановиться.

Моральная философія Кантемира, по мнѣнію Галахова, стыдлива и несмѣла, какъ его характеръ: „она проповѣдуетъ добро, боясь, поражаетъ порокъ, краснѣя. Это не мораль во всей ея неприкосновенности, это полумораль, близкая къ равнодушію, къ индифферентизму“. Неудивительно, что Кантемиръ такъ увлекался Горацiемъ, который въ нравственности тоже „бралъ не съ высока“, стремясь лишь къ покою, къ пріятной умѣренности и къ беззаботности о будущемъ днѣ.

У Галахова вышло, что Кантемиръ, подобно Горацію, (см. второй томъ, стр. 151 и слѣд.) не преслѣдуетъ общественныхъ недостатковъ, а „только смѣется“ надъ ними.

Но какимъ же способомъ сатирикъ преслѣдуетъ общественные недостатки? Онъ именно „только“ смѣется надъ ними. У него вообще нѣтъ другого оружія, кромѣ оружія насмѣшки. И вопросъ вовсе не въ томъ, преслѣдуетъ ли онъ общественные недостатки или же „только“ смѣется надъ ними, а въ томъ, какъ онъ смѣется. Сообразно настроенію сатирика, его насмѣшка принимаетъ самые различные тоны. И если мы прислушаемся къ тону сатиръ Кантемира, то мы найдемъ, что онъ вовсе не такъ „ровенъ“, какъ это казалось Галахову. Недаромъ обижались на Кантемира осмѣянные имъ современники. Да что современники! Даже объективному историку С. М. Соловьеву трудно было помириться съ тѣмъ тономъ, какимъ Кантемиръ отзывался о духовенствѣ. Почтенный ученый ворчалъ: „Говоря о зависти, Кантемиръ непремѣнно выставитъ зависть поповъ соборныхъ... Кантемиръ не пропуститъ укорить попа и за то, что онъ „молитвы ворчитъ, спѣша сумасбродно, самъ не зная, что поетъ. Посмѣется и надъ аппетитомъ поповской семьи“ и т. д. [1]).

[1]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, книга IV, стр. 1496—1497.

Согласитесь, что подобныя насмѣшки, что такой „ровный тонъ“ сатирика могъ навлечь на него серьезныя преслѣдованія. Но другимъ, дѣйствительно „ровнымъ“, тономъ Кантемиръ и не способенъ былъ писать, онъ самъ говорилъ о себѣ въ сатирѣ четвертой („Къ музѣ своей“):

... Я знаю, что когда хвалы принимаюсь
Писать, когда, Муза, твой нравъ сломить стараюсь,
Сколько ногти ни грызу и тру лобъ вспотѣлый,
Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ не спѣлы,
Жостки, досадны ушамъ, и на тѣ походятъ,
Что по цѣлой азбукѣ святыхъ житье водятъ.
Духъ твой лѣнивъ, и въ зубахъ вязнетъ твое слово
Не забавно, не красно, не сильно, не ново;
А какъ въ нравахъ вредно что усмотрю, умняе
Сама ставши, подъ перомъ стихъ течетъ скоряе.
Чувствую самъ, что тогда въ своей водѣ плавлю
И что чтецовъ я своихъ зѣвать не заставлю.
Проворенъ, веселъ спѣшу, какъ вождь на побѣду
Или какъ попъ съ похоронъ къ жирному обѣду.

Бѣлинскій, не высоко ставившій Кантемира, какъ поэта, говорилъ, что въ своихъ сатирахъ онъ выступалъ публицистомъ, писавшимъ о нравахъ „энергически и остроумно“. Это сужденіе гораздо болѣе справедливо, нежели отзывъ Галахова. Но кто энергично пишетъ объ общественныхъ недостаткахъ, тотъ, очевидно, далекъ отъ индифферентизма.

Уподобленіе тона сатиръ Кантемира тону сатиръ Горація неосновательно, потому что у Кантемира преобладаетъ тонъ негодованія или, по крайней мѣрѣ, сильнаго неудовольствія, а у Горація тонъ веселой шутки. Да,—какъ отмѣчено мною раньше,—Кантемиръ и не могъ писать тономъ Горація, такъ какъ слишкомъ не похоже было положеніе Россіи временъ „ученой дружины“ на положеніе Рима эпохи Августа. Римляне названной эпохи, въ самомъ дѣлѣ, стали индифферентистами, извѣрившись въ идеалъ старой республиканской добродѣтели, а „ученая дружина“ крѣпко держалась за свой идеалъ, правда, совсѣмъ не республиканскій. Кантемиръ сходился съ Гораціемъ собственно только въ склонности къ „златой умѣренности“. Но склонность эта даже и у Горація не вполнѣ достойна того безусловнаго порицанія, съ какимъ относился къ ней Галаховъ,—да и не онъ одинъ,—у Кантемира же она является неоспоримымъ признакомъ значительной возвышенности нравственныхъ понятій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно только принять въ соображеніе историческія условія.

III.

Равнодушіе къ общему благу, распространившееся въ Римѣ вслѣдствіе постепеннаго упадка республиканскаго строя, сопровождалось жаждой наживы и стремленіемъ къ грубымъ матеріальнымъ наслажденіямъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, самъ Горацій, который, въ своемъ первомъ посланіи къ Меценату, жалуется, что всѣ въ одинъ голосъ кричатъ:

„Cives, o cives! quaerenda pecunia primum est.
Virtus post nummos".

При такомъ настроеніи римскаго общества проповѣдь „златой умѣренности" возникла, какъ реакція противъ неумѣренной жадности къ деньгамъ. Разумѣется, она оставалась безсильной, такъ какъ ровно ничего не измѣняла въ тѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, которыми вызвано было пренебреженіе къ старозавѣтной римской добродѣтели. Да она и не задавалась цѣлью какого бы то ни было общественнаго переворота. Сознавая свое безсиліе, она сама,—и вполнѣ естественно,—проникалась скептицизмомъ. Восхищаться ею невозможно; но все-таки не слѣдуетъ забывать, что всякій, кто способенъ былъ вести такую проповѣдь, тѣмъ самымъ доказывалъ свою неспособность дойти до того нравственнаго паденія, до какого дошло огромное большинство тогдашнихъ римскихъ гражданъ.

Мы уже знаемъ, что Кантемиръ перевелъ „Посланія" Горація. Интересующее насъ мѣсто перваго посланія къ Меценату гласитъ въ его переводѣ такъ:

. . . . . Граждане, граждане!
Деньги вы прежде всего доставать трудитесь,
Добродѣтели потомъ...

Кантемиру нравилось, что „Горацій самъ всегда говоритъ и показать тщится неосновательность сего правила: Virtus post nummos" [1]). И нашъ русскій сатирикъ „самъ всегда говорилъ и показать тщился" то же самое своимъ современникамъ. Онъ призывалъ къ умѣренности въ такомъ обществѣ, въ которомъ жажда наживы и грубыхъ матеріальныхъ наслажденій тоже становилась,—хотя и не по тѣмъ самымъ же причинамъ, по какимъ это произошло въ Римѣ,—безпредѣльной.

Характеризуя состояніе нравственности нашего правящаго класса въ царствованіе Анны, кн. М. Щербатовъ, въ своей извѣстной книгѣ о поврежденіи нравовъ въ Россіи, говоритъ, что тогда господствовали „презрѣніе божественныхъ и человѣческихъ

[1]) Кантемиръ. Сочиненія, т. I, стр. 400, примѣчаніе къ стиху 76.

должностей [1]), зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, раболѣпность и лесть, чѣмъ каждый мнилъ свое состояніе дѣлать и удовольствовать свои хотѣнія".

Хотя риторическій тонъ этой характеристики можетъ подать поводъ къ сомнѣнію въ ея правильности, но нельзя не признать, что она очень близка къ истинѣ. Высшій кругъ правящаго класса, — тотъ его кругъ, который, „толпясь у трона", распоряжался судьбами всей страны, — въ самомъ дѣлѣ обнаруживалъ полное презрѣніе къ „божественнымъ и человѣческимъ должностямъ" [2]). И вотъ въ такой-то средѣ, гдѣ господствовали „зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, раболѣпность и лесть", явился человѣкъ, проповѣдовавшій совсѣмъ другой идеалъ, утверждавшій, что счастье совсѣмъ не тамъ, гдѣ его ищетъ нравственно и умственно неразвитое большинство:

„Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Кое даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и средню забаву,
Гдѣ бы съ другомъ съ другимъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишны часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ бы, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ мертвыми греки и латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
Учася знать образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно:
Желанія всѣ мои крайни составляетъ.

Въ этомъ идеалѣ нѣтъ ничего радикальнаго. Это, дѣйствительно, идеалъ „златой умѣренности". Но умѣренность Кантемира не имѣетъ ничего общаго съ умѣренностью и аккуратностью Молчалина. Онъ совѣтуетъ не унижаться, а беречь свое человѣческое достоинство, не угождать тѣмъ, отъ которыхъ можно чѣмъ-нибудь попользоваться, а учиться, „изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины". Въ тогдашнемъ обществѣ человѣкъ, проповѣдавшій такую умѣренность, являлся настоящимъ „учителемъ жизни". Правда, что общественныя отношенія Россіи, которыми обуславливалась въ послѣднемъ счетѣ и крайняя развращенность высшаго круга правящаго класса, нисколько не измѣнялись вслѣдствіе проповѣди Кантемира. Вліяніе этой проповѣди оставалось очень слабымъ уже по одному тому, что невеликъ былъ кругъ его читателей. Его сатиры долго оставались рукописными. Онъ приготовилъ ихъ

[1]) Тогда „должностями" назывались у насъ обязанности.

[2]) Такъ же мало помнилъ онъ о нихъ и при предшественникахъ Анны—Петрѣ II и Екатеринѣ I—но отъ этого было не легче.

къ печати только въ 1743 году. Но и тогда изданіе ихъ не состоялось, такъ что впервые онѣ появились девятнадцать лѣтъ спустя, въ 1762 году, послѣ того, какъ онѣ вышли за границей во французскомъ и нѣмецкомъ переводахъ. Однако, хотя непосредственное вліяніе сатиръ Кантемира было очень слабо, оно шло не противъ историческаго движенія, а въ его направленіи. Число людей, способныхъ увлекаться наукой и пренебрегать ради нея жизненными благами низшаго рода, хотя и медленно, но все-таки увеличивалось на Руси, а по мѣрѣ того, какъ увеличивалось это число, увеличивалось и вліяніе того идеала, къ которому стремился Кантемиръ. Можно сказать, не впадая въ парадоксъ, что если со временемъ даже весьма умѣренный Галаховъ сталъ находить идеалъ Кантемира недостаточно строгимъ,— т.-е. если нравственныя понятія европеизованныхъ русскихъ людей значительно измѣнились къ лучшему,—то это произошло не безъ вліянія Кантемира.

IV.

Habent sua fata scriptores! Кантемиру не повезло. Его обвиняли въ умѣренности изслѣдователи, взгляды которыхъ были какъ нельзя болѣе далеки отъ радикализма. Это само по себѣ нѣсколько странно. Но, пожалуй, еще болѣе странно, что обвинять его вошло въ привычку, и что теперь его обвиняютъ, даже не давая себѣ труда заново пересмотрѣть его „дѣло“. Само собою понятно, что при этомъ совершаются непростительные промахи.

И. Я. Порфирьевъ утверждаетъ, напримѣръ, что, для избѣжанія борьбы, гоненій или непріятностей, Кантемиръ „совѣтуетъ и въ выборѣ между правдой и неправдой держаться также середины, и даже позволяетъ быть злымъ, если безъ вреда себѣ нельзя быть добрымъ“.

Въ подтвержденіе этого приводится, во-первыхъ, короткій отрывокъ изъ второй сатиры Кантемира, дополняемый еще болѣе короткимъ отрывкомъ изъ седьмой его сатиры.

Остановимся сначала на этомъ послѣднемъ отрывкѣ. Вотъ онъ:

Нельзя ль добрымъ быть, будь золъ, своимъ не къ изъяну.
Изряднѣе всякаго убѣгать порока.
Нельзя ль? Укрой лишняго отъ младенча ока.

По привычкѣ повторяя ставшее ходячимъ обвиненіе противъ Кантемира, И. Я. Порфирьевъ не замѣтилъ, что въ строкахъ, имъ приведенныхъ, говорится не о томъ, каковъ долженъ быть идеалъ взрослыхъ, а о томъ, какъ должны взрослые воспитывать своихъ дѣтей. Кантемиръ го-

ворить имъ: если вы сами порочны, то постарайтесь, по крайней мѣрѣ, скрывать свои пороки отъ глазъ вашихъ дѣтей, чтобъ они не начали подражать дурному примѣру. И онъ подробно разъясняетъ свою мысль:

Гостя когда ждешь къ себѣ, одинъ очищаетъ
Слуга твой дворъ и крыльцо, другой подметаетъ
И убираетъ весь домъ, третій третъ посуду,
Ты самъ надъ всѣмъ настоишь, обѣжишь повсюду,
Кричишь, безпокоишься, боясь, чтобъ не встрѣтилъ
Глазъ гостевъ малѣйшій соръ, чтобъ онъ не примѣтилъ
Малѣйшу нечистоту; а ты же не тщишься
Поберечь младенцевъ глазъ; ему не стыдишься
Открыть твою срамоту. Гостя ближе дѣти,
Большу бережь ты для нихъ долженъ бы имѣти.

Итакъ, сатирикъ совѣтуетъ: закрой свою срамоту отъ невиннаго дѣтскаго взора [1]), а историкъ литературы увѣряетъ, что покладистый сатирикъ отводитъ „срамотѣ“ мѣсто въ своемъ идеалѣ. Гдѣ же тутъ справедливость? Но это не все.

Наши строгіе изслѣдователи почему-то упускали въ данномъ случаѣ изъ виду, что въ лицѣ Кантемира они имѣютъ дѣло съ однимъ изъ птенцовъ Петровыхъ, которые имѣли полное основаніе,—я чуть было не сказалъ: „должность“,—опасаться вреднаго вліянія старой Московской Руси на новую, порефор-менную Русь. Въ той же сатирѣ, говорящей, повторяю, не объ идеалѣ, а о воспитаніи, Кантемиръ съ любовью указываетъ на Петра Перваго, который

. . . . . Самъ странствовалъ, чтобы подать собою
Примѣръ въ чужихъ брать краяхъ то, что надъ Москвою
Сыскать нельзя: сличны человѣку нравы.
И искусства...

Наконецъ, — last not least,—нашъ горячій поклонникъ Петра былъ сыномъ XVIII вѣка, вполнѣ правильно приписывавшаго огромное значеніе воспитанію вообще, а въ процессѣ воспитанія — примѣру. Въ той же сатирѣ Кантемира мы читаемъ:

Большу часть всего того, что въ насъ приписуемъ
Природѣ, если хотимъ изслѣдовать зрѣло,
Найдемъ воспитанія одного быть дѣло.

---

[1]) Въ примѣчаніи къ стиху, начинающемуся словами: „Нельзя ли добрымъ быть“, говорится: „Буде тебѣ трудно унять свои страсти и воздержаться отъ злонравій, по крайней мѣрѣ, укрывай свои злые поступки отъ глазъ дѣтей твоихъ; будь золъ, но

Это—мысль Локка, у котораго Кантемиръ почти цѣликомъ заимствовалъ свой взглядъ на воспитаніе [1]). Какъ много значилъ въ глазахъ нашего автора примѣръ, видно изъ слѣдующихъ его строкъ:

Примѣръ наставленія всякаго сильняе.
Онъ и скотовъ слѣдовать родителямъ учитъ.
Орлій птенецъ быстръ летитъ, щенокъ гончій мучитъ
Куриць во дворѣ, лобъ со лбомъ козлята сшибаютъ.
Утята лишь изъ яйца выдутъ, плавать знаютъ.
Не смыслъ учитъ, не совѣтъ: того не имѣютъ,
Сего нельзя имъ подать, подражать умѣютъ...

Подражать порочнымъ родителямъ значитъ упражняться въ порочности. Вотъ почему, и только поэтому, Кантемиръ желалъ бы, чтобъ испорченные родители, по крайней мѣрѣ, скрывали свою „срамоту“ отъ дѣтей. Что можно возразить противъ такого желанія?

И. Я. Порфирьевъ осуждаетъ еще то мнѣніе, высказанное Кантемиромъ во второй своей сатирѣ, что мы не всегда обязаны высказывать правду:

. . . . . Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался,
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ.
Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ...

И еще раньше Порфирьева мнѣніе это осуждалось [2]), какъ недостойное человѣка, способнаго доработаться до строгихъ правилъ нравственности. Но и въ этомъ случаѣ упрекъ, выдвигавшійся противъ Кантемира, былъ лишенъ основанія. Можно строго критиковать, какъ это и дѣлалъ Гегель, Кантову теорію нравственности. Однако никто не скажетъ, что Кантъ не былъ достаточно строгъ въ своихъ практическихъ нравственныхъ требованіяхъ. Но и строгій Кантъ совершенно согласился бы съ Кантемиромъ. Извѣстны его слова: „Если все, что говоришь, должно быть истиннымъ, то тѣмъ не менѣе человѣкъ не обязанъ высказывать гласно всякую истину“ [3]).

не ко вреду твоихъ дѣтей“. Яснѣе яснаго, что здѣсь рѣчь идетъ о нравственномъ вредѣ дурного примѣра.

[1]) См. „Some thoughts concerning education“, § 32, въ четвертомъ томѣ сочиненій Локка, Лондонъ, MDCCLXVIII, стр. 15.

[2]) Особенно Галаховымъ.

[3]) См. Куно Фишеръ. Исторія новой философіи, т. IV, Им. Кантъ. Спб., 1901, стр. 97.

Въ данномъ случаѣ имѣютъ значеніе и обстоятельства, подавшія Канту поводъ написать эти слова. Король Фридрихъ-Вильгельмъ II въ именномъ указѣ выразилъ ему свое неудовольствіе за его взглядъ на христіанскую вѣру, высказанный въ книгѣ „Религія въ предѣлахъ чистаго разума". Кантъ не могъ, конечно, отказаться отъ этого взгляда. Но онъ счелъ себя нравственно обязаннымъ впредь не высказывать его. Онъ отвѣтилъ королю, что будетъ воздерживаться „отъ всякаго публичнаго изложенія всего, касающагося религіи". И онъ свято выполнялъ это обѣщаніе вплоть до восшествія на престолъ новаго, свободнѣе мыслившаго короля.

Я полагаю, что на мѣстѣ Канта французскій просвѣтитель повелъ бы себя иначе. Онъ счелъ бы себя въ правѣ распространять, при случаѣ, свой взглядъ на религію, несмотря на то, что король рѣзко осудилъ его. Можно ли было заключить отсюда, что нравственныя правила французскихъ просвѣтителей отличались большею или,—если угодно,—меньшею строгостью, нежели нравственныя правила кенигсбергскаго философа? Не думаю. Все, что мы могли бы сказать здѣсь, сводится къ тому, что въ политическомъ смыслѣ Кантъ былъ настроенъ не такъ, какъ французскіе просвѣтители, и что ему было чуждо оппозиціонное настроеніе этихъ послѣднихъ.

Мольеровъ Альсэстъ требовалъ, чтобы люди всегда и вездѣ высказывали все, что думаютъ:

Je veux que l'on soit homme et qu'en toute rencontre
Le fonds de notre coeur dans nos discours se montre,
Que ce soit lui qui parle, et que nos sentiments
Ne se masquent jamais sous de vains compliments [1]).

На это его другъ Филэнтъ возражаетъ:

Il est bien des endroits où la pleine franchise
Deviendrait ridicule et serait peu permise;
Et parfois, n'en déplaise a votre austèrehonneur,
Il est bon de cacher ce qu'on a dans le coeur [2]).

---

[1]) Надо быть мужемъ и всегда выражать словами то, что лежитъ на сердцѣ. Пусть говоритъ именно сердце, и пусть наше мнѣніе никогда не прикрывается пустыми комплиментами.

[2]) Очень часто полная откровенность была бы смѣшна и непозволительна; и какъ бы ни возмущалась этимъ ваша суровая правдивость, иногда хорошо таить то, что лежитъ у насъ на сердцѣ. — Интересно, что самъ Альсэстъ не сразу рѣшился высказать свое отрицательное мнѣніе о сонетѣ Оронта. А еще болѣе замѣчательно, что онъ соглашался назвать этотъ сонетъ хорошимъ, если король прикажетъ ему это. Стало быть, при такомъ исключительномъ условіи онъ готовъ былъ идти дальше Канта, согласившагося только молчать.

Кто правъ? Оба правы. Справедливо то, что обязательна правдивость. Но справедливо и то, что полная откровенность нерѣдко становится непозволительной и даже смѣшной. Чѣмъ разрѣшается это противорѣчіе? Не разсудкомъ, а нравственнымъ чутьемъ, которое учитъ, когда надо высказать правду и когда можно и даже слѣдуетъ хранить ее про себя. Тутъ тоже все зависитъ отъ обстоятельствъ. И не только отъ обстоятельствъ личной жизни собесѣдниковъ, а также и отъ условій эпохи. Въ XIX вѣкѣ у насъ появились свои Альсэсты: вспомните Базарова съ его грубоватой, но почти безпредѣльной правдивостью. Но когда появились Базаровы, ими, навѣрно, стали возмущаться многіе изъ тѣхъ, которые прежде сами упрекали Кантемира въ нравственномъ эклектизмѣ, за то его мнѣніе, что не всегда слѣдуетъ говорить все, что думаешь.

Какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно, что въ эпоху Кантемира правдивость Базаровыхъ была просто-напросто немыслима. Ходъ историческаго развитія обезпечилъ Альсэсту возможность удалиться отъ всякихъ сношеній со своими развращенными современниками [1]). Точно такъ же Базаровы могли сказать себѣ, какъ говаривалъ раньше ихъ Чацкій: „прислуживаться тошно“ — и посвятить свои силы естествознанію. Европеизованные дворяне временъ Кантемира не пользовались даже и такой ограниченной свободой. Какъ и все ихъ сословіе, они обязаны были служить. А кто служитъ, тому необходимо было, если не прислуживаться,— этого можно было избѣжать, слѣдуя дорогой Кантемира „златой умѣренности“,—то практиковать еще съ гораздо большимъ усердіемъ, чѣмъ Кантъ, искусство „держанія языка за зубами...“

V.

Бѣлинскій сказалъ, что, каковъ бы ни былъ талантъ Сумарокова, его нападки на „крапивное сѣмя“ всегда будутъ заслуживать почетнаго упоминовенія отъ историка русской литературы.

Противъ этого можно возразить одно: Сумароковъ (1718—1777) заслуживаетъ почетнаго упоминовенія не только за свои нападки на „крапивное сѣмя“.

Историкъ русской литературы съ одобреніемъ отзовется о тѣхъ требованіяхъ, которыя онъ предъявлялъ писателю вообще и стихотворцу въ частности.

Стихи писать не такъ легко, какъ многимъ мнится,
Не знающій одной и рифмой утомится.
Не должно, чтобъ она въ плѣнъ нашу мысль брала;
Но чтобы нашею невольницей была.....

[1]) См. монологъ его въ первомъ явленіи пятаго дѣйствія.

Въ другомъ мѣстѣ той же своей „епистолы“ („О стихотворствѣ“) онъ повторяетъ:

Нечаянно стихи изъ разума не льются,
И мысли ясныя невѣжамъ не даются.

А въ концѣ ея мы встрѣчаемъ поистинѣ золотыя слова:

Все хвально Драмма, ли, Еклога или ода:
Слагай, къ чему влечетъ тебя твоя природа;
Лишь просвѣщеніе, писатель, дай уму!...

И не слѣдуетъ думать, будто въ его глазахъ просвѣщеніе являлось достаточнымъ условіемъ успѣшнаго поэтическаго творчества. При отсутствіи страсти „стихотворство“ останется холоднымъ, утверждалъ онъ, какъ бы ни углублялся въ него писатель „мыслію“. Извѣстно, что тѣмъ, которые хотѣли писать элегіи, онъ совѣтовалъ предварительно влюбиться [1]). Конечно, не всѣ хорошія элегіи обязаны своимъ происхожденіемъ этому средству, котораго нельзя не признать слишкомъ героическимъ. Однако совѣтъ хорошъ хоть тѣмъ, что показываетъ намъ, какую важность приписывалъ Сумароковъ чувству.

Большой заслугой Сумарокова передъ русской литературой является твердое и настойчиво высказывавшееся его убѣжденіе въ томъ, что —

Прекрасный нашъ языкъ способенъ ко всему.

Въ теченіе всей своей литературной дѣятельности онъ неизмѣнно хранилъ это убѣжденіе и, какъ умѣлъ, очень заботился о чистотѣ русскаго языка [2]).

Очень ошибаются тѣ изслѣдователи, которые, подобно Н. Буличу, находятъ, что сатиры Сумарокова были содержательнѣе сатиръ Кантемира. Онѣ, наоборотъ, бѣднѣе ихъ содержаніемъ. Но несомнѣнно, что сатирическія произведенія автора „Хора къ превратному свѣту“ заключаютъ въ себѣ немало интереснаго и помимо дѣйствительно ядовитыхъ нападокъ на приказныхъ. Въ качествѣ сатирика Сумароковъ ставилъ себѣ цѣль гораздо болѣе

---

1) „Коль хочешь ты писать, такъ прежде ты влюбись“...

2) Языкъ нашъ сладокъ, чистъ и пышенъ и богатъ;
Но скупо вносимъ мы въ нево хорошій складъ;
Такъ чтобъ незнаніемъ ево намъ не безславить,
Намъ должно весь свой складъ хоть нѣсколько поправить.
Не нужно, чтобы всѣмъ надъ рифмами потѣть,
А правильно писать потребно всѣмъ умѣть.

(Ср. его же „басенку“ „Порча языка“).

широкую, нежели борьба съ „крапивнымъ сѣменемъ“. Уже въ первой своей сатирѣ („Піитъ и другъ его“) онъ говоритъ:

Гдѣ я ни буду жить, въ москвѣ [1]), въ лѣсу, иль полѣ,
Богатъ или убогъ, терпѣть не буду болѣ,
Безъ обличенія презрительныхъ вещей
. . . . . .
. . . . . .
Доколѣ дряхлостью иль смертью не увяну,
Противъ пороковъ я писать не перестану.

Какія именно общественныя и нравственныя явленія относилъ онъ къ области порочныхъ, это лучше всего показываетъ названный мною выше „Хоръ къ превратному свѣту“.

Синицу, прилетѣвшую изъ-за моря, спрашиваютъ, каковы „обряды“ въ чужихъ странахъ. Она отвѣчаетъ, что тамъ все превратно: воеводы — правдивы, приказные не берутъ взятокъ, купцы не обманываютъ, пьяные по улицамъ не ходятъ, людей на улицахъ не рѣжутъ, ораторы не мелютъ вздору, стихотворцы не кропаютъ виршей и, что для насъ, пожалуй, всего интереснѣе:

Съ крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ,
Деревень на карты тамъ не ставятъ;
За моремъ людьми не торгуютъ.

Эти три послѣднія черты „превратныхъ“ заморскихъ „обрядовъ“ особенно интересны въ виду того, что Сумароковъ былъ, какъ извѣстно, убѣжденнымъ сторонникомъ крѣпостного права. Нѣкоторые изслѣдователи не безъ удивленія спрашивали себя: какъ же согласить это его убѣжденіе крѣпостника съ его злыми нападками на дурныхъ помѣщиковъ? Но здѣсь, собственно говоря, нечего соглашать. Честные идеологи всякаго даннаго общественнаго порядка, основаннаго на подчиненіи одного класса (или сословія) другому, всегда возставали противъ злоупотребленія тѣми исключительными правами, которыми пользовался господствовавшій классъ. И чѣмъ искреннѣе было ихъ убѣжденіе въ томъ, что существованіе такихъ правъ необходимо для общей пользы, тѣмъ энергичнѣе возставали они противъ злоупотребленія ими. Лицемѣрное желаніе скрыть отъ нескромныхъ глазъ подобныя злоупотребленія возникаетъ только тогда, когда существующій общественный порядокъ близится къ концу, и когда его идеологи сами начинаютъ сомнѣваться въ его правомѣрности. Сумароковъ былъ весьма далекъ отъ подобныхъ со-

[1]) Въ стихотворныхъ своихъ сатирахъ Сумароковъ писалъ собственныя имена съ маленькой буквы.

мнѣній. Поэтому онъ и могъ, ни мало не противорѣча себѣ, отстаивать крѣпостное право и одновременно съ этимъ жестоко порицать безчеловѣчныхъ помѣщиковъ. Онъ вѣрилъ въ солидарность интересовъ помѣщика съ интересами его крѣпостныхъ. По его мнѣнію, „блаженство“ деревни состояло не въ одномъ только изобиліи помѣщика, но въ общемъ изобиліи всего ея населенія. И онъ говорилъ, что въ качествѣ „головы“ своихъ подданныхъ помѣщикъ обязанъ сохранять и мизинецъ, „ибо голова тѣла и мизинцу состраждетъ“ [1]). Жадный помѣщикъ не домостроитель, а доморазоритель. Между тѣмъ государству необходимо домостроительство, пріумножающее изобиліе. Доморазоритель вредитъ не только своимъ крестьянамъ, съ которыхъ онъ сдираетъ кожу, но и всему государству. Такъ разсуждалъ Сумароковъ, и насколько было почтенно въ его мнѣніи имя домостроителя, настолько презиралъ онъ „доморазорителей“. Злой и жадный помѣщикъ поступаетъ „противу права моральнаго и политическаго“. Онъ—„извергъ природы“ и,—устами Сумарокова говорилъ здѣсь человѣкъ XVIII столѣтія,—невѣжа и во естественной исторіи и во всѣхъ наукахъ, тварь безграмотная“... [2]).

Въ лицѣ Сумарокова, какъ и въ лицѣ Кантемира, мы имѣемъ дѣло съ идеологомъ европеизованной части русскаго „шляхетства“. Этотъ родовитый воспитанникъ сухопутнаго шляхетнаго корпуса былъ, по-своему, очень требователенъ въ отношеніи къ дворянству. Но ему и въ голову никогда не приходило, что дворянинъ можетъ покинуть дворянскую точку зрѣнія. Его седьмая сатира заключаетъ въ себѣ цѣлый сводъ житейскихъ правилъ, обязательныхъ, по его убѣжденію, для честнаго человѣка:

Услуженъ буди всѣмъ, держися данныхъ словъ,
Будь мѣдленъ ко враждѣ, ко дружбѣ будь готовъ!
Когда кто каится, прощай его безъ мести,
Не соплетай кому ласкательства и лѣсти,
Не ползай—ни передъ кѣмъ, не буди и спѣсивъ;
Не будь нападчикомъ, не буди и трусливъ,
Не будь не скроменъ ты, не буди лицемѣренъ,
Будь сынъ отечества и государю вѣренъ!

Нечего и говорить: „шляхетные“ современники Сумарокова далеко ушли бы впередъ въ смыслѣ нравственнаго развитія,

---

[1]) Въ статьѣ „О домостроительствѣ“.

[2]) О Сумароковѣ разсказывали, что онъ не могъ слышать равнодушно, когда „въ его присутствіи называли людей: хамово колѣно. Съ сильною досадою вскакивалъ онъ со стула, хваталъ шляпу, убѣгалъ и никогда уже не возвращался въ тотъ домъ“ (Н. Буличъ. Сумароковъ и современная ему критика, стр. 92).

если бы стали послѣдовательно держаться этихъ правилъ! Но, чтобы подвинуться впередъ въ этомъ смыслѣ, имъ,—думалъ сатирикъ,— не было надобности возставать противъ тогдашняго порядка вещей и проникать своимъ умомъ за предѣлы „шляхетнаго“ кругозора. Умъ Сумарокова никогда и не проникалъ за эти предѣлы[1]).

Правда, иногда въ его сатирѣ слышится какъ будто революціонная нота. Такъ, напримѣръ, разсуждая о „благородствѣ“, онъ спрашиваетъ:

На толь дворяня мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ
И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ?

На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ въ духѣ, повидимому, исполненномъ стремленія къ общественному равенству:

Достоенъ я, коли сыскалъ почтенье самъ:
А есть ли ни къ какой я должности не годенъ,
Мой предокъ дворянинъ, а я не благороденъ.

Но это не должно вводить насъ въ заблужденіе. Языкъ Сумарокова идетъ здѣсь дальше, нежели его мысль. Въ такомъ же будто бы радикальномъ духѣ высказывался еще Кантемиръ. Въ его сатирѣ „На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“ Филаретъ говоритъ Евгенію:

Адамъ дворянъ не родилъ, но одно съ двухъ чадо
Его садъ копалъ, другой пасъ блеющее стадо.
Ноевъ ковчегъ съ собой спасъ все себѣ равныхъ
Простыхъ земледѣтелей нравами лишь славныхъ,
Отъ нихъ мы всѣ сплошь пошли, одинъ поранѣе
Оставя дудку, соху; другой попозднѣе.

Изъ этого, казалось бы, слѣдуетъ то заключеніе, что надо уничтожить дворянскія привилегіи. Но тогдашніе наши сатирики не расположены были дѣлать изъ него подобный выводъ. Филаретъ спѣшитъ довести до свѣдѣнія своего собесѣдника, что ему извѣстно, „сколь важно“ благородство и какъ „много въ немъ пользы“. Сумароковъ почтительно именуетъ дворянъ „перьвыми

---

[1]) „Я какъ сынъ и членъ отечества не того по разсудку моему желаю, чтобы древніе законы испровержены, а новые установлены были, — говоритъ онъ въ «Словѣ Екатеринѣ II», — но чтобы они при случаѣ исправляемы были. На что нѣтъ закона, или не обстоятеленъ законъ, или не ясенъ, на то бы законъ сочинился, исправился и изъяснился“. Типичное разсужденіе „либеральнаго“, какъ выражаются теперь въ нѣкоторыхъ странахъ, консерватора!

членами отечества". Вѣроятно, онъ не способенъ былъ и представить себѣ, какъ могло бы существовать „отечество", если бы въ немъ не было „благородства".

Общественно-политическій идеалъ Сумарокова лучше всего выраженъ слѣдующими его стихами:

Судьба монархинѣ велѣла побѣждать,
И сей имперіей премудро обладать;
А намъ осталося, во дни ея державы,
Ко пользѣ общества въ трудахъ искати славы.

При этомъ предполагается, что матеріальная возможность исканія „нами" славы прочно обезпечена крѣпостнымъ трудомъ крестьянина. Радикальныя, по внѣшности, тирады, встрѣчающіяся въ сатирахъ Кантемира и Сумарокова, означаютъ только то, что „первые" члены отечества, пользуясь исключительными правами, не должны успокаиваться на лаврахъ своихъ предковъ. Ихъ „благородство" должно поддерживаться ихъ собственными трудами и ихъ собственной славой.

Кантемировъ Филаретъ совершенно ясно высказываетъ эту мысль:

Но тщетно имя оно, ничего собою
Не значитъ въ томъ, кто себѣ своею рукою
Не присвоитъ почесть ту, добыту трудами
Предковъ своихъ. Грамота, плѣснью и червями
Изгрызена, знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель,
Благородными явитъ одна добродѣтель.

Сумароковъ говоритъ то же самое:

Дворянско титло намъ изъ крови въ кровь ліется,
Но скажемъ: для чего дворянство такъ дается.
Коль пользой общество мой дѣдъ на свѣтѣ жилъ;
Себѣ онъ плату, мнѣ задатокъ заслужилъ.

Достойны величайшаго вниманія тѣ строки той же сатиры Сумарокова („О благородствѣ"), гдѣ онъ, обращаясь къ дворянину, даетъ ему слѣдующій благой совѣтъ:

А есть ли у тебя безмозгла голова,
Пойди и землю рой или руби дрова:
Отъ низкихъ болѣе людей не отличайся,
И предковъ титлами уже не величайся...

Тутъ цѣлая дворянская утопія: роютъ землю и рубятъ дрова люди „подлые" не только de jure, но и de facto; люди, лишенные извѣстныхъ правъ не только въ силу своего сословнаго проис-

хожденія, но также, — и это самое главное, — вслѣдствіе своей тупости. Въ то же время „славу“ добываютъ себѣ „дворяня“, награждаемые высокимъ общественнымъ положеніемъ не только за заслуги своихъ предковъ (эти заслуги, — „только задатокъ“), но еще и за свою личную даровитость. Иначе сказать, Сумароковъ хочетъ, чтобы „дворяня“ были аристократами въ этимологическомъ смыслѣ этого слова, т.-е. чтобъ „благородное“ сословіе состояло изъ самыхъ лучшихъ людей своей страны. И то обстоятельство, что это кажется ему возможнымъ, ясно показываетъ, какъ наивно и въ то же время крѣпко держался онъ дворянской точки зрѣнія.

У Сумарокова, какъ и у Кантемира, рѣзкія нападки на дворянъ, не желающихъ добывать себѣ славу своими собственными трудами, являются отчасти литературнымъ выраженіемъ той борьбы между породой и выслугой, которая, начавшись еще въ Московской Руси, не прекратилась, да, какъ мы видѣли, и не могла прекратиться и послѣ Петровской реформы. Но послѣ этой реформы она осложнилась новымъ элементомъ: стремленіемъ птенцовъ Петровыхъ къ западно-европейскому просвѣщенію.

Сторонники просвѣщенія не могли помириться съ лѣнивымъ обскурантизмомъ „ѳамильныхъ людей“, ставившихъ породу гораздо выше знанія. Правда, не всѣ „ѳамильные люди“ отличались такимъ обскурантизмомъ. Между ними встрѣчались личности, тоже сильно дорожившія просвѣщеніемъ. Но не противъ нихъ и направлялись стрѣлы нашихъ сатириковъ. Филаретъ оговаривается у Кантемира:

. . . . . .

Знаю, что неправедно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внукъ въ нравахъ успѣваетъ,
Но бѣдно блудитъ нашъ умъ, буде опираться
Станемъ мы на нихъ однихъ [1]).

Его злыя обличенія направляются лишь противъ тѣхъ родовитыхъ бездѣльниковъ, которые избѣгаютъ труда, не хотятъ учиться и интересуются только западно-европейскими модами, хорошо зная,

. . . . что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ полъ-аршина глубоки и ситой подшиты и т. д.

Противъ такихъ же бездѣльниковъ направлялась и сатира Сумарокова. Нападки на жалкихъ людей этого калибра имѣли

---

[1]) На однихъ дѣдовъ. *Г. П.*

извѣстное общественное значеніе. И было бы странно, если бы идеологи служилаго класса не нападали на всякаго рода „нѣтчиковъ“. Но борьба съ „нѣтчиками“ не расширяла кругозора нашихъ сатириковъ и не сообщала ихъ мысли болѣе широкаго размаха. Въ своемъ отношеніи къ тогдашнему нашему общественному строю мысль ихъ оставалась консервативной, несмотря на рѣзкость облекавшихъ ее выраженій.

Рѣзкость выраженій сама была плодомъ западно-европейскаго вліянія. Взглядъ на „благородство“, заключающійся въ сатирахъ Кантемира и Сумарокова, напоминаетъ взглядъ на него Ювенала и, чтобы указать на источникъ, болѣе близкій въ хронологическомъ смыслѣ, Буало.

Въ своей пятой сатирѣ („Sur la véritable noblesse“) французскій сатирикъ писалъ, обращаясь къ маркизу Данжо:

La noblesse, Dangeau, n'est pas une chimère,
Quand, sous étroite loi d'une vertu sévère,
Un homme issu d'un sang fécond en demi-dieux
Suit, comme toi, la trace où marchaient ses aïeux.
Mais je ne puis souffrir qu'un fat dont la mollese
N'a rien pour s'appuyer qu'une vaine noblesse,
Se pare insolemment du mérite d'autruis [1]).

Буало выражается еще гораздо рѣзче, нежели Кантемиръ и Сумароковъ. Онъ говоритъ, что если данное лицо ведетъ себя недостойнымъ образомъ, то, хотя бы оно происходило отъ самого Геркулеса, онъ не постѣснится назвать его

. . . . . Un lâche, un imposteur,
Un traître, un scélérat, un perfide, un menteur,
Un fou, dont les accès vont jusqu'à la furie,
Et d'un tronc fort illustre une branche pourrie [2]).

И Буало съ удовольствіемъ представляетъ себѣ то счастливое время, когда законы были для всѣхъ одинаковы:

Chacun vivait content, et sous d'égales lois
Le mérite y faisait la noblesse et les rois [3]).

---

[1]) Дворянство—не химера, когда человѣкъ, происходящій изъ рода, къ которому принадлежитъ много полубоговъ, самъ, подобно тебѣ, идетъ по пути своихъ предковъ. Но мнѣ нестерпимо видѣть, что фаты, изнѣженность которыхъ можетъ сослаться только на ихъ пустое благородство, нахально величаются чужими заслугами.

[2]) Подлецомъ, обманщикомъ, измѣнникомъ, мошенникомъ, коварнымъ лжецомъ, безумцемъ, страдающимъ припадками бѣшенства, гнилою вѣтвью знаменитаго дерева.

[3]) Всѣ были довольны, живя подъ равными законами, и только по своимъ заслугамъ люди достигали дворянскаго и королевскаго званія.

Буало принадлежалъ къ той французской интеллигенціи буржуазнаго происхожденія, которая ничего не имѣла противъ стараго порядка и на всѣ лады пѣла его славу. Впрочемъ, въ его время порядокъ этотъ и не успѣлъ еще состариться. И все-таки подъ перомъ Буало разсужденія на тему объ истинномъ благородствѣ имѣли не совсѣмъ тотъ смыслъ, какой пріобрѣтали они въ произведеніяхъ русскихъ сатириковъ изъ дворянской среды.

Во Франціи монархія побѣдила феодальную аристократію, благодаря поддержкѣ третьяго сословія. Въ Россіи она сокрушила боярскую оппозицію, опираясь на служилый классъ. Это огромная разница. Третье сословіе во Франціи заинтересовано было въ полномъ уничтоженіи всякихъ сословныхъ привилегій. А служилый классъ въ Россіи, возставая противъ привилегированнаго положенія бояръ, самъ стремился сдѣлаться привилегированнымъ сословіемъ.

И именно въ XVIII вѣкѣ, когда возникла наша сатира, это его стремленіе осуществилось въ довольно широкой мѣрѣ. Поэтому его идеологи рѣшительно неспособны были придать нападкамъ на породу тотъ широкій размахъ, какой сообщили имъ во Франціи идеологи третьяго сословія. Конечно, самъ Буало отнюдь не былъ революціонеромъ. Онъ лишь вздыхалъ о томъ золотомъ вѣкѣ, когда всѣ были равны передъ закономъ. Но черезъ какихъ-нибудь пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ послѣ него французскіе просвѣтители провозгласили, что надо возстановить тотъ справедливый общественный строй, который существовалъ въ золотую эпоху общественнаго равенства. Вздохъ сожалѣнія о прошломъ довольно быстро превратился, на французской почвѣ, въ практическую программу будущаго. Чтобы наши писатели могли усвоить себѣ эту программу, имъ нужно было предварительно покинуть точку зрѣнія дворянскаго сословія. Кантемиръ и Сумароковъ были еще неспособны на это.

Наивная вѣра во всемогущество просвѣщенія предохраняла нашихъ литературныхъ дѣятелей первой половины XVIII вѣка отъ помысловъ объ общественно-политическихъ реформахъ. „Невѣжество,—говорилъ Сумароковъ,—есть источникъ неправды; бездѣльство полагаетъ основаніе храма его; безумство созидаетъ оный; непросвѣщенная сила, а иногда и смѣсившаяся со пристрастіемъ, укрѣпляетъ оный“. Достаточно распространить просвѣщеніе, чтобы искоренить неправду даже въ судахъ. А просвѣщеніе распространяется центральной властью...

Подобно Татищеву, Сумароковъ хотѣлъ, чтобы образованіе сдѣлалось доступнымъ также и для женщинъ. Въ „Хорѣ къ превратному свѣту“ синица разсказываетъ, что

За моремъ того не болтаютъ:
Дѣвушкѣ де разума не надо,
Надобны ей личико да юбка,
Надобны румяны да бѣлилы...

VI.

Сумароковъ — типичный русскій дворянинъ XVIII столѣтія, пріобщившійся къ западно-европейскому просвѣщенію. Во взглядѣ на историческое значеніе и современныя задачи верховной власти онъ вполнѣ сходился съ Татищевымъ. Въ баснѣ („притчѣ“) „Пучекъ лучины“ онъ писалъ:

Нельзя дивиться, что была
Подъ игомъ Росская держава,
И долго паки не цвѣла,
Когда ея упала слава;
Вить не было тогда
Сего великаго въ Европѣ царства,
И завсегда
Была вражда.
У множества князей едина государства [1]).

Теперь татары готовы служить Россіи, а прежде они несли „страхъ россійскимъ сторонамъ“. Такъ было вплоть до „Іоана“ (очевидно, Третьяго);

Надежныхъ не было лѣсовъ, луговъ и пашни,
Доколѣ не былъ данъ
Россіи Іоанъ,
Великолѣпныя въ Кремлѣ воздвигшій башни [2]).

Говоря о своемъ времени, Сумароковъ всегда изображаетъ верховную власть источникомъ просвѣщенія и правды въ Россіи. Если онъ смѣло ополчается на борьбу съ пороками, то его мужество поддерживается надеждой на поддержку со стороны государыни:

Когда я истинну народу возвѣщу,
И нѣсколько людей сатирой просвѣщу;

---

[1]) Басня „Пучекъ лучины“.

[2]) „Совѣтъ боярской“. Знаки препинанія разставлены здѣсь, какъ въ подлинникѣ.

Такъ люди честныя, мою зря миру службу,
Противъ бездѣльниковъ ко мнѣ умножать дружбу:
Невѣжество меня ничѣмъ не возмутитъ,
И росская меня паллада защититъ;
Не малая статья ея безсмертной славы,
Чтобъ были чищены ея народа нравы.

Въ другомъ мѣстѣ той же сатиры онъ восклицаетъ:

Пускай плуты попрутъ и правду и законы:
Мнѣ сыщетъ истинна на помощь обороны:
А есть-ли и умру отъ пагубныхъ сѣтей,
Монархиня по мнѣ покровъ моихъ дѣтей.

При такомъ отношеніи къ верховной власти становится понятнымъ желаніе воспѣть ее въ болѣе или менѣе торжественной о д ѣ. Намъ теперь рѣшительно невозможно наслаждаться „піическими“ произведеніями этого разряда. Не говоря уже объ ихъ неуклюжемъ языкѣ, они отталкиваютъ насъ своимъ безмѣрно льстивымъ содержаніемъ. Намъ очень подозрительно „странное піанство“, будто бы овладѣвавшее одописцами. Мы презрительно пожимаемъ плечами, когда читаемъ у Третьяковскаго, что Анна— „верьхъ Императрицъ“. И не менѣе тяжелое впечатлѣніе производитъ на насъ хотя бы вотъ эта риѳмованная лесть, сочиненная по случаю коронованія той же Анны:

Превыспренный весь ликъ и Небо все играетъ,
Изряднѣйшимъ лучемъ насъ солнце просвѣщаетъ:
Несетъ земля свой плодъ;
Намъ воздухъ дышетъ здравый
Цвѣтетъ духъ всюду правый;
Вшелъ благостей къ намъ родъ,
Веселіемъ у насъ всѣхъ блещутъ рѣкъ потоки...
Погибли въ безднѣ премерскія пороки!

И такъ далѣе, и такъ далѣе. Льстиво до тошноты! Чувствуешь глубокую обиду за литературу, когда читаешь подобныя литературныя упражненія.

Несправедливо было бы попрекать грѣхомъ подобныхъ пѣснопѣній одного многострадательнаго Василія Кирилловича. Въ главѣ, посвященной Ломоносову, я уже отмѣтилъ, что тѣмъ же грѣхомъ грѣшилъ и геніальный „архангельскій мужикъ“. Разумѣется, не свободенъ отъ него и Сумароковъ. Трудно льстить больше, чѣмъ льстилъ онъ Елизаветѣ въ одѣ на день ея рожденія:

Ты наше время наслаждаешь,
Тобою Россовъ вѣкъ цвѣтетъ,

Ты новы силы въ насъ рождаешь,
Тобой прекрасняе сталъ свѣтъ.
Презрѣнны сихъ временъ морозы,
Намъ мнится на поляхъ быть розы,
И мнится, что растутъ плоды:
Играютъ рѣки съ берегами,
Забвенъ подъ нашими ногами
Окамененный токъ воды...

Всякій скажетъ теперь: некрасиво! Однако историкъ долженъ помнить, что есть обстоятельства, значительно смягчающія вину этихъ некрасивыхъ литературныхъ дѣяній. Наши одописцы льстили безъ мѣры. Это, къ сожалѣнію, неоспоримо. Но, во-первыхъ, лесть въ одѣ требовалась обычаемъ того времени. Это былъ отвратительный обычай; но тогдашніе читатели и слушатели знали, что преувеличенныя похвалы, содержавшіяся въ одахъ, должны быть принимаемы cum grano salis. А главное, — на что я собственно и хочу обратить вниманіе читателя,—одописцы были поклонниками самодержавной власти „не токмо за страхъ, но и за совѣсть". Отъ нея, и только отъ нея, ждали они почина прогрессивнаго движенія въ Россіи. Какъ же было имъ не превозносить и не воспѣвать ея въ своихъ одахъ?

Наконецъ надо сказать еще и вотъ что. У насъ въ XIX вѣкѣ долго держались обычая хвалить власть не столько за то, что она сдѣлала, сколько за то, что она могла бы и должна была бы сдѣлать, по мнѣнію хвалившаго. А изъ нашихъ одописцевъ XVIII столѣтія кажется одинъ только Третьяковскій не позволялъ себѣ давать власти благіе совѣты подъ предлогомъ восхваленія будто бы свойственной ей безпредѣльной мудрости. Мы уже знаемъ, что нѣкоторыя оды Ломоносова заключали въ себѣ цѣлый рядъ проектовъ по части просвѣщенія Россіи. Изрядное число хорошихъ практическихъ совѣтовъ напихано было и въ полныя лести оды Сумарокова.

По случаю именинъ Екатерины II, въ ноябрѣ 1763 года, онъ „пѣлъ":

Вижу Россовъ пышны грады,
И принятны вертограды,
Какъ Едемъ иль садъ Петровъ:
Новы протекаютъ рѣки,
Кои рыли человѣки:
Ходъ по всей Россіи новъ.
Горы злато изливаютъ.
Златомъ плещетъ окіянъ:

Села степи покрываютъ
И пустыни многихъ странъ.

Это—наставленія, относящіяся къ области народнаго хозяйства. А вотъ наставленія по части внутренней политики.

Въ одѣ цесаревичу Павлу, написанной ко дню его именинъ, 29 іюня 1771 года, Сумароковъ, возвѣщая „свѣту“ добродѣтели высокаго именинника, доводитъ до свѣдѣнія этого послѣдняго, что монархъ, какъ онъ долженъ быть,

Съ закономъ басенъ не мѣшаетъ,
И разумъ правдой украшаетъ,
Пренебрегая сказки женъ:
Не внемля наглу лицемѣрству,
Не повинуясь суевѣрству,
Которымъ слабый духъ возженъ.

На этомъ дѣло не кончается. Въ той же весьма льстивой одѣ говорится:

Когда монархъ насилью внемлетъ,
Онъ врагъ народа, а не царь;
И тигръ и левъ животъ отъемлетъ,
И самая послѣдня тварь:
Змѣя презрѣнья не умалитъ,
Когда ково, ползя, ужалитъ,
Пребудетъ тажъ она змѣя...
. . . . . .
Нестройный царь есть идолъ гнусный
И въ морѣ кормщикъ неискусный:
Ево надгробье: былъ онъ ядъ;
Окончится его держава
Окончится ево и слава:
Исчезнетъ лесть, душа во адъ.
Не сносятъ никогда во гробы
Цари сіянія вѣнца;
Сіянья царскія особы
Есть имя подданныхъ отца.

Не знаю, какое дѣйствіе оказывали подобныя наставленія на тѣхъ весьма высокопоставленныхъ читателей, для которыхъ они предназначались. Полагаю, ровнехонько никакого. Но что они должны были способствовать проясненію общественно-политическихъ понятій обыкновенныхъ смертныхъ (хотя бы и шляхетнаго происхожденія), это очевидно. Сколько-нибудь просвѣщенныхъ читателей того времени напыщенно-льстивый языкъ

одописцевъ, какъ сказано, врядъ ли вводилъ въ заблужденіе: они понимали, что это—пустая формальность. Во второй половинѣ XVIII вѣка сатирическая литература стала ѣдко насмѣхаться надъ льстивымъ языкомъ одописцевъ [1]). Иное дѣло — благіе совѣты, преподносившіеся властителямъ тѣми же одописцами. Въ этихъ совѣтахъ выражались политическіе взгляды передовыхъ русскихъ людей того времени. И надъ ними, навѣрно, никто не смѣялся. Напротивъ, давая ихъ, одописцы выступали, подобно сатирикамъ, просвѣтителями читающей публики.

VII.

Но гораздо болѣе, нежели похвальныя слова, оды и диѳирамбы, просвѣщала читателей наша драматическая литература. Н. Буличъ справедливо сказалъ, что сценическія представленія были такимъ благороднымъ родомъ забавъ, который далеко оставлялъ за собой грубыя забавы Московской Руси. Вполнѣ естественно, что, по выраженію того же Н. Булича, „на театръ смотрѣли, какъ на педагогическое средство, не только при дворѣ... но и между мыслящими современниками“ [2]).

Излишне распространяться о томъ, какимъ образомъ могла воспитывать зрителей комедія. Это понятно само собою: совершенно такъ же, какъ и сатира, т.-е. посредствомъ насмѣшки. Менѣе понятно педагогическое дѣйствіе трагедіи.

Наша трагедія XVIII вѣка имѣетъ плохую славу. Такъ, трагедію Сумарокова, съ которой мы исключительно будемъ имѣть дѣло въ этой главѣ, только что цитированный мною изслѣдователь называетъ „раскрашенной яркими красками, но жалкой литографіей съ болѣе достойнаго оригинала“ [3]). Въ виду этого позволительно спросить себя, откуда же бралось педагогическое дѣйствіе жалкой литографіи? И какимъ образомъ ея зрѣлище могло стать благородной забавой?

Трагедія Сумарокова воспитывала зрителей не своими эстетическими достоинствами: они были совершенно ничтожны. Ея воспитательное значеніе обусловливалось тѣми нравственными и политическими понятіями, которыя выражались въ рѣчахъ ея дѣйствующихъ лицъ. Что касается этихъ понятій, то, конечно, ихъ высказы-

---

[1]) Въ статьѣ объ Е. И. Костровѣ Н. С. Тихонравовъ указалъ, какъ удачно язвила „Смѣсь“ 1769 г. одописцевъ: „Имѣетъ ли простой народъ добродѣтели? Я того не знаю. Затѣмъ, что стихотворцы прославляютъ добродѣтели лирическимъ гласомъ, однако я никогда не читалъ похвальной оды крестьянину, также какъ и клячѣ, на которой онъ пашетъ“. Сочин. Н. С. Тихонравова, томъ III, часть I, стр. 188.

[2]) Сумароковъ, стр. 26.

[3]) Н. Буличъ, назв. соч., стр. 152.

ваютъ нерѣдко такія лица, у которыхъ мы бы никакъ не предположили ихъ, если бы судили съ точки зрѣнія психологической вѣроятности. Но совсѣмъ не правъ Н. Буличъ, утверждая, что „вообще понятія о нравственности въ этихъ трагедіяхъ кажутся извращенными потому, что далеко не похожи на наши“ [1]). На самомъ дѣлѣ, многія изъ этихъ понятій до сихъ поръ очень подходятъ къ нашимъ и ничуть не страдаютъ извращенностью.

Возьмемъ одно изъ самыхъ важныхъ: понятіе о долгѣ вообще и о долгѣ передъ своей родиной въ частности. Мы часто встрѣчаемъ его въ монологахъ героевъ Сумарокова. Посмотримъ, какой оттѣнокъ имѣетъ оно тамъ.

Князь Шуйскій говоритъ своей дочери Ксеніи, которой угрожаетъ смерть отъ руки Дмитрія Самозванца [2]):

За градъ отеческій вкушай, княжна, смерть люту!

Подобно этому, новгородскій посадникъ Гостомыслъ наставляетъ свою дочь Ильмену [3]):

Гдѣ должность говоритъ, или любовь къ народу,
Тамъ нѣтъ любовника, тамъ нѣтъ отца, ни роду.
Кто должности своей храненіе являетъ,
Храня ее въ бѣдахъ, свой духъ успокояетъ.

Гамлетъ высказываетъ то убѣжденіе, что

. . . . Сердце благородно
Быть должно праведно, хоть плѣнно, хоть свободно [4])!

Отъ нѣжной Офеліи мы слышимъ:

Я чести не хочу безчестіемъ искать...

Борьба между личнымъ чувствомъ и должностью составляетъ „пафосъ“ первой по времени трагедіи Сумарокова „Хоревъ“.

Братъ русскаго князя Кія, Хоревъ любитъ Оснельду, дочь свергнутаго Кіемъ прежняго князя, Завлоха. Она живетъ какъ плѣнница въ Кіевѣ и отвѣчаетъ Хореву взаимностью. Но онъ — братъ Кія, кровнаго врага ея отца, и она не считаетъ себя въ правѣ слѣдовать своему чувству. Въ третьемъ явленіи перваго дѣйствія она признается ему въ любви, но отвергаетъ, какъ нравственно непозволительную, всякую мысль о своемъ бракѣ съ нимъ:

Престань себя, мой князь, надеждой этой льстить:
Судьба мнѣ жизнь велитъ въ несчастіи влачить.
Судьба меня съ тобой навѣки раздѣлила,

[1]) Назв. сочин., стр. 146.

[2]) „Димитрій Самозванецъ“, послѣднее явленіе пятаго дѣйствія.

[3]) „Синавъ и Труворъ“, первое явленіе третьяго дѣйствія.

[4]) „Гамлетъ“, второе явленіе перваго дѣйствія.

И тщетно насъ любовь съ тобой соединила.
Оснельда можетъ ли супруга зрѣть того,
Чей съ трона братъ отца низвергнулъ моего,
И трупы братіевъ моихъ влачилъ безстыдно,
Взирая на престолъ Завлоховъ звѣровидно;
Гражданъ безъ жалости казнилъ и разорилъ
И кровью нашею весь городъ обагрилъ,
Оснельду въ пеленахъ невольницей оставилъ.
Перунъ! почто меня отъ смерти ты избавилъ?
А жизнь оставя, далъ ты чувствовать мнѣ честь?
Или — чтобъ было мнѣ труднѣе иго несть?
Мнѣ бъ лучше умереть, чѣмъ въ тяжкой жить неволѣ
И видѣть хищника на отческомъ престолѣ.

Въ сердцѣ Оснельды любовь борется съ чувствомъ долга, какъ борется она съ нимъ въ сердцѣ Шимэны у Корнеля. И ни тутъ, ни тамъ въ психологическомъ процессѣ борьбы нѣтъ ничего извращеннаго. Чувство долга беретъ верхъ надъ любовью какъ у Шимэны, такъ и у Оснельды. Это опять ни мало не свидѣтельствуетъ объ извращенности.

Ровно ничего не свидѣтельствуетъ о ней и переживанія Хорева. Въ немъ совершается борьба тѣхъ же чувствъ: „должность“ побуждаетъ его идти сражаться съ подступившимъ къ Кіеву непріятелемъ. Но этотъ непріятель — отецъ любимой имъ дѣвушки, и вотъ Хоревъ не то, чтобы колеблется, а жестоко страдаетъ. При этомъ нравственныя страданія наводятъ его на размышленія, совсѣмъ не безынтересныя и для нашихъ дней. Кій говоритъ ему:

Возьми оружіе, твой долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ.

На это Хоревъ отвѣчаетъ, что онъ давно уже научился не страшиться враговъ и переносить лишенія походовъ. Однако онъ не можетъ не думать о жертвахъ войны:

Но сколько воиновъ смерть алчна пожрала.
Возбудитъ ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
Что въ мужествѣ своемъ съ мечьми въ рукахъ заснули,
И трупы ихъ въ крови противничьей тонули?
Ахъ, сколько въ снѣдь звѣрямъ отцовъ, супруговъ, чадъ
Повержено мечомъ! и сколько душъ взялъ адъ!

Гдѣ же выходъ? Неужели этотъ воинъ додумается до того, что никогда не надо сопротивляться злу насиліемъ? Нѣтъ, онъ только старается установить различіе между самозащитой и несправедливымъ нападеніемъ на другихъ. И онъ не

считаетъ справедливой войну съ Завлохомъ, который добивается лишь освобожденія изъ плѣна своей дочери. Хоревъ говоритъ:

Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приноситъ,—
Умремъ; но жертвъ она теперь не проситъ.
Когда народъ спасти не можно безъ нея,
Мы въ пропасть снидемъ всѣ; и первый сниду я:
Но нынѣ страху нѣтъ народу и коронѣ;
А мечъ дается намъ лишь только къ оборонѣ.

Онъ не довольствуется этимъ замѣчательнымъ различеніемъ. Мучительное сознаніе того, что справедливое требованіе Завлоха можетъ подать поводъ къ страшному кровопролитію, наводитъ его на мысль о томъ, какъ вообще много ненужной жестокости вносятъ люди въ свои военныя столкновенія:

Довольно безъ того мы кровь взаимно пьемъ
Когда по должности сражаемся съ врагомъ —
И защищеніе съ отмщеніемъ мѣшаемъ:
Подъ видомъ мужества мы звѣрство возвышаемъ.
Какое имя злу лесть низкая дала?
Убійство и грабежъ геройствомъ назвала!
Мы, брани окончавъ, отмстительны въ удачѣ,
Не попечительны, зря бѣдныхъ въ горькомъ плачѣ.

Въ концѣ-концовъ, и у Хорева любовь отступаетъ передъ долгомъ. Когда (въ третьемъ дѣйствіи) Оснельда, только что покушавшаяся на свою жизнь, проситъ его дать ей возможность убѣжать къ отцу, который, надо замѣтить это, противится ея браку съ Хоревомъ и уже наступаетъ на Кіевъ, онъ отказывается. По его мнѣнію, при данномъ положеніи дѣлъ, такой поступокъ съ его стороны явился бы измѣной, которой не могла бы одобрить сама Оснельда:

. . . . . Помысли, разсуди,
Могу ль я тѣмъ тебѣ свободу возвратить?
Что будетъ обо мнѣ тогда весь градъ гласить?
Что скажешь ты сама?
. . . . . .
Оснельда можетъ ли измѣнника любить?

Нѣтъ, надо быть справедливымъ! Слѣдуетъ въ полной мѣрѣ воздать должное нашей литературѣ XVIII вѣка. И пора отвергнуть ходячее у насъ мнѣніе объ ея безсодержательности. Она была содержательна, но, разумѣется, на свой собственный ладъ.

Обыватели старой Московской Руси такъ или иначе несли тягло, — когда имъ не удавалось бѣжать отъ него въ „прекрас-

ную пустыню", — или служили государю, когда нельзя было отсидѣться въ „нѣтѣхъ". Но они крайне рѣдко задумывались о своихъ „должностяхъ" передъ родиной и совсѣмъ никогда не размышляли о томъ, какъ слѣдуетъ вести себя въ случаѣ непріятныхъ столкновеній съ жителями другихъ государствъ. Съ совершенно спокойнымъ сердцемъ жгли, грабили и всячески опустошали они города и села даже единокровной и единовѣрной имъ Литовской Руси. Литература, возникшая послѣ Петровской реформы, тотчасъ же замѣтила крайнюю скудость запаса нравственныхъ понятій, оставшагося отъ добраго, стараго времени, и принялась пополнять его всѣми зависѣвшими отъ нея средствами. Въ эту сторону направили свои усилія всѣ ея отдѣлы, не исключая даже и громогласной оды [1]). По всей вѣроятности, вліяніе сатиры было сильнѣе вліянія всѣхъ остальныхъ родовъ литературы. Но все-таки немало тутъ сдѣлала трагедія вообще и трагедія Сумарокова въ частности [2]). И въ этомъ состоитъ значительная заслуга ея въ великомъ дѣлѣ европеизаціи Россіи.

VIII.

Обыкновенный смертный долженъ забыть свой личный интересъ, когда этого требуетъ благо его страны. Такъ учила трагедія. Что же касается коронованныхъ лицъ, то она требовала отъ нихъ прежде всего уваженія къ закону. Уже извѣстный намъ Хоревъ, братъ русскаго князя Кія, говоритъ:

Тѣ люди, коими законы сотворены,
Закону своему и сами покорены.

Онъ же подробно перечисляетъ необходимыя правителю качества:

Потребно множества монарху проницанья,
Коль хочетъ онъ носить вѣнецъ безъ порицанья:
И есть ли хочетъ онъ во славѣ быти твердъ;
Быть долженъ праведенъ и милосердъ [3]).

Упомянутая выше княжна Ксенія Шуйская проситъ Бога:

Дай намъ увидѣти монарха на престолѣ,
Подвластна истинѣ, не беззаконной волѣ!
Увяла правда вся; тирану весь законъ —

---

[1]) Исключеніе приходится сдѣлать только для того разряда повѣстей, на который я ссылался. Но это совсѣмъ особая литература.

[2]) Едва ли не самыми идейными нашими трагедіями въ первой половинѣ XVIII в. должны быть признаны трагедіи ученика Сумарокова, Я. Б. Княжнина.

[3]) Дѣйствіе пятое, явленіе первое.

Едино только то, чего желаетъ онъ;
А праведныхъ царей, для ихъ безсмертной славы,
На счастье поданныхъ основаны уставы [1]).

Та же молодая дѣвушка, къ удивленію нашему обнаруживающая такой глубокій интересъ къ политикѣ, требуетъ свободы совѣсти и „снисходительнаго“ отношенія властителя къ своимъ подданнымъ:

Блаженъ на свѣтѣ тотъ порфироносный мужъ,
Который не тѣснитъ свободы нашихъ душъ,
Кто пользой общества себя превозвышаетъ,
И снисхожденіемъ санъ царскій украшаетъ,
Даруя подданнымъ благополучны дни;
Страшатся коего злодѣи лишь одни [2]).

Суровый, но справедливый князь Кій, объясняя, почему онъ нисколько не опасается измѣны со стороны своихъ подданныхъ, указываетъ на свое отношеніе къ нимъ. Онъ говоритъ боярину Сталверху:

Что можетъ, разсуди, измѣнникъ учинить?
Народъ безчисленный удобно ль возмутить,
Въ которомъ множество мнѣ сердцемъ покоренно?
Владычество мое любовью утвержденно;
Меня подвластные непринужденно чтятъ,
Отца во мнѣ сердца ихъ преданныя зрятъ [3]).

Дочь Гостомысла Ильмена убѣждаетъ князя Синава:

Ты началъ царствовать съ щедротой въ сей странѣ:
Благополучіемъ явилъ себя народа,
И что произвела на то тебя природа;
Чтобъ ты ко истиннѣ свой разумъ простиралъ,
И плачущихъ рабовъ ты слезы отиралъ [4]).

Знаменательный оборотъ рѣчи! Подданные — дѣти правителя. Но въ то же время они — его рабы. И такъ выражается не одна Ильмена. Въ первомъ явленіи того же дѣйствія Синавъ получаетъ отъ своего брата Трувора такой совѣтъ:

Раби твои, о князь! твои любезны дѣти:
Не зачинай инымъ ты образомъ владѣти.

---

[1]) „Димитрій Самозванецъ“, дѣйствіе второе, явленіе первое.
[2]) То же явленіе того же дѣйствія.
[3]) „Хоревъ“, дѣйствіе второе, явленіе первое.
[4]) „Синавъ и Труворъ“, дѣйствіе второе, явленіе пятое.

Въ „Гамлетѣ“ Полоній проповѣдуетъ принципъ ничѣмъ не прикрытаго деспотизма:

Кому прощать царя? Народъ въ его рукахъ.
Онъ Богъ, не человѣкъ въ подверженныхъ странахъ.
Когда кому даны порфира и корона,
Тому вся правда, власть, и нѣтъ ему закона.

Но Гертруда возражаетъ ему на это совершенно въ духѣ Ильмены—и... самого Сумарокова:

Не симъ есть праведныхъ наполненъ умъ царей:
Царь мудрый есть примѣръ всей области своей,
Онъ правду паче всѣхъ подвластныхъ наблюдаетъ,
И всѣ свои на ней уставы созидаетъ,
То помня завсегда, что кратокъ смертныхъ вѣкъ,
Что онъ въ величествѣ таковъ же человѣкъ.
Раби его ему любезныя суть чады,
Отъ скипетра его льется токъ отрады.

Правду наблюдаетъ и льетъ отраду отъ своего скипетра, а его дѣти,—подданные,—тѣмъ не менѣе остаются его рабами! Это очень характерная особенность тогдашней (передовой!) русской идеологіи. Можно сказать, пожалуй, что, подобно всѣмъ передовымъ писателямъ XVIII вѣка, Сумароковъ былъ сторонникомъ просвѣщеннаго абсолютизма. Но въ томъ-то и дѣло, что въ его трагедіяхъ говорится собственно о той разновидности просвѣщеннаго абсолютизма, которой нельзя дать другого названія, кромѣ просвѣщеннаго деспотизма.

Русская трагедія шла по слѣдамъ французской. Но, какъ увидимъ ниже, во французской трагедіи нѣтъ идеализаціи деспотизма, хотя бы и просвѣщеннаго. Да оно и понятно, если самъ Боссюэ, бывшій убѣжденнымъ сторонникомъ неограниченной монархіи, находилъ нужнымъ сдѣлать ту оговорку, что рабское подчиненіе подданныхъ своему государю противорѣчитъ французскимъ нравамъ.

Порядокъ идей и въ этомъ случаѣ соотвѣтствовалъ порядку вещей. Ломоносовъ говорилъ: „Понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобъ ничего не угоднаго не ввести, а хорошаго не оставить, надобно смотрѣть, кому и въ чемъ послѣдовать“. А еще раньше его Ѳ. Салтыковъ, изучая въ Англіи „уставы“ разныхъ европейскихъ государствъ, выбиралъ изъ нихъ, для нашего домашняго употребленія лишь то, что приличествуетъ токмо самодержавствію, а не такъ, какъ республикамъ или парламенту“. Подобно этому поступала и наша изящная литература XVIII столѣтія. Она тоже старалась „ничего неугоднаго не

ввести". Изъ богатой сокровищницы западно-европейскихъ общественно-политическихъ идей она брала лишь то, что „приличествовало самодержавствію, а не такъ, какъ республикамъ или парламенту". Да и къ понятію „самодержавствія" она придавала, какъ видимъ, свой домашній оттѣнокъ. Порядокъ идей опредѣлился порядкомъ вещей.

Уважать законы, быть „снисходительнымъ" къ своимъ дѣтямъ-рабамъ, защищать обиженныхъ... Чѣмъ отличаются эти требованія отъ того, чего добивались отъ московскихъ государей сторонники „подкрестныхъ" записей? Ничѣмъ. И это надо запомнить.

Петровская реформа не измѣнила объема требованій, предъявлявшихся къ русскимъ государямъ тѣми ихъ подданными, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не мирились съ „россійской дѣйствительностью". Она и не могла измѣнить его, такъ какъ ближайшимъ ея политическимъ слѣдствіемъ было измѣненіе общественныхъ силъ не въ ущербъ, а къ выгодѣ центральной власти. Разница была лишь въ томъ, что „подкрестныхъ записей" добивался отжившій общественный слой,—боярство,—между тѣмъ, какъ совѣты просвѣщенному деспотизму насчетъ уваженія къ законамъ и „снисходительнаго" обращенія съ подданными шли отъ того слоя русскихъ сторонниковъ западнаго просвѣщенія, которому суждено было расти и укрѣпляться, правда, съ медленностью, нерѣдко доводившей до отчаянія благороднѣйшихъ его представителей.

Въ своемъ „Гамлетѣ" Сумароковъ устами Гертруды напоминаетъ монархамъ о краткости „смертныхъ вѣка", т.-е. о загробной отвѣтственности за злые поступки. Но Гертруда только мимоходомъ касается этого предмета. Зато Димитрій Самозванецъ—тоже совсѣмъ неожиданно! — вдается въ большія подробности по этой части. Ему видится страшная картина его собственнаго мученія въ аду:

Уныли вкругъ Москвы прекрасныя мѣста,
И адъ изъ пропастей разверзъ на мя уста;
Во преисподнюю зрю мрачныя степени [1])
И вижу въ тартарѣ мучительскія тѣни;
Уже въ геенѣ я и въ пламени горю...

Этой страшной картинѣ тотъ же безпощадный тиранъ противопоставляетъ очаровательную картину райскаго блаженства добрыхъ царей:

---

[1]) Т.-е. ступени. *Г. П.*

Воззрю на небеса — селенье райско зрю:
Тамъ добрые цари природы всей красою,
И ангелы кропятъ ихъ райскою росою...

Цѣль противопоставленія очевидна: поразить воображеніе властителей, поставить имъ на видъ, что ихъ собственный интересъ,—и еще какой: не временный, а вѣчный!—предписываетъ имъ уважать законы и быть „снисходительными“ или (что одно и то же) „добрыми“. Если мы вспомнимъ, что еще Курбскій пугалъ Ивана загробнымъ правосудіемъ, то убѣдимся, что Петровская реформа не вызвала никакой непосредственной перемѣны на святой Руси и въ смыслѣ той ultima ratio, къ которой могли апеллировать русскіе обыватели, когда ихъ государи показывали себя слишкомъ мало „снисходительными“.

Отмѣчу еще одну черту Сумароковской трагедіи. Подобно французской трагедіи XVIII вѣка, она нападаетъ на католицизмъ. Мѣстами нападки ея становятся очень рѣзкими. На замѣчаніе Димитрія Самозванца о папской святости, которой не хочетъ подчиниться Россія, его наперстникъ Парменъ возражаетъ:

Мнѣ мнится, человѣкъ себѣ подобнымъ братъ,
И лжеучители разсѣяли развратъ,
Дабы лжесвятости ихъ черни возвѣщались,
И ко прибытку имъ ихъ басни освящались...
. . . . . .
Сложила Англія, Голландія то бремя
И полъ-Германіи; наступитъ скоро время,
Что и Европа вся откинетъ прежній страхъ,
И съ трона свержется прегордый сей монахъ,
Который толь себя отъ смертныхъ отличаетъ,
И чернь котораго, какъ Бога почитаетъ.

Самозванецъ находитъ такія рѣчи „дерзостными“. Но ихъ „дерзостность“ весьма значительно умѣряется тѣмъ, что, горячо нападая на западную церковь, герои Сумарокова съ большимъ почтеніемъ относятся къ—восточной. Въ той же трагедіи („Димитрій Самозванецъ“) Георгій, князь Галицкій, молится о томъ, чтобы католицизмъ не восторжествовалъ надъ православіемъ:

О Боже, ужасъ сей отъ Россовъ отведи!

Замѣчательно, что ни въ сатирахъ, ни въ „притчахъ“ Сумарокова мы не встрѣчаемъ нападокъ на русское духовенство, столь частыхъ у Кантемира. Это объясняется тѣмъ, что настроеніе Кантемира было гораздо ближе къ настроенію Петра Перваго, который очень не жаловалъ „большихъ бородъ“. Въ эпоху Су-

марокова власть относилась къ такимъ бородамъ гораздо „снисходительнѣе“. Да и онѣ, съ своей стороны, совершенно отказались даже отъ той пассивной оппозиціи, съ которой относились къ преобразовательной дѣятельности Петра. Исключенія, въ родѣ оппозиціонной вспышки Арсенія Маціевича, въ счетъ не идутъ и только подтверждаютъ общее правило.

Какъ ни узки были по обстоятельствамъ времени предѣлы политической мысли Сумарокова, но и она, высказываясь въ его стихотвореніяхъ и особенно въ его трагедіяхъ, совсѣмъ не извращала понятій тогдашнихъ русскихъ людей, а очищала ихъ, такъ какъ все-таки предъявляла къ правителямъ извѣстныя требованія, шедшія въ разрѣзъ съ правиломъ московскаго деспотизма: мы можемъ, по одному своему усмотрѣнію, казнить и жаловать своихъ холоповъ. Никто не скажетъ, что безполезно было для политическаго развитія современниковъ Сумарокова, напримѣръ, слѣдующее разсужденіе о чести одного изъ его героевъ (князя Мстислава):

О, честь единственный источникъ нашей славы,
На коей истины основаны уставы,
Геройска дѣйствія и общей пользы мать!
Сильна едина ты санъ царскій воздымать.
Коль нѣтъ тебя съ царемъ, онъ Божій гнѣвъ народу,
И скиптръ его есть мечъ, возъятый на свободу...

Глава VI.

Взаимная борьба общественныхъ силъ въ эпоху Екатерины II.

I.

Въ нашей ученой литературѣ существуетъ два мнѣнія по вопросу о томъ, какъ высокъ былъ уровень экономическаго развитія Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка. Одно изъ нихъ нашло наиболѣе яркаго выразителя своего въ лицѣ г. Чечулина; другое высказано было Е. В. Тарле.

По словамъ г. Чечулина, „необходимо признать крайне незначительное экономическое движеніе страны впередъ за время цѣлаго (XVIII. *Г. Д.*) столѣтія. Въ экономической дѣятельности страны не создалось ничего новаго, и она оставалась на очень низкомъ экономическомъ уровнѣ [1]).

Наоборотъ, Е. В. Тарле утверждаетъ, что въ царствованіе Екатерины II Россія вовсе не была отсталой страной сравнительно даже съ наиболѣе передовыми странами европейскаго материка, напримѣръ, съ Франціей. „Легенда“ объ исключительномъ господствѣ натуральнаго хозяйства въ указанную эпоху должна быть отвергнута. Къ концу царствованія Екатерины II наши фабрики и заводы „отнюдь не были тепличными растеніями, и обрабатывающая промышленность достигла такого развитія, что если и не составляла существенной статьи русскаго вывоза, то, во всякомъ случаѣ, дѣлала Россію — по смыслу неоднократныхъ утвержденій самихъ иностранцевъ, — страною экономически-независимой отъ сосѣдей [2]).

Каждое изъ этихъ двухъ противоположныхъ мнѣній есть крайность, и потому требуетъ существенныхъ поправокъ.

---

[1]) Н. Чечулинъ. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе императрицы Екатерины II. СПБ., 1906 г., стр. 374, 376, 378.

[2]) См. его докладъ: „Была ли екатерининская Россія экономически отсталой страной?“, въ октябрѣ 1909 г. прочитанный въ засѣданіи Историч. Общества при Петроградскомъ университетѣ и напечатанный въ майской книжкѣ „Современнаго Міра“ за 1910 годъ.

Конечно, во второй половинѣ XVIII столѣтія Россія давно уже не была страной „исключительно“ натуральнаго хозяйства. Мы знаемъ, что въ нечерноземной полосѣ Великороссіи преобладала тогда оброчная система эксплуатаціи помѣщиками своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Крестьяне уплачивали свой оброкъ, разумѣется, деньгами. Деньгами же уплачивался и оброчный сборъ въ пользу государства съ черносошныхъ, а также (послѣ „секуляризаціи“ церковныхъ имѣній) съ экономическихъ крестьянъ [1]). Все это предполагаетъ наличность отхожихъ промысловъ и довольно значительнаго денежнаго обмѣна. Иностранные наблюдатели русской жизни издавна отмѣчали, что, какъ выразился одинъ изъ нихъ въ началѣ XIX вѣка, русскій крестьянинъ занимается не только земледѣліемъ, но по большей части еще и другими промыслами. По свидѣтельству того же наблюдателя, встрѣчались цѣлыя села, состоявшія изъ однихъ ремесленниковъ, т.-е. собственно изъ кустарей. Къ числу такихъ принадлежали село Медвѣдицкое и Кимры, уже тогда населенныя почти исключительно сапожниками. Въ Московской и Тверской губерніяхъ было много ткачей, въ Нижегородской — цѣлыя села занимались обработкой желѣза; по берегамъ судоходныхъ рѣкъ сильно развито было судостроеніе и т. д. Кустарная промышленность, значительно развитая еще въ Московской Руси, стала еще болѣе быстро развиваться именно во второй половинѣ XVIII столѣтія. Въ то же время значительно подвинулась впередъ—правда, преимущественно въ количественномъ отношеніи—и крупная промышленность. При вступленіи на престолъ Екатерины II считалось 984 фабрики и завода (кромѣ горныхъ заводовъ), а въ концѣ ея царствованія ихъ было 3161.

Г. Чечулинъ не говоритъ, что въ тогдашней Россіи господствовало исключительно натуральное хозяйство. Но его мнѣніе должно быть признано прямо противоположнымъ мнѣнію Е. В. Тарле, поскольку онъ отрицаетъ движеніе впередъ русскаго народнаго хозяйства. Тутъ онъ неправъ. Движеніе впередъ, несомнѣнно, было. Правда — на сторонѣ Е. В. Тарле, признающаго это движеніе. Но когда этотъ талантливый изслѣдователь утверждаетъ, что Екатерининская Россія не была отсталой страною даже въ сравненіи съ Франціей, необходимо признать, что палка слишкомъ перегнута имъ въ противоположную сторону.

---

[1]) Правда, тутъ были исключенія. Подушная подать, взимавшаяся въ размѣрѣ 70 копеекъ съ души въ 1794 году, была возвышена до рубля, при чемъ, однако, прибавочныя 30 копеекъ въ Вятской и Тобольской губерніяхъ наполовину уплачивались хлѣбомъ (В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. СПБ., 1901 г., стр. 676). Но исключенія эти, какъ видимъ, незначительны.

Къ концу царствованія Екатерины II наша обрабатывающая промышленность достигла, по его словамъ, „такого развитія, что, если и не составляла существенной статьи русскаго вывоза, то, во всякомъ случаѣ, дѣлала Россію—по смыслу неоднократныхъ утвержденій самихъ иностранцевъ—страною экономически независимою отъ сосѣдей[1]).

Это ошибка; начать съ того, что отзывы иностранцевъ гораздо менѣе категоричны, нежели это кажется нашему уважаемому историку.

Возьмемъ Бюшинга, на котораго онъ не одинъ разъ ссылается въ своемъ докладѣ. По словамъ Бюшинга, приводимымъ господиномъ Е. В. Тарле, ни одинъ народъ въ мірѣ не имѣетъ большей склонности къ торговлѣ, нежели русскіе. Но, какъ я указалъ на это въ первомъ томѣ моей „Исторіи“, многіе иностранные путешественники совершенно такъ же отзывались и о китайцахъ. Доказываютъ ли такіе отзывы путешественниковъ, что ошибаются люди, говорящіе объ экономической отсталости Китая сравнительно съ европейскимъ Западомъ? Очевидно, нѣтъ. Далѣе, Бюшингъ признаетъ, что русскіе имѣютъ способность не только къ торговлѣ, но и къ обрабатывающей промышленности. Онъ указываетъ при этомъ на успѣхи, достигнутые Россіей со времени Петра I. Они показали, думаетъ онъ, что русскимъ недоставало прежде только руководства (со стороны болѣе передовыхъ иностранцевъ)[2]).

Е. В. Тарле вполнѣ правильно отмѣчаетъ, что Бюшингъ съ похвалой отзывается о нѣкоторыхъ русскихъ фабричныхъ издѣліяхъ и находитъ полотняныя мануфактуры лучшими въ Россіи. Но къ этому слѣдовало прибавить, что, по замѣчанію того же Бюшинга, въ тогдашней Россіи выдѣлывали „только грубыя полотна и еще не научились прясть тонкую льняную и коноплянную пряжу“. Ему извѣстно было только одно исключеніе изъ этого общаго правила: ярославская мануфактура, которая хорошо ткала и бѣлила тонкія полотна[3]). Такъ какъ полотняныя мануфактуры были, по его мнѣнію, все-таки лучшими въ Россіи, то остальныя отрасли русской обрабатывающей промышленности должны были представляться ему еще болѣе отсталыми. Неуди-

---

[1]) „Совр. Міръ“, 1910 г., май, стр. 28. — Курсивъ г. Е. Тарле.

[2]) Въ моемъ пользованіи находится французскій переводъ „Землеописанія“ Бюшинга. Тамъ сказано: „On voit que les russes ont de la capacité pour les arts et les métiers et qu'il ne leur manqait que d'être guidés“ (Géographie universelle, traduite de l'Allemand de Büsching, Strasbourg, 1783, tome second, première partie, contenant l'Empire de Russie, p 47).

[3]) Тамъ же, стр. 48.

вительно, поэтому, что онъ слѣдующимъ образомъ судитъ объ отношеніи Россіи къ западнымъ странамъ:

„Изо всего этого выходитъ, что русскіе еще не могли бы обойтись безъ помощи иностранныхъ мануфактуръ и фабрикъ“ [1]).

Какъ видимъ, онъ, вопреки Е. В. Тарле, очень далекъ отъ взгляда на Россію, какъ на страну, могущую стать экономически независимой отъ сосѣдей.

Е. В. Тарле указываетъ также на Шторха. Но Шторхъ не расходится съ Бюшингомъ. Онъ тоже не думаетъ, что Россія можетъ довольствоваться своими собственными издѣліями. Чтобы перестать зависѣть отъ иностранцевъ, ей нужно, по его мнѣнію, еще около ста лѣтъ [2]).

Приводимыя Бюшингомъ данныя о состояніи русской торговли могли только подкрѣпить его убѣжденіе въ томъ, что Россія еще не въ состояніи была обойтись безъ помощи иностранныхъ фабрикъ и мануфактуръ. Онъ говоритъ, что въ Россіи есть много „полезныхъ товаровъ“ [3]), которые она можетъ „уступать“ (céder) странамъ, начинающимъ предъявлять спросъ на нихъ. Нѣсколько ниже онъ перечисляетъ эти „полезные товары“, при чемъ они оказываются принадлежащими къ числу сырыхъ произведеній народнаго труда [4]).

Бюшингъ утверждаетъ, что дороги, проложенныя между главными нашими городами, очень хороши (sont très bons). Этотъ неожиданный отзывъ сильно смягчался, правда, тѣмъ замѣчаніемъ, что онѣ хороши особенно зимою (surtout en hiver) [5]). Но и въ смягченномъ видѣ онъ не перестаетъ свидѣтельствовать о томъ, что Бюшингъ былъ большимъ оптимистомъ и совсѣмъ несклоненъ былъ неблагопріятно судить о нашемъ тогдашнемъ экономическомъ положеніи. И все-таки его оптимизмъ не помѣшалъ ему принять къ свѣдѣнію, что наша „огромная имперія насчитываетъ едва нѣсколько сотъ городовъ, въ большинствѣ случаевъ деревянныхъ“. Онъ прибавляетъ, что нѣмцы легко приняли бы эти

---

[1]) Тамъ же, стр. 49.

[2]) Historisch Statistisches Gemälde des russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts, dritter Theil, SS. 46—47. Ср. также стр. 259, 260, 280, 287, 299, 305. На стр. 305—306 Шторхъ, по поводу нашей желѣзной промышленности, говоритъ даже о нашей „постыдной зависимости“ отъ промышленности другихъ народовъ.

[3]) Во французскомъ переводѣ: „marchandises utiles“.

[4]) Тамъ же, стр. 49—50. См. нѣсколько подобныхъ же перечней въ Rüschings Magazin, т. IX, стр. 210 — 225. Надо замѣтить, что и открытая Е. В. Тарле записка Калонна свидѣтельствуетъ, что Франція ввозила въ Россію мануфактурныя издѣлія, а вывозила — сырыя.

[5]) Тамъ же, стр. 14.

крайне дурно обстроенные города „за большія деревни“ [1]). Но онъ совсѣмъ не удивляется жалкому виду русскихъ городовъ, такъ какъ ему извѣстно, что „русскіе буржуа — новые люди и выходятъ изъ крестьянъ [2]).

Если со всѣми этими отзывами Бюшинга объ экономическомъ состояніи Россіи, мы сопоставимъ его же описаніе французской промышленности, то должны будемъ признать, что эта послѣдняя представлялась ему въ совсѣмъ другомъ видѣ. Онъ называетъ „безчисленныя“ французскія фабрики и мануфактуры повсемѣстно знаменитыми и утверждаетъ, что французскія стеклянныя издѣлія и зеркала лучше венеціанскихъ [3]). Во французскомъ вывозѣ, въ противоположность русскому, имъ отмѣчается множество мануфактурныхъ товаровъ [4]).

II.

Е. В. Тарле охотно ссылается еще на Палласа. Собственно говоря, отъ этого, весьма, конечно, серьезнаго изслѣдователя мы узнаемъ гораздо больше о флорѣ Россіи, чѣмъ объ уровнѣ ея экономическаго развитія. Но все-таки, когда Палласъ касается промышленнаго развитія тѣхъ русскихъ мѣстностей, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, тогда читатель неизмѣнно выноситъ изъ его описанія тяжелое впечатлѣніе большой отсталости.

Е. В. Тарле придаетъ большое значеніе отзыву Палласа объ Арзамасѣ. Онъ говоритъ, что, при всей своей нечистотѣ и внѣшней неприглядности, Арзамасъ „показался Палласу необыкновенно благоденствующимъ и многолюднымъ, при чемъ онъ своимъ процвѣтаніемъ обязанъ обрабатывающей промышленности, и Палласъ приводитъ даже этотъ городъ въ доказательство того, насколько и для всего государства выгодны фабрики и мануфактуры“ [5]).

Все это такъ. Арзамасъ дѣйствительно произвелъ на Палласа сильное впечатлѣніе. Но почему? Чтобы отвѣтить на этотъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 15.

[2]) „Les bourgeois russes sont nouveaux et sortent des paysans“. Тамъ же, стр. 28.

[3]) Géographie universelle, tome quatrième, p. 47, 52, 54. — Надо замѣтить, что эти производства заимствованы были французами изъ Венеціи.

[4]) Тамъ же, стр. 55—56. Статистическія данныя, собранныя въ 1788 г. Тонозаномъ и приведенныя у Моро де Жоннэса (Statistique de l'Industrie de la France. Paris, 1856, pp. 149, 165, 191, 234 и проч.) не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что французская промышленность въ самомъ дѣлѣ находилась тогда на сравнительно высокой степени развитія, чего нельзя сказать о русской.

[5]) „Современный Міръ“, 1910 г., май, стр. 24.

вопросъ, необходимо принять въ соображеніе, что же именно говорится у этого путешественника объ арзамасской промышленности.

Онъ пишетъ: „Въ Арзамасѣ выдѣлываютъ только обыкновенныя кожи; впрочемъ, тамъ встрѣчается нѣсколько заводовъ, выдѣлывающихъ посредственнаго качества юфть... Тамъ выдѣлываютъ лишь обыкновенное бѣлое мыло“... Красильни „почти исключительно“ заняты приготовленіемъ такъ называемой крашенины, въ большомъ количествѣ покупаемой женщинами изъ простого народа[1]). Кромѣ крашенины, они выдѣлывали еще китайку, расходившуюся въ той же средѣ. Это надо запомнить.

У Шторха мы тоже на каждомъ шагу встрѣчаемъ указанія на то, что русская промышленность доставляла только издѣлія низшаго качества. Издѣлія высшихъ сортовъ привозились, согласно его описанію, изъ-за границы[2]).

Конечно, наши мануфактуры могли бы имѣть широкій сбытъ, работая для удовлетворенія народныхъ потребностей. Но не при тогдашнихъ условіяхъ. Дѣло въ томъ, что кругъ этихъ потребителей былъ съ своей стороны очень ограниченъ тогда какъ бѣдностью крестьянъ, такъ и тѣмъ, что они сами изготовляли большую часть нужныхъ для нихъ предметовъ. Шторхъ категорически утверждаетъ это[3]). Выходитъ, стало быть, что натуральное хозяйство все-таки преобладало у насъ, хотя и не господствовало „исключительно“.

Извѣстно, что для экономиста важно не столько то, что производится, сколько то, какъ производится, т.-е. какими орудіями труда и при какихъ производственныхъ отношеніяхъ. Но въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, имѣетъ большое значеніе и вопросъ о томъ, что именно производили арзамасскія фабрики. Мы видимъ, что онѣ работали почти исключительно для удовлетворенія того спроса, который былъ предъявляемъ на нашемъ внутреннемъ рынкѣ „простымъ народомъ“. Спросъ этотъ былъ значительно ограниченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что русскій крестьянинъ удовлетворялъ наибольшую часть своихъ потребностей продуктами собственнаго хозяйства. Кромѣ того, спросъ этотъ былъ очень неприхотливъ, такъ что легко покрывался издѣліями кустарной промышленности. Но кустарная промышленность — отсталая промышленность. Свойственная ей

---

[1]) См. французскій переводъ путешествія Палласа (парижское изданіе 1783 г.), т. I., стр. 71—72.

[2]) См., напр., его отзывъ о суконныхъ мануфактурахъ на стр. 250 третьяго тома и многія другія.

[3]) Тамъ же, т. II, стр. 117.

техника производства до сихъ поръ остается у насъ первобытной. Конечно, и ей не чужда та имманентная логика, въ силу которой товарное производство превращается въ капиталистическое. Но въ ней превращеніе это совершается крайне медленно. Медленность превращенія, которая является тутъ слѣдствіемъ ея отсталости, въ свою очередь, служитъ причиной, упрочивающей отсталость. Глубокая печать этой отсталости всегда лежитъ даже на болѣе или менѣе крупныхъ предпріятіяхъ, мало-по-малу возникающихъ въ кустарной средѣ. Лежала она и на тѣхъ предпріятіяхъ, которыя пришлось наблюдать Палласу въ Арзамасѣ. Мы уже слышали отъ него, что они приготовляли только издѣлія низшаго или посредственнаго качества. Теперь надо прибавить, что, по словамъ того же путешественника, крайне отсталой была и ихъ техника [1]).

Говоря объ экономическомъ строѣ Россіи въ XVIII в., нельзя ни на одну минуту забывать, что у насъ всецѣло господствовало тогда крѣпостничество. По даннымъ третьей ревизіи (1762—1766 гг.), помѣщичьи крестьяне составляли 52,9% всего крестьянскаго населенія Великороссіи и Сибири. Это отношеніе осталось почти неизмѣннымъ до конца вѣка [2]). Крѣпостнымъ запрещено было пріобрѣтать на свое имя дома и лавки. Заниматъ деньги они могли только съ разрѣшенія помѣщика. То же разрѣшеніе нужно было для вступленія крѣпостного въ купечество и даже для простой отлучки его изъ помѣщичьей вотчины. Разумѣется, экономія была сильнѣе права. Собственный интересъ помѣщиковъ побуждалъ ихъ разрѣшать своимъ крѣпостнымъ всевозможные виды торговой и промышленной дѣятельности. Нѣкоторые крѣпостные наживали даже большія богатства [3]). Но легко представить себѣ, до чего стѣснительны были для успѣховъ торговли и промышленности крѣпостныя цѣпи. Крѣпостное право до крайности затрудняло у насъ возникновеніе класса свободныхъ рабочихъ. Когда мы перейдемъ къ разсмотрѣнію ходатайствъ, съ которыми обратились къ правительству Екатерины II депутаты отъ городовъ въ пресловутой комиссіи для составленія уложенія, мы ясно увидимъ, какимъ образомъ недостатокъ свободныхъ рабочихъ рукъ служилъ однимъ изъ многихъ препятствій для развитія самосознанія въ нашемъ торгово-промышленномъ сословіи. Но уже и теперь умѣстно замѣтить, что, гдѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 72. Хорошо устроены были въ Арзамасѣ одни поташные заводы. Но они принадлежали казнѣ (тамъ же, стр. 89—90).

[2]) По даннымъ четвертой ревизіи, оно равнялось 53,3%, а по даннымъ пятой—53,1%.

[3]) Ср. В. И. Семевскаго, названное сочиненіе, т. I, стр. 332, 333 и 334.

отсутствуетъ классъ свободныхъ рабочихъ, тамъ нѣтъ и капиталистическихъ отношеній производства (въ сколько-нибудь развитомъ ихъ видѣ), а гдѣ нѣтъ такихъ отношеній, тамъ неизбѣжна экономическая отсталость.

Мнѣ возразятъ, пожалуй, что вѣдь и во Франціи только революція устранила разные юридическіе пережитки, затруднявшіе развитіе капитализма.

Это—вѣрно. Но количественныя различія переходятъ, какъ извѣстно, въ качественныя. Французскій обыватель всегда былъ гораздо меньше связанъ, чѣмъ житель Московскаго государства и Россійской имперіи. На это намъ указывали еще Бодэнъ, Ю. Крижаничъ и многіе другіе. А въ XVIII в. французскій „старый порядокъ“, несмотря на всю несомнѣнную стѣснительность свою для третьяго сословія, все-таки чрезвычайно далекъ былъ отъ того „крутого владанія“, отъ того „людерства“, которое въ пореформенной Россіи процвѣтало не менѣе, чѣмъ въ до-петровской и которое, возникнувъ на основѣ нашей экономической отсталости, само сдѣлалось со временемъ однимъ изъ ея главнѣйшихъ источниковъ. Было бы очень странно, если бы при всемъ этомъ екатерининская Россія догнала—я уже не говорю: опередила!—современную ей Францію.

Еще въ Московскомъ государствѣ крестьяне предпочитали зависимость отъ „государя“ зависимости отъ помѣщика. Но изъ того, что „государевымъ“ крестьянамъ разныхъ названій жилось нѣсколько лучше, нежели помѣщичьимъ, еще не слѣдуетъ, что „государевы“ крестьяне — черносошные, „казенные“ и какъ тамъ ихъ называли— оставались сколько-нибудь свободными людьми. „Земскіе исправники суть тѣ же помѣщики,—писалъ въ 1826 г. Сперанскій о положеніи казенныхъ крестьянъ,— съ той только разностью, что они перемѣняются и на нихъ есть нѣкоторые способы къ управѣ“ [1]). Mutatis mutandis, это было вполнѣ справедливо и въ примѣненіи къ XVIII вѣку. „Казенный“ крестьянинъ находился въ крѣпостной зависимости отъ чиновника по той простой причинѣ, что, безправный „страдникъ“, онъ издавна былъ закрѣпощенъ государству. Въ наказѣ, данномъ государственными крестьянами Зубцовскаго уѣзда своему депутату въ комиссію для составленія уложенія, встрѣчаются слѣдующія знаменательныя строки:

„По состоянію насъ государственныхъ крестьянъ находимся не въ призрѣніи не только благороднаго дворянства, но и отъ

---

[1]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. I, Спб., 1888 г., стр. 193, примѣчаніе 2-е.

самыхъ послѣднихъ служителей, ...развѣ не можетъ обидѣть, кто самъ не захочетъ, а кто пожелаетъ, то всегда, чѣмъ захочетъ, тѣмъ и обидѣть можетъ". Особенно обижали ихъ гг. „военнослужащіе", на которыхъ горько жаловался еще Посошковъ.

Государство разсматривало эту беззащитную, по рукамъ и ногамъ связанную трудящуюся массу, какъ полную свою собственность. Оно по своему усмотрѣнію переселяло „казенныхъ" крестьянъ изъ одной мѣстности въ другую; оно раздавало ихъ помѣщикамъ; оно приписывало ихъ къ фабрикамъ и заводамъ. Но чѣмъ безпредѣльнѣе было закрѣпощеніе „казенныхъ" крестьянъ государству, тѣмъ болѣе затруднено было поступательное экономическое движеніе въ этой средѣ.

Въ своей статьѣ „Крѣпостная фабрика", г. Туганъ-Барановскій говоритъ, что соціальный строй Россіи далъ возможность мануфактурамъ, возникавшимъ у насъ въ XVIII вѣкѣ, получить нужныя имъ рабочія руки. Въ этомъ онъ видитъ существенное преимущество нашихъ тогдашнихъ мануфактуръ передъ мануфактурами Запада, которымъ не легко было залучить къ себѣ достаточное число (свободныхъ) рабочихъ [1]). Но вѣдь всякому ясно, какой дорогой цѣною могло быть куплено это „преимущество".

Крѣпостной трудъ всегда менѣе производителенъ, чѣмъ наемный. И это тоже не ускользало отъ вниманія иностранцевъ, знакомыхъ съ хозяйственной дѣятельностью русскаго народа [2]).

Кстати Е. В. Тарле не игнорируетъ даже показаній, идущихъ отъ такихъ иностранныхъ наблюдателей, которые могли только очень поверхностно ознакомиться съ состояніемъ русской промышленности. И онъ правъ. Въ этомъ вопросѣ для насъ не лишены важности даже мимолетныя впечатлѣнія иностранныхъ путешественниковъ Но если это такъ, то жаль, что Е. В. Тарле не обратилъ вниманія на разсужденія Дидро объ условіяхъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго экономическаго развитія Россіи. Разумѣется, Дидро былъ, по преимуществу, философомъ въ томъ смыслѣ, какой это слово имѣло во Франціи XVIII вѣка. Онъ былъ слабъ въ политической экономіи. Но слѣпцомъ онъ отнюдь не былъ и въ этой области. И вотъ, когда онъ въ своихъ совѣтахъ Екатеринѣ настаиваетъ на необходимости развитія производительныхъ силъ Россіи и умноженія въ ней числа

---

[1]) „Великая реформа" (юбилейное изданіе), т. III, стр. 142 и 143.

[2]) См., напримѣръ, замѣчаніе Левэка (Histoire de Russie, Paris, 1792, t. IV, p. 539) о недостаткѣ тщательности въ работѣ у русскаго крѣпостного производителя.

промышленныхъ рабочихъ, то чувствуешь, что наше отечество произвело на этого геніальнаго француза впечатлѣніе страны, крайне отсталой въ экономическомъ отношеніи [1]).

И при этомъ бросается въ глаза, что онъ очень хорошо понималъ, какъ сильно задерживается хозяйственное развитіе Россіи господствомъ въ ней крѣпостническихъ отношеній.

Еще разъ: мнѣніе Е. В. Тарле представляетъ собою крайность, подобно мнѣнію г. Чечулина. Истина—между этими двумя мнѣніями. Но я не думаю, чтобы она находилась на равномъ разстояніи отъ каждаго изъ нихъ. Е. В. Тарле такъ перегнулъ палку, что истина, вѣроятно, болѣе далека отъ его мнѣнія, нежели отъ мнѣнія г. Чечулина.

III.

„Насколько возможно частному лицу постичь мысль государя и обыкновенному человѣку понять планы геніальнаго, я вижу, что Ваше Величество потихоньку (sourdement) стремится къ созданію третьяго сословія".

Такъ говорилъ Дидро, обращаясь къ Екатеринѣ [2]). И онъ ошибался развѣ только въ томъ смыслѣ, что, на самомъ дѣлѣ, мѣры для насажденія у насъ „средняго рода людей" принимались этой славолюбивой государыней не потихоньку, а съ большимъ шумомъ. Впрочемъ, и трудно было бы ей принимать ихъ sourdement. Ими интересовались, ихъ добивались всѣ тѣ, которые почему-либо желали успѣха Екатеринѣ или добра ея подданнымъ. Весьма извѣстная г-жа Жофрэнъ, въ салонѣ которой много разсуждали на модныя тогда политико-экономическія темы, заботливо напоминала сѣверной Семирамидѣ, что ей невозможно будетъ обойтись безъ третьяго сословія. То же, только иными словами, говорилъ русскій посланникъ при французскомъ дворѣ, кн. Д. А. Голицынъ, въ одномъ изъ писемъ къ вице-канцлеру А. М. Голицыну, внимательно читавшихся Екатериной и трактовавшихъ о пользѣ признанія права собственности за крѣпостными крестьянами.

„Право собственности,—пишетъ Д. А. Голицынъ,—необходимо для образованія третьяго сословія, безъ котораго искусства и науки никогда не могутъ процвѣтать".

Въ „Архивѣ кн. Воронцова" напечатано „Краткое изъясненіе о вольности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина",

---

[1]) См. Maurice Tourneux, Diderot et Catherine II. Paris, 1899. pp. 284, 288 и др. Интересно впечатлѣніе, произведенное на Дидро Петербургомъ (pp. 284—285).

[2]) M. Tourneux, назв. соч. р., 183.

тоже относящееся къ XVIII вѣку. Русскій авторъ этого „Изъясненія“ говоритъ, явно намекая на Россію:

„Всякая держава, въ коей не находится третьяго чина, есть не совершенна, сколь бы она ни сильна была; сіе весьма ясно видѣть можно. Рабскій страхъ бываетъ тамъ вмѣсто ободренія; строгость, которую благородные производятъ, будучи ничѣмъ ненасытимы, есть недѣйствительна, потому что нѣтъ иныхъ побудительныхъ причинъ. Что остается требовать отъ народа, лишеннаго надежды и который не можетъ имѣть любочестія? Но о той странѣ, гдѣ находится третій чинъ, сказать сего не можно; нѣтъ тамъ такого мѣста, котораго бы не могъ получить человѣкъ третьяго чина, есть ли онъ только заслужилъ оное. Третій чинъ есть училище великихъ людей, въ немъ воспитываются добрые подданные во всѣхъ родахъ, коихъ государь находитъ при случаѣ со всѣми ихъ способностями“ [1]).

Чтобы сдѣлать свою родину „совершенной“, авторъ находитъ нужнымъ „учредить сей третій чинъ въ Россіи“. Съ этой цѣлью онъ совѣтуетъ „продавать освобожденіе всѣмъ знатнымъ купцамъ и славнымъ художникамъ“. Всѣ „художества“ должны быть раздѣлены по цехамъ, при чемъ каждый цехъ долженъ купить освобожденіе всѣмъ своимъ членамъ. Сверхъ того, должны быть освобождаемы отъ крѣпостной зависимости всѣ получившіе высшее образованіе и снабженные надлежащими аттестатами.

„Когда всякой въ состояніи будетъ упражняться въ томъ, къ чему имѣетъ дарованіе,—говоритъ авторъ,—составятъ всѣ нечувствительно корпусъ третьяго чина съ прочими освобожденными“. А отъ возникновенія этого „корпуса“ казна получитъ прибыль: „третій чинъ, однажды установленный, возвышенный освобожденіемъ и тѣмъ самымъ утвержденный въ своей комерціи или въ своемъ промыслу, придетъ болѣе въ состояніе платить государственныя подати, оставя оныя по прежнему, или перемѣня число оныхъ, какъ заблагоразсудится“ [2]).

Мы уже знаемъ, что доводу отъ интересовъ казны издавна суждено было занимать большое мѣсто въ разсужденіяхъ русскихъ публицистовъ.

Въ этихъ толкахъ о пользѣ, приносимой государству „людьми средняго рода“, сказалось болѣе или менѣе глубокое пониманіе той чрезвычайно важной роли, которую сыграло третье сословіе въ исторіи развитія западно-европейскаго общества. А въ заботахъ объ его насажденіи въ Россіи обнаруживается сознаніе того,

---

[1]) Архивъ князя Воронцова.—Книга двадцать шестая. Москва, 1882 г., стр. 322.
[2]) Тамъ же, стр. 323.

что у насъ это сословіе было развито весьма слабо. Ясно выразилось сознаніе этого послѣдняго обстоятельства и въ отвѣтѣ Екатерины вышеупомянутой г-жѣ Жоффрэнъ: „Еще разъ обѣщаю Вамъ, мадамъ, позаботиться объ этомъ, но какъ же мнѣ трудно будетъ устроить это третье сословіе въ Россіи!“

Къ слову сказать, изслѣдователь не можетъ не считаться съ этимъ мнѣніемъ тогдашнихъ дѣятелей, русскихъ и иностранныхъ, при обсужденіи интересующаго насъ здѣсь вопроса о томъ, была ли екатерининская Россія экономически отсталой страною.

Уже знакомыя намъ данныя о состояніи тогдашней русской промышленности доказываютъ, что дѣятели того времени были правы. Но у насъ есть, кромѣ того, статистическія данныя, еще болѣе подтверждающія основательность ихъ мнѣнія.

Первая ревизія обнаружила, что число обывателей, принадлежавшихъ къ торгово-промышленному сословію (купцовъ, цеховыхъ и мѣщанъ), составляло едва 3% (2,9) общей цифры податного населенія. Въ 1769 г., т.-е. по прошествіи почти цѣлаго полустолѣтія отношеніе этихъ двухъ чиселъ осталось неизмѣненнымъ: торгово-промышленное сословіе попрежнему составляло лишь $^1/_{34}$ часть податного населенія коренной Россіи. Это не значитъ, конечно, что экономика страны не сдѣлала ни одного шага впередъ. Въ теченіе этого почти полустолѣтія расширялось производство на сбытъ, росла кустарная промышленность, увеличивалось число мануфактуръ. Все это происходило очень медленно, однако происходило. И все это, безъ сомнѣнія, вносило извѣстныя перемѣны во взаимныя отношенія русскихъ производителей въ общественномъ процессѣ производства. Со стороны людей, заинтересованныхъ въ сохраненіи того, что было прежде, стали даже высказываться опасенія за будущее [1]). Но перемѣны, совершившіяся тогда въ указанныхъ отношеніяхъ, были еще слишкомъ малы для того, чтобы онѣ могли сколько-нибудь замѣтно повліять на соціально-политическій строй Россіи. Строй этотъ попрежнему опредѣлялся въ своихъ основныхъ чертахъ соотношеніемъ двухъ главныхъ общественныхъ силъ: крестьянства и дворянства. Дворянство не только не утрачивало своего господствующаго положенія въ странѣ, но, наоборотъ, именно во второй половинѣ XVIII столѣтія сложились и окончательно окрѣпли его сословныя преимущества. И это, разумѣется, невыгодно отразилось на положеніи крестьянскаго сословія. Когда дворянство добилось своего увольненія отъ обязательной службы

---

[1]) По поводу задолженности дворянскихъ имѣній, получившей у насъ свое начало во второй половинѣ XVIII вѣка.

государству, крестьяне надѣялись, что государство освободитъ ихъ отъ обязательной службы дворянамъ. Это было бы вполнѣ согласно съ логикой внутреннихъ отношеній въ старомъ Московскомъ государствѣ. Но въ новомъ русскомъ государствѣ, въ государствѣ „петербургскаго періода“, господствовала уже другая логика. Высшее сословіе, подготовившее свое освобожденіе отъ обязательной службы, между прочимъ, съ помощью дворцовыхъ переворотовъ, въ которыхъ такъ дѣятельно участвовала дворянская гвардія, стало смотрѣть на обладаніе населенными имѣніями, какъ на такое право „шляхетства“, которое вовсе не находится въ причинной связи съ его службой государству. И оно сдѣлало все, отъ него зависѣвшее, чтобы упрочить это право за собою и отнять его у другихъ сословій. Правда, въ этомъ отношеніи его усилія увѣнчались почти полнымъ успѣхомъ еще раньше, чѣмъ удалось ему раскрѣпостить самого себя. Если при Петрѣ Первомъ позволено было купечеству пріобрѣтать населенныя земли къ фабрикамъ и заводамъ, то при Елизаветѣ, указомъ 1746 г., предписано было „впредь купечеству... и архіерейскимъ и монастырскимъ слугамъ, и боярскимъ людямъ, и крестьянамъ, и написаннымъ къ купечеству, въ цѣхѣ, тако жь казакамъ и ямщикамъ и прочимъ разночинцамъ, состоящимъ въ подушномъ окладѣ... людей и крестьянъ, съ землями и безъ земель (кромѣ тѣхъ, кому по Уложенію и по указамъ помѣстья и вотчины и крѣпостныхъ людей имѣть велѣно) покупать во всемъ государствѣ запретить и крѣпостей онымъ нигдѣ не писать“.

Ко времени вступленія на престолъ Екатерины II право пріобрѣтенія земель, населенныхъ крѣпостными, принадлежало почти исключительно потомственнымъ дворянамъ. Почти однимъ только имъ принадлежало и право покупки крѣпостныхъ безъ земли [1]).

Такимъ образомъ суживался кругъ тѣхъ лицъ, которыя могли быть субъектами крѣпостного права. Параллельно этому процессу шелъ процессъ расширенія круга тѣхъ лицъ, которыя могли стать объектами этого права.

При первой ревизіи записывались за разными лицами, т.-е. закрѣпощались: 1) вольноотпущенные и бывшіе кабальные люди, живущіе на волѣ, негодные въ военную службу; 2) малолѣтніе, не помнящіе родства ниже десяти лѣтъ (за тѣми, кто принималъ ихъ къ себѣ для воспитанія); 3) въ помѣщичьихъ деревняхъ подкидыши и незаконорожденные; 4) дѣти священнослужителей, не находившихся на дѣйствительной службѣ, а также излишніе

---

[1]) См. В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II, т. I, Спб., стр. 1—4.

причетники и ихъ дѣти (за тѣмъ „вотчинникомъ“, въ имѣніи котораго они жили). Во время второй ревизіи многіе церковники тоже попали, по свидѣтельству Татищева, въ крѣпостную неволю къ помѣщикамъ, за которыми записывались также дѣти отставныхъ солдатъ, взятыхъ на службу изъ помѣщичьихъ деревень и вернувшихся послѣ отставки на родину. Наконецъ, число крѣпостныхъ увеличивалось еще посредствомъ закрѣпощенія плѣнныхъ, покупкою восточныхъ инородцевъ и раздачею въ неволю бунтовщиковъ [1]). Екатерина II уничтожила нѣкоторые источники закрѣпощенія. Такъ, при ней уже нельзя было закрѣпощать подкидышей, ходившихъ по миру сиротъ, дѣтей церковнослужителей и т. п. [2]). Сохраняя свою свободу, всѣ эти бѣдняки становились „людьми средняго рода“. Если этимъ исполнялось обѣщаніе Екатерины позаботиться о созданіи у насъ третьяго сословія, но зато указомъ 1783 г. та же государыня закрѣпостила крестьянъ въ Малороссіи и въ слободской Украйнѣ [3]). Но это еще не все. Въ XVIII в. еще болѣе усилилась и „безъ того уже большая власть помѣщиковъ надъ ихъ рабами“.

Въ 1726 г. у крестьянъ было отнято право самовольно уходить на промыслы. Въ слѣдующемъ году они утратили право опредѣляться безъ согласія помѣщиковъ въ военную службу. Въ 1732 г. правительство разрѣшило помѣщикамъ переселять своихъ крестьянъ изъ уѣзда въ уѣздъ. Въ 1741 г., по восшествіи на престолъ Елизаветы, приказано было не приводить крѣпостныхъ къ присягѣ, чѣмъ окончательно порвалась, по справедливому замѣчанію одного нашего изслѣдователя, всякая непо-

---

[1]) В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I, стр. 616—617.

[2]) В. И. Семевскій, тамъ же, стр. 15.

[3]) У гр. А. Толстого Вольтеръ и „Дидеротъ“ учтиво писали Екатеринѣ, что при ней на диво процвѣтаетъ порядокъ,

Лишь надобно народу,
Которому Вы мать,
Скорѣе дать свободу,
Скорѣй свободу дать.
Она имъ возразила:
„Messieurs, vous me comblez“
И тотчасъ прикрѣпила
Украинцевъ къ землѣ.

Такъ оно и было. Екатерина же раздала своимъ фаворитамъ до 400.000 ревизскихъ душъ. Орловы получили 25.500 д., Г. Потемкинъ—21.540, Завадовскій—8.700, Зоричъ—13.300, Пл. Зубовъ—13.600, Румянцевъ-Задунайскій—около 20.000. гр. Н. И. Панинъ—8.400 (В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I, введеніе, стр. XXVI).

средственная связь центральной власти съ милліонами помѣщичьихъ подданныхъ. Въ 1747 г. помѣщики получили разрѣшеніе продавать своихъ крѣпостныхъ въ рекруты, однако съ обязательствомъ,—казна и тутъ не позабыла своего интереса,—платить за проданныхъ подушныя деньги. Въ 1760 г. Елизавета, въ видахъ колонизаціи Сибири,—опять казенный интересъ!—позволила помѣщикамъ ссылать туда своихъ крестьянъ на поселеніе. Указомъ 1765 г. либеральная корреспондентка Вольтера и „Дидерота“ не только подтвердила это позволеніе, но еще дополнила его, предоставивъ помѣщикамъ право ссылать своихъ людей въ каторжныя работы и брать ихъ, по своему усмотрѣнію, назадъ. Такимъ образомъ, казенный интересъ совсѣмъ отходилъ теперь на задній планъ передъ рабовладѣльческимъ. Одновременно съ дарованіемъ помѣщикамъ этого невѣроятнаго права, запрещено было подавать челобитныя императрицѣ. Если это запрещеніе распространялось также на дворянъ и чиновниковъ, то указъ 1767 г. имѣлъ въ виду однихъ крѣпостныхъ. Согласно этому указу, за подачу „недозволенныхъ на помѣщиковъ своихъ челобитныхъ, а наипаче Е. И. В-ву въ собственныя руки“, крѣпостные подвергались наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Нерчинскъ, въ каторжныя работы, съ зачетомъ помѣщикамъ въ рекруты! Этимъ отнималась у крестьянъ послѣдняя возможность найти законную защиту отъ притѣсненій помѣщиковъ. И надо замѣтить, что правительство очень хорошо понимало огромное значеніе указа 1767 г.: оно распорядилось, чтобы его цѣлый мѣсяцъ читали въ церквахъ по воскресеньямъ и праздникамъ [1]).

Все это рѣзко противорѣчило просвѣтительной философіи XVIII столѣтія, сторонницей которой называла себя Екатерина, но, конечно, очень нравилось помѣщикамъ.

Въ послѣдніе годы своего царствованія Екатерина II, повидимому, старалась увѣрить себя и другихъ въ томъ, что положеніе крѣпостныхъ въ Россіи вовсе не такъ дурно, какъ это говорятъ злонамѣренные люди. Одно изъ ея сердитыхъ замѣчаній на извѣстную книгу Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ гласитъ: „Лучшей судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной“. Но сначала она была иного мнѣнія на этотъ счетъ и не однажды задумывалась, если не объ уничтоженіи, то о нѣкоторомъ ограниченіи крѣпостного права въ Россіи. Это доказывается какъ ея Наказомъ, такъ и тѣмъ, что она же побудила Вольно-Экономическое Общество поставить щекотливый для тогдашняго русскаго дворянства

---

[1]) В. И. Семевскій, тамъ же, стр. 375, 376.

вопросъ: „Что полезнѣе для общества, — чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны?“ Вопросъ этотъ былъ совершенно равносиленъ вопросу о томъ, какъ далеко должны простираться права помѣщика на его „крещеную собственность“. Побуждать къ изслѣдованію такого вопроса значило колебать, хотя бы только въ теоріи, отношенія, установившіяся между крестьянами и ихъ помѣщиками. Екатерина, по ея собственному признанію обобравшая въ своемъ Наказѣ „президента Монтескье“ (да и одного ли Монтескье!), первоначально не прочь была нѣсколько измѣнить эти отношенія въ пользу крестьянъ. Если она скоро отказалась отъ этой мысли, то это произошло вслѣдствіе сопротивленія дворянства. Обязанная престоломъ дворянской гвардіи, крайне практичная и не менѣе эгоистичная Семирамида нашла, что неблагоразумно было бы принимать такія мѣры, которыя возбудили бы великое неудовольствіе сословія, фактически державшаго въ своихъ рукахъ судьбу всей страны. „Уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, — съ ироніей замѣтила она по поводу книги Радищева, — да никто не послушаетъ“. Убѣжденіе въ томъ, что „никто не послушаетъ“, созрѣло въ ней очень скоро и опредѣлило собою все послѣдующее отношеніе ея къ крестьянамъ [1]). По всему видно, что ей очень легко было отказаться отъ намѣренія облегчить участь крѣпостныхъ „душъ“.

IV.

Вопросъ, поставленный Вольно-Экономическимъ Обществомъ по почину Екатерины II, совсѣмъ не былъ очереднымъ вопросомъ въ глазахъ русскаго дворянства и его идеологовъ.

Отъ русскихъ авторовъ получено было только семь отвѣтовъ на него [2]). И только одинъ изъ этихъ семи отвѣтовъ удостоенъ былъ занесенія въ число конкурсныхъ. Къ тому же авторъ этого отвѣта, А. Я. Полѣновъ, учился за границей и, подъ вліяніемъ западныхъ идей, въ значительной степени поки-

---

[1]) Покойный И. И. Дитятинъ справедливо сказалъ, что Екатерина издавала жестокіе указы противъ крестьянъ въ такое время, когда „Наказъ еще только писался“. Крестьянъ, дерзнувшихъ жаловаться на помѣщиковъ, предписано было „допрашивать подъ пристрастіемъ, кто имъ челобитныя писалъ и сочинялъ“. По этому поводу тотъ же И. И. Дитятинъ съ горечью напоминаетъ, что въ Наказѣ Екатерина очень красиво высказалась противъ пытки (Статьи по исторіи русскаго права, Спб., 1896 г., стр. 363).

[2]) Всѣхъ отвѣтовъ было 162: 129 нѣмецкихъ, 21 французскій, 1 голландскій, 1 шведскій и 3 латинскихъ.

нулъ точку зрѣнія русскаго дворянина. Его отвѣтъ написанъ былъ такимъ языкомъ, который не понравился Комитету В.-Э. Общества, назначенному для пересмотра конкурсныхъ сочиненій, да, вѣроятно, и самой государынѣ. Нѣкоторые члены названнаго комитета нашли въ отвѣтѣ Полѣнова „многія надъ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія". Еще бы не такъ! А. Я. Полѣновъ писалъ, напримѣръ, что русскіе крѣпостные, лишенные почти всѣхъ „приличныхъ человѣку качествъ", не могутъ даже измѣрить величину своего несчастія. По его словамъ, не было людей находившихся въ болѣе бѣдственномъ положеніи, чѣмъ наши крестьяне, „которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ, не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни, обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства, отъ чего неотмѣнно должны они опуститься, и придти въ сіе преисполненное бѣдствіе, какъ для ихъ самихъ, такъ и для всего общества, состояніе, въ которомъ мы ихъ теперь дѣйствительно видимъ". Происхожденіе крѣпостного права и вообще рабства объясняется, по мнѣнію А. Я. Полѣнова, только „насильственнымъ дѣйствіемъ войны", такъ какъ люди не могутъ добровольно подвергать себя „столь жестокому жребію". Само по себѣ мнѣніе это еще не заключало въ себѣ чего-нибудь совершенно неслыханнаго въ средѣ европеизованнаго русскаго дворянства. Уже Татищевъ хорошо понималъ, какъ трудно оправдать невольничество съ точки зрѣнія „естественнаго закона". Но худо было то, что неосторожный Полѣновъ непосредственно связывалъ „жестокое право войны" съ описаннымъ у него бѣдственнымъ положеніемъ русскаго крестьянства. А еще хуже, т.-е. еще непріятнѣе для читателей рабовладѣльческаго образа мыслей, было то, что онъ напоминалъ имъ о возможности крестьянскаго бунта. „Не безъ причины славные люди утверждаютъ, — писалъ онъ, — что конечное угнетеніе не только вредно для общества, но и опасно". И онъ указывалъ на возстаніе илотовъ въ Спартѣ, рабовъ въ Римѣ, казаковъ въ Польшѣ. Не удивительно, что его заставили передѣлать свой отвѣтъ и стереть съ него краски, слишкомъ яркія для непривычныхъ глазъ.

Однако не слѣдуетъ думать, будто практическія предложенія Полѣнова имѣли революціонный характеръ. У него не было рѣчи о полномъ уничтоженіи крѣпостной зависимости. Онъ требовалъ только отвода крестьянину достаточнаго земельнаго участка въ наслѣдственное владѣніе, огражденія закономъ его движимой собственности, точнаго опредѣленія повинностей его въ пользу помѣщика и предоставленія ему права жалобы на притѣсненія со стороны этого послѣдняго. Къ тому же окончательное рѣшеніе

по крестьянскимъ жалобамъ должно было приниматься земскимъ дворянскимъ судомъ, въ которомъ—по справедливому замѣчанію В. И. Семевскаго — крестьяне не нашли бы удовлетворенія. Въ довершеніе этого Полѣновъ рекомендовалъ большую осторожность въ дѣлѣ рѣшенія крестьянскаго вопроса. И тутъ онъ самъ говорилъ языкомъ охранителя: слишкомъ быстрыя перемѣны опасны, такъ какъ „многими примѣрами уже подтверждено, сколь далеко въ подобныхъ случаяхъ простирается неистовство подлаго народа". Вообще вся реформа совсѣмъ не имѣла въ проектѣ Полѣнова принудительнаго характера: правительство приглашалось дѣйствовать на помѣщиковъ своимъ собственнымъ примѣромъ, устроивъ на новыхъ началахъ быть дворцовыхъ крестьянъ [1]).

Это, кажется, довольно наивно. И тѣмъ не менѣе отвѣтъ Полѣнова не былъ напечатанъ даже въ своемъ смягченномъ видѣ. Да и самому Полѣнову не давали потомъ хода по службѣ, несмотря на то, что правительство Екатерины II имѣло большую нужду въ образованныхъ людяхъ. Оно и понятно.

Полѣновъ составилъ очень умѣренный планъ реформы. Но теоретическое обоснованіе его очень умѣреннаго плана свидѣтельствовало о такомъ образѣ мыслей, который въ самомъ дѣлѣ былъ „неприличенъ по здѣшнему состоянію". Какъ уже сказано выше, Полѣновъ въ значительной степени покинулъ дворянскую точку зрѣнія. Долго проживъ на Западѣ, онъ сталъ разсуждать, какъ разсуждали тамъ сознательные представители третьяго сословія. Они тоже побаивались „неистовства подлаго народа" и тоже готовы были рекомендовать осторожность въ области общественной и политической реформы. Но идеологи русскаго дворянства все-таки никогда не столковались бы съ ними. Теоретики третьяго сословія отвергли то, что было аксіомой въ глазахъ русскихъ дворянъ: святость крѣпостного права. В. И. Семевскій приводитъ мнѣніе Полѣнова, что не слѣдовало слѣпо подражать Западу. Но и это мнѣніе не могло поднять его во мнѣніи идеологовъ дворянства. Французскіе просвѣтители тоже никогда не проповѣдывали слѣпого подражанія одной страны другой, болѣе передовой. Такъ, они многаго не одобряли въ англійскихъ учрежденіяхъ и правахъ. Но, отвергая слѣпое подражаніе, они выдвигали такіе принципы, во имя которыхъ приходилось осудить не одно только крѣпостное право. Полѣновъ тоже ссылался на подобные принципы. Онъ писалъ, что утверждаться слѣдуетъ

---

1) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Спб. 1888 г., т. I, стр. 51—53 и 81—87.

„единственно на здравомъ разсужденіи и на правилахъ человѣколюбія, не упущая притомъ никогда изъ глазъ общенародную пользу“ [1]). Но, „утвердившись“ на здравомъ разсужденіи и имѣя въ виду общенародную пользу, легко можно было додуматься до такихъ выводовъ, отъ которыхъ затрещалъ бы весь нашъ тогдашній общественный порядокъ. Это чувствовали идеологи дворянства.

Въ интересахъ дворянской идеологіи гораздо лучше было „утвердиться“ на такомъ разсужденіи, исходной точкой котораго была бы увѣренность въ необходимости сохраненія власти помѣщиковъ надъ крестьянами.

Выше, въ главѣ объ изящной литературѣ, я уже указалъ на то, какъ сильна была эта увѣренность у А. П. Сумарокова. Этотъ искренній обличитель неправды, гремѣвшій противъ „доморазорителей“ и ехидно напоминавшій помѣщикамъ о томъ, что не слѣдуетъ „торговать людьми“ и „сдирать кожу съ крестьянъ“, поспѣшилъ написать свой отвѣтъ на вопросъ, поставленный В.-Э. Обществомъ. Онъ говорилъ въ своемъ отвѣтѣ: „Канарейкѣ лучше безъ клѣтки, а собакѣ безъ цѣпи; однако одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина“. Поэтому, остается рѣшить, что́ же нужнѣе для „общаго блаженства“. И, конечно, у Сумарокова выходило, что общее блаженство предполагаетъ наличность клѣтки для птицы, цѣпи для собаки и крѣпостной неволи для крестьянина. Ту же увѣренность высказалъ онъ и въ своихъ замѣчаніяхъ на Наказъ Екатерины II. „Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя, — говорилъ онъ въ одномъ изъ нихъ, — скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ, вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища; ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ“.

Я полагаю, что, „утвердившись на здравомъ разсужденіи“, Полѣновъ безъ труда опровергъ бы доводы Сумарокова. Сама Екатерина легко справлялась съ ними... въ теоріи. Словамъ Сумарокова о томъ, что крестьянская вольность сдѣлала бы опаснымъ пребываніе помѣщиковъ въ своихъ деревняхъ, между тѣмъ

---

[1]) В. И. Семевскій, тамъ же, стр. 84.

какъ теперь они живутъ въ нихъ покойно, она остроумно противопоставила краткое, но убѣдительное замѣчаніе: „и бываютъ (помѣщики. *Г. П.*) зарѣзаны отчасти отъ своихъ“ [1]). Хотя письмо Сумарокова было только пріобщено къ журналамъ В.-Э. Общества и, по выраженію В. И. Семевскаго, осталось безъ послѣдствій, однако его взглядъ на отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ былъ взглядомъ огромнѣйшаго большинства россійскаго „шляхетства.

Въ архивѣ В.-Э. Общества В. И. Семевскій нашелъ еще два неизданныхъ русскихъ отвѣта на поставленный этимъ обществомъ вопросъ. Почтенный изслѣдователь отзывается о нихъ съ большимъ пренебреженіемъ. Одинъ изъ нихъ, приписываемый В. И. Семевскимъ нѣкоему Степанову, распространявшемуся на ту же тему въ Комиссіи Уложенія, заслуживаетъ вниманія развѣ лишь вслѣдствіе той непріязни, съ которой авторъ его говоритъ о крестьянахъ. Но другой, вышедшій изъ-подъ пера конюшеннаго комиссара С. Александрова, при всей своей безграмотности, свидѣтельствуетъ о сравнительномъ вольномысліи своего автора. Какъ догадывается В. И. Семевскій, С. Александровъ желалъ предоставленія крестьянамъ права наслѣдственнаго владѣнія своими земельными участками за опредѣленныя закономъ повинности. У насъ есть всѣ основанія думать, что большинство членовъ В.-Э. Общества считало такую мѣру вреднымъ и опаснымъ новшествомъ.

V.

Сумароковъ понималъ, что нельзя говорить о „блаженствѣ“ собаки, посаженной на цѣпь, или канарейки, заключенной въ клѣтку. Но онъ и его единомышленники, имя которыхъ было легіонъ, питали наивное убѣжденіе въ томъ, что „блаженство“ крестьянина обусловливается именно его закрѣпощеніемъ. Они противорѣчили сами себѣ; но, повидимому, не замѣчали этого. Ихъ сословная точка зрѣнія дѣлала ихъ неспособными логично разсуждать объ этомъ предметѣ. До какой степени это такъ, показываетъ примѣръ А. Т. Болотова, извѣстныя записки котораго содержатъ въ себѣ цѣлую массу драгоцѣннаго матеріала для характеристики русской дворянской психологіи XVIII столѣтія.

Въ 1772 г. Болотову пришлось проѣздомъ остановиться въ однодворческомъ селѣ Лысыхъ-Горахъ. Какъ человѣкъ наблюдательный и хорошій сельскій хозяинъ, онъ не упустилъ случая присмотрѣться къ быту землепашцевъ, свободныхъ, по крайней мѣрѣ, отъ помѣщичьяго ига. Но то, что увидѣлъ онъ въ Лысыхъ-

---

[1]) В. И. Семевскій, тамъ же, стр. 48, 43 и 44.

Горахъ, вызвало съ его стороны только негодованіе и насмѣшки. Во-первыхъ, его непріятно поразило, что село обстраивалось безъ всякаго плана: „Тамъ дворъ, здѣсь другой, индѣ дворовъ пять въ кучкѣ, индѣ десятокъ. Тѣ глядятъ сюда, сіи сюда, иной назадъ, другой напередъ, иной бокомъ". Не приглянулась ему и стройка отдѣльныхъ дворовъ: „Дворы ихъ истинно грѣхъ и назвать дворами. Обнесены кой-какимъ плетнишкомъ и нѣтъ ни одного почти сарайчика, ни одной клѣтки, да и плетни — иной исковерканной, иной на боку, иной избоченяся стоитъ, и такъ далѣе". Словомъ, нашъ рачительный помѣщикъ нашелъ, что однодворцы страдаютъ недостаткомъ хозяйственности. Допустимъ, что, по той или по другой причинѣ, это отчасти такъ и было, хотя самъ же Болотовъ сообщаетъ намъ, что всѣ эти будто бы плохіе хозяева имѣли большіе запасы хлѣба, а также дома, крытые дранью, т.-е. такіе, какихъ, навѣрно, не было въ его крѣпостныхъ деревняхъ. Но спрашивается: какое же средство придумалъ онъ для внесенія порядка въ жизнь богатаго и свободнаго села? Очень простое: лишеніе его свободы и розги!

„Взирая на сіе и крайне негодуя, самъ себѣ я говорилъ: „О, талалаи, талалаи [1]) негодные! Некому васъ перепереть, чтобъ вы были умнѣе, и строились бы и жили бы порядочнѣе. Хлѣба стоитъ у васъ скирдовъ цѣлыя тысячи [2]), и живете вы такъ худо, такъ бѣдно, такъ безпорядочно! Вотъ слѣдствія, плоды безначалія, мнимаго блаженства и драгоцѣнной свободы. Одни только кабаки и карманы откупщиковъ наполняются вашими избытками, вашими деньгами, а отечеству одинъ только стыдъ вы собою причиняете" [3]).

Когда Болотову случалось бросить взглядъ на свое собственное положеніе, онъ считалъ себя обязаннымъ поблагодарить небо за то, что оно наградило его крѣпостными работниками. „Безъ мала 600 человѣкъ обоего пола равныхъ мнѣ тварей состояло въ моихъ повелѣніяхъ, — благочестиво размышлялъ онъ, — всѣ они на меня работали, и трудами своими и потомъ меня кормить, поить, одѣвать, обогрѣвать, успокоивать и тысячу увеселеній мнѣ приносить старались, невеликая ли то была для меня выгода и не долженъ ли я былъ благодарить за то Бога" [4]).

Выгода, точно, была великая, и за нее ему, въ самомъ дѣлѣ, можно было возблагодарить Создателя. Но надо прибавить,

---

[1]) Талалаи—очевидно, мѣстное слово, имѣющее пренебрежительное значеніе.

[2]) Значитъ, не такъ уже плохо было ихъ хозяйство! *Г. П.*

[3]) „Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя имъ самимъ для своихъ потомковъ". Спб. 1872 г., т. III, стр. 79—80.

[4]) Тамъ же, стр. 103.

что нашъ благочестивый авторъ очень часто распространяется въ своихъ запискахъ о глупости, грубости и злонамѣренности „подлаго народа“, т.-е. тѣхъ самыхъ ему „равныхъ тварей“, которыя кормили, поили, одѣвали его и проч., и проч., и проч.

Болотовъ былъ человѣкъ образованный. Онъ зналъ иностранные языки, интересовался философіей и даже самъ писалъ сочиненія, которыя, правда, больше по недоразумѣнію назывались философскими. Положимъ, въ философіи онъ придерживался ученія „г. Крузія“; Хр. Вольфъ казался ему, какъ и его учителю, г. Крузію, слишкомъ смѣлымъ, а французскіе энциклопедисты представлялись „извергами и развратителями человѣческаго рода“. Онъ „содрогнулся“, узнавъ, что одинъ изъ его знакомыхъ читалъ книгу „извѣстнаго безбожника Гелфеція“. Но этимъ доказывается только то, что послѣдовательному идеологу русскаго дворянства въ самомъ дѣлѣ невозможно было столковаться съ идеологами третьяго сословія (конечно, передовыхъ странъ Европы). А нашего обличителя свободныхъ „талалаевъ“ все-таки слѣдуетъ признать однимъ изъ плодовъ Петровской реформы, духовнаго сближенія Россіи съ Западомъ. Болотовъ былъ несравненно просвѣщеннѣе многихъ и многихъ русскихъ дворянъ своего времени. И если этотъ, на свой ладъ просвѣщенный, человѣкъ видѣлъ въ крѣпостной неволѣ вѣрнѣйшее средство внесенія порядка въ жизнь трудящейся массы, то можно вообразить, каковы были взгляды непросвѣщенной части „шляхетства“, тѣхъ многочисленныхъ представителей благороднаго сословія, которые ровно ничего не читали и ровно ничѣмъ не интересовались, кромѣ собственнаго благополучія.

Догматъ о неприкосновенности крѣпостного права провозглашался нашимъ дворянствомъ XVIII вѣка при каждомъ удобномъ случаѣ. Депутаты, посланные дворянами въ комиссію Уложенія, не допускали и мысли объ отмѣнѣ этого права. Больше того: они не хотѣли ничего слышать даже о какомъ-нибудь ограниченіи власти помѣщика надъ крестьянами. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ засѣданіи 29 апрѣля 1768 года депутатъ отъ г. Углича И. Сухопрудскій позволилъ себѣ сказать, что крестьянскіе побѣги происходятъ иногда вслѣдствіе притѣсненія помѣщиками своихъ крѣпостныхъ и что поэтому „почитаетъ онъ за нужное сдѣлать въ разсужденіи сего подробное ограниченіе“ (помѣщичьяго произвола. *Г. П.*). Въ отвѣтъ на это дворянскій депутатъ отъ обоянскаго дворянства М. Глазовъ сталъ доказывать, что собственный интересъ помѣщиковъ достаточно побуждаетъ ихъ заботиться о благо-

состояніи своихъ крестьянъ. Что же касается ограниченія правъ помѣщиковъ надъ крестьянами, то онъ „сообщилъ“ (по выраженію дневной записки), „что премудрый монархъ Петръ Великій узаконилъ помѣщикамъ за своихъ подданныхъ во всемъ отвѣтствовать, да и ея И. В., нынѣ благополучно царствующая Государыня Екатерина премудрая, сіе же учредить желаетъ“. Это значило, что полнота отвѣтственности помѣщика за своихъ крестьянъ исключаетъ всякую возможность ограниченія его власти надъ ними [1]).

Мнѣніе Сухопрудскаго выражено было довольно неопредѣленно. Опредѣленнѣе его высказался въ пользу крестьянъ депутатъ отъ иноземцевъ и однодворцевъ казанской провинціи В. Кипенскій. Въ засѣданіи 2-го мая онъ подалъ записку, въ которой предложилъ опредѣлить закономъ крестьянскія повинности, расположивъ ихъ „на три части: первые для платежей государственныхъ податей, вторые для помѣщиковыхъ работъ, третіе для своего пропитанія и экипажа“. Противъ его предложенія ополчился тотъ же обоянскій депутатъ Глазовъ, рѣшительно заявившій въ слѣдующемъ засѣданіи, что такое распредѣленіе работъ противно чести и спокойствію дворянства [2]).

„Спокойствіе“ дворянскихъ депутатовъ было еще сильнѣе нарушено выступленіемъ одного изъ представителей ихъ собственнаго сословія, депутата отъ дворянъ Козловскаго уѣзда Григорія Коробьина. Въ засѣданіи 5-го мая онъ повторилъ сказанное Сухопрудскимъ о томъ, что крестьянскіе побѣги вызываются помѣщичьими притѣсненіями (онъ сказалъ: „правленіемъ“), и предложилъ оградить закономъ имущественныя права крестьянъ. Это его выступленіе вызвало большой переполохъ. Возражая ему кн. М. М. Щербатовъ, едва ли не самый умный и образованный изо всѣхъ тогдашнихъ идеологовъ дворянства, — давалъ почтенному собранію понять что „человѣколюбіе и краснорѣчіе“ Коробьина могутъ произвести „вредъ“. Другой дворянскій депутатъ иронически отзывался о похвальномъ намѣреніи Коробьина „осчастливить государство“, прибавляя, что намѣренію этому суждено остаться „единою мечтою“. Третій утверждалъ, что Коробьинъ стремится „къ снисканію только похвалъ отъ людей легкомысленныхъ“. А знакомый уже намъ обоянскій дворянскій депу-

---

[1]) Сборникъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Общества, т. 32, стр. 49. Ср. въ 19-мъ приложеніи къ этому тому (стр. 390—391) мнѣніе Глазова, поданное въ видѣ записки.

[2]) Курсивъ мой. См. тамъ же, стр. 400 и 402. Въ предисловіи къ этому тому В. Сергѣевичъ говоритъ: „Заслуга перваго слова въ ихъ (крѣпостныхъ крестьянъ. *Г. П.*) пользу принадлежитъ консисторскому чиновнику и однодворцу“ (стр. X).

татъ Глазовъ открылъ, что Коробьинъ, представлявшій козловскихъ дворянъ, „отъ собратій того города дворянства и выбранъ не бывалъ“, а получилъ свое депутатство по довѣренности отъ настоящаго козловскаго депутата [1]). Хотя открытіе это и не лишило Коробьина его права представительства, однако оно важно для насъ въ двухъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, слѣдствіе, произведенное М. Глазовымъ о происхожденіи „депутатства“ Коробьина показываетъ, какъ сильно было у дворянскихъ депутатовъ желаніе дойти крестьянскаго защитника если не мытьемъ, то катаньемъ.

Во-вторыхъ, открытіе Глазова естественно вызываетъ вопросъ: былъ ли бы Коробьинъ выбранъ козловскими дворянами, если бы они знали его образъ мыслей? Глазовъ утверждалъ, что нѣтъ, и ссылался на то, что козловскіе дворяне просили своего „бывшаго“ депутата, т.-е. депутата, передавшаго свое полномочіе Коробьину, хлопотать въ комиссіи, „дабы у помѣщиковъ прежняя привилегія неотъемлема была“. Вѣроятно, дѣлая эту ссылку, Глазовъ имѣлъ въ виду наказъ козловскаго дворянства, въ самомъ дѣлѣ не оставляющій никакого сомнѣнія насчетъ крѣпостническихъ стремленій его составителей.

Въ наказѣ нѣтъ ни одного слова объ ограниченіи власти помѣщиковъ надъ крестьянами, но зато въ немъ говорится о томъ, чтобы затруднить „подлымъ людямъ“ подачу „доношеній на знатныхъ и заслуженныхъ дворянъ“ [2]). Этого достаточно, чтобы заставить насъ согласиться съ Глазовымъ: Коробьинъ дѣйствительно не выражалъ взглядовъ тѣхъ, кого онъ представлялъ въ комиссіи. Онъ былъ своего рода отщепенцемъ въ дворянской средѣ. Недаромъ, защищая интересы крестьянъ въ другомъ засѣданіи той же комиссіи, онъ сказалъ, что „имя свободы причиняетъ пользу“. Козловское шляхетство думало совсѣмъ иначе [3]).

VI.

Но чего же хотѣлъ онъ? Къ чему сводились его собственныя требованія? Въ сущности къ очень немногому. Подобно В. Кипенскому, Коробьинъ хотѣлъ лишь законнаго огражденія крестьянскихъ правъ. Да и тутъ онъ не рѣшился идти до конца.

---

[1]) Тамъ же, стр. 420.

[2]) Тамъ же, т. 68, стр. 420.

[3]) Подъ наказомъ козловскаго дворянства, „вмѣсто дворянина Алексѣя, Григорьева сына, Фролова, за неумѣніемъ грамотѣ, подпоручикъ Изосимъ, Ивановъ сынъ, Ремизовъ, по его прошенію подписался“ (стр. 421). Тамъ же есть еще два подобныхъ случая. На что была свобода безграмотнымъ эксплуататорамъ чужихъ „душъ“?

„Надлежитъ предписать законами,—говорилъ онъ,—коликую власть имѣютъ помѣщики надъ имѣніями своего крестьянина. Данная нами торжественная присяга, собственная польза дворянъ, благоденствіе крестьянъ и умноженіе хлѣбопашества сего отъ насъ требуютъ“ [1]).

Итакъ, нужды земледѣлія, собственный интересъ помѣщиковъ и данная депутатами присяга требовали законнаго огражденія имущественныхъ правъ крѣпостныхъ крестьянъ. Согласно проекту Коробьина, крестьянинъ долженъ былъ платить помѣщику „мѣрную“ (умѣренную. *Г. П.*) дань, которая взималась бы деньгами, „произрастеніями“ или же „обоими вкупѣ“. При этомъ помѣщики должны были бы брать съ крестьянъ такіе поборы, которые „менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и хозяйства“. А что же говорилъ проектъ Коробьина объ огражденіи личности крестьянина? Ничего! Власть помѣщика надъ крестьяниномъ „остается полная, какъ и нынѣ. Крестьянинъ ему (помѣщику. *Г. П.*) пребываетъ крѣпостнымъ“ [2]). Это была вопіющая непослѣдовательность, которую поспѣшили, разумѣется, отмѣтить защитники дворянства. М. М. Щербатовъ выразилъ ироническое удивленіе тому, что, насколько Коробьинъ заботился объ имуществѣ крестьянъ, настолько же мало прилагалъ „старанія объ избавленіи ихъ отъ утѣсненія, которое можетъ произойти отъ наказаній“. По замѣчанію Щербатова, имѣніе крестьянина осталось бы на дѣлѣ подвластнымъ тому, кому подвластно его тѣло. Это было какъ нельзя болѣе справедливо. Но тѣмъ болѣе характерно, что даже непослѣдовательный проектъ Коробьина вызывалъ такое сильное волненіе въ средѣ дворянскихъ депутатовъ: онъ коснулся того, чего, по ихъ убѣжденію, никто не долженъ былъ касаться, чтобы не нарушить „общаго блаженства“.

Можетъ быть, еще болѣе замѣчательно то, что указанная непослѣдовательность не была личнымъ промахомъ Коробьина. Ею погрѣшилъ и другой дворянскій защитникъ крестьянскихъ интересовъ—депутатъ отъ шляхетства екатерининской провинціи Яковъ Козельскій.

Его мнѣніе, какъ и мнѣніе Коробьина, состояло въ томъ, что законъ долженъ точно опредѣлить размѣры крестьянскихъ повинностей какъ по отношенію къ помѣщику, такъ и по отношенію къ государству. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ требованія Козельскаго были опредѣленнѣе, нежели требованія козловскаго депу-

---

[1]) Сборникъ Историч. Общества, т. 32, стр. 408.

[2]) Тамъ же, т. 32, стр. 410. — Въ своемъ докладѣ Коробьинъ часто говорилъ: „Крестьяне, т.-е. рабы, или: „рабы, т.-е. крестьяне“.

тата[1]). Но и Козельскій находилъ, что крестьяне должны быть попрежнему „крѣпки“ своимъ помѣщикамъ и оставаться подъ ихъ „наблюденіемъ“. Такимъ образомъ, личная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ была тѣмъ порогомъ, о которой споткнулась мысль даже самыхъ передовыхъ и наиболѣе расположенныхъ къ трудящейся массѣ дворянскихъ депутатовъ. Весьма показательное явленіе.

Свою рѣшительную оппозицію всякимъ попыткамъ ограниченія помѣщичьей власти надъ крестьянами нѣкоторые дворянскіе депутаты оправдывали, между прочимъ, тѣмъ доводомъ, что „вольность“, сколько-нибудь „прилична нижнему роду“ только въ государствахъ съ „ограниченнымъ правленіемъ“. Это сказалъ возражавшій Коробьину депутатъ Протасовъ. Другіе выдвигали доводъ отъ крестьянской темноты. Такъ, во время обсужденія проекта правъ благородныхъ кн. Щербатовъ краснорѣчиво говорилъ на ту тему, что россійскій народъ еще нуждается въ просвѣщеніи, которое можетъ быть получено имъ только отъ помѣщиковъ. Немаловажную роль игралъ и аргументъ отъ особенностей нашего національнаго „умоначертанія“. Депутаты, проводившіе этотъ аргументъ, видѣли особенность россійскаго „умоначертанія“ въ томъ, что въ нашемъ отечествѣ вообще непримѣнимы свободныя учрежденія. Поистинѣ „блаженной“ страной представлялась Россія этимъ господамъ!

VII.

Помѣщики не только защищали свои собственныя права надъ имуществомъ и личностью крестьянина. Ихъ „умоначертаніе“ вообще несогласимо было съ понятіемъ о свободѣ, хотя бы и очень ограниченной, крестьянина, хотя бы и не помѣщичьяго. Съ этой стороны поучительна судьба одной части выработаннаго Унгернъ-Стернбергомъ проекта „о государственныхъ родахъ“.

Часть эта, касавшаяся „разныхъ родовъ крестьянства“, снабжена была примѣчаніями депутата отъ доргобужскаго дворянства Рыдванскаго, который выступаетъ въ нихъ передъ нами послѣдовательнымъ и яркимъ идеологомъ всероссійскаго крѣпостничества.

По проекту Унгернъ-Стернберга, вольные[2]) крестьяне вполнѣ сохраняли свои права, — „они совершенно вольные люди“, — и

---

[1]) См. Сборникъ Историч. Общества, т. 32, стр. 495.

[2]) Вольными еще были тогда крестьяне въ Малороссіи, въ Финляндіи и нѣкоторыхъ принадлежавшихъ Россіи островахъ Балтійскаго моря.

могли свободно переходить изъ одного мѣста въ другое, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ своей провинціи.

Это мѣсто проекта противорѣчило „умоначертанію“ Рыдванскаго. Въ своемъ примѣчаніи на него онъ писалъ: „Въ томъ только ихъ вольность (состоитъ. *Г. П.*), что они переходятъ съ мѣста на мѣсто. Для меня мнится сія вольность ни мало не полезна, а разрушаетъ благоденствіе народа, ибо для приведенія земледѣльчества въ цвѣтущее состояніе стараться должно непосредственно прилѣпить ихъ къ землѣ [1]).

Далѣе проектъ Унгернъ-Стернберга признавалъ за государственными крестьянами право продавать и закладывать свои земли „яко сущее свое имѣніе“.

Эта свобода сдѣлокъ ограничивалась тѣмъ постановленіемъ, что земли государственныхъ крестьянъ могли быть продаваемы и закладываемы только крестьянамъ того же „рода“. Но Рыдванскій не удовольствовался и этимъ ограниченіемъ. Онъ доказывалъ, что государственные крестьяне пользовались казенными землями, „и собственныхъ земель сіи крестьяне никогда не имѣли и и въ наслѣдство не оставляли: продавать и закладывать ни въ какое время дозволено не было, но еще и указами разныхъ временъ запрещено. Слѣдовательно, земли ихъ не потомственныя и не крѣпостныя [2]), а данныя имъ для пропитанія и умноженія земледѣльства“ [3]).

Читатель, раздѣляющій народническіе взгляды и убѣжденный въ преимуществахъ общиннаго землевладѣнія, скажетъ, пожалуй, что въ данномъ случаѣ Рыдванскій отстаивалъ хорошее дѣло, такъ какъ старался помѣшать возникновенію въ средѣ государственныхъ крестьянъ частной собственности. Не вступая съ такимъ читателемъ въ споръ, я приглашу его отдать должное той похвальной логичности, которой отличалась аргументація Рыдванскаго.

Въ проектѣ Унгернъ-Стернберга, государственные крестьяне

---

[1]) Сборникъ Историч. Общества, т. 36, стр. 254.

[2]) Т.-е., очевидно, не пріобрѣтенныя съ составленіемъ купчей крѣпости. *Г. П.*

[3]) Тамъ же, стр. 249. Надо признать, что еще въ Московскомъ государствѣ прочно установился тотъ взглядъ на земли государственныхъ крестьянъ, который былъ высказанъ Рыдванскимъ. Но фактически въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи крестьяне эти до половины XVIII в. располагали своими землями, какъ своею собственностью. Межевая инструкція 1754 г. отнимала у крестьянъ это право. (Ср. предисловіе къ 123 тому Сборника Историческаго Общества, стр. III, IV, XIV и XV). Въ духѣ этой инструкціи, стремившейся довершить экспропріацію крестьянъ государствомъ, высказался и Рыдванскій. Въ сравненіи съ нимъ Унгеръ-Стернбергъ представляется либеральнымъ человѣкомъ.

могли совершать денежные займы. Но дорогобужскій депутатъ возсталъ и противъ этого.

„Крестьянамъ между собой въ долгъ деньги забирать по законамъ далѣе пяти рублей не позволено, — писалъ онъ, — и то съ позволенія своихъ начальниковъ, симъ прекращается вольность отъ мотовства“ [1]).

Унгернъ-Стернбергъ хотѣлъ предоставить государственнымъ крестьянамъ право пользованія своими лѣсами, „яко настоящею собственностью“, съ тѣмъ, чтобы лѣсъ, годный для адмиралтейства, былъ охраняемъ въ интересахъ государства. Понятно, что логичный Рыдванскій и на этотъ предметъ взглянулъ со своей собственной точки зрѣнія. Онъ возразилъ, что государственные крестьяне пользуются „государственнымъ“ лѣсомъ, и потому соглашается признать за ними только извѣстное право пользованія имъ, а отнюдь не право собственности на него [2]).

Взгляды Рыдванскаго получили крайнее свое выраженіе въ разногласіи между ними и Унгернъ-Стернбергомъ по вопросу о половникахъ. Унгернъ-Стернбергъ предоставлялъ государственнымъ крестьянамъ право держать у себя половниковъ и отдавать имъ свои земли. Рыдванскій утверждалъ, что такое право пошло бы въ разрѣзъ со всѣмъ строемъ нашей жизни. Онъ писалъ:

„Половниковъ подъ самодержавною властью не только государственные крестьяне, ниже дворяне держать не могутъ. А долженъ каждый мыслящій о пользѣ своего отечества стараться такой щетающій (sic) народъ по всѣмъ мѣстамъ принудить ихъ имѣть навсегдашнее пристанище и заставить ихъ быть хозяевами и имѣть свои домы и потомковъ ихъ держать на одномъ мѣстѣ, гдѣ лучше производить хлѣбопашество“.

Членамъ комиссіи (въ данномъ случаѣ подкомиссіи, или „частной комиссіи“) нетрудно было согласиться съ Рыдванскимъ: въ ихъ средѣ преобладали тѣ же крѣпостническія понятія. Вотъ почему въ окончательномъ проектѣ частной комиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей, мы читаемъ:

„Государственные поселяне суть тѣ, которые принадлежатъ (sic) только государству и имѣютъ земли, данныя имъ отъ правительства въ вѣчное и потомственное владѣніе для собственнаго ихъ прокормленія“ [3]).

Мы знаемъ, что послѣ Смуты служилые люди Московскаго государства прежде всего позаботились о томъ, чтобы прикрѣ-

[1]) Тамъ же, стр. 250.

[2]) Тамъ же, стр. 250—251.

[3]) Тамъ же, стр. 278, ср. 367.

пить крестьянъ къ землѣ и утвердить свою власть надъ ними. Въ екатерининской комиссіи замѣчается то же стремленіе служилаго сословія, успѣвшаго стать „благороднымъ“. Оно всѣми способами защищаетъ свою власть надъ крестьянами; оно старается окончательно прикрѣпить къ землѣ даже ту часть крестьянской массы, которая еще не попала подъ его руку, и объявляетъ эту часть государственнымъ имуществомъ („принадлежатъ только государству“), отнимая у нея не только право перехода и право собственности на ея земли и лѣса, но и право свободнаго распоряженія ея движимостью.

Въ окончательномъ счетѣ депутаты, посланные дворянствомъ въ Комиссію Уложенія, соглашались только на двѣ мѣры въ пользу крѣпостныхъ: на запрещеніе продажи ихъ въ одиночку и на отдачу въ опеку имѣнія владѣльцевъ, слишкомъ притѣснявшихъ своихъ крестьянъ. Въ дѣйствительности ничего не вышло даже и изъ этой крошечной готовности ихъ къ уступкамъ: розничная продажа крѣпостныхъ, равно какъ свирѣпыя притѣсненія ихъ „дикими помѣщиками“, продолжались вплоть до уничтоженія крѣпостного права въ XIX вѣкѣ.

Мы видѣли, что благородное сословіе энергично проводило въ Комиссіи Уложенія мысль о полномъ закрѣпленіи „казенныхъ“ крестьянъ государству. Однако его еще болѣе привлекала идея перехода всего крестьянскаго населенія имперіи подъ власть помѣщиковъ. И когда „секуляризація“ духовныхъ вотчинъ „освободила“ около милліона крестьянъ м. п. [1]), въ его средѣ, естественно, ожила старая мечта служилаго сословія о присвоеніи себѣ этихъ рабочихъ рукъ. Идеологи дворянства принялись доказывать, что „секуляризація“ сильно повредила благосостоянію бывшихъ монастырскихъ крестьянъ. Для его поправленія они, разумѣется, не нашли другого средства, кромѣ отдачи бывшихъ монастырскихъ вотчинъ въ аренду или продажи ихъ въ собственность дворянамъ.

Сдѣлать это совѣтовали еще составители нѣкоторыхъ дворянскихъ наказовъ. Дворяне Крапивенскаго уѣзда предлагали продавать крестьянъ секуляризованныхъ имѣній по 30 рублей за душу м. п., отчего должно было послѣдовать, какъ увѣряли они, казнѣ приращеніе, а „цѣлому обществу польза“. Просвѣщенный и краснорѣчивый кн. Щербатовъ дороже цѣнилъ крестьянскія души. Въ 1787 г. онъ писалъ, что надо распродать всѣ государственныя и экономическія [2]) деревни, „считая кругомъ

[1]) Въ началѣ 1760-хъ годовъ ихъ считалось 991.761 душа м. п.

[2]) „Экономическими“ стали называть крестьянъ бывшихъ духовныхъ вотчинъ, потому что ими завѣдывала „Коллегія Экономіи“.

по 80 руб. за душу". Для облегченія дворянамъ этой сдѣлки, онъ великодушно предоставляетъ имъ право уплачивать только проценты съ продажной цѣны пріобрѣтаемыхъ имѣній.

До поры до времени проекты эти оставались неосуществленными. Екатерина II предпочла сохранить „экономическихъ" крестьянъ въ непосредственной крѣпостной зависимости отъ государства. Притомъ, раздавъ своимъ любимцамъ, тоже принадлежавшимъ къ благородному сословію, цѣлыя сотни тысячъ крестьянскихъ душъ, она имѣла всѣ основанія думать, что ею и безъ того уже достаточно сдѣлано для „увеселенія" этого сословія. Зато при Павлѣ 50.000 душъ отчислено было изъ экономическаго вѣдомства для составленія „командорственныхъ" имѣній кавалерамъ россійскихъ орденовъ, а при Александрѣ I нѣсколько экономическихъ волостей Новгородской губерніи обращено было въ военныя поселенія. Какъ уже замѣчено мною выше, „эмансипація" церковныхъ крестьянъ означала лишь то, что, бывъ прежде собственностью церкви, они перешли въ собственность государства. И было вполнѣ естественно, что собственностью этой по своему усмотрѣнію располагали верховные носители государственной власти.

VIII.

В. И. Семевскій говоритъ, что наше дворянство опасалось, какъ бы за эмансипаціей „крестьянъ духовнаго вѣдомства не послѣдовало освобожденіе и помѣщичьихъ" [1]). Этимъ онъ объясняетъ отрицательное отношеніе дворянскихъ публицистовъ къ тому, какъ устроена была судьба экономическихъ крестьянъ. Но ихъ отрицательное отношеніе достаточно объясняется только что указаннымъ стремленіемъ дворянства присвоить себѣ крестьянъ бывшихъ духовныхъ вотчинъ. Если оно, въ самомъ дѣлѣ, опасалось того, что „эмансипація" будетъ распространена также и на помѣщичьихъ крестьянъ, то ихъ опасеніе едва ли было сколько-нибудь значительно. Разумѣется, Екатерина II не рѣшилась бы секуляризовать духовныя вотчины, если бы эта ея мѣра вызывала ропотъ въ дворянской средѣ. Но все, извѣстное намъ о ходѣ реформы, показываетъ, что дворянство, наоборотъ, охотно ее поддержало. И только потому, что дворянство поддержало ее, Екатерина получила возможность спокойно пренебречь глухой оппозиціей духовенства.

---

[1]) В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Спб., 1901, т. II, стр. 274.

Въ послѣ-петровской Руси вопросомъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ занималось еще правительство Елизаветы. Самымъ энергичнымъ защитникомъ правъ церкви выступилъ при ней А. Маціевичъ [1]). По порученію духовенства онъ ѣздилъ въ 1758 г. въ Петербургъ, чтобы тамъ сказать свое слово противъ задуманной правительствомъ мѣры. Отъ его поѣздки ожидали весьма многаго. Провинціальное духовенство говорило ему: Тамъ Васъ вмѣсто новоявленнаго чудотворца пріимутъ и во сладость обо всемъ послушаютъ: причина сему не токмо у насъ здѣсь, но и тамъ отличное объ Васъ мнѣніе" [2]). Извѣстно, что ожиданіе это не оправдалось. Въ Петербургѣ не были отличнаго мнѣнія о Маціевичѣ. Тамъ не нравился тонъ, которымъ онъ говорилъ о правахъ церкви. Дѣло дошло до того, что новоявленный чудотворецъ получилъ отъ синода выговоръ за свои „продерзости и противные Ея И. В-ву проступки" [3]). Однако выговоръ полученный Маціевичемъ, не имѣлъ на него успокоительнаго вліянія. Когда дѣло секуляризаціи перешло въ энергичныя руки Екатерины II, ростовскій митрополитъ опять сталъ протестовать. Но при этомъ показалъ себя весьма неловкимъ и мало находчивымъ.

При описи монастырскихъ имуществъ было,—какъ этого и слѣдовало ожидать,—много злоупотребленій. Опись часто производилась офицерами, что также было въ порядкѣ вещей. Наконецъ, вполнѣ естественно было и то, что духовнымъ лицамъ не нравилась развязность, обнаруженная въ этомъ случаѣ представителями военной силы. Но какъ же выразилъ А. Маціевичъ это вполнѣ естественное неудовольствіе духовенства?

Онъ писалъ: „Итакъ по сему слѣдуетъ непремѣнно показаннымъ офицерамъ въ алтарь входить и иногда священныхъ сосудовъ касаться, чего намъ законъ православный издревле... правилами и узаконеніями церковными запрещаетъ".

Такимъ доводомъ трудно было подѣйствовать на матушку-государыню, состоявшую въ перепискѣ съ Вольтеромъ.

Далѣе, ростовскій митрополитъ утверждалъ, что вслѣдствіе отобранія въ казну монастырскихъ имуществъ, не останется на Руси и слѣда отъ былого ея благочестія. „Развѣ тылько въ памяти многимъ будетъ и въ сожалѣніи, яко въ толь древнемъ и благочестивомъ государствѣ, на весь свѣтъ славномъ и знатномъ, вдругъ не отъ татаръ, и ниже отъ иностранныхъ непріятелей, но

---

[1]) Преемникъ св. Дмитрія на ростовской епископской каѳедрѣ.

[2]) Бильбасовъ. Исторія Екатерины II. Лондонъ, 1895 г., т. 2, стр. 230.

[3]) Н. И. Барсовъ. Арсеній Маціевичъ, митрополитъ ростовскій, въ 1762—1763 гг. „Русская Старина", т. XV, стр. 754.

отъ своихъ домашнихъ, благочестивыми и сынами церкви нарицающихся церковь и благочестіе истребилося“ [1]).

Это было тоже неловко придумано. Такимъ аргументомъ можно было разсердить Екатерину II, но рѣшительно невозможно было заставить ее отказаться отъ своего плана.

Въ теоретическомъ отношеніи аргументація Маціевича поражаетъ своей полной нищетой: она ровно ничего не прибавила къ той совокупности идей, которая обращалась тогда въ европеизованной части русскаго населенія. И если она все-таки можетъ и должна привлечь къ себѣ вниманіе историка русской общественной мысли, то единственно потому, что ея нищета показываетъ, какъ слаба была позиція власти духовной въ этомъ ея столкновеніи со свѣтской властью [2]).

Екатерина оставила всякую мысль объ улучшеніи участи помѣщичьихъ крестьянъ только потому, что боялась дворянства. Вступивъ на престолъ, она сначала побаивалась также и духовенства. Поэтому она отмѣнила изданный еще Петромъ III (21-го марта 1762 г.) указъ объ учрежденіи Коллегіи Экономіи для завѣдыванія духовными имуществами. Но очень скоро она увидѣла безсиліе духовенства и со свойственной ей энергіей приступила къ его экспропріаціи.

Барсовъ утверждалъ, что, за исключеніемъ Дмитрія Сѣченова, всѣ главнѣйшіе представители русской церковной іерархіи были на сторонѣ Арсенія Маціевича [3]). Если это такъ, то тѣмъ болѣе знаменательно, что, какъ выражается г. Бильбасовъ, Синодъ головою выдалъ Арсенія Екатеринѣ: „12-го марта Синодъ получилъ доношеніе Арсенія, заслушалъ его и 13-го марта постановилъ: „Въ доношеніи ростовскаго митрополита все, что ни есть, слѣдуетъ къ оскорбленію Ея Императорскаго Величества, за что онъ великому подлежитъ сужденію“ [4]). Но высшее духовное учре-

---

[1]) Н. И. Барсовъ, тамъ же, стр. 745.

[2]) Кромѣ доводовъ отъ интереса благочестія, Арсеній не позабылъ и о доводахъ отъ экономическаго интереса духовнаго сословія. Во второмъ своемъ „доношеніи“ онъ указывалъ на то, что отобраніе крестьянъ у духовенства заставитъ это послѣднее прибѣгать къ наемному труду. А это не соотвѣтствуетъ условіямъ нашей хозяйственной жизни. У насъ „не Англія“. Освобожденный крестьянинъ будетъ слишкомъ дорого продавать свою рабочую силу, требуя „за малое дѣло вдвое и втрое денегъ“. Конечно, дворяне нашли бы этотъ аргументъ вполнѣ убѣдительнымъ, если бы рѣчь шла объ его собственныхъ крестьянахъ, но, выдвинутый на защиту интересовъ духовенства, онъ, какъ видно, не произвелъ на нихъ впечатлѣнія.

[3]) „Русская Старина“, т. XV, стр. 737.

[4]) Бильбасовъ, тамъ же, та же страница. Надо замѣтить, что, отмѣняя, по своемъ восшествіи на престолъ, указъ Петра III объ учрежденіи Коллегіи Экономіи, Екатерина увѣряла (въ августѣ 1762 г.): не имѣемъ мы намѣренія и желанія при-

женіе и тутъ не рѣшилось поступить самостоятельно. Оно передало Арсенія „въ Высочайшее благоразсмотрѣніе и высокомонаршую Ея Императорскаго Величеста безприкладную милость".

Екатерина отвѣтила на это, что ею усмотрѣны въ доношеніяхъ Арсенія „превратныя и возмутительныя истолкованія многихъ словъ св. Писанія и книгъ святыхъ" [1]). Вслѣдствіе этого благочестивая корреспондентка Вольтера для „сохраненія своихъ вѣрноподанныхъ всегдашняго спокойствія" (а также и для отклоненія отъ себя отвѣтственности за желательный для нея исходъ дѣла. *Г. П.*), благоразумно постановила предать Арсенія суду... того же Св. Синода!

Арсеній былъ приговоренъ къ лишенію клобука и сана и сосланъ въ отдаленный монастырь на „крѣпкое смотрѣніе". Екатерина запретила давать ему тамъ чернила и бумагу, чтобы „невозможно было ему развращать ни письменно ни словесно слабыхъ и простыхъ людей" [2]).

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что на судѣ ростовскій митрополитъ велъ себя съ большимъ смиреніемъ. Онъ заявилъ, что у него не было ни малѣйшаго намѣренія сказать въ своихъ „доношеніяхъ" что-нибудь оскорбительное для высшей власти, а если тѣмъ не менѣе въ нихъ что-нибудь „ко оскорбленію Ея Императорскаго Величества имѣется", то онъ, „всесмирнѣйше и всеподаннѣйше припадая къ ногамъ Ея Императорскаго Величества, проситъ прощенія и помилованія" [3]). Никонъ велъ себя не совсѣмъ такъ [4])...

Духовенство покорилось. Проницательная государыня уже заранѣе узнала, что оно не можетъ не покориться. Зная это, она

своить себѣ церковныя имѣнія но только имѣемъ данную намъ Богомъ власть предписывать законы о лучшемъ ихъ употребленіи во славу Божію". Это было столько же благочестиво, сколько и двусмысленно. Возможно, что Барсовъ былъ правъ, утверждая, что когда Арсеній выступилъ съ протестомъ противъ секуляризаціи,—къ которой Екатерина приступила уже въ слѣдующемъ году,—онъ отнюдь не думалъ расходится съ видами императрицы. И какъ нельзя болѣе характеренъ для Екатерины II тотъ фактъ, что указъ отъ 12-го августа 1762 г., которымъ она отмѣнила указъ Петра III объ отобраніи духовныхъ вотчинъ, написанъ былъ „подъ диктовку Арсенія" (Барсовъ).

[1]) Бильбасовъ, назв. соч., т. II, стр. 239.

[2]) Тамъ же, стр. 247.

[3]) Тамъ же, стр. 312—314.

[4]) Остальные пастыри русской церкви вели себя еще смирнѣй, нежели ростовскій митрополитъ. Онъ былъ все-таки смѣлѣе ихъ всѣхъ. Арсеній родился во Владимірѣ-Волынскомъ, въ „Польскомъ государствѣ", какъ сообщаетъ онъ въ своемъ „Автобіографическомъ показаніи" („Осьмнадцатый вѣкъ", книга вторая, стр. 255). Вѣроятно, впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ Польши, объясняется его, правда, очень слабая попытка стать въ независимое отношеніе къ свѣтской власти.

сочла нужнымъ высказать ему нѣсколько истинъ, которыя, навѣрно, были очень горьки для него, но очень полезны для напоминанія ему объ истинномъ соотношеніи русскихъ общественныхъ силъ.

„Вы преемники апостоловъ, которымъ повелѣлъ Богъ внушать людямъ презрѣніе къ богатствамъ и которые были очень бѣдны,—говорила она въ своемъ обращеніи къ Синоду.—Царство ихъ было не отъ міра сего—вы меня понимаете? Я слышала эту истину изъ устъ вашихъ. Какъ можете вы, какъ дерзаете, не нарушая должности званія своего и не терзаясь въ совѣсти, обладать безчисленными богатствами, имѣть безпредѣльныя имѣнія, которыя дѣлаютъ васъ въ могуществѣ равными царямъ. Вы просвѣщены: вы не можете не видѣть, что всѣ сіи имѣнія похищены у государства: вы не можете владѣть ими не будучи несправедливы къ нему". Если духовные пастыри въ самомъ дѣлѣ питаютъ къ ней тѣ вѣрноподданническія чувства, о которыхъ они говорятъ, то они немедленно должны возвратить государству все то его имущество, которымъ они неправильно завладѣли. И съ великолѣпнѣйшей ироніей Екатерина прибавляла, что, не развлекаемые болѣе заботами о мірскихъ благахъ, они тѣмъ съ большимъ удобствомъ будутъ посвящать себя дѣлу просвѣщенія своей паствы. Въ этомъ дѣлѣ заключается все ихъ призваніе: „Вы должны заниматься только тѣмъ, чтобы наставлять людей въ ихъ должностяхъ, возжигать въ сердцахъ ихъ память добродѣтели... наконецъ, увѣщавать ихъ, угрожать будущимъ наказаніемъ, возбуждать въ нихъ вѣру и любовь къ Богу и ближнему обѣщаніемъ вѣчнаго блаженства, воспламенять сердца усердными молитвами, спасительными совѣтами и т. д. и т. д. [1]).

Это энергичное, полное ума и насмѣшки, обращеніе свѣтской власти къ духовной, очевидно, много способствовало безпрепятственному рѣшенію вопроса объ отобраніи въ казну духовныхъ вотчинъ: Синодъ понялъ государыню и не только согласился на секуляризацію, не только „выдалъ" Маціевича, но и самъ произнесъ надъ нимъ суровый приговоръ.

IX.

Трудящаяся масса показала себя менѣе сговорчивой, нежели духовенство. Чѣмъ туже затягивалась петля крѣпостного права на шеѣ крестьянъ, тѣмъ больше росло недовольство закрѣпощенныхъ. Сохранился (въ рукописи) чрезвычайно интересный лите-

[1]) Бильбасовъ, назв. соч., т. II, стр. 246, 247.

ратурный памятникъ, трогательно выразившій чувства и отчасти понятія народной массы. Онъ былъ напечатанъ Н. С. Тихонравовымъ въ сборникѣ „Починъ“ подъ названіемъ „Плачъ холоповъ прошлаго вѣка“. Въ немъ дѣйствительно слышится горькій плачъ. Уже въ самомъ началѣ его мы встрѣчаемъ такія строки:

О! горе намъ, холопемъ, отъ господъ и бѣдство!
А когда прогнѣвишь ихъ, такъ отъимутъ и отцовское наслѣдство.
Что въ свѣтѣ человѣку хуже сей напасти.
Что мы сами наживемъ—и въ томъ намъ нѣтъ власти.
Пройди всю подселенную—нѣтъ такова житья мерзкова!

Идеологи дворянства, въ родѣ Сумарокова и Болотова, были убѣждены, что крѣпостное право выгодно для интересовъ не только дворянъ, но также и для крестьянъ. Авторъ „Плача“, какъ видно, самъ бывшій крѣпостнымъ, хотя и вкусившій отъ плодовъ грамотности, не раздѣлялъ этого мнѣнія. Онъ восклицаетъ:

Неужель мы не нашли бы безъ господъ себѣ хлѣба!

Онъ высказываетъ ту мысль, что лѣса и поля созданы для бѣдныхъ, и совершенно правильно отмѣчаетъ огромный ростъ господской власти надъ крѣпостными. По его словамъ, она увеличилась, какъ въ Невѣ вода. Онъ, конечно, съ полнымъ основаніемъ огорчается и тѣмъ, что крѣпостнымъ запрещено было жаловаться на своихъ владѣльцевъ:

Бояринъ умертвитъ слугу, какъ мерина,—
Холопьему доносу и въ томъ вѣрить не велѣно,
Неправедны суды составили указъ.
Чтобъ сѣчь кнутомъ тирански за то насъ.

Должно, быть „Плачъ“ написанъ во время созванія Комиссіи Уложенія. Не дурно освѣдомленный о составѣ этой комиссіи авторъ его жалуется:

Въ свою нынѣ пользу законы перемѣняютъ.
Холопей въ депутаты затѣмъ не выбираютъ.
Что могутъ де холопы тамъ говорить?
Отдали бъ имъ волю до смерти насъ морить?

Весьма характерно для послѣ-петровской Руси указаніе крѣпостного писателя на другія земли, осуждающія наши порядки:

Всѣ земли насъ бранятъ и глупости дивятся,
Что такіе глупые у насъ въ Россіи родятся.

Но указаніе на другія страны не мѣшаетъ крѣпостному грамотею сохранять старый московскій взглядъ на соціальную роль царской власти. Онъ желаетъ служить царю. Интересно, впрочемъ, что служить царю онъ желаетъ не въ качествѣ земледѣльца, а въ качествѣ солдата. Въ этомъ его желаніи сказывается своеобразное революціонное настроеніе. Онъ пишетъ:

Ахъ! когда бъ намъ, братцы, учинилась воля,
Мы бъ себѣ не взяли ни земли, ни поля,
Пошли бъ мы, братцы, въ солдатскую службу
И сдѣлали бъ между собою дружбу,
Всякую неправду стали бъ выводить
И злыхъ господъ корень переводить.

Послѣ такихъ рѣзкихъ нападокъ на господъ нѣсколько странно читать строки, въ которыхъ авторъ „Плача“ какъ будто беретъ подъ свою защиту русское дворянство, обиженное по его словамъ иностранными „набродами“. Этихъ набродовъ „пущали“ въ Россію затѣмъ, чтобъ они просвѣтили ее, а они принялись ее угнетать.

Когда въ Россію набродовъ сихъ пущали,
Тогда намъ лучшее правленіе обѣщали,
А они россійскихъ дворянъ со однодворцами опредѣлили,
А насъ, безсчастныхъ, по себѣ раздѣлили.
Пропали наши бѣдныя головы
За господами лихими и голыми!

Ненависть къ дворянству осложнилась въ душѣ автора,— идеолога народной массы,—той нелюбовью къ иноземцамъ, которой такъ богата была еще Московская Русь, и которую особенно сильно поддержали въ XVIII вѣкѣ ужасы бироновщины. Въ результатѣ получилось нѣчто поистинѣ неожиданное. Обличая иностранныхъ „набродовъ“, авторъ превращается въ защитника „россійскихъ дворянъ“. Очевидно, противъ этихъ „набродовъ“ авторъ не прочь идти вмѣстѣ съ „господами“ русскаго происхожденія. Какъ идти? Мечта автора слѣдуетъ здѣсь за тогдашней русской дѣйствительностью. Столь частые въ XVIII в. дворцовые перевороты совершались съ помощью военной силы. Вотъ почему въ „Плачѣ“ и говорится, что хорошо было бы пойти въ солдатскую службу. Но дворцовые перевороты были дѣломъ дворянской гвардіи, которая, ненавидя иностранныхъ „набро-

довъ", не только ровно ничего не имѣла противъ привилегій русскаго дворянства, но настойчиво стремилась къ ихъ упроченію и расширенію. Авторъ „Плача" понималъ, что мало хорошаго дождется народная масса отъ дворянской военной силы. И вотъ у него родилась мечта о сформированіи такой силы изъ крѣпостныхъ. Военная сила народнаго происхожденія, мечталъ онъ, положитъ конецъ неправдѣ и переведетъ корень злыхъ господъ.

Впрочемъ, нашъ авторъ, должно быть, самъ не очень вѣрилъ въ возможность осуществленія такой мечты. Его „Плачъ" заканчивается поистинѣ плачевной нотой:

Господи нашъ Боже!
Даждь въ небесномъ твоемъ полѣ ложе!
Ты бо намъ Творецъ:
Сдѣлай бѣднымъ одинъ конецъ! [1])

Къ смерти пріурочиваются въ послѣднемъ счетѣ упованія крѣпостного стихотворца. Когда люди находятся въ такомъ настроеніи, они имѣютъ мало склонности къ дѣйственной борьбѣ со своими угнетателями. Но въ шестидесятыхъ годахъ восемнадцатаго вѣка угнетенная народная масса не находилась въ такомъ настроеніи. Она не потеряла надежды „здѣсь, на землѣ", измѣнить къ лучшему свою участь. Напротивъ, какъ упомянуто выше, эта надежда была поддержана у нея фактомъ отмѣны обязательной службы дворянства.

Уже при Петрѣ III начались крестьянскія волненія. Правительство поспѣшило объявить, что крестьяне должны попрежнему повиноваться помѣщикамъ. Это не помогло. Крестьянскіе бунты продолжали вспыхивать то здѣсь то тамъ. Противъ бунтовщиковъ посылались военныя команды съ пушками. Мѣстами происходили настоящія сраженія между крестьянами и войскомъ. Сверженіе Петра III и вступленіе на престолъ Екатерины II, разумѣется, не могло успокоить крѣпостную массу. Новая государыня увидѣла себя вынужденной подтвердить отрицательное обѣщаніе, данное этой массѣ Петромъ III. „Понеже благосостояніе государства требуетъ, чтобы всѣ и каждый при своихъ благонадежныхъ имѣніяхъ и правостяхъ сохраняемъ былъ, такъ какъ и напротивъ того, чтобы никто не выступалъ изъ предѣловъ своего званія и должности,—писала новая государыня въ манифестѣ отъ третьяго іюля 1762 г.,—то и намѣрены мы помѣщи-

[1]) См. „Починъ", Сборникъ обозр. любителей россійской словесности, 1895 г., стр. 10—14.

ковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять, а крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать". Однако легче было написать это, нежели исполнить.

Крестьянскія волненія продолжались. Они такъ пугали дворянское правительство Екатерины II, что въ октябрѣ 1763 г. выработанъ былъ военной коллегіей цѣлый рядъ правилъ, которыхъ должны были держаться начальники военныхъ командъ, посылавшихся противъ непокорнаго крестьянства. Кромѣ бунтовъ, грознымъ знаменіемъ времени служили также тѣ убійства помѣщиковъ ихъ крѣпостными, на которыя намекала Екатерина въ своемъ возраженіи на возраженіе Сумарокова. Въ 1764—1769 гг. въ одной Московской губ. убиты были 21 помѣщикъ и 9 помѣщицъ, а кромѣ того, произошло пять неудавшихся покушеній на убійство. Наибольшимъ числомъ убійствъ ознаменовался 1767 г., т.-е. тотъ самый годъ, въ которомъ началась дѣятельность Комиссіи Уложенія. Вполнѣ понятно, что въ засѣданіяхъ комиссіи дворянскіе депутаты не обошли молчаніемъ этого „бытового явленія". „Безъ ужаса представить себѣ не могу плачевное позорище умерщвленныхъ своими собственными крестьянами помѣщиковъ", говорилъ депутатъ серпейскаго дворянства гр. Строгановъ [1]). Вообще созваніе комиссіи сначала повело за собою усиленіе волненій въ народѣ. Крѣпостные крестьяне, повидимому, полагали, что въ ней поднимется также и вопросъ объ ихъ тяжелой участи. Но, будучи лишены права послать въ комиссію своихъ депутатовъ, — на что жаловался авторъ „Плача холоповъ", — они только „бунтами" и могли напомнить ей о себѣ.

Потомъ въ народную массу проникло какъ будто иное настроеніе. Въ 1770—1773 гг. волненія стали гораздо болѣе рѣдкими, если не прекратились совсѣмъ. „Крестьяне терпѣливо ждутъ", говоритъ В. И. Семевскій [2]). Чего? Почтенный изслѣдователь думаетъ, что они ждали указа комиссіи, если не о волѣ, то, по крайней мѣрѣ, объ облегченіи рабства. Какъ бы тамъ ни было, мы знаемъ, что затишье 1770—1773 гг. было затишьемъ передъ бурей, глубоко всколыхнувшей все податное населеніе русскаго государства.

X.

Чтобы понять происхожденіе и психологію „пугачевщины", надо имѣть въ виду, что постоянно усиливавшійся гнетъ крѣпостного права неизмѣнно сопровождался усиленіемъ по-

---

[1]) В. И. Семевскій, Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I, стр. 414.

[2]) Тамъ же, стр. 443.

датного гнета. „Финансовая и вообще экономическая сторона является наиболѣе слабою и наиболѣе мрачною стороною екатерининскаго царствованія“ [1]). Казна постоянно испытывала сильнѣйшій недостатокъ въ деньгахъ. Государственные расходы росли несравненно скорѣе, нежели производительныя силы страны. По расчету г. Чечулина, каждому плательщику пришлось въ концѣ царствованія Екатерины II платить въ два съ половиной раза больше, чѣмъ платилъ онъ вначалѣ [2]). Только въ царствованіе Петра I переживала наша страна подобное податное обремененіе.

Чѣмъ труднѣе было правительству Сѣверной Семирамиды сводить концы съ концами въ области финансовъ, тѣмъ меньше было у него матеріальной возможности разорвать тѣ путы, которыя связывали податное населеніе и затрудняли его хозяйственную дѣятельность. Городскіе депутаты ясно и опредѣленно говорили въ Комиссіи Уложенія о томъ, какъ тяжело отзывается на экономическомъ положеніи торгово-промышленнаго сословія обязательная служба его государству. Въ наказѣ отъ жителей „царствующаго города Санктъ-Петербурга“ мы читаемъ:

„Купечество здѣшняго города во всякія казенныя службы выбора приходитъ въ изнеможеніе, отлучаясь чрезъ то отъ торговъ своихъ, а наипаче по производимымъ чрезъ многіе годы счетамъ приводится до крайняго разоренія. Чего ради просимъ о всемилостивѣйшемъ на всегдашнее время увольненіи отъ оныхъ службъ“ [3]).

Суздальцы жаловались: „Нестерпимое и тяжкое претерпѣваемъ мы, купечество, разореніе отъ службы, при зборѣ казенномъ, ибо обязанъ быть неотлучно годъ въ службѣ, два или три года при щетѣ. Въ такомъ случаѣ должно отстать отъ купечества и лишиться всякаго торговаго промыслу“ [4]).

Подобныхъ жалобъ можно было бы привести великое множество. Въ глубинѣ души императрица, навѣрно, признавала ихъ совершенно основательными. Въ своемъ собственномъ Наказѣ (ст. 317) она правильно говорила: „Торговля оттуда удаляется, гдѣ ей дѣлаютъ притѣсненіе, и водворяется тамо, гдѣ ея спокойствія не нарушаютъ“. Но удовлетворить просьбы городскихъ обывателей было много труднѣе, чѣмъ написать въ томъ же На-

---

[1]) Н. Д. Чечулинъ. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе императрицы Екатерины II. Спб., 1906 г., стр. 380.

[2]) Назв. соч., стр. 378. Этотъ расчетъ основанъ на томъ, что государственные расходы возросли въ 4,3 раза, между тѣмъ какъ населеніе увеличилось нѣсколько менѣе, чѣмъ вдвое.

[3]) Сборникъ Историческаго Общества, томъ 107, стр. 219—220.

[4]) Тамъ же, стр. 18.

казѣ: „Россія есть европейская держава“. Чтобы исполнить требованія городскихъ депутатовъ, государство должно было — и, конечно, на дѣлѣ, а не только на словахъ—европеизовать свое отношеніе къ податной массѣ, т.-е. перестать смотрѣть на нее, какъ на свою собственность.

Но на это не было серьезныхъ намековъ въ нашемъ законодательствѣ второй половины XVIII столѣтія.

Если стѣснено было купечество, составлявшее верхній слой торгово-промышленнаго сословія, то еще хуже приходилось городскимъ мѣщанамъ. Ихъ положеніе часто было совершенно невыносимо. Стараясь найти себѣ облегченіе, они обращались къ давно уже испытанному русскими людьми средству: какъ и въ доброе старое время Московскаго государства, они, подобно крѣпостнымъ крестьянамъ, „разбредались разно“, „ударялись въ бѣга“. „Число бродягъ такъ увеличивается,—писалъ новгородскій губернаторъ Сиверсъ,—что тюрьмы ими переполнены“. Но увеличеніе числа бродягъ означало увеличеніе количества горючаго матеріала. Н. Н. Ѳирсовъ справедливо говоритъ, что тяжелымъ положеніемъ и недовольствомъ низшаго слоя городскихъ обывателей объясняется, почему такъ легко досталось Пугачеву большинство взятыхъ имъ городовъ.

„Это общее недовольство соціальныхъ низовъ народа своимъ положеніемъ,—продолжаетъ Н. Н. Ѳирсовъ...— проявилось весьма рельефно незадолго до пугачевщины, въ московскомъ бунтѣ во время чумы, каковой бунтъ нельзя не считать какъ бы прелюдіей, прологомъ къ пугачевскому возстанію, подобно тому, какъ московскій мятежъ 1662 г. явился аналогичнымъ фактомъ по отношенію къ разиновщинѣ“ [1]).

Это такъ. Но вопреки тому, чего, казалось бы, можно было ожидать, городской прологъ пугачевщины вышелъ гораздо болѣе слабымъ во всѣхъ отношеніяхъ, нежели прелюдія возстанія Ст. Разина. Во-первыхъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича бунтовала не только Москва. Во-вторыхъ, московскій чумной бунтъ 1771 г., со своими нелѣпыми сборами „Богоматери на всемирную свѣчу“, поражаетъ полнымъ отсутствіемъ сколько-нибудь яснаго идейнаго содержанія, сколько-нибудь опредѣленныхъ соціально-политическихъ требованій.

Руководителямъ народнаго движенія при Екатеринѣ II, какъ и при Алексѣѣ Михайловичѣ, выступило казачество. Однако

---

[1]) Пугачевщина. Опытъ соціолого-психологической характеристики. Стр. 170—171.

и тутъ есть достойная вниманія разница. „Помошничками“ Степана Тимоѳеича выступили безпокойные элементы донского казацкаго населенія. Пугачева же поддерживало преимущественно Яицкое (Уральское) казачество, между тѣмъ какъ донцы помогали возстановителямъ порядка. Это значитъ, что въ теченіе столѣтія, протекшаго со времени бунта Разина, государство далеко расширило предѣлы своего консервативнаго вліянія.

Но во всякомъ случаѣ именно казачество выработало тѣ требованія, которыя написаны были на знамени возставшихъ. Посмотримъ, въ чемъ они заключались.

Пугачевъ „жаловалъ“ своихъ сторонниковъ „землями, морями и лѣсами, крестомъ и бородой и всякою вольностью“ [1]). Иначе сказать, онъ сулилъ избавить ихъ отъ всего того, въ чемъ выражался тогда гнетъ дворянскаго государства. „Мы отеческимъ нашимъ милосердіемъ и попеченіемъ,—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ «указовъ», — жалуемъ всѣхъ вѣрноподданныхъ нашихъ, кои помнятъ долгъ своей къ намъ присяги, вольностію, безъ всякаго требованія въ казну подушныхъ и прочихъ податей и рекрутовъ набору, коими казна сама собою довольствоваться можетъ, а войско наше изъ вольножелающихъ къ службѣ нашей великое исчисленіе имѣть будетъ. Сверхъ того, въ Россіи дворянство крестьянъ своихъ великими работами и податями отягощать не будетъ, понеже каждый возчувствуетъ прописанную вольность и свободу“ [2]).

Это была та же самая программа, за которую билось населеніе, возставшее подъ знаменемъ Разина. Правда, въ новомъ ея изданіи замѣчается нѣкоторый новый оттѣнокъ. Теперь съ большимъ, чѣмъ прежде, удареніемъ говорится о притѣсненіи крестьянъ дворянами. Это понятно, такъ какъ въ промежутокъ времени, отдѣляющій движеніе Пугачева отъ движенія Разина, указанныя притѣсненія весьма чувствительно усилились, а дворянство пріобрѣло немалыя сословныя преимущества. Но въ общемъ содержаніе программы не измѣнилось. Теперь, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, оно имѣло въ себѣ значительную долю того, что можно назвать утопизмомъ „матери пустыни“, т.-е. утопизмомъ государевыхъ сиротъ, искавшихъ избавленія отъ своихъ бѣдъ не въ городскихъ центрахъ, а на окраинахъ государства, весьма отсталыхъ въ экономическомъ отношеніи. Выступая въ роли законнаго государя, Пугачевъ обѣщаетъ изба-

---

[1]) Его собственныя слова. См. Н. Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники—эпизодъ изъ исторіи царствованія Екатерины II, 1773—1774 гг.—По неизданнымъ источникамъ. Спб., 1884 г., стр. 103.

[2]) Н. Дубровинъ, назв. соч., т. III, стр. 53.

вить своихъ „дѣтушекъ“ отъ всякихъ вообще податей, наивно предполагая, что „казна сама собою довольствоваться можетъ“. Конечно, наивныя обѣщанія такого рода давались отчасти для красоты слова. На самомъ дѣлѣ, какъ Пугачевъ и его сообщники, такъ и тѣ порабощенные обыватели, къ которымъ они обращались въ своихъ манифестахъ, стремились, главнымъ образомъ, къ тому, чтобъ достичь своихъ ближайшихъ цѣлей, не спрашивая себя, каковы будутъ болѣе или менѣе отдаленныя послѣдствія ихъ достиженія. И тѣ и другіе были чужды всякой склонности къ идеологическимъ построеніемъ. Очевидно также, что хотя Пугачевъ и его „дѣтушки“ рѣшительно возставали противъ существовавшаго тогда соціально-политическаго порядка, но и сами они сильно пропитаны были духомъ тѣхъ крѣпостническихъ отношеній, которыя сложились на почвѣ Московскаго государства.

Такъ, крѣпостные крестьяне собирались на сходкѣ и посылали къ самозванцу ходоковъ съ просьбой освободить ихъ отъ помѣщиковъ и сдѣлать вольными. Пугачевъ очень охотно соглашался сдѣлать это. Но какое же представленіе связывалось въ его умѣ со словами: „вольные крестьяне“? На это отвѣчаетъ одно изъ его воззваній:

„Жалуемъ симъ именнымъ указомъ, съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ, всѣмъ, находящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ, быть вѣрноподданными рабами собственно нашей короны и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою“ [1]) и т. д.

Итакъ, въ представленіи Пугачева крестьянская вольность была равносильна „рабской“ зависимости по отношенію „къ нашей коронѣ“. Это какъ разъ тотъ взглядъ, который высказывалъ еще Посошковъ въ своей книгѣ „О скудости и богатствѣ“, утверждая, что помѣщики крестьянамъ не вѣковые владѣльцы, а владѣлецъ имъ царь. И съ этимъ взглядомъ вполнѣ согласны были крестьяне, посылавшіе къ Пугачеву ходоковъ съ просьбой сдѣлать ихъ „вольными“. Стать вольнымъ человѣкомъ значило для нихъ перемѣнить владѣльца.

И нужно помнить, что Пугачевъ твердо держался этого взгляда на царя, какъ на рабовладѣльца. Еще въ началѣ его карьеры, когда онъ только что открывался яицкимъ казакамъ, у него произошелъ слѣдующій разговоръ съ нѣкоторыми изъ нихъ:

---

[1]) Н. Дубровинъ, назв. соч., т. III, стр. 112.

— Такъ-то, дѣтушки, — говорилъ онъ, — еще Богъ велѣлъ по двѣнадцатилѣтнемъ странствованіи свидѣться съ вами: много претерпѣлъ я въ это время бѣдности...

— Ну, что, батюшка, о прошедшемъ много разговаривать,— перебилъ его казакъ Караваевъ,—предъяви-ка ты намъ лучше свои царскіе знаки.

— Рабъ ты мой, а повелѣваешь мною,—сказалъ смѣло Пугачевъ и посмотрѣлъ сердито на Караваева.

Казаки смутились и стали извиняться.

— Батюшка, — замѣтилъ Шигаевъ, — наше дѣло казачье, не прогнѣвайся, что мы говорить-то хорошо не умѣемъ.

Кто умѣетъ хорошо говорить, тотъ всегда помнитъ, что даже казаки „должны быть“ вѣрноподданными рабами царя и сообразно съ этимъ разговаривать съ нимъ.

Если эти, такъ сказать, профессіональные протестанты противъ государственнаго гнета требовали, чтобы Пугачевъ показалъ имъ свои „царскіе знаки“, то это происходило отъ того, что царь представлялся имъ какимъ-то сверхчеловѣкомъ. Фантастическіе знаки эти должны были служить какъ бы свидѣтельствомъ самой природы о сверхчеловѣческомъ достоинствѣ царской личности. И тутъ они были довѣрчивы, какъ дѣти. Когда Пугачевъ, разрѣзавъ ножомъ воротъ рубашки, обнажилъ свою грудь и показалъ на ней нѣсколько пятенъ отъ заросшихъ ранъ, они,— люди бывалые и, конечно, видавшіе заросшія раны,—струсили. А одного изъ нихъ „такой страхъ обуялъ, что руки и ноги затряслись“ [1]).

Пугачевъ тотчасъ же замѣтилъ произведенное имъ впечатлѣніе и счелъ полезнымъ усилить его.

— Такъ вотъ, други мои, видывали ли вы когда-нибудь знаки на простыхъ людяхъ?

— Нѣтъ, надежа-государь, не видывали,—отвѣчали казаки.

— А вотъ примѣчайте, друзья мои, какъ царей узнаютъ,— продолжалъ Пугачевъ, отодвигая волосы на лѣвомъ вискѣ.

Казаки замѣтили на указанномъ мѣстѣ какъ бы пятно отъ золотухи, но какой былъ именно знакъ разглядѣть не могли.

— Что это тамъ, батюшка,—спрашивалъ Шигаевъ, раздвигая волосы Пугачева,—орелъ, что ли?

— Нѣтъ, другъ мой, — отвѣчалъ Пугачевъ, — это царскій гербъ.

— Всѣ цари съ такимъ знакомъ родятся или это послѣ Божіимъ изволеніемъ дѣлается?

---

[1]) Эта сцена разскана у Дубровина (назв. соч., томъ I, стр. 206).

— Не ваше это дѣло, мои други, простымъ людямъ этого вѣдать не подобаетъ.

Послѣ этихъ словъ казаки всѣ какъ бы оробѣли и не посмѣли больше никакихъ вопросовъ задавать [1]).

Впослѣдствіи Пугачевъ показывалъ на допросѣ: „Все отъ меня злодѣяніе произошло чрезъ яицкихъ казаковъ, ибо они точно знали, что я не государь, а донской казакъ“ (показаніе отъ 5-го декабря 1774 г.). Яицкіе казаки, въ самомъ дѣлѣ, скоро догадались, что Пугачевъ—самозванецъ. Да и какъ было имъ, казакамъ, не замѣтить, что передъ ними—казакъ, хотя бы и донской? Сообразивъ это, они стали сознательно поддерживать его самозванство.

Тотъ же самый Мясниковъ, у котораго руки и ноги затряслись, когда онъ увидѣлъ на груди Пугачева „царскіе знаки“, говорилъ потомъ: „Мы изъ грязи сумѣемъ сдѣлать князя. Если онъ не завладѣетъ Московскимъ царствомъ, такъ мы на Яикѣ сдѣлаемъ свое царство“ [2]). Но, во-первыхъ, это было потомъ. Во-вторыхъ, яицкіе казаки оттого и нашли нужнымъ сдѣлать себѣ „изъ грязи князя“, что безъ „князя“ у нихъ не было бы никакихъ шансовъ на успѣхъ. Фактъ подстановки ими бѣглаго казака на мѣсто настоящаго царя ничего не измѣнилъ въ представленіи казаковъ о томъ, что такое настоящій царь, и какъ безпредѣльны прерогативы его власти. Еще меньше могъ онъ измѣнить что-нибудь въ понятіяхъ крестьянства,—черни, по выраженію казаковъ, смотрѣвшихъ на крестьянъ сверху внизъ,—которое не подозрѣвало обмана. Крестьянству нуженъ былъ царь. Но, разумѣется, оно предпочитало добраго царя немилостивому. И такъ какъ Пугачевъ обнаруживалъ гораздо болѣе доброты, нежели Екатерина II, то оно охотно стало на его сторону. Но становясь на его сторону и ходатуйствуя передъ нимъ о томъ, чтобы онъ освободилъ ихъ, они сами, повинуясь преданію, унаслѣдованному отъ Московскаго государства, добровольно и быстро входили въ роль государевыхъ сиротъ и вѣрноподданныхъ рабовъ. Вотъ недурной примѣръ.

Въ прошеніи, поданномъ ими 23 іюля 1774 г. Пугачеву („Милостивому Государю Петру Ѳедоровичу“), бурмистръ и староста села Алферьева, Алатырскаго уѣзда, просили указать имъ, на какомъ имъ быть основаніи, такъ какъ команда, присланная въ ихъ село государемъ, никакого опредѣленія не объявила.

---

[1]) Дубровинъ, тамъ же, стр. 207.

[2]) Показаніе казака Горшкова отъ 8-го мая 1774 г. Цит. у Дубровина, назв. соч., томъ I, стр. 220—221.

„А нынѣ у насъ въ вотчинѣ имѣется господскій хлѣбъ, лошади и скотъ, — писали эти представители «освобожденнаго» села,—и что вы, государь, объ оном изволите приказать; такожь и что оставшее въ домѣ господскомъ послѣ вашей команды (т.-е., очевидно, послѣ грабежа, учиненнаго ею. *Г. П.*). На оное просимъ у васъ, великаго государя, милостиваго приказанія".

Далѣе бурмистръ и староста почтительно доводили до свѣдѣнія Пугачева, что у нихъ въ вотчинѣ много бѣдняковъ, которые не только не могутъ платить подати, „а просятъ изъ милосердія у васъ, великаго государя, чтобъ повелѣно было изъ господскаго хлѣба намъ дать на пропитаніе и осѣмениться, за что мы, сироты ваши, должны вѣчно Бога молить за ваше здравіе великаго государя".

Въ томъ же прошеніи взбунтовавшіеся государевы сироты села Алферьева жаловались на государевыхъ сиротъ села Верхняго Талызина, прежде принадлежавшихъ одному съ ними помѣщику: „Оные крестьяне были на оброкѣ, а мы сѣяли на ихъ землѣ хлѣбъ господскій, которая у нихъ земля излишняя взята была на господина; а нынѣ оные крестьяне такой господскій посѣянный нами хлѣбъ намъ не даютъ, а оный хлѣбъ имъ не слѣдуетъ, а принадлежитъ оный хлѣбъ взять намъ. О семъ просимъ васъ, великаго государя, учинить рѣшеніе" [1]).

Крестьяне, не способные собственными силами рѣшить даже такой ничтожный споръ между двумя сосѣдними селами, конечно, не могли ждать и желать для себя отъ пугачевскаго возстанія ничего, кромѣ перехода отъ одного владѣльца къ другому: отъ помѣщика къ царю.

Но этого съ нихъ было довольно. Крѣпостную зависимость отъ царя они всегда предпочитали крѣпостной зависимости отъ помѣщика и всюду, гдѣ это было возможно, объявляли себя сторонниками „Петра Ѳедоровича". Въ Исетской провинціи „самозванный капралъ Матвѣй Евсевьевъ, сопровождаемый только шестью человѣками мятежниковъ, 31 января прибывъ въ село Теченское, былъ встрѣченъ народомъ и священникомъ съ иконами, колокольнымъ звономъ и пѣніемъ" [2]).

Такъ шло дѣло на окраинахъ. Въ центральной Россіи, гдѣ государственный порядокъ былъ прочнѣе, крестьяне не возставали открыто противъ помѣщиковъ. Но и тамъ они съ нетерпѣніемъ ждали своего освободителя. Каково было тамъ ихъ настроеніе, видно изъ слѣдующаго случая.

---

[1]) Дубровинъ, назв. соч., томъ III, стр. 113—114.

[2]) Дубровинъ, назв. соч., томъ II, стр. 361.

А. Болотовъ, бывшій тогда управителемъ одной дворцовой волости, получилъ приказъ набрать изъ среды подчиненныхъ ему крестьянъ отрядъ улановъ, вооружить ихъ копьями и отправить въ Коломну для охраненія общественнаго спокойствія. Передъ самымъ ихъ отправленіемъ ему „разсудилось за благо“ произнесть подходящее къ случаю напутствіе. Послѣ напутствія онъ, обратившись къ одному изъ новоизпеченныхъ „улановъ“, самому видному и бойкому, сказалъ:

„Вотъ этакому какъ бы не драться, одинъ десятерыхъ можетъ убрать“.

Къ величайшему удивленію и испугу оратора, новоиспеченный уланъ, „злодѣйски усмѣхаясь“, отвѣтилъ:

— Да, сталъ бы я бить свою братію! А развѣ васъ, бояръ, такъ готовъ буду десятерыхъ посадить на копье сіе“.

Положеніе было таково, что эти слова не навлекли на произнесшаго ихъ смѣльчака немедленной кары. Огорошенный начальникъ только прикрикнулъ на него: „Что ты это мелешь!“, а потомъ поспѣшилъ прибавить: „хорошо, хорошо, братецъ; но ступай-ка, ступай! Можетъ быть, сіе тебѣ и не удастся, а тамъ мы посмотримъ [1]).

XI.

Когда Пугачевъ взялъ Пензу, онъ сказалъ купцамъ: „Ну, господа купцы, теперь вы и всѣ городскіе жители называетесь моими казаками. Я ни подушныхъ денегъ, ни рекрутъ съ васъ брать не буду и соль казенную приказалъ я раздать безденежно, по три фунта на человѣка, а впредь торгуй ею, кто хочетъ [2]) и промышляй всякій про себя“. Нельзя сказать, что это была очень опредѣленная „экономическая политика“. Къ тому же зажиточная часть пензенскаго городского населенія имѣла всѣ основанія опасаться за свои имущества, такъ какъ, войдя въ городъ, войско Пугачева принялось грабить и освободило изъ острога всѣхъ колодниковъ. Но государственный гнетъ, тяготѣвшій надъ нашимъ торгово-промышленнымъ сословіемъ, былъ такъ великъ, что оно готово было помириться даже и съ весьма „вольнымъ“ отношеніемъ пугачевской арміи къ обывательскому имуществу. Жители

---

[1]) „Жизнь и приключенія Андрея Болотова“, томъ III, стр. 40—41. „Сіе“, въ самомъ дѣлѣ, не удалось. Возстаніе не распространилось на центральныя губерніи. И смѣлому „улану“ пришлось пострадать: „Ибо, какъ случалось ему въ чемъ-то прошерститься и надобно было его наказывать,—торжествуетъ Болотовъ,— то припомнилъ я ему сіи слова и поутроилъ за нихъ ему наказаніе“. Тамъ же, та же страница.

[2]) Тогда существовала казенная соляная монополія.

Пензы торжественно встрѣтили Пугачева за городомъ, а бургомистръ пригласилъ его обѣдать [1]).

Радость населенія была такъ велика, что смутила даже руководившаго городской обороной секундъ-майора Герасимова. „Признаюсь чистосердечно,—показывалъ онъ на слѣдствіи, — что я и самъ при семъ случаѣ поколебался было въ мысляхъ, думая, что Пугачевъ и въ самомъ дѣлѣ государь, какъ въ томъ утверждало меня сіе, что многіе города и крѣпости побралъ и вся чернь вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, прилѣплялась къ нему безъ сумнѣнія“ [2]).

То, что произошло въ Пензѣ, происходило и во многихъ другихъ городахъ. Весьма неопредѣленная „экономическая политика“ Пугачева имѣла въ глазахъ городского населенія то преимущество, что сулила избавить его отъ обязательной службы государству и отъ многочисленныхъ обидъ со стороны дворянства и „крапивнаго сѣмени“. Перечисленіе купцовъ въ казаки означало именно избавленіе отъ этого гнета и отъ этихъ обидъ. Когда воевода города Осы добровольно пришелъ на поклонъ къ одному изъ сподвижниковъ Пугачева, Зарубину, называвшему себя графомъ Чернышевымъ, тотъ велѣлъ ему остричь волосы по-казачьи.

— Будь ты отнынѣ казакъ, — сказалъ онъ, — а не воевода, полно тебѣ мірскую кровь-то сосать [3]).

Говоря объ отношеніи торгово-промышленнаго сословія къ Пугачеву, важно замѣтить слѣдующее.

Сословіе это неизмѣнно высказывалось *противъ* предоставленія свободы торгово-промышленной дѣятельности дворянамъ и крестьянамъ. Оно требовало, чтобы названная дѣятельность стала его исключительной монополіей. Мы увидимъ, какъ настоятельно защищали это требованіе купеческіе депутаты въ Комиссіи Уложенія. Но то же самое сословіе ни мало не смущалось зачисленіемъ его въ казачество, сразу отнимавшимъ у него возможность получить какія бы то ни было монополіи. Откуда это противорѣчіе!

Когда помѣщики или крестьяне принимались за торгово-промышленную дѣятельность, они оставались свободными отъ той обязательной службы государству, которая тяжелымъ гнетомъ лежала на купечествѣ. Точно такъ же они не исполняли и многихъ другихъ повинностей, падавшихъ на долю торгово-промыш-

---

[1]) Пугачевъ, разумѣется, не отклонилъ приглашенія. За обѣдомъ „пища его состояла болѣе въ томъ, что велѣлъ принести толченаго чесноку глубокую тарелку и, наливъ въ оную уксусу, посоля ѣлъ“.

[2]) Дубровинъ, назв. соч., т. III, стр. 164, 165, 166.

[3]) Дубровинъ, назв. соч., томъ II, стр. 201.

леннаго сословія. Это ставило ихъ въ болѣе выгодное положеніе, позволяло имъ успѣшно конкурировать съ купцами и промышленниками, занесенными въ тяглые списки. И противъ этого зла купцы и промышленники не видѣли другого средства, кромѣ предоставленія имъ исключительнаго права заниматься торговлей и промыслами. Требованіе этого исключительнаго права явилось естественнымъ слѣдствіемъ сословной организаціи государственныхъ службъ и повинностей. Казацкая „вольность“ устраняла эту сословную организацію и тѣмъ самымъ лишала монополію привлекательности въ глазахъ торговцевъ и промышленниковъ. Они очень легко мирились тогда съ правиломъ: „промышляй всякій про себя“.

Впрочемъ, не всѣ города такъ охотно принимали Пугачева, какъ Пенза. Нѣкоторые энергично сопротивлялись ему. Но это были исключенія. Такія исключенія объясняются разнообразными мѣстными причинами, между которыми большую роль долженъ былъ играть страхъ передъ инородцами.

Въ войскѣ Пугачева было много инородцевъ восточной и юго-восточной окраинъ: башкиръ, калмыковъ, киргизъ-кайсаковъ. Русское государство и его служилое сословіе такъ жестоко ихъ угнетали, что у нихъ давно уже накопилось очень много недовольства [1]). Но, присоединяясь къ русскимъ сторонникамъ Пугачева, эти сыны природы часто не дѣлали ни малѣйшаго различія между своими новыми союзниками и своими прежними угнетателями. Они нападали на всякаго, кто подвертывался имъ подъ руку, жгли сѣно, угоняли скотъ, грабили и отводили въ плѣнъ русскихъ жителей тѣхъ мѣстностей, которыя сами готовы были подняться противъ петербургскаго правительства. Казакамъ Пугачева приходилось подчасъ вступать въ настоящія битвы съ инородцами. Заводское населеніе Урала, горячо сочувствовавшее бунту и само принимавшее въ немъ дѣятельное участіе, мѣстами вынуждено было принимать серьезныя военныя мѣры противъ инородческихъ нашествій. Поэтому понятно, что торгово-промышленное сословіе нѣкоторыхъ восточныхъ и юго-восточныхъ городовъ отказывалось переходить на сторону пугачевцевъ.

Но все это, повторяю, были исключенія. Податная масса русскаго государства частью шла за Пугачевымъ, частью готовилась пойти за нимъ. На сторонѣ дворянства было только духовенство, глубокій консерватизмъ котораго заставилъ

[1]) Въ своихъ бѣдствіяхъ они, подобно русскому населенію, винили не центральную власть, а чиновниковъ. Башкиры говорили объ Екатеринѣ II: „Она правосудна, но правосудіе отъ нея не отошло и къ намъ не пришло“ (Дубровинъ, назв. соч., т. I, стр. 257).

его позабыть обиды, еще такъ недавно нанесенныя ему „секуляризаціей“ духовныхъ вотчинъ. Церковные витіи гремѣли „противу всѣхъ безумныхъ свободолюбцевъ“, дерзко возмущавшихъ покой обывательской души и „чинъ государственный“ [1]). Но „безумные свободолюбцы“ находились даже въ его собственной средѣ: между сельскими попами и причетниками, много терпѣвшими отъ своихъ архіереевъ [2]).

Дворянство было страшно перепугано. Страхъ почти парализовалъ его силы въ мѣстностяхъ, охваченныхъ движеніемъ. Извѣстный Михельсонъ, одинъ изъ самыхъ энергичныхъ усмирителей пугачевщины, доносилъ князю Щербатову 1-го августа 1774 г.: „въ Саранскѣ... ни одинъ дворянинъ не думалъ о своей оборонѣ, а всѣ, какъ овцы, разбѣжались по лѣсамъ“. Благородное шляхетство оборонялось изъ рукъ вонъ плохо, возлагая всѣ свои упованія на войска матушки-государыни. Если годы, прошедшіе отъ воцаренія Екатерины II до пугачевскаго бунта, показали, какъ необходима была царицѣ поддержка со стороны дворянства, то пугачевскій бунтъ, въ свою очередь, показалъ, какъ необходима была дворянству сильная власть царицы. Дворянство не забыло этого урока...

Чѣмъ хуже чувствовало оно себя во время бунта, тѣмъ больше ликовало оно послѣ его прекращенія. „Настало то вожделѣнное намъ время,—писалъ государынѣ одинъ изъ усмирителей,—въ которое премудрость Вашего Величества, блаженство Россіи и счастье подданныхъ Великой Екатерины взойдетъ на горнюю степень“. Въ Москвѣ, куда везли Пугачева, готовили для содержанія его и его сообщниковъ особый домъ. Побѣжденный самозванецъ прибылъ туда утромъ 4 ноября 1774 г. „Народу въ каретахъ и дамъ столько было у Воскресенскихъ воротъ,—писалъ Екатеринѣ князь Волконскій,—что проѣхать съ нуждою было можно“. По свидѣтельству Болотова, „Москва вся занималась однимъ только Пугачевымъ“ [3]). Казнь его состоялась въ Москвѣ же, 10 января 1775 года. Дворяне смотрѣли на это кровавое событіе, какъ на праздникъ. „Судя по тому, что Пугачевъ

---

[1]) См. увѣщаніе, съ которымъ обратился къ своей паствѣ архіепископъ Казанскій. Дубровинъ, т. II, стр. 154—155.

[2]) Уже знакомый намъ митрополитъ Арсеній Маціевичъ наказывалъ священниковъ веревками, обмоченными въ горячую смолу и снабженными на концѣ проволочными когтями. Распекая своихъ подчиненныхъ, онъ бранилъ ихъ неприличными словами. Устюжскій епископъ Варлаамъ жестоко истязалъ свой клиръ. Дм. Сѣченовъ держалъ одного священника шесть лѣтъ въ тюрьмѣ, въ оковахъ, билъ его смертнымъ боемъ, вымогалъ у него деньги, раззорилъ его домъ и т. д. (Дубровинъ, назв. соч., т. I, стр. 361).

[3]) Болотовъ, назв. соч., т. III, стр. 486.

наиболѣе противъ ихъ возставалъ, то и можно было происшествіе и зрѣлище тогдашнее почесть и назвать истиннымъ торжествомъ дворянъ надъ симъ общимъ ихъ врагомъ и злодѣемъ“ [1]).

Въ Петербургѣ дворянство ликовало не меньше, чѣмъ въ Москвѣ. Когда получено было тамъ извѣстіе о плѣненіи Пугачева, дворяне радостно поздравляли другъ друга, а „россійскій Расинъ“, А. П. Сумароковъ, написалъ оду, въ которой говорилъ, обращаясь къ Пугачеву:

Отбросилъ ты, разбойникъ, мечъ
И въ наши преданъ нынѣ руки,
То мало, чтобъ тебя сожечь
Къ отмщенію невинныхъ муки,
Но можно ль то вообразить,
Какою мукою разить
Достойнаго мученья вѣчно!
Твоей подобья злобы нѣтъ
И не видалъ донынѣ свѣтъ
Злодѣя толь безчеловѣчна!

Еще прежде, чѣмъ Пугачевъ былъ привезенъ въ Москву, вдохновленный его плѣненіемъ Сумароковъ написалъ „Стансъ городу Симбирску“ [2]). Воспѣвая городъ, отразившій Разина XVII столѣтія и содержавшій въ своихъ стѣнахъ „Разина нынѣшняго“, авторъ „Хорева“ осыпалъ всевозможными ругательствами этого послѣдняго, а главное—неистово торжествовалъ по случаю одолѣнія опаснаго для дворянства врага.

Восходитъ веселѣй изъ моря солнце красно,
По дняхъ жестокости, на Волгинъ горизонтъ.
Взыграли Донъ, Яикъ съ Волгою согласно,
И съ ней Каспійскій понтъ.
Народы тамошни гласятъ Екатеринѣ:
О матерь подданныхъ! спасла отъ золъ ты насъ,
Она рекла: всегда готова я, какъ нынѣ,
Спасати, чада, васъ.

Другой крупный дѣятель русской литературы, тогда, впрочемъ, еще мало извѣстный, Г. Р. Державинъ, трудился надъ усмиреніемъ пугачевскаго бунта въ качествѣ офицера.

Долго помнило дворянство самозваннаго Петра Ѳедоровича. И не только дворянство. Какъ сообщаетъ адмиралъ А. С. Шиш-

[1]) Болотовъ, тамъ же, стр. 488.

[2]) До отправленія Пугачева въ Москву его продержали нѣкоторое время въ Симбирскѣ.

ковъ, въ его время разсказывали, что Павелъ, раздавшій своимъ слугамъ множество казенныхъ деревень, руководился въ этомъ случаѣ больше страхомъ, нежели щедростью. Онъ будто бы „думалъ раздачей казенныхъ крестьянъ дворянамъ уменьшить опасность отъ народныхъ смятеній“ [1]). Se non e vero, e ben trovato!

Въ сущности, пугачевскій бунтъ далеко не былъ такъ опасенъ для дворянства, какъ оно думало. Соединенныя силы участвовавшихъ въ движеніи разнообразныхъ элементовъ населенія были гораздо слабѣе, нежели силы правительства Екатерины II. Военное искусство Пугачева и его сообщниковъ во многомъ уступало не весьма хитрой наукѣ его противниковъ. Войско его не выдерживало серьезныхъ столкновеній съ регулярнымъ войскомъ. Все это хорошо извѣстно намъ теперь. Но тогдашнее дворянство этого не знало и не могло знать. Съ другой стороны, оно прекрасно видѣло, какъ сильно расходятся его интересы съ интересами податной массы населенія, и какъ озлоблена эта масса. Поэтому оно имѣло полное основаніе трепетать за свою участь. И этотъ трепетъ, испытанный благороднымъ сословіемъ въ виду возстанія закрѣпощенной массы, глубоко запечатлѣлся въ его сословномъ сознаніи. Онъ окончательно скрѣпилъ союзъ дворянства съ самодержавной монархіей.

А закрѣпощенная масса? Она присмирѣла надолго. „Вся чернь,—писалъ Панинъ, еще въ концѣ октября 1774 г.,—нынѣ дѣйствительно въ такомъ подобострастномъ подданническомъ законной власти повиновеніи, какого она и прежде не имѣла“ [2]). Жестокое усмиреніе сопровождалось голодомъ. Тотъ же Панинъ писалъ, что всюду, гдѣ онъ проѣзжалъ въ губерніяхъ Воронежской, Нижегородской и Казанской, жители не имѣли иного хлѣба, „какъ съ лебедою, желудьми, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и съ мохомъ“ [3]).

Послѣ пугачевщины волненія крестьянъ становятся въ царствованіе Екатерины II гораздо менѣе частыми, чѣмъ они были до нея [4]). Народъ издержалъ тотъ запасъ энергіи, который былъ у него прежде, и надолго сталъ неспособнымъ къ дѣйственному протесту. Въ періодъ, слѣдовавшій за пугачевскимъ бунтомъ, его недовольство стало выражаться преимущественно въ ре-

---

[1]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изданіе Н. Киселева и Ю. Самарина. Berlin, 1870 г., т. I, стр. 22.

[2]) Дубровинъ, назв. соч., т. III, стр. 318.

[3]) Дубровинъ, тамъ же, стр. 321.

[4]) Въ 1762—1772 гг. извѣстно 40 волненій помѣщичьихъ крестьянъ, а съ 1774 г. до восшествія Павла I, т.-е. въ теченіе 22 лѣтъ, было только 20 волненій (Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I, стр. 441—456).

лигіозныхъ исканіяхъ. Такъ и всегда бываетъ. Потерявъ надежду обезпечить себѣ сносное житье-бытье на землѣ, люди начинаютъ искать пути, ведущаго въ царство небесное. Это мы видѣли, напримѣръ, въ восьмидесятыхъ годахъ XIX столѣтія, когда въ нашей интеллигенціи быстро распространилось ученіе гр. Л. Толстого. Видѣли и въ годы, еще болѣе близкіе къ нынѣшнему времени.

Расколъ, послѣ пугачевщины значительно усилившій свое вліяніе на народную массу, не былъ ученіемъ о непротивленіи злу насиліемъ. Читатель помнитъ, какъ страстно совѣтовалъ протопопъ Аввакумъ царю жестокимъ насиліемъ устранить новшества, закравшіяся въ русскую церковь. Движеніе Пугачева было энергично поддержано раскольниками. Пугачевцы не повторили крупной тактической ошибки сообщниковъ Разина, вздумавшихъ увѣрять народъ, что они защищаютъ патріарха Никона. Напротивъ, Пугачевъ жаловалъ податное населеніе „крестомъ“,— старымъ осьмиконечнымъ крестомъ, и „бородою“. Онъ и самъ говорилъ языкомъ раскольниковъ и, можетъ быть, раздѣлялъ ихъ взгляды [1]). Разсказывали, будто яицкіе казаки провозглашали, что Петръ Ѳедоровичъ приказалъ ломать нынѣшнія церкви и строить семиглавыя, а креститься не трехперстнымъ, а двухперстнымъ сложеніемъ. Говорили даже, что подобныя заявленія сопровождались угрозами: „если кто будетъ иначе креститься, то батюшка (царь. *Г. П.*) прикажетъ отрубить цальцы“ [2]). Это разсказывали враги Пугачева; можетъ быть, они сочинили это. Но и тутъ мы имѣемъ право сказать: se non e vero, e ben trovato. Старообрядство отнюдь не склонялось къ вѣротерпимости, да и вообще оно не вносило ничего новаго въ сознаніе народа.

Идя за Пугачевымъ, народъ стремился свалить съ себя гнетъ помѣщичьяго государства и такъ или иначе, въ той или другой мѣрѣ, вернуться къ старымъ порядкамъ, существовавшимъ до того времени, когда это государство окончательно сложилось и окрѣпло. Онъ смотрѣлъ не впередъ,—куда смотрѣло во второй половинѣ XVIII вѣка третье сословіе во Франціи,—а

---

[1]) Въ своемъ обращеніи къ донскимъ казакамъ онъ писалъ: „Во время царствованія нашего разсмотрѣно, что отъ... злодѣевъ дворянъ, древняго святыхъ отецъ преданія законъ христіанскій совсѣмъ нарушенъ и поруганъ, а вмѣсто того отъ ихъ зловреднаго умысла съ нѣмецкихъ обычаевъ введенъ въ Россію другой законъ и самое богомерзкое брадобритіе и разныя христіанской вѣрѣ какъ въ крестѣ, такъ и прочемъ неистовства“ и т. д. (Дубровинъ, т. III, стр. 225). Какъ видимъ, въ движеніи Пугачева былъ также элементъ реакціи противъ Петровской реформы.

[2]) Дубровинъ, назв. соч., т. II, стр. 81 и 109.

назадъ, въ темную глубь прошедшихъ временъ. И въ этомъ отношеніи онъ поступалъ совершенно такъ, какъ поступало когда-то ненавистное ему боярство. Вѣдь Курбскій, обличая дикое самодурство Ивана IV, тоже смотрѣлъ назадъ, а не впередъ. Назадъ смотрѣли и раскольники, приглашавшіе народъ умирать за древлее благочестіе.

Это была своего рода историческая необходимость, коренившаяся въ знакомыхъ уже намъ относительныхъ особенностяхъ русскаго историческаго процесса. Какъ видимъ, необходимость эта не исчезла и послѣ Петровской реформы. Лишь по прошествіи продолжительнаго времени, лишь во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія, отдаленныя послѣдствія преобразованія, связаннаго съ именемъ Петра, привели къ появленію въ народной массѣ сознательныхъ элементовъ, способныхъ, въ борьбѣ за лучшее будущее, обратить свои умственные взоры не назадъ, а впередъ, не туда, куда смотрѣли бояре, роптавшіе на грознаго царя, и раскольники, умиравшіе за старую вѣру, а туда, куда смотрятъ сознательные слои трудящейся массы во всемъ цивилизованномъ мірѣ.

Глава VII.

Западная общественная мысль въ XVIII вѣкѣ и ея вліяніе на Россію.

I.

Винскій говорилъ въ своихъ „Запискахъ“, что „французы одни гораздо болѣе способствовали нашему ученію, нежели совокупно вся Европа“. Это вполнѣ справедливо, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ нашей передовой общественной мысли XVIII столѣтія. Французскому вліянію она обязана гораздо больше, нежели вліянію всей остальной Европы. Впрочемъ, вся остальная Европа тоже находилась тогда подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Франціи [1]). Поэтому намъ нужно нѣсколько ближе ознакомиться со стремленіями, взглядами и вкусами передовыхъ французовъ того времени.

Уже не разъ, мимоходомъ упоминая о французскихъ просвѣтителяхъ, я говорилъ, что они были идеологами третьяго сословія въ его борьбѣ съ духовной и свѣтской аристократіей. Но третье сословіе не было однороднымъ по своему соціальному составу. Къ нему принадлежали какъ тѣ общественные элементы, изъ которыхъ сложилась потомъ буржуазія, такъ и тѣ, изъ которыхъ образовался пролетаріатъ. Въ нѣдрахъ третьяго сословія уже тогда существовали и мало-по-малу развивались экономическія противорѣчія, опредѣлившія собою ходъ общественной жизни и мысли въ слѣдующемъ столѣтіи. Весьма естественно ожидать, что противорѣчія эти, хотя сравнительно мало развитыя въ то время, не остались безъ вліянія на всѣ,—и, конечно, прежде всего на экономическіе и политическіе,—взгляды французскихъ просвѣтителей. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ.

Франція XVIII вѣка внесла крупный вкладъ въ экономическую науку. Марксъ недаромъ такъ высоко ставилъ французскихъ физіократовъ. Но физіократы смотрѣли на капиталистиче-

---

[1]) Итальянецъ Беккаріа говорилъ, что онъ „всѣмъ обязанъ французскимъ книгамъ“. Корсиканцы просили Руссо написать для нихъ конституцію, о томъ просили его поляки и т. д.

скія отношенія производства, какъ на такія, которыя опредѣляются самой природой. Капиталистическій порядокъ былъ въ ихъ глазахъ „естественнымъ и существеннымъ порядкомъ“ цивилизованныхъ обществъ (Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques). Они учили, что только земледѣльческимъ трудомъ создается въ этихъ обществахъ чистый доходъ. Но этотъ чистый доходъ есть не что иное, какъ прибавочная стоимость. Вопросъ о томъ, какой именно родъ труда создаетъ эту стоимость, и былъ для нихъ основнымъ вопросомъ всей политической экономіи. И они много занимались имъ. Марксъ сказалъ, что физіократамъ принадлежитъ заслуга „анализа капитала въ предѣлахъ буржуазнаго кругозора“ [1]).

Капиталистическій порядокъ характеризуется тѣмъ, что средства производства принадлежатъ не работнику, который обладаетъ только своей рабочей силой и потому вынужденъ продавать ее на рынкѣ, а предпринимателю, покупающему эту силу и заставляющему работника употреблять ее въ дѣло. Предприниматели и работники составляютъ два главнѣйшихъ класса развитого капиталистическаго общества. Рядомъ съ ними стоитъ еще классъ землевладѣльцевъ, который мѣстами самъ выступаетъ въ предпринимательской роли. Вотъ такое-то общество, состоящее изъ землевладѣльцевъ, предпринимателей и наемныхъ рабочихъ, и было, по ученію физіократовъ, естественнымъ порядкомъ. Родоначальникъ ихъ школы Ф. Кенэ, доказывалъ, что Франція выиграла бы очень много, если бы въ ней установился такой порядокъ. Правда, считая земледѣльческій трудъ единственнымъ родомъ труда, способнымъ создавать „чистый доходъ“, онъ рекомендовалъ капиталистическія отношенія производства преимущественно,—чтобы не сказать: исключительно,—въ области земледѣлія. Но это—частность, отнюдь не отнимающая у физіократіи ея характера буржуазной идеологіи [2]).

---

[1]) Карлъ Марксъ. Теоріи прибавочной стоимости, выпускъ I, переводъ П. Стрѣльскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Плеханова, стр. 35.

[2]) Ф. Кенэ принадлежитъ положеніе: „бѣдны крестьяне, бѣдно королевство; бѣдно королевство, бѣденъ король“.

Это положеніе очень напоминаетъ замѣчаніе нашего Посошкова о томъ, что „крестьянское богатство—богатство царственное“. А такъ какъ Посошковъ писалъ раньше, нежели Кенэ, то у насъ, вслѣдъ за М. П. Погодинымъ, стали говорить, что Посошковъ предупредилъ открытія величайшихъ западныхъ экономистовъ. Я подробно разобралъ это мнѣніе во второмъ томѣ (глава III). Теперь прибавлю, что Посошкову и въ голову не приходило отстаивать тотъ экономическій порядокъ, проповѣдникомъ котораго выступилъ Кенэ. Согласно взгляду этого послѣдняго, крестьянское богатство предполагаетъ наличность богатыхъ фермеровъ, у которыхъ они работаютъ по найму. Это ясно высказано и подробно обосновано въ статьяхъ

Если отъ экономистовъ мы перейдемъ къ писателямъ, носившимъ тогда общее названіе философовъ [1]), то увидимъ, что тѣ видѣли въ капиталистическихъ отношеніяхъ естественныя отношенія производства. Такъ, Вольтеръ, остроумно осмѣявшій физіократическое требованіе единаго налога въ своемъ „L'homme au quarante écus", съ полнымъ убѣжденіемъ говорилъ въ своемъ „Dictionnaire philosophique":

„Человѣческій родъ, такой, каковъ онъ есть, не можетъ существовать безъ того, чтобы не было множества полезныхъ людей, не имѣющихъ ровно ничего (une infinité d'hommes utiles, qui ne possèdent rien du tout), ибо зажиточный человѣкъ, навѣрно, не покинетъ своей земли для того, чтобы обработать вашу, и если вамъ нужна пара башмаковъ, то шить ее не станетъ лицо, болѣе или менѣе высоко поставленное [2]).

Такимъ образомъ, равенство есть нѣчто наиболѣе естественное и въ то же время наиболѣе химерическое".

Другими словами: нѣтъ ничего естественнѣе равенства правъ и нѣтъ ничего болѣе несбыточнаго, какъ требованіе экономическаго равенства. Это былъ взглядъ, общій всѣмъ французскимъ просвѣтителямъ. Буржуазный порядокъ, исключающій экономическое равенство, былъ до такой степени à l'ordre du jour, что даже тѣ писатели, которые въ теоріи предпочитали коммунистическій строй, находили его совершенно невозможнымъ при данныхъ условіяхъ [3]).

Кенэ: „Les fermiers" и „Les grains". Въ первой изъ нихъ онъ пишетъ: „чѣмъ богаче земледѣльцы, тѣмъ больше увеличиваютъ они производительность земли и могущество націй. Бѣдный же фермеръ можетъ обрабатывать землю только въ ущербъ государству" (Encyclopedie, tome XIV, p. 49, швейцарскаго изданія). Во второй—онъ оговаривается: „подъ богатымъ фермеромъ мы понимаемъ не работника, лично обрабатывающаго свою землю; это—предприниматель, руководящій предпріятіемъ и поддерживающій его посредствомъ своего ума и своего богатства". (Encyclopedie, tome XVI, p. 447). Стало быть, вышеприведенное положеніе Кенэ можетъ быть формулировано слѣдующимъ образомъ: король бѣденъ тамъ, гдѣ бѣдно королевство; королевство бѣдно тамъ, гдѣ бѣдны крестьяне, а крестьяне бѣдны тамъ, гдѣ они являются самостоятельными хозяевами". Ясно, что Посошковъ не говорилъ и не могъ сказать ничего подобнаго.

[1]) Впрочемъ, физіократовъ тоже называли философами: „les philosophes économistes".

[2]) Вольтеръ говоритъ: un maître des requêtes.

[3]) Въ защиту „пріятной идеи общности имуществъ" Мабли написалъ цѣлую книгу противъ физіократовъ. Но и онъ заявлялъ, что зло частной собственности слишкомъ вкоренилось теперь и что оно неустранимо. (См. его „Doutes proposées aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques". A la Haye, MDCCLXVIII, pp. 15 et 24). Такъ же думалъ и Руссо, несмотря на то, что всѣ отрицательныя стороны жизни цивилизованныхъ обществъ пріурочивались имъ къ исчезновенію первобытнаго равенства между людьми.

Съ этой стороны разница между тогдашними передовыми писателями разныхъ оттѣнковъ сводилась собственно къ тому, что одни считали экономическое неравенство не только неизбѣжнымъ, но и выгоднымъ, а потому старались обнаружить преимущества, проистекавшія изъ него для народнаго хозяйства,—Кенэ и его ученики,—другіе же мирились съ нимъ, какъ съ необходимымъ зломъ, и, выставляя его вредныя послѣдствія, старались придумать мѣры, способныя смягчить ихъ. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежали, напримѣръ, Гольбахъ и Гельвецій [1]).

Убѣжденіе въ невозможности экономическаго равенства перешло отъ просвѣтителей къ дѣятелямъ великой революціи. За самыми немногими исключеніями (Бабёфъ и его единомышленники) даже самые крайніе революціонеры отвергали экономическое равенство, какъ неосуществимую и вредную для ихъ дѣла утопію.

Больше того. Убѣжденіе просвѣтителей XVIII столѣтія въ невозможности экономическаго равенства унаслѣдовано было отъ нихъ соціалистами-утопистами XIX вѣка, которые, въ противоположность коммунистамъ, тоже стремились не устранить, а только смягчить это неравенство.

II.

Естественный порядокъ вещей господствуетъ всюду, гдѣ онъ не былъ нарушенъ тѣми или другими исключительными обстоятельствами. Вольтеръ полагалъ, что даже въ „дикихъ“ обществахъ существуютъ тѣ же экономическія отношенія, которыя были, по его твердому убѣжденію, необходимы въ цивилизованныхъ странахъ. „Кѣмъ созданы ваши законы?—спрашиваютъ дикаря въ одномъ изъ его произведеній.—Общественнымъ интересомъ, отвѣчаетъ дикарь. Я хочу этимъ сказать, что тѣ, у кото-

---

[1]) У Гольбаха мы встрѣчаемъ мысль, подробно развитую впослѣдствіи Сэнъ-Симономъ: онъ говорилъ, что правительства, какъ и всѣ справедливые частные люди, должны постоянно имѣть въ виду благо возможно большаго числа жителей и не жертвовать имъ ради какого-нибудь отдѣльнаго класса (Système social etc., tome troisième, Londres, MDCCL XIII, p. 74). Гельвецій утверждалъ, что для счастья людей необходимо diminuer les richesses des uns, augmenter celles des autres (уменьшить богатство однихъ и увеличить богатство другихъ) См. его Oeuvres complètes, парижское изданіе 1818 г., томъ II, стр. 430—431. Подробное о Гольбахѣ и Гельвеціи см. въ моемъ сочиненіи „Beiträge zur Geschichte des Materialismus.—Holbach, Helvetius, Marx“. Stuttgar., 1895. Здѣсь прибавлю еще, что когда Гольбахъ и Гельвецій хотѣли пояснить свою мысль о вредѣ имущественнаго неравенства, они никогда не заимствовали своихъ примѣровъ изъ области капиталистическихъ отношеній. Это характерно для склада понятій въ головахъ передовыхъ французовъ того времени.

рыхъ были кокосовые орѣхи и маисъ, запретили постороннимъ накладывать на нихъ руку, а тѣ, которые ихъ не имѣли, должны были работать, чтобы получить право съѣсть нѣкоторую часть ихъ. Все, видѣнное мною въ нашей и въ вашей странахъ, показываетъ, что другого духа законовъ и не бываетъ" (намекъ на „Esprit des lois" Монтескье).

Естественный „духъ законовъ" долженъ опредѣлять собою не только гражданское, но и политическое право. Вольтеръ пришелъ бы въ большое изумленіе, если бы ему сказали, что „его" фернейскіе крестьяне и даже его слуги должны пользоваться такими же политическими правами, какъ онъ, просвѣщенный фернейскій помѣщикъ, и другіе люди „хорошаго общества" (de la bonne compagnie).

Въ своей „Энциклопедіи" Дидро высказался въ пользу представительнаго правленія. Однако и онъ признавалъ избирательное право только за имущими. „C'est la propriété qui fait le citoyen,—писалъ онъ,—tout homme qui possède dans l'état, est intéressé au bien de l'état" (гражданиномъ дѣлаетъ собственность; всякій, у кого есть въ государствѣ имущество, заинтересованъ въ государственномъ благѣ). Такъ какъ въ тогдашнемъ государствѣ существовали нѣкоторыя сословія, обладавшія извѣстными политическими привилегіями, то Дидро нашелъ нужнымъ пояснить, что привилегіи эти не должны распространяться на право представительства: „каково бы ни было то положеніе, въ которое ставятъ человѣка извѣстныя условныя отношенія, право быть представленнымъ пріобрѣтается имъ, какъ собственникомъ" [1]). Это значитъ, что политическія права должны опредѣляться классовымъ положеніемъ человѣка, а не принадлежностью его къ тому или другому сословію. Между тѣмъ Дидро былъ однимъ изъ крайнихъ между просвѣтителями [2]).

Извѣстно, что впослѣдствіи французское учредительное собраніе признало избирательныя права только за „активными гражданами", удовлетворявшими извѣстнымъ цензовымъ требованіямъ. И это показываетъ, что большинство депутатовъ, входившихъ въ его составъ, раздѣляло взглядъ на собственность, какъ на источникъ избирательнаго права.

Выступая идеологами третьяго сословія, французскіе просвѣтители отстаивали интересы имущихъ его элементовъ тамъ, гдѣ имъ противорѣчили интересы неимущихъ. Ихъ идейная

---

[1]) Encyclopédie, tome 28, p. 366.

[2]) Руссо иначе смотрѣлъ на эти вопросы. Но его взгляды въ очень многомъ расходились со взглядами просвѣтителей.

освободительная борьба была борьбой „въ предѣлахъ буржуазнаго кругозора“. Это неоспоримо. Но было бы крайне ошибочно предполагать, будто они всегда и всюду сознательно стремились отстаивать эгоистическій интересъ буржуазіи.

Марксъ очень хорошо замѣчаетъ въ сочиненіи объ „18-омъ брюмерѣ Луи-Бонапарта“: „не слѣдуетъ думать, что всѣ демократы (буржуазные *Г. П.*)—лавочники или поклонники лавочниковъ. По своему образованію и индивидуальному положенію они могутъ быть далеки отъ лавочниковъ, какъ небо отъ земли. Ихъ дѣлаетъ представителями мелкой буржуазіи то, что ихъ мысль не выходитъ за предѣлы жизненной обстановки мелкой буржуазіи, что они поэтому теоретически приходятъ къ тѣмъ же задачамъ и рѣшеніямъ, къ которымъ мелкій буржуа приходитъ практически, благодаря своимъ матеріальнымъ интересамъ и своему общественному положенію“.

Къ этому Марксъ прибавляетъ: „таково всегда общее отношеніе между политическими и литературными представителями класса и представляемымъ классомъ“. Именно таково было и отношеніе между французскими просвѣтителями съ одной стороны, и буржуазіей,—крупной и мелкой,—съ другой. Реформаторскія стремленія просвѣтителей не выходили за предѣлы буржуазныхъ производственныхъ отношеній и соотвѣтствующей этимъ отношеніямъ общественной обстановки. Но противорѣчія, свойственныя буржуазному способу производства, тогда еще слабо обнаруживались, а потому и соотвѣтствующая имъ общественная обстановка должна была представляться въ видѣ несравненно болѣе привлекательномъ, чѣмъ ея нынѣшній видъ. Скажу больше. Когда просвѣтители отстаивали права собственниковъ, они имѣли въ виду не эксплуататоровъ, а эксплуатируемыхъ.

Вотъ примѣръ. Руссо говоритъ въ „Эмилѣ“, что идея собственности должна быть внушена ребенку даже раньше идеи свободы. На этомъ основаніи легко построить цѣлое обвиненіе въ архи-буржуазной узкости понятій. Но прочтите со вниманіемъ относящееся сюда мѣсто второй книги „Эмиля“,—и вы увидите полную неосновательность подобнаго обвиненія. Какимъ образомъ слѣдуетъ внушать ребенку идею собственности? По мнѣнію Руссо, надо выяснить ему, что предметы составляютъ собственность тѣхъ, кто произвелъ ихъ своимъ трудомъ. Это, какъ видите, вовсе не капиталистическое понятіе о собственности. Въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ собственность есть, по мѣткому выраженію Лассаля, чужесть (Eigenthum ist Fremdenthum), такъ какъ доходъ

богатаго создается не его собственнымъ, а чужимъ трудомъ, трудомъ наемныхъ рабочихъ. Но въ томъ обществѣ, въ которомъ капиталистическія отношенія производства еще не стали господствующими, главнымъ основаніемъ собственности служитъ трудъ собственника. И потому ее съ убѣжденіемъ и жаромъ защищаютъ люди, дорожащіе интересами трудящейся массы. Однако трудящаяся масса можетъ быть эксплуатируема не только посредствомъ найма. Въ эпохи, предшествующія капиталистической, она нерѣдко находится въ извѣстной юридической зависимости отъ господствующаго сословія, которому она отдаетъ большую или меньшую часть продуктовъ своего труда. При такомъ положеніи дѣлъ понятіе „собственникъ“ можетъ имѣть двоякій смыслъ. Собственникъ это—или тотъ, кому принадлежитъ право обложенія производителя извѣстною данью, или же тотъ, кто обязанъ уплачивать эту дань, т. е. производитель. Когда начинаетъ клониться къ упадку общественный порядокъ, основанный на такихъ отношеніяхъ, тогда идеологи господствующаго сословія понимаютъ подъ собственниками получателей дани, а идеологи сословія подчиненнаго—тѣхъ, которые уплачиваютъ ее. И когда идеологи этого послѣдняго сословія защищаютъ права собственности, они отстаиваютъ интересъ эксплуатируемыхъ, а не эксплуататоровъ. Именно такъ и было съ идеологами третьяго сословія во Франціи XVIII столѣтія, гдѣ капиталистическія отношенія еще не сдѣлались господствующими, и гдѣ въ то же время продолжали существовать нѣкоторыя старыя, феодальныя, формы эксплуатаціи производителей [1]).

Понятіе эксплуатаціи само измѣняется въ зависимости отъ измѣненія способовъ производства. Въ другомъ мѣстѣ я показалъ, что еще французскіе соціалисты-утописты знали только два вида дохода, основаннаго на эксплуатаціи чужого труда: поземельную ренту и процентъ на капиталъ, между тѣмъ какъ доходъ предпринимателя представлялъ собою, по ихъ мнѣнію, одинъ изъ видовъ вознагражденія трудящихся. Это необходимо помнить, чтобы понять образъ мыслей, по крайней мѣрѣ, лѣваго крыла французскихъ просвѣтителей.

Я указалъ на Руссо, который въ очень многомъ расходился съ просвѣтителями. Но въ данномъ случаѣ взглядъ Руссо былъ совершенно сходенъ съ ихъ взглядомъ [2]). На Руссо я пред-

---

[1]) Этимъ объясняется психологическая возможность того благороднаго энтузіазма, какимъ пропитаны ихъ сочиненія.

[2]) Ср. хотя бы седьмую главу десятаго отдѣла „De l'Homme“ Гельвеція.

почелъ сослаться единственно потому, что его примѣръ показался мнѣ самымъ наглядным.

Спора нѣтъ, когда люди защищаютъ интересы эксплуатируемыхъ, не выходя,—въ данномъ случаѣ надо сказать: не имѣя объективной, а потому и субъективной, психологической, возможности выйти,—за предѣлы буржуазнаго кругозора, они неизбѣжно попадаютъ въ противорѣчія. Попадали въ нихъ и французскіе просвѣтители, особенно тѣ, которые принадлежали къ числу умѣренныхъ. Такъ, когда скептическій Вольтеръ,—который велъ такую жестокую войну съ католицизмомъ,—заговаривалъ о загробномъ возмездіи за грѣхи, совершаемые нами при жизни, то это плохо вязалось съ его собственнымъ философскимъ понятіемъ о душѣ и нужно было ему главнымъ образомъ для назиданія трудящейся массы. Если онъ постоянно и рѣшительно отвергалъ матеріализмъ, то дѣлалъ это не только потому, что не умѣлъ отдѣлаться отъ стараго, спиритуалистическаго, взгляда на матерію, но также и потому, что ему внушали страхъ опасныя, съ точки зрѣнія общественнаго спокойствія, послѣдствія („les conséquences dangereuses“) матеріалистической проповѣди[1]). Да и его неумѣнье понять несостоятельность спиритуалистическаго взгляда обусловливалось тѣмъ же самымъ, но только не сознаннымъ страхомъ. То, что представлялось ему полезнымъ съ точки зрѣнія буржуазнаго общества, было для него важнѣе истиннаго въ теоретическомъ смыслѣ. Его возможно, пожалуй, назвать предшественникомъ нынѣшнихъ прагматистовъ. Но между нимъ и этими прагматистами есть, къ его большой выгодѣ, огромная разница.

Въ эпоху Вольтера буржуазный строй не только не былъ отживающимъ, но, напротивъ, пріобрѣталъ все большую и большую жизненную силу, все шире и шире развертывалъ тѣ свои стороны, которыя выгодны были для всей массы населенія. А пока данный общественно-политическій строй не пережилъ этой фазы своего развитія, до тѣхъ поръ его радостно привѣтствуютъ,—какъ справедливо замѣтилъ Энгельсъ въ своей полемикѣ съ Дюрингомъ,—даже тѣ, которымъ суждено остаться въ немъ обездоленными. И если, выступая въ роли идеолога этого новаго порядка, иной писатель иногда руководствуется соображеніями пользы больше, нежели требованіями теоретической истины, то въ концѣ концовъ это не мѣшаетъ ему служить прогрессу, такъ какъ польза, которую онъ имѣетъ въ

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. у Ж. Пелиссье, „Voltaire philosophe“. Paris, 1908, pp. 173—175.

виду, является въ послѣднемъ счетѣ общественной пользой. А современные намъ прагматисты, живя въ такую эпоху, когда буржуазный способъ производства отживаетъ свое время и самъ готовится стать „старымъ порядкомъ“, уже не могли бы сослаться на это смягчающее обстоятельство, огромную важность котораго долженъ признать всякій изслѣдователь, возвысившійся до научнаго пониманія исторіи общественной мысли.

III.

Гегель назвалъ эпоху французской просвѣтительной философіи величественнымъ восходомъ солнца (ein herrlicher Sonnenaufgang). Этимъ своимъ характеромъ она обязана была тому, что звала передъ судилище разума всѣ старыя вѣрованія, преданія и учрежденія. И хотя, произнося надъ нимъ свои приговоры, разумъ не выходилъ за предѣлы „буржуазнаго кругозора“, но предѣлы эти были тогда настолько широки, что, какъ сказалъ тотъ же Гегель, міръ проникся энтузіазмомъ духа. Просвѣтители являлись защитниками всѣхъ тѣхъ, кого тѣмъ или другимъ способомъ угнеталъ старый порядокъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ слѣдуетъ, вспомнить, напримѣръ, драматическую литературу того времени.

Философія овладѣла сценой и превратила ее въ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ распространенія освободительныхъ идей. Какъ не одинъ разъ было замѣчено мною выше, просвѣтители мирились съ абсолютной монархіей, однако они мирились съ абсолютизмомъ лишь подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она служила дѣлу просвѣщенія. Хулители Вольтера до сихъ поръ нерѣдко ставятъ ему въ вину его безчисленные комплименты коронованнымъ особамъ. Но они, во-первыхъ, упускаютъ изъ виду, что Вольтеръ льстилъ этимъ особамъ, надѣясь подвинуть ихъ на борьбу съ ненавистными ему предразсудками и учрежденіями. Во-вторыхъ, они забываютъ, какіе уроки давалъ онъ власть имущимъ въ своихъ трагедіяхъ. А. Фонтэнъ прекрасно характеризовалъ перемѣну въ настроеніи французскаго образованнаго общества, сопоставивъ „Эдипа“ Корнеля съ „Эдипомъ“ Вольтера. У Корнеля мы встрѣчаемъ характерную для Франціи XVII вѣка фразу:

Le peuple est trop heureux quand il meurt pour ses rois.

У Вольтера же, наоборотъ, Эдипъ говоритъ:

Mourir pour son pays c'est le devoir d'un roi.

Это цѣлый переворотъ во взглядѣ на отношеніе монарха къ своимъ подданнымъ. Не меньшій переворотъ произошелъ и въ понятіи правовой основы королевской власти. Въ „Меропѣ“ Вольтеръ провозглашаетъ устами Полифонта:

Le premier qui fut roi fut un soldat heureux.
Qui sert bien son pays n'a pas besoin d'aïeux...

Его Брутъ говоритъ о королѣ:

Il romp tous nos serments lorsqu'il trahit le sien,
Et dès qu'aux lois de Rome il ose être infidèle,
Rome n'est plus sujette, et lui seul est rebelle.

Католическому духовенству Вольтеръ преподносилъ еще менѣе лестныя истины. Всякій понималъ тогда, что преимущественно въ это духовенство мѣтилъ онъ, провозглашая:

Nos prêtres ne sont point ce qu'un vain peur le pense;
Notre crédulité fait toute leur science.

Нечего и говорить объ его „Магометѣ“, въ которомъ выражался господствовавшій тогда между просвѣтителями взглядъ на происхожденіе религіи. А вѣдь Вольтеръ былъ не одинъ; по его слѣдамъ шло много авторовъ, не имѣвшихъ его могучаго таланта, но раздѣлявшихъ его воззрѣнія. У Мармонтеля (La Mort d'Hercule) Деянира восклицаетъ, обращаясь къ Демофонту по поводу оракула, возвѣстившаго, что Церера требуетъ человѣческой жертвы:

M'ozez-vous démentir un oracle odieux?
Et quoi! Si dans leur temple un fourbé assez farouche
Prête son âme au Dieu que fait parler sa bouche,
Est-ce à vous d'écouter son horrible fureur?
Je reste une hydre à vaincre, et cette hydre est l'erreur;
Oser la terrasser... и т. д.

Это, какъ двѣ капли воды, похоже на вольтеровское „écrasons l'infâme!“.

Но французская классическая трагедія, служившая во время своего расцвѣта самымъ яркимъ выраженіемъ понятій и вкусовъ аристократическаго общества, не вполнѣ соотвѣтствовала психологіи третьяго сословія, вступившаго въ борьбу съ аристократіей. Литературнымъ плодомъ освободительныхъ стремленій этого сословія явилась буржуазная драма. Однимъ изъ ея творцовъ былъ Дидро, главный иредакторъ знаменитой „Энциклопедіи“. Если буржуазная драма не блистала художественными достоинствами, то она, безспорно, много сдѣлала для распространенія освободительныхъ идей. Она и создана была ради ихъ пропаганды.

Тогдашняя трегедія не удовлетворяла идеологовъ буржуазіи уже однимъ тѣмъ, что, согласно старому правилу, ея героями выступали только высокопоставленныя лица. „Думали, что въ трагедіи должны выступать короли,—говорилъ С. Мерсье въ письмѣ къ Тома отъ 10 іюля 1770 года —Внѣшній признакъ величія принимали за величіе дѣйствительное. Поэтъ... вводилъ людей въ заблужденіе,—смѣю сказать, что онъ обманывалъ ихъ. Но имъ слѣдуетъ, думается мнѣ, показать, что мужество, героизмъ и добродѣтель принадлежатъ темнымъ классамъ общества (aux classes obscures de la société), что каждый можетъ надѣяться стать героемъ въ глазахъ своихъ современниковъ и своихъ потомковъ, исполнивъ обязанности, вытекающія изъ его общественнаго положенія, что человѣкъ—все, а стимулы—ничто“ [1]).

Католическое духовенство утверждало, что человѣческая природа испорчена грѣхопаденіемъ Адама и Евы. Просвѣтители совсѣмъ иначе смотрѣли на этотъ вопросъ. Одни изъ нихъ держались того мнѣнія, что человѣкъ по своей природѣ не дуренъ и не хорошъ, а становится дурнымъ или хорошимъ въ зависимости отъ обстоятельствъ его развитія. Другіе раздѣляли то убѣжденіе Руссо, что природа дѣлаетъ человѣка добрымъ, и что онъ портится лишь въ обществѣ. Во всякомъ случаѣ и тѣ и другіе рѣшительно отрицали взглядъ Церкви. „Поэтъ,—говоритъ Мерсье, бывшій однимъ изъ самыхъ видныхъ теоретиковъ буржуазной драмы,—поэтъ долженъ вѣрить, что человѣкъ родится хорошимъ... Если бы я думалъ, что онъ родится злымъ, я сломалъ бы мое перо, и чернила высохли бы въ моей чернильницѣ. Кто ты, осмѣливающійся утверждать, что человѣкъ родится злымъ? Чудовище, кто воспиталъ тебя? Люди родятся поистинѣ братьями... Всѣ великія преслѣдованія, всѣ великія преступленія, покрывающія лицо земли, совершаются, такъ сказать, во имя призрака, которымъ люди наполняютъ и горячатъ свое воображеніе“.

Подъ „призракомъ“ надо понимать религіозныя суевѣрія, а подъ преступленіями, которыя совершаются во имя призрака,— кровавыя историческія событія, въ родѣ Варѳоломеевской ночи, и вообще преслѣдованія за вѣру. Такимъ образомъ тирада Мерсье направлена здѣсь прямо и рѣшительно противъ духовенства. Но ни онъ и никто другой изъ свободомыслящихъ драматурговъ XVIII в. отнюдь не думалъ, что человѣческая природа портится только подъ вліяніемъ религіознаго „призрака“. Въ буржуаз-

---

1) Sébastien Mercier, sa vie, son oeuvre, son temps, par Léon Béclard. Paris, 1903, pp. 790—791.

ной драмѣ выражался протестъ противъ общественныхъ учрежденій, не имѣвшихъ въ себѣ ровно ничего „призрачнаго“, противъ всѣхъ вообще привилегій высшихъ сословій. Эти привилегіи и разсматривались драматургами какъ основная причина искаженія природы человѣка. Притомъ обладатели привилегій изображались,—что, впрочемъ, не противорѣчило дѣйствительности,—болѣе испорченными, нежели тѣ, которые отъ нихъ страдали. „Между 1760 и 1790 г. существуетъ насчетъ природы предразсудокъ навыворотъ,—говоритъ Ф. Гэффъ:—если выводятъ двухъ дѣтей неодинаковаго происхожденія, то можно быть увѣреннымъ, что дворянчика наградятъ смѣшными ужимками, значительными недостатками и даже какимъ-нибудь гнуснымъ порокомъ, между тѣмъ какъ молодой разночинецъ (roturier) выкажетъ самыя великодушныя и самыя благородныя чувства“ [1]).

Дѣти воспитываются въ семьѣ, а буржуазная семья того времени, несомнѣнно, представляла собою болѣе здоровое общественное учрежденіе, нежели аристократическая. Неудивительно поэтому, что буржуазная драма въ неодинаковомъ свѣтѣ выставляла эти двѣ разновидности семейныхъ отношеній. Когда она изображала аристократическую семью, то заставляла супруговъ нарушать взаимную вѣрность, а дѣтей расти безъ всякихъ нравственныхъ правилъ и слѣдовать дурнымъ примѣрамъ; наоборотъ, буржуазная или крестьянская семья представлялась спокойной и счастливой, и между ея членами царила взаимная привязанность [2]).

То же самое видимъ мы и въ живописи, гдѣ Грёзъ красками превозносилъ мѣщанскіе и крестьянскіе нравы, что вызывало горячія похвалы со стороны Дидро и его литературныхъ единомышленниковъ [3]).

А комедія? Кто не знаетъ мольеровскаго „мѣщанина во дворянствѣ“? Насъ теперь приводятъ въ веселое расположеніе духа его смѣшныя попытки усвоить себѣ утонченныя дворянскія манеры. Не такое впечатлѣніе производила названная комедія въ XVIII вѣкѣ на идеологовъ третьяго сословія. Мерсье ставилъ Мольеру въ вину, что онъ, въ лицѣ Журдэна, осмѣялъ „простую и чистую честность“ (l'honnêteté pure et simple) и хотѣлъ „унизить буржуазію,—сословіе самое почтенное въ государствѣ или, вѣрнѣе, то сословіе, которое и составляетъ государство“ [4]). И вотъ, если

---

[1]) La drame en France au XVIII-e siècle. Paris, MCMX, pp. 364—365.

[2]) Тамъ же, стр. 368.

[3]) Объ этой сторонѣ художественной дѣятельности Греза см. Louis Hautecoeur, Greuze. Paris, 1913.

[4]) Гэффъ, назв. соч., стр. 91.

французская комедія XVII вѣка дала міру Журдэна, то въ слѣдующемъ столѣтіи она выдвинула Вандерка-отца, который не только не смѣшитъ зрителя, но умиляетъ его благородствомъ своихъ дѣйствій, и который, вдобавокъ, почти вдохновенно говоритъ о нравственномъ достоинствѣ торговли [1]).

Дидро, по весьма понятной психологической причинѣ пришедшій въ восторгъ отъ пьесы Седэна, жаловался на несправедливость французской комедіи къ прислугѣ. Впослѣдствіи Бомарше отомстилъ за прислугу въ своемъ „Barbier de Seville“ (1775) и особенно въ „Mariage de Figaro“ (1784), отведя лакею несравненно лучшую роль, нежели его знатному барину, и провозгласивъ, устами Фигаро, что если судить по тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ слугамъ, немного найдется господъ, достойныхъ занять ихъ мѣста. Но это—шутка, хотя и чрезвычайно ядовитая. Остроумный и веселый Фигаро умѣлъ также говорить серьезно, и когда онъ говорилъ серьезно, въ его словахъ слышалась угроза...

Еще слышнѣе она въ устахъ бѣднаго ткача Жозефа, выводимаго Мерсье въ драмѣ „L'indigent“. Жозефъ живетъ съ своей сестрой Шарлоттой въ жалкой конурѣ, и оба они надрываются надъ работой, чтобы хоть какъ-нибудь перебиться самимъ и, кромѣ того, выкупить изъ тюрьмы своего отца, который попалъ туда потому, что, будучи приставленъ властями къ сбору подати,—знаменитой taille,—онъ не хотѣлъ описывать имущество бѣдныхъ неплательщиковъ. Но скупщикъ, на котораго они работаютъ, платитъ мало, а жизнь дорога, и Жозефъ ропщетъ: „Je ne suis pauvre que parcequ'il y a trop de riches“ (Я бѣденъ только потому, что слишкомъ много богатыхъ), говоритъ онъ.

Людовикъ XIV терпѣть не могъ голландской живописи. Это такъ же понятно, какъ и то, что его преемникъ не любилъ буржуазной драмы. Скорѣе нужно удивляться тому, что привилегированное общество не дало болѣе энергичнаго отпора литературнымъ и художественнымъ стремленіямъ идеологовъ третьяго сословія. Впрочемъ, оно не сумѣло дать сильный отпоръ даже ихъ политическимъ и соціальнымъ ученіямъ, логическимъ выводомъ изъ которыхъ являлось устраненіе стараго порядка. Оно весьма плохо понимало ту связь, которая всегда существуетъ между явленіями общественнаго бытія и произведеніями общественнаго сознанія.

Буржуазная драма, подобно картинамъ Грёза, имѣла огром-

---

[1]) Вандерки, — отецъ и сынъ, — дѣйствующія лица въ пьесѣ М. Ж. Седэна, „Le philosophe sans le savoir“ (1765).

ный успѣхъ. Въ 1769 г. директоръ одного изъ французскихъ театровъ хотѣлъ поставить „Гамлета“, о чемъ и довелъ до свѣдѣнія находившейся въ театральномъ залѣ публики. Но публика стала кричать: „Point d'Hamlet, Le père de famille!“ [1]).

IV.

Та же соціальная причина, которая вызвала новыя стремленія въ литературѣ и въ искусствѣ, повела и къ широкому распространенію во Франціи идей, въ своей совокупности составлявшихъ философію XVIII вѣка. По своему теоретическому содержанію названная философія была прямымъ и безпощаднымъ отрицаніемъ идеалистической метафизики, господствовавшей во Франціи въ эпоху расцвѣта сословной монархіи. Въ этомъ смыслѣ она была матеріалистической даже тогда, когда ея сторонники считали себя противниками матеріализма. Вольтеръ, всегда и рѣшительно отвергавшій матеріализмъ, самъ разсуждалъ, какъ матеріалистъ, всякій разъ, когда, не довольствуясь остроумными скептическими замѣчаніями по адресу мыслителей всѣхъ школъ и язвительными насмѣшками надъ „метафизиками“, давалъ себѣ трудъ серьезно обдумать коренной вопросъ всей философіи: вопросъ объ отношеніи субъекта къ объекту, сознанія къ бытію. „Я тѣло, — говорилъ онъ,—и я мыслю; больше я ничего не знаю“. Если это скептицизмъ, то, очевидно, такой, который не распространялся на ученіе матеріалистовъ о способности матеріи ощущать и мыслить безъ помощи другой, не матеріальной, субстанціи.

Консервативные французскіе писатели нашихъ дней изображаютъ это невольное тяготѣніе Вольтера къ матеріалистической философіи какъ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ его грѣховъ.

Если, принимая матеріалистическія посылки, онъ упрямо отвергалъ матеріалистическіе выводы, то его непослѣдовательность объясняется,—какъ это сказано выше,—частью тѣмъ обстоятельствомъ, что ему не удалось вполнѣ освободиться отъ вліянія спиритуалистическихъ понятій, завѣщанныхъ добрымъ временемъ, а частью—тѣмъ, что я назвалъ его прагматизмомъ, т.-е. его нежеланіемъ поддерживать такія философскія истины, которыя казались ему опасными съ точки зрѣнія общественнаго спокойствія.

То, чего пугался Вольтеръ, пугало по всей вѣроятности, многихъ тогдашнихъ идеологовъ третьяго сословія. Матеріализмъ,

[1]) Гэффъ, назв. соч., стр. 176, примѣчаніе.—Пьеса Дидро „Le père de famille“ вовсе не отличается художественными достоинствами.

какъ стройная система, никогда не господствовалъ въ ихъ средѣ. За него открыто и послѣдовательно держались только самые смѣлые. Зато эти смѣльчаки сумѣли сдѣлать изъ его теоретическихъ посылокъ всѣ тѣ выводы, которые могли быть разумно сдѣланы изъ нихъ при тогдашнемъ состояніи естествознанія и общественной науки.

Необходимо помнить, что выводы эти, дѣйствительно, имѣли не только теоретическое значеніе. Марксъ уже въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка отмѣтилъ тѣсную связь между матеріализмомъ и соціализмомъ. Онъ справедливо сказалъ, что если человѣкъ получаетъ всѣ свои ощущенія, знанія и т. д. изъ внѣшняго міра, то надо, стало быть, такъ устроить этотъ окружающій его внѣшній міръ, чтобы онъ получалъ оттуда достойныя его впечатлѣнія; что если правильно понятый личный интересъ есть основа всякой нравственности, то надо позаботиться о томъ, чтобы интересы отдѣльнаго человѣка совпадали съ интересами человѣчества; наконецъ, что если свобода человѣка заключается не въ отрицательной способности избѣгать тѣхъ или другихъ поступковъ, а въ положительной возможности проявленія своихъ личныхъ свойствъ, то надо уничтожить противообщественные источники преступленій и отвести въ обществѣ свободное мѣсто для дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка.

Каково должна быть та общественная организація, при которой интересы отдѣльнаго человѣка совпадутъ съ интересами всего человѣчества или, по крайней мѣрѣ, съ интересами его согражданъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, соціалисты расходились съ французскими просвѣтителями XVIII в. Но вѣдь и въ лагерѣ соціалистовъ долго не было единомыслія на этотъ счетъ: разныя соціалистическія школы давали различные отвѣты. И все-таки совершенно неоспоримо, что, давая свой особый отвѣтъ, каждая соціалистическая школа, не только во Франціи, но и въ Англіи, опиралась на выводы французскаго матеріализма XVIII вѣка, хотя иногда и отвергала при этомъ его „безбожное“ и будто бы безнравственное ученіе.

Если сами французскіе матеріалисты не дѣлали,—да по обстоятельствамъ времени и никакъ не могли дѣлать,—соціалистическихъ выводовъ изъ своей доктрины, то они все-таки очень усердно стремились перестроить, согласно требованіямъ разума, окружающій человѣка „міръ“, т.-е. общественныя отношенія. Такъ много нашумѣвшее въ свое время и въ самомъ дѣлѣ замѣчательное сочиненіе „Système de la Nature“, которое называли библіей матеріализма, даетъ ясное представленіе о томъ, какими горячими и смѣлыми реформаторами были авторы этого замѣча-

тельнаго сочиненія. Наиболѣе поучительна въ интересующемъ насъ здѣсь отношеніи двадцать четвертая глава второго тома, озаглавленная: Agrégé du Code de la Nature (краткій сводъ законовъ природы)[1]).

Отправляясь отъ того положенія, что ошибочное не можетъ быть полезно людямъ, а вредное не можетъ быть истиннымъ, авторы „Системы природы“[2]) энергично возстаютъ противъ всѣхъ „фантомовъ“, вводящихъ человѣчество въ заблужденія, которыя, въ свою очередь, порождаютъ все общественное зло. Если авторы разбиваютъ старыхъ „идоловъ“, то дѣлаютъ это затѣмъ, чтобы, ознакомившись съ истиной, люди перестали, наконецъ, влачить въ бѣдности жалкое существованіе рабовъ, отягощенныхъ цѣпями. Если авторы отвергаютъ старую нравственность, то единственно затѣмъ, чтобы „поставить науку о нравахъ на твердое основаніе человѣческой природы“. Иногда они почти вплотную подходятъ къ коммунизму. Такъ, отъ имени природы, они говорятъ человѣку: „наслаждайся и давай другимъ наслаждаться благами, отданными мною въ общее пользованіе (que j'ai mis en commun) всѣхъ моихъ дѣтей“. Они гремятъ противъ богатыхъ, обирающихъ своихъ согражданъ и дѣлающихся жертвами пресыщенія и скуки. По ихъ мнѣнію, справедливы только тѣ общественныя учрежденія, которыя согласованы съ законами природы. Мы уже знаемъ, что для согласованія общественно-политическаго строя Франціи съ законами природы, какъ понимали ихъ французскіе просвѣтители, надо было совершенно устранить старый порядокъ, и что его устраненіе было въ интересахъ огромнѣйшаго большинства французовъ. Поэтому авторы „Système de la Nature“ имѣли полное право смотрѣть на себя, какъ на защитниковъ народа.

То же надо сказать и о Гельвеціи, сочиненія котораго такъ усердно читались мыслящими русскими людьми, напримѣръ, лейпцигскими товарищами Радищева. Хотя Гельвецій то же смотрѣлъ на буржуазную собственность, какъ на естественное и необходимое условіе существованія человѣческихъ обществъ, но въ его сочиненіяхъ нѣтъ ни одной строчки, которая доказывала бы, что интересы имущихъ классовъ были ему дороже, нежели интересы народа. Напротивъ, Гельвецій съ убѣжденіемъ повторялъ: „salus populi suprema lex“ (благо народа—высшій законъ) и считалъ демократическую конституцію наиболѣе соотвѣт-

[1]) Какъ увидимъ ниже, она производила сильное впечатлѣніе и на русскихъ читателей.

[2]) Извѣстно, что книга эта писалась всѣмъ кружкомъ Гольбаха, къ которому также принадлежалъ геніальный Дидро.

ствующей народному благу. Общество, въ которомъ господствуетъ дворянское сословіе—le corps des nobles,—никакъ не могло, по его мнѣнію, содѣйствовать развитію у своихъ членовъ, чувствъ справедливости и гражданскаго долга [1]). Онъ былъ врагомъ всякихъ привилегій и говорилъ, что въ основѣ каждый изъ нихъ лежитъ несправедливость [2]).

V.

Когда просвѣтители приступили къ изданію своей знаменитой „Энциклопедіи", они начали литературное дѣло имѣвшее колоссальное общественное значеніе. Уже въ самомъ объявленіи объ ея изданіи (Prospectus), написанномъ Дидро, слышался голосъ демократіи, если хотите—народничества. Въ объявленіи говорилось, что „свободныя искусства" достаточно занимались сами собою, и что имъ пора обратить вниманіе на искусства „механическія", пора покончить съ тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ къ нимъ относились благодаря старому предразсудку. Ремесленники, поденщики, вообще люди, живущіе трудами рукъ своихъ, составляютъ большинство націи. Если они несчастны, то вмѣстѣ съ ними несчастна и вся нація. Обращаясь къ поденщикамъ и ремесленникамъ, Дидро говорилъ имъ, что они „считали себя достойными презрѣнія только потому, что ихъ презирали другіе", и что имъ слѣдуетъ быть о себѣ болѣе высокаго мнѣнія [3]). Съ такими рѣчами французская интеллиген-

---

[1]) Oeuvres complètes, Paris, MDCCCXVIII, t. II, pp. 236—237.

[2]) Oeuvres complètes, t. III, p. 308.

[3]) Diderot par Joseph Reinach. Paris, 1894, pp. 43—44. Въ другомъ мѣстѣ (статья „Art" въ III томѣ „Энциклопедіи") Дидро, нападая на пренебрежительное отношеніе къ тѣмъ, которые занимаются „механическими" искусствами, говоритъ, что этотъ предразсудокъ способенъ населить наши города праздными резонерами и паразитами, живущими на счетъ невѣжественныхъ маленькихъ тирановъ. Высказывая все это, Дидро повиновался тому же чувству, подъ вліяніемъ котораго французскіе историки совершили впослѣдствіи цѣлый переворотъ въ своей наукѣ. „Кто изъ насъ—писалъ въ 1818 г. Огюстенъ Тьери,—слышалъ о томъ классѣ людей, который сохранилъ для человѣчества промышленныя искусства и привычку къ труду во время наводненія Европы варварами? Постоянно подвергаясь притѣсненіямъ и грабежу со стороны своихъ побѣдителей и повелителей, эти люди вели тягостное существованіе, получая въ вознагражденіе за свой трудъ лишь сознаніе того, что они поступаютъ хорошо и спасаютъ цивилизацію для своихъ дѣтей и для всего міра. Эти спасители нашихъ искусствъ были нашими отцами. Мы дѣти тѣхъ крѣпостныхъ, тѣхъ данниковъ, тѣхъ буржуа, которыхъ безпощадно попирали завоеватели... Мы всѣмъ восхищались и все изучали за исключеніемъ того, что было совершено ими". Дидро тоже происходилъ отъ тѣхъ „данниковъ, тѣхъ буржуа", которыхъ угнетали завоеватели и потомки завоевателей.

ція никогда еще не обращалась къ трудящемуся населенію своей страны [1]).

Но здѣсь, во избѣжаніе важныхъ недоразумѣній, мнѣ слѣдуетъ оговориться. Не должно впадать въ преувеличенія и воображать, будто французскіе просвѣтители сознательно подготовляли революціонную бурю, разразившуюся въ концѣ XVIII вѣка. Ихъ настойчиво обвиняли въ этомъ охранители. Однако охранители ошибались.

Нѣкоторые тогдашніе проповѣдники новыхъ идей замѣчали, что народъ теряетъ терпѣніе и можетъ, пожалуй, возстать противъ своихъ притѣснителей (Вольтеръ, Руссо и другіе). Но, не будучи сторонниками революціоннаго способа дѣйствій, они пугались приближавшагося взрыва, а не привѣтствовали его. Они отъ всей души предпочли бы мирную реформу насильственной революціи. Это мирное настроеніе проповѣдниковъ революціонныхъ идей ярко отразилось какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ. Буржуазная драма, въ образахъ выражавшая стремленія третьяго сословія, совсѣмъ не знаетъ боевыхъ мотивовъ. Нѣтъ такихъ мотивовъ и въ живописи, напримѣръ, въ картинахъ Грёза. Хотя просвѣтители ставили третье сословіе несравненно выше привилегированныхъ сословій и, единодушно превознося его добродѣтели, не упускали случая оттѣнить порочность аристократовъ, однако они еще не теряли надежды на то, что эти послѣдніе сами сознаютъ, наконецъ, несправедливость своего привилегированнаго положенія и, по крайней мѣрѣ, постараются значительно смягчить его вредныя для народной массы послѣдствія. Недаромъ они твердили: „la raison finit toujours par avoir raison“. Въ дѣлѣ такого смягченія они уповали и на монарховъ, которые, думали они, должны же понять, что имъ гораздо пріятнѣе будетъ господствовать надъ свободными и счастливыми, нежели надъ порабощенными и несчастными подданными. Во Франціи эти упованія очень оживились со вступленіемъ на престолъ Людовика XVI и съ началомъ реформъ Тюрго. Но Тюрго недолго продержался у власти, и за его паденіемъ послѣдовала откровенная реакція. Разумѣется, это не могло не огорчить просвѣтителей. Въ ихъ взгляды проникла значительная доза пессимизма. Это было тогда тѣмъ болѣе неизбѣжно, что уже и раньше, въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV, нѣкоторые, наиболѣе впечатлительные и нетер-

---

[1]) Приведенныя слова Дидро напоминаютъ одну изъ пѣсенъ, распѣвавшихся во время революціи. Въ этой пѣснѣ говорилось: les grands ne nous paraissent grands—que parce que nous sommes à genoux, levons nous!

пѣливые, просвѣтители, не ожидая ничего хорошаго отъ французскаго правительства, стали крайне мрачно смотрѣть на будущность Франціи. Въ предисловіи къ своему, не разъ уже упомянутому мною, сочиненію „De l'Homme,"—напечатанному лишь послѣ его смерти,—Гельвецій говоритъ, что его страна окончательно попала подъ иго деспотизма и уже неспособна его сбросить, а потому она можетъ надѣяться развѣ только на иностранное завоеваніе. Мы видимъ отсюда, что „пораженчество",—да проститъ мнѣ читатель этотъ варварскій терминъ, къ моему величайшему сожалѣнію, ставшій у насъ общеупотребительнымъ,—вовсе не такъ ново, какъ это думаютъ нѣкоторые наивные „новаторы". Легко видѣть также, откуда взялось своеобразное „пораженчество" Гельвеція. Оно было вызвано двумя психологическими причинами: полнымъ разочарованіемъ во французскомъ правительствѣ и недовѣріемъ къ способности французскаго народа своими собственными силами справиться съ деспотизмомъ [1]). И надо согласиться, что какъ разочарованіе въ монархіи, такъ и недовѣріе къ народу имѣли въ то время достаточную психологическую причину.

Нѣтъ нужды доказывать это относительно перваго; но что касается второго, то я напомню, что народная масса еще не доказала тогда своего пониманія освободительныхъ идей и своего сочувствія къ нимъ. Этимъ и объясняются тѣ, очень рѣзкіе, отзывы о ней, которые вырывались порой у просвѣтителей, и которыми реакціонеры пользуются теперь для доказательства будто бы антинароднаго характера ихъ стремленій. Въ средѣ французской интеллигенціи издавна уже было немало людей, отличавшихся широтою своихъ политическихъ воззрѣній и готовыхъ горячо отстаивать интересы народа. Въ первомъ томѣ я приводилъ отрывки изъ рѣчей купеческаго головы Роберта Мирона на собраніи Генеральныхъ Штатовъ 1614 года. Въ нихъ уже звучала революціонная нота. Но зала, въ которой происходили засѣданія Штатовъ, была заперта правительствомъ подъ тѣмъ невѣроятнымъ предлогомъ, что она нужна для балета, депутаты распущены по домамъ, а рабочій французскій народъ остался равнодушнымъ и далекимъ отъ пониманія того, какое наглое оскорбленіе нанесли ему его правители въ лицѣ его представителей. Въ 1789 г. онъ совсѣмъ иначе отнесся къ закрытію залы засѣданій Генеральныхъ Штатовъ. Tempora mutantur! Но въ то время, когда Гельвецій писалъ свое предисловіе къ „De

[1]) Гельвецій такъ и говорилъ о французахъ: „nulle crise salutaire ne leur rendra la liberté."

l'Homme" онъ не могъ знать, какой оборотъ примутъ событія въ 1789 г.,—до котораго онъ, мимоходомъ сказать, и не дожилъ,—какъ не могли предвидѣть это и другіе просвѣтители. Они могли судить только на основаніи прошлаго.

Правда, уже въ серединѣ XVIII в. французскій народъ мало по малу становился болѣе сознательнымъ, болѣе отзывчивымъ и, главное, менѣе выносливымъ. Это раньше всего стало обнаруживаться въ Парижѣ. Уже въ 1750—51 гг. тамъ произошли,—вызванные циничнымъ произволомъ полиціи,—весьма значительные безпорядки, участники которыхъ поговаривали, что надо итти на Версаль и сжечь королевскій замокъ, построенный „на счетъ народа". Волненія эти были какъ бы зарницей, напоминавшей о возможности грозы. Во второй половинѣ XVIII вѣка подобныя явленія дѣлались все болѣе и болѣе частыми. Но въ высшей степени замѣчательно, что, возставая противъ администраціи и даже очень рѣзко осуждая самого монарха, парижскій народъ тогда еще вовсе не отказывался отъ монархизма. Во время волненій 1757 г. появились прокламаціи, угрожавшія королю смертью. Но угрозы по адресу Людовика XV дополнялись разсужденіями о томъ, что на престолъ слѣдуетъ возвести герцога Орлеанскаго [1]). Дальше смѣны лицъ на королевскомъ престолѣ народная мысль не шла и долго послѣ этого.

Итакъ, народное настроеніе не могло побудить просвѣтителей къ отказу отъ старой привычки пріурочивать надежду на реформу къ доброй волѣ „просвѣщенныхъ государей" (des princes éclairés). А сохраняя эту привычку, просвѣтители могли, нисколько не измѣняя себѣ, вступать въ сношенія съ тѣми государями, которые въ данное время казались имъ болѣе или менѣе исполненными добрыхъ намѣреній, болѣе или менѣе способными осуществить хотя бы только небольшую часть ихъ освободительныхъ требованій.

Въ дѣйствительности освободительныя требованія просвѣтителей осуществлены были не монархами, а Національнымъ французскимъ Собраніемъ, получившимъ названіе Учредительнаго. Оно и понятно: только революція могла провести въ жизнь требованія, революціонныя по своему существу. Но такъ какъ, выдвигая требованія, имѣвшія революціонный характеръ, просвѣтители стремились и надѣялись въ въ то же время осуществить ихъ мирнымъ путемъ и, между прочимъ, въ союзѣ съ „просвѣщенными" монархами, такъ

---

[1]) См. интересную статью Марселя Руффа: „Les mouvements populaires" въ сборникѣ: „La vie parisienne au XVIII siècle". Paris, 1914.

какъ, съ другой стороны, монархамъ порой приходилось тогда противиться нѣкоторымъ совсѣмъ уже устарѣлымъ феодальнымъ притязаніямъ привилегированныхъ сословій, то иные монархи, въ свою очередь, могли находить небезполезной дружбу съ передовыми французскими философами. И тогда они писали имъ любезныя письма, приглашали къ себѣ въ гости, дарили имъ шубы, награждали ихъ пенсіями, слушали ихъ комплименты и даже, хотя и гораздо менѣе охотно, ихъ совѣты.

Все это измѣнилось уже послѣ первыхъ порывовъ революціонной бури. И даже въ годы, непосредственно предшествовавшіе революціи, молодые французы, воспитавшіеся подъ вліяніемъ энциклопедистовъ, все болѣе и болѣе обнаруживали иное настроеніе. Они съ упоеніемъ читали Плутарха и увлекались античными республиканцами. Эта перемѣна настроенія тоже выразилась въ литературѣ и въ искусствѣ. Буржуазная драма и картины Грёза, одно время имѣвшія такой большой успѣхъ въ передовыхъ слояхъ населенія, теперь уже не удовлетворяли ихъ. Имъ дорога была теперь не столько буржуазная домашняя добродѣтель, изображавшаяся въ этихъ картинахъ и въ этой драмѣ, сколько гражданская доблесть политическихъ борцовъ. Съ цѣлью изображенія этой героической доблести сдѣлана была попытка вновь оживить классическую трагедію [1]). И въ то же самое время въ живописи Грёзъ отступилъ передъ Давидомъ.

Для новыхъ пѣсенъ понадобились новыя птицы. Но о нихъ потомъ.

VI.

Французская философія XVIII вѣка главное свое вниманіе направляла на вопросъ о томъ, каковы должны быть, — съ точки зрѣнія разума,—взаимныя отношенія между людьми, т. е. на вопросы общественнаго устройства. Этимъ она и заслужила названіе—освободительной.

Если мы обратимся къ XVII вѣку, то увидимъ совсѣмъ другое. По мнѣнію Декарта, главное преимущество новой философіи сравнительно съ философіей среднихъ вѣковъ состояло въ томъ, что она способна сдѣлать насъ „господами и обладателями природы“ (maîtres et possesseurs de la nature) [2]). Вопросы

---

[1]) См. чрезвычайно интересное предисловіе (Discours préliminaire) М. Ж. Шенье къ его трагедіи „Charles IX ou l'école des rois“, посвященной „французской націи“ и впервые представленной 4-го ноября 1789 г. Предисловіе помѣчено 22-мъ августа 1788 г., значитъ—написано еще до революціи.

[2]) Discours de la méthode, sixième partie.

общественнаго устройства очень мало интересовали Декарта. Нѣчто совершенно подобное видимъ мы и въ Англіи. Бэконъ Веруламскій видѣлъ главную задачу новой философіи въ томъ же, въ чемъ видѣлъ ее Декартъ: Tantum possumus quantum scimus,—говорилъ онъ, тоже имѣя въ виду не общественное переустройство, а именно увеличеніе власти человѣка надъ природой.

Увеличить власть человѣка надъ природой значитъ увеличить находящіяся въ его распоряженіи производительныя силы. А изъ этого слѣдуетъ, что въ исторіи новой философіи былъ такой періодъ, въ продолженіе котораго она считала главной своей задачей содѣйствіе росту названныхъ силъ или, другими словами, накопленію техническихъ знаній. Это—чисто утилитарный взглядъ на задачу философіи. Поэтому можно сказать, что мыслящіе европейцы XVII в. были во взглядѣ на философію такими же утилитаристами, какъ и просвѣтители XVIII столѣтія. Все различіе состоитъ здѣсь въ характерѣ утилитаризма.

Въ эпоху Бэкона и Декарта ходъ экономическаго развитія передовыхъ обществъ Западной Европы сдѣлалъ особенно ощутительной нужду въ увеличеніи производительныхъ силъ. Великіе мыслители отозвались на эту общественную нужду тѣмъ, что придали философіи новое направленіе, имѣвшее чрезвычайно благотворное вліяніе на естественныя науки, а черезъ нихъ и на технику. Но ростъ производительныхъ силъ, съ своей стороны, очень значительно повліялъ на внутреннія отношенія передовыхъ европейскихъ обществъ. Благодаря ему, третье сословіе стало играть въ жизни этихъ обществъ несравненно болѣе важную роль, чѣмъ прежде. А такъ какъ этой новой, гораздо болѣе важной, роли его не соотвѣтствовали старыя общественныя отношенія, то оно захотѣло уничтожить ихъ. Это стремленіе и выразилось въ выработкѣ идеологами третьяго сословія освободительной философіи XVIII вѣка. Польза, которой ожидали отъ этой новой философіи, заключалась уже не въ умноженіи производительныхъ силъ, а въ такомъ переустройствѣ общества, которое соотвѣтствовало бы уровню, достигнутому этими силами.

Теперь взглянемъ на Россію. Выше было замѣчено, что птенцы гнѣзда Петрова смотрѣли на просвѣщеніе главнымъ образомъ съ точки зрѣнія его непосредственной, практической пользы. Они учились у Западной Европы прежде всего съ тою цѣлью, чтобы увеличить запасъ всякаго рода техническихъ знаній въ своей странѣ. Вспомните разсужденіе В. Н. Татищева о пользѣ наукъ и ученія.

Реформа Петра дала весьма значительный толчокъ развитію русскихъ производительныхъ силъ. Но если онѣ стали расти у насъ гораздо быстрѣе, чѣмъ росли до реформы, то все-таки ростъ ихъ былъ не настолько быстръ, чтобы сдѣлать устраненіе прежняго общественнаго порядка очереднымъ вопросомъ въ Россіи XVIII вѣка. Знаменитая Екатерининская комиссія о составленіи новаго уложенія какъ нельзя болѣе ясно показала, что тотъ „средній родъ людей", который существовалъ въ тогдашней Россіи,—нашъ торгово-промышленный міръ,—не былъ затронутъ вліяніемъ французской освободительной философіи и не задумывался о созданіи новаго общественнаго порядка. Онъ былъ консервативенъ, а отчасти даже и реакціоненъ, ходатайствуя о возстановленіи такихъ сторонъ нашего стараго порядка, упадокъ которыхъ,—отчасти вызывавшійся умноженіемъ дворянскихъ привилегій,—наносилъ вредъ его интересамъ. Что касается дворянства, то хотя его образованные представители очень охотно читали Вольтера и другихъ модныхъ французскихъ просвѣтителей, но, какъ сословіе, оно не могло увлечься тѣмъ, что составляло живую душу освободительной философіи: стремленіемъ уничтожить всѣ сословныя привилегіи и тѣмъ поставить трудящуюся массу въ новыя, болѣе свободныя условія существованія. Дворянство не только желало сохраненія крѣпостного права, но, какъ мы знаемъ, съ большимъ успѣхомъ добивалось его расширенія. Тогдашняя дворянская гвардія очень легко и быстро справилась бы съ такимъ правительствомъ, которое вздумало бы освобождать крестьянъ. Этимъ послѣднимъ, разумѣется, глубоко ненавистна была тяжелая цѣпь крѣпостной зависимости: временами оно пыталось разорвать ее. Но самыя попытки его показываютъ, какъ слабы были его силы, и какъ далеко было оно отъ стремленія установить дѣйствительно новый общественный порядокъ.

Изо всего этого слѣдуетъ, что если во второй половинѣ XVIII столѣтія затронутые западнымъ вліяніемъ русскіе люди уже гораздо меньше склонны были смотрѣть на просвѣщеніе съ точки зрѣнія той непосредственной, практической (технической) пользы, какую оно можетъ принести государству, то у нихъ еще не могло быть серьезнаго интереса къ философскимъ теоріямъ, провозглашавшимъ необходимость коренного общественнаго переустройства.

VII.

Часто говорятъ до сихъ поръ, что если тогдашнее русское общество не желало осуществленія практическихъ требованій

французской освободительной философіи, а потому и не имѣло серьезнаго интереса къ ней, то и тогда уже были у насъ отдѣльныя личности, относившіяся къ ней весьма серьезно и готовыя всячески содѣйствовать проведенію въ жизнь ея практическихъ выводовъ. Въ ряду такихъ личностей первое мѣсто отводится императрицѣ Екатеринѣ II. Довольно многочисленныя литературныя произведенія этой государыни разсматриваются какъ доказательство ея искренняго желанія поднять грамотнаго русскаго обывателя на высоту передовыхъ понятій и стремленій XVIII столѣтія. Наибольшихъ похвалъ удостаивается при этомъ ея знаменитый „Наказъ".

„День изданія „Наказа",—писалъ въ радикальныхъ „Отечественныхъ Запискахъ" Гр. Елисѣевъ по случаю столѣтней годовщины его перваго изданія,—былъ днемъ нашего дѣйствительнаго вступленія въ европейскую жизнь, нашего внутренняго пріобщенія къ европейской цивилизаціи, днемъ, въ который русскіе въ первый разъ получили право именоваться гражданами". По словамъ одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей, въ „Наказѣ" „царятъ Монтескье, Беккаріа и Дидро, великіе умы и благородныя сердца, вліяніе которыхъ отразилось на многихъ поколѣніяхъ [1]).

Къ восторженнымъ отзывамъ этого рода пора отнестись критически. Неоспоримо, что уже при Екатеринѣ II у насъ начали появляться личности,—пока еще т о л ь к о отдѣльныя личности!—способныя искренно увлечься передовыми освободительными стремленіями своей эпохи и посвятить свои силы ихъ проведенію въ жизнь. Извѣстно, какъ дорого поплатились они за эту свою способность. Но сама Екатерина не принадлежала къ ихъ числу. Она никогда не увлекалась серьезно освободительной философіей, хотя ей нравились нѣкоторые взгляды французскихъ просвѣтителей и ихъ литературные пріемы, особенно—пріемы Вольтера. Екатерина называла и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ считала себя ученицей Вольтера. Но,—какъ превосходно замѣтилъ П. Н. Милюковъ,—„ея вольтерьянство скорѣе отзывало фривольной эпохой регентства, чѣмъ эпохой Людовика XVI" [2]). Въ замѣткахъ, писанныхъ ею задолго до воцаренія, она говорила, между прочимъ, о своей свободѣ отъ предразсудковъ. Это правильно. Предразсудковъ у нея не было. И несомнѣнно, что освободиться отъ нихъ помогла ей геніальная насмѣшка Вольтера надъ старыми понятіями. Но, освободившись отъ вліянія

[1]) Н. Д. Ч е ч у л и н ъ. Памятники русскаго законодательства.—Наказъ императрицы Екатерины II. С.-Пб., 1907. Введеніе, стр. CXLV.

[2]) Очерки по исторіи русской культуры, выпускъ II, С.-Пб., 1903, стр. 398.

старыхъ понятій, Екатерина ни мало не подчинялась вліянію новыхъ. Подобно Іосифу II австрійскому и Фридриху II прусскому, она являлась сторонницей новой французской философіи, когда это обѣщало ей извѣстныя выгоды, и принималась высокомѣрно смѣяться надъ нею, когда философы имѣли дерзость предъявить ей тѣ или другія практическій требованія, шедшія вразрѣзъ съ ея выгодами. За примѣромъ ходить недалеко.

Во время извѣстнаго пребыванія Дидро въ Петербургѣ, Екатерина часто бесѣдовала съ нимъ о созванной ею комиссіи для составленія уложенія и, конечно, не упускала случая похвастаться либерализмомъ своего „Наказа“. Одна замѣтка великаго энциклопедиста показываетъ, что его тщеславная собесѣдница изображала себя непонятой своимъ народомъ, будто бы не сумѣвшимъ оцѣнить благодѣянія, оказаннаго ему созваніемъ комиссіи. Дидро внимательно слушалъ свою любезную собесѣдницу, но объяснялъ дѣло по своему. Читатель помнитъ, можетъ быть, что нѣкогда Юрій Крижаничъ приписывалъ всѣ недостатки русскаго народнаго характера „крутому владанію“. Дидро пришелъ къ тому же самому выводу. Онъ рѣшилъ, что главное зло русской общественной жизни заключается въ рабствѣ, а вѣрнѣйшее средство устраненія этого зла состоитъ въ свободѣ. И—замѣтьте это!—въ свободѣ не только гражданской, но и политической. Задача просвѣщенныхъ монарховъ сводилась, по его мнѣнію, къ тому, чтобы развивать въ своихъ подданныхъ свободолюбіе и пріучать ихъ устраивать свои дѣла своими собственными силами. Геніальный въ теоріи, но наивный на практикѣ, Дидро пресерьезно обращалъ вниманіе Екатерины на ту большую опасность, которая кроется въ „справедливомъ и просвѣщенномъ деспотизмѣ“ (un despotisme juste et éclairé). Подъ продолжительнымъ вліяніемъ такого деспотизма,—убѣжденно говорилъ свободолюбивый философъ,—народъ погружается въ сонъ,—„сладкій, но смертельный“ („un sommeil doux, mais c'est un sommeil de mort“) [1]). Чтобы противодѣйствовать усыпляющему вліянію своего просвѣщеннаго деспотизма, либеральная царица должна была сдѣлать свою комиссію постоянной и формально передать ей часть своей законодательной власти. Желая побудить ее къ такому „весьма великодушному поступку“ (acte bien généreux), Дидро увѣрялъ ее, что „несчастны не тѣ государства, въ которыхъ увеличивается власть народа, а тѣ, въ которыхъ становится неограниченной власть государей“ [2]). Екатерина слушала его съ тѣмъ любезнымъ

[1]) Maurice Tourneux. Diderot et Catherine II. Paris, 1899, p. 144.

[2]) Тамъ же, стр. 150.

вниманіемъ, которое такъ нравилось ея собесѣдникамъ, читала его записки, но, само собой разумѣется, оставалась при своемъ собственномъ мнѣніи насчетъ „несчастья“ неограниченной монархической власти. Однажды, поспоривъ съ нимъ объ его освободительныхъ планахъ, она сказала ему, что онъ забываетъ о разницѣ положенія: „вы работаете на бумагѣ, которая все терпитъ... между тѣмъ какъ я, бѣдная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая гораздо болѣе чувствительна“ [1]). Но Дидро не потерялъ надежды переубѣдить ее. Покинувъ Петербургъ, онъ на возвратномъ пути въ Парижъ остановился на довольно продолжительное время въ Гаагѣ и тамъ имѣлъ,—по его собственному выраженію,—дерзость прочитать „Наказъ“ съ перомъ въ рукѣ, т. е., говоря проще, написать свои возраженія на него. Первое изъ нихъ гласитъ:

„Нѣтъ и не можетъ быть истиннаго государя, кромѣ народа“.

Въ одномъ изъ послѣднихъ сказано, что хорошо составленное уложеніе должно начинаться такъ:

„Мы, народъ, и мы, государь народа, вмѣстѣ присягаемъ въ вѣрности законамъ, согласно которымъ мы подлежимъ одинаковому суду: если намъ, государю, случится нарушить ихъ и потому стать врагомъ народа, то онъ, по всей справедливости, перестанетъ быть обязаннымъ присягой въ вѣрности и можетъ враждовать съ нами, преслѣдовать насъ, низложить, а въ случаѣ надобности даже и осудить на смерть“.

Уже это было, какъ видите, довольно сильно. Но Дидро не остановился на этомъ. Онъ прямо и рѣзко высказалъ свой взглядъ на русскій политическій строй. „Екатерина,—писалъ онъ,—несомнѣнно обладаетъ деспотической властью (est une despote). Намѣревается ли она сохранить эту власть и передать ее своимъ наслѣдникамъ или отречется отъ нея? Если она сохранитъ ее, то пусть она составляетъ свое Уложеніе, какъ хочетъ: ей не нужно одобренія націи. Если же она откажется отъ нея, то надо, чтобы ея отреченіе было оформлено [2]).

Дидро почему-то не послалъ Екатеринѣ своихъ возраженій: можетъ быть, потому что самъ зналъ, какъ трудно пройти верблюду въ игольное ушко. Они дошли до нея уже послѣ его смерти. Излишне прибавлять, что „ученица Вольтера“ совсѣмъ не одобрила ихъ. Въ письмѣ къ М. Гримму она отзывалась о нихъ, какъ о „настоящей болтовнѣ, въ которой нѣтъ ни знанія

---

[1]) Такъ передала она впослѣдствіи это свое замѣчаніе Сегюру.

[2]) M. Tourneux, назв. соч., стр. 563—564.

вещей, ни осторожности, ни проницательности". „Если бы мой „Наказъ",—прибавляла она,—пришелся по вкусу Дидро, то онъ былъ бы способенъ все поставить вверхъ дномъ (mettre les choses sans dessus dessous) [1]). И съ тѣхъ поръ въ ея перепискѣ съ Гриммомъ лишь очень рѣдко встрѣчается имя дерзкаго философа.

Этотъ примѣръ проливаетъ яркій свѣтъ на разномыслiе между передовыми французскими просвѣтителями XVIII столѣтія и современными имъ „просвѣщенными государями". Лучшіе изъ просвѣтителей готовы были поддерживать абсолютную власть государей съ тѣмъ, чтобы они какъ можно скорѣе воспользовались ею для освобожденія своихъ подданныхъ, т. е. для уничтоженія абсолютной власти. Наоборотъ, „просвѣщенные" государи заигрывали съ философами для того, чтобы съ ихъ помощью какъ можно больше укрѣпить эту власть, уничтоживъ всѣ старинныя учрежденія, налагавшія на нее какую-нибудь узду. При такомъ разномыслiи сговориться было невозможно, несмотря на взаимные комплименты, раздававшіеся тѣмъ чаще, чѣмъ меньше серьезнаго вліянія могли они имѣть на дѣятельность обѣихъ сторонъ.

VIII.

Защищая свой „Наказъ" отъ непочтительной критики неблагодарнаго энциклопедиста, Екатерина писала въ томъ же письмѣ къ М. Гримму: „Я утверждаю, что мой „Наказъ" былъ не только хорошъ, но даже превосходенъ и хорошо приспособленъ къ обстоятельствамъ, такъ какъ въ продолженіе своего осьмнадцатилѣтняго существованія онъ не только не вызвалъ никакого зла, но все добро, имъ причиненное и всѣми признаваемое, вытекало изъ установленныхъ въ немъ принциповъ" [2]).

Принципы, „установленные" въ „Наказѣ", были, какъ въ этомъ признавалась сама Екатерина, заимствованы у французскихъ просвѣтителей. Если они были „хороши и даже превосходны", то это дѣлало честь не ей, а французской освободительной философіи. Екатеринѣ могла принадлежать лишь честь осуществленія „хорошихъ и даже превосходныхъ принциповъ". И она хорошо понимала это. Она писала г-жѣ Жоффренъ: „скажите, прошу васъ, д'Алямберу, что я скоро пришлю ему тетрадь, изъ которой онъ увидитъ, къ чему могутъ служить сочиненія геніальныхъ людей, когда хотятъ дѣлать изъ нихъ употребленіе; надѣюсь,

---

[1]) Тамъ же, стр. 519—520.

[2]) Тамъ же, стр. 520.

что онъ будетъ доволенъ этимъ трудомъ; хотя онъ и написанъ перомъ новичка, но я отвѣчаю за исполненіе на практикѣ". Рѣчь идетъ о томъ же „Наказѣ". Но хотя Екатерина ручалась за исполненіе на практикѣ принциповъ, положенныхъ ею въ его основу, она хорошо знала, что уже въ то время ея практика шла вразрѣзъ съ ними. „Сочиненія геніальныхъ людей" требовали свободы, а Екатерина тотчасъ по своемъ вступленіи на престолъ взяла на себя,—указомъ отъ 3-го іюля 1762 г.,—торжественное обязательство ненарушимо сохранить власть помѣщиковъ надъ крестьянами. И это обязательство было выполнено ею даже свыше мѣры, такъ какъ она не только сохранила крѣпостное право, но значительно расширила его предѣлы.

Д'Алямберъ не могъ этого знать, какъ не могъ онъ знать и о томъ, что либеральный „Наказъ" Екатерины очень скоро подвергся запрещенію, конечно, съ ея согласія. Сенатскимъ указомъ отъ 24-го сентября 1767 г. предписано было разослать въ высшія учрежденія 57 экземпляровъ его, при чемъ подтверждалось, чтобы „оные содержаны были единственно для свѣдѣнія однихъ тѣхъ мѣстъ присутственныхъ" и не выдавались не только постороннимъ лицамъ, но даже и канцелярскимъ служителямъ ни для списыванія ни для чтенія. Во всякомъ случаѣ, надъ трудящейся массой „царили"—вопреки мнѣнія г. Чечулина,—не просвѣтители, а ихъ антиподы: Ханжахины, Скотинины и Простаковы.

У Фонъ-Визина Простакова возмущается той мыслью, что дворянинъ не воленъ высѣчь, когда захочетъ, своего слугу. „На что же намъ данъ указъ о вольности дворянства?"—спрашиваетъ она. По этому поводу Стародумъ иронически замѣчаетъ: „Мастерица толковать указы!" Ссылка на указъ о вольности дворянства здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, неумѣстна. Однако просвѣщенная императрица предусмотрительно издала довольно много другихъ указовъ, вполнѣ подтверждавшихъ дворянскую „вольность" по части наказанія своихъ слугъ. Стало быть, Простакова ошибалась совсѣмъ не такъ уже сильно, какъ на это хотѣлъ намекнуть Фонъ-Визинъ [1]).

Воспитанная внѣ условій русскаго быта, Екатерина не могла имѣть пристрастія къ той формѣ эксплуатаціи народнаго труда, которая господствовала въ тогдашней Россіи. Она не прочь была смягчить эту форму. Однако она никогда не стремилась къ этому очень сильно. Притомъ она очень скоро сообразила, что это

[1]) „Въ годъ перваго представленія „Недоросля" (1782) за дворянствомъ числилось болѣе половины (53%) всего крестьянскаго населенія",—весьма кстати замѣчаетъ Ключевскій въ своей статьѣ „Недоросль Фонъ-Визина" (Очерки и рѣчи, Москва, 1913, стр. 304).

не понравится дворянству, а ея всегдашнимъ правиломъ было избѣгать ненужной для нея борьбы съ огнемъ. Вскорѣ послѣ свержения Петра III французскій посланникъ Бретейль писалъ о ней: „удивительно, какъ эта государыня, всегда слывшая за храбрую, слаба и нерѣшительна, когда нужно рѣшить какой-нибудь малѣйшій вопросъ, который можетъ вызвать противорѣчіе внутри страны". Укрѣпившись на своемъ новомъ мѣстѣ, она съ годами пріобрѣла значительную самоувѣренность. Но никогда не забывала она о томъ предѣлѣ, перешагнуть который ей ни въ какомъ случаѣ не позволила бы ея дворянская гвардія. Человѣческая кожа, на которую она ссылалась въ разговорѣ съ Дидро, и которая отличалась, по ея словамъ, большой чувствительностью, была дворянской, а не крестьянской кожей.

Дворянская кожа дѣйствительно обнаруживала огромную чувствительность всякій разъ, когда поднимался „проклятый вопросъ" объ улучшеніи участи крѣпостного населенія. Этимъ въ значительной степени объясняется вопіющее противорѣчіе между теоріей и практикой Фелицы. Екатерина была не изъ тѣхъ, которые способны рискнуть ради теоріи своимъ личнымъ практическимъ интересомъ. [1]).

Дидро жестоко ошибался, воображая, будто она можетъ добровольно отречься отъ своей неограниченной власти въ цѣляхъ политическаго и нравственнаго воспитанія своего народа. Власть была необходима ей, какъ воздухъ, и ради власти она готова была на все. Болѣе или менѣе либеральный инстинктъ „ученицы Вольтера" немедленно умолкалъ при видѣ хотя бы и незначительной опасности, угрожавшей потерей того, что она имѣла,— по выраженіи Бретейля,—смѣлость взять.

Такъ, въ своемъ „Наказѣ" Екатерина, слѣдуя за Беккаріа и другими просвѣтителями, осуждала пытку. И не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что къ теоретическому осужденію пытки она пришла гораздо раньше составленія „Наказа". Но въ дѣлѣ Гурье-

---

[1]) По вступленіи своемъ на престолъ Екатерина щедро наградила своихъ приверженцевъ раздачей имъ крѣпостныхъ душъ и денегъ. Сорокъ лицъ, побудившихъ „Ея Величества сердце милосердное къ скорѣйшему принятію престола россійскаго и къ спасенію такимъ образомъ нашего отечества отъ угрожавшихъ ему бѣдствій", получили 526.000 рублей и 18.000 душъ. Въ своемъ манифестѣ о свержении Петра III Екатерина изображала дѣло такъ, будто эти люди явились къ ней въ качествѣ „отъ народа избранныхъ вѣрноподданныхъ". Значитъ, „избранники" были награждены отдачей имъ въ рабство нѣкоторой части „избирателей". Не позабыла новая государыня и избирателей. Она наградила ихъ пониженіемъ цѣны на соль въ размѣрахъ десяти копѣекъ съ пуда. „Нужно было съѣсть пудъ соли, чтобы восчувствовать императорскую благодарность на 10 копѣекъ", справедливо говоритъ В. А. Бильбасовъ (Исторія Екатерины II, томъ II, Берлинъ, 1900, стр. 92).

ва и Хрущевыхъ, уличавшихся въ заговорѣ противъ нея, она,—вопреки передовой теоріи и даже вопреки постановленію слѣдственной коммиссіи,—приказала пытать обвиняемыхъ. „1762 года октября 6-го дня по силѣ Ея императорскаго величества всевысочайшаго повелѣнія Петръ Хрущевъ противъ его допросовъ и очныхъ ставокъ для изысканія істинны съ пристрастіемъ подъ батажьемъ разспрашиванъ“! Тому же былъ подвергнутъ Семенъ Гурьевъ [1]). Монтескье, Беккаріа и Дидро, великіе умы и благородныя сердца, конечно, совсѣмъ не одобрили бы батожья. Но просвѣщенной государынѣ было не до нихъ.

Утверждаютъ, что Екатерина сильно измѣнилась къ концу своего царствованія, особенно подъ вліяніемъ французской революціи. И дѣйствительно, французская революція заставила ее отказаться даже отъ либеральной фразеологіи, къ которой она такъ охотно прибѣгала прежде. Но совершенно ошибочно говорить объ ея разочарованіи въ своихъ прежнихъ взглядахъ. Если она разочаровалась въ чемъ-либо, то развѣ только въ возможности съ успѣхомъ выдавать себя за убѣжденную сторонницу либеральныхъ—а подъ часъ даже и „республиканскихъ“!—взглядовъ, неуклоно стремясь въ то же время къ упроченію и расширенію своей власти. „Ничто ей не можетъ быть досаднѣе,—писалъ о ней кн. М. М. Щербатовъ,—какъ то, когда, докладывая ей по какимъ дѣламъ, въ сопротивленіе воли ея законы поставляютъ, и тотчасъ отвѣтъ отъ нея вылетаетъ: развѣ я не могу, не взирая на законы, сего учинить?“ Такою она стала вовсе не подъ вліяніемъ какого-нибудь разочарованія. Такою она была всегда, и такою сдѣлало ее безграничное властолюбіе,—склонность къ самовластію, какъ выражается тотъ же М. М. Щербатовъ.

Въ манифестѣ отъ 19-го октября 1762 г. она возвѣстила, что „тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается отъ нынѣ навсегда.“ Ея подданные съ восторгомъ встрѣтили это извѣстіе объ упраздненіи страшной канцеляріи, однако торжественно возвѣщенная реформа ограничилась одной перемѣной названія [2]).

Извѣстенъ отвѣтъ, данный ученицей Вольтера Фонъ-Визину на его вопросъ, отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе: „Предки наши,—отвѣчала она,—не всѣ грамотѣ умѣли“. Это неясно, но зато тѣмъ яснѣе продолженіе отвѣта: „Сей вопросъ ро-

---

[1]) В. А. Бильбасовъ, назв. соч., т. II, стр. 192—193.

[2]) Тайная канцелярія получила при Екатеринѣ названіе Тай-Экспедиціи. Въ ней распоряжался благочестивый Ст. Ив. Шешковскій, который, допрашивая обвиняемыхъ,—даже „знатныхъ персонъ“,—наносилъ имъ ударъ палкой „подъ самый подбородокъ, такъ что зубы затрещатъ, а иногда и повыскакиваютъ“.

дился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли". Фонъ-Визинъ хорошо понялъ смыслъ этихъ словъ и рѣшилъ: „заготовленные еще вопросы отмѣнить, чтобы не подать повода другимъ къ дерзкому свободоязычію". Можно, пожалуй, сказать, что, когда Екатерина давала этотъ отвѣтъ, она уже была разочарована. Но съ ея замѣчаніемъ о свободоязычіи можно сопоставить манифестъ „О молчаніи",—такъ она сама называла этотъ манифестъ,—изданный двадцатью годами раньше.

Въ манифестѣ этомъ, съ барабаннымъ боемъ прочитанномъ на улицахъ Москвы 4-го Іюня 1763 г., доводилось до всеобщаго свѣдѣнія, что между подданными Екатерины есть такіе „развращенныхъ нравовъ и мыслей люди", которые позволяютъ себѣ разсуждать о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ не принадлежащихъ. Такихъ людей государыня материнскі уговаривала замолчать и заняться исключительно своими частными дѣлами. „А если сіе Наше матерніе извѣщеваніе не подѣйствуетъ въ сердцахъ развращенныхъ и не обратитъ на путь истиннаго блаженства (sic): то вѣдалъ бы всякъ изъ такихъ невѣждей [1]), что Мы поступимъ уже по всей строгости законовъ, и не минуемо преступники почувствуютъ всю тяжесть нашего гнѣва, яко нарушители тишины и презрители Нашей Высочайшей воли" [2]).

Это грозное требованіе „молчанія" предъявлено было къ русскимъ обывателямъ по поводу толковъ, вызванныхъ дѣломъ Хитрова, который находилъ, что слѣдуетъ всѣми способами противодѣйствовать вступленію императрицы въ бракъ съ Гр. Орловымъ.

Екатерина много распространялась о необходимости народнаго образованія, хотя сдѣлала для него въ сущности весьма немного. Къ дѣлу распространенія образованія она приглашала разныхъ людей вплоть до извѣстнаго серба Янковича-де-Миріево (т. е. изъ Миріева). Однако она не пригласила къ этому дѣлу Н. И. Новикова, усердно и безкорыстно работавшаго для него по своему личному почину. Для нея Новиковъ былъ слишкомъ независимымъ человѣкомъ.

„Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?"—спрашивалъ Фонъ-Визинъ, обращаясь къ „сочинителю былей и небылицъ".

— „Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ", отвѣчалъ „сочинитель" (т. е. та же Екатерина).

---

[1]) Сохраняю правописаніе подлинника.

[2]) Бильбасовъ, тамъ же, стр. 295—296. Ср. Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. V, стр. 1457. Манифестъ былъ обнародованъ во всѣхъ городахъ имперіи.

Этимъ отвѣтомъ ученицы Вольтера въ значительной степени предвосхищалось то пониманіе нашей народности, которое заслужило одобреніе Николая I, никогда никакими философіями не интересовавшагося.

И не подумайте, что Екатерина отвѣтила такъ Фонъ-Визину подъ вліяніемъ какого-нибудь мимолетнаго настроенія. Нѣтъ, она всегда требовала отъ своихъ подданныхъ „образцоваго“ послушанія. А что разумѣла она подъ такимъ послушаніемъ, видно изъ ея сказки о царевичѣ Февеѣ. По приказанію своего отца, онъ усердно поливалъ сухой сучокъ, возражая тѣмъ, которые осмѣивали его безсмысленное занятіе: „кто повелѣваетъ, тому и разсуждать; а наше дѣло слушаться, исполняя повелѣнное съ покорностью, безропотно, не разсуждая того“.

Вотъ какихъ образцовыхъ подданныхъ желала имѣть Фелица!

Противорѣчіе между теоріей и практикой Фелицы перестанетъ удивлять насъ, если мы примемъ во вниманіе, что теорія была для нея не болѣе, какъ средствомъ достиженія личныхъ цѣлей.

„Главнымъ побужденіемъ для ея правительственныхъ предпріятій,—правильно сказалъ М. Тумановъ,—являлось личное честолюбіе, а вовсе не какія-нибудь соображенія, имѣвшія въ виду общественную и государственную пользу“. Если нѣкоторыя изъ этихъ предпріятій и принесли извѣстную пользу странѣ, то вызваны они были единственно желаніемъ заставить,—какъ говоритъ тотъ же авторъ,—не только Россію, но и всю Европу провозглашать о ней восторженныя похвалы. Вообще же говоря, всѣ громкія и пышныя начинанія Екатерины почти никогда не доводились до конца и такъ же быстро проваливались, какъ наскоро затѣвались“ [1]).

Въ характерѣ Фелицы есть много чертъ, сближающихъ ее съ итальянскими тиранами эпохи Возрожденія: та же даровитость; та же свобода отъ „предразсудковъ“; та же способность интересоваться успѣхами культуры; та же упругая энергія; то же холодное самообладаніе; то же безсердечіе; то же властолюбіе и та же безпредѣльная неразборчивость въ средствахъ. Говоритъ

---

[1]) „Вліяніе русской литературы второй половины XVIII вѣка“, въ „Сборникѣ отдѣленія русск. языка и словесности импер. Академіи Наукъ“, томъ 75-ый, стр. 9. Ср. отзывъ Державина: „Она управляла государствомъ и самымъ правосудіемъ болѣе по политикѣ или своимъ видамъ, нежели по святой правдѣ“ (Сочиненія, академич. изданіе, т. VI, стр. 626—627). Мы имѣемъ право прибавить къ чести Державина, что этотъ строгій отзывъ былъ имъ сдѣланъ послѣ того, какъ написаны были его восторженныя стихотворенія въ честь Фелицы. Онъ самъ говоритъ, что, когда онъ писалъ ихъ, онъ еще не зналъ характера государыни.

объ ея идеалахъ и объ ея разочарованіяхъ—то же, что говорить объ идеалахъ и разочарованіяхъ какого-нибудь Людовика Моро или Цезаря Борджіа.

IX.

Тѣ русскіе люди, которые усвоили себѣ стремленія передовыхъ просвѣтителей XVIII в., видѣли противорѣчіе, существовавшее между теоріей Екатерины и ея практикой, и раздражались имъ. Но такихъ было крайне мало. Огромное большинство не замѣчало противорѣчія, а если и замѣчало, то не видѣло нужды въ его устраненіи. Оно было довольно.

„Сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи,—писалъ впослѣдствіи Карамзинъ [1]),—едва ли не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было счастливѣйшее для гражданина Россійскаго, едва ли не всякій изъ насъ пожелалъ бы жить тогда, а не въ иное время".

Подъ россійскимъ гражданиномъ тутъ слѣдуетъ понимать, конечно, россійскаго дворянина. Если положеніе трудящейся массы было тогда очень тяжело, то дворянству жилось, дѣйствительно, лучше, нежели когда-либо прежде. Хотя и велико было противорѣчіе между теоріей и практикой Екатерины, но оно могло только нравиться помѣщикамъ, поскольку означало сохраненіе и расширеніе крѣпостного права. А что касается до „самовластія", то надо помнить, что при всей своей склонности къ нему Фелица, какъ женщина, хорошо знавшая людей и обладавшая большимъ тактомъ, устроила дѣло такъ, что тутъ и волкъ былъ сытъ, и овцы чувствовали себя хорошо. Она сохранила всю полноту самодержавной власти, но обращалась съ дворянами уже не такъ, какъ обращались съ ними прежніе государи и государыни. При Аннѣ кн. А. М. Черкасскій жаловался: „нынѣ опасно жить, безмѣрно на всѣхъ напрасная суспиція". При Екатеринѣ безмѣрной суспиціи уже не было, и кто не становился матушкѣ-государынѣ поперекъ дороги, кто, согласно манифесту „о молчаніи", не мѣшался въ дѣла, до него не принадлежавшія, тотъ чувствовалъ себя спокойнымъ. Екатерина умѣла мягко стлать. По сравненію съ прежними царствованіями, даже съ царствованіемъ Елизаветы, ея царствованіе казалось,—опять таки дворянству,—кроткимъ и милостивымъ [2]). Одописецъ громко воспѣлъ эту перемѣну:

---

[1]) Въ запискѣ „О Древней и Новой Россіи".

[2]) „Соціальный строй государства,—говоритъ М. М. Богословскій,—весь сверху до низу носитъ печать крѣпостного права, такъ какъ всѣ общественные классы были закрѣпощены. Самый императорскій дворъ временъ Анны и Елизаветы, устроенный

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души людей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно ея на землю уронить.
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ,
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ,
И сажей не марающъ рожъ...
. . . . . .
Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть... и т. д.

Карамзинъ, въ цитированной мною выше запискѣ, короче выразилъ ту же самую мысль: „Екатерина,—сказалъ онъ,—очистила самодержавіе отъ примѣсовъ тиранства“. Кн. М. М. Щербатовъ не призналъ бы этого безъ большихъ оговорокъ. Но онъ былъ гораздо требовательнѣе большинства дворянскаго сословія. Большинство считало себя, въ самомъ дѣлѣ, освобожденнымъ отъ тиранства. Перемѣна въ обращеніи съ нимъ верховной власти была естественнымъ слѣдствіемъ постепеннаго раскрѣпощенія служилаго сословія [1]). Однако именно это обстоятельство и дѣлало настоятельной нравственную потребность въ ней.

по западному образцу, поражавшій блескомъ и великолѣпіемъ иностранцевъ, служившій проводникомъ европейскаго тона въ русское общество, былъ все-таки, въ сущности, обширною помѣщичьей усадьбой. Обѣ названныя императрицы были типичными русскими помѣщицами-крѣпостницами XVIII в.“ („Бытъ и нравы русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII в.“—„Научное Слово“, Москва 1904 г., книга VI, стр. 37—38). Тутъ Екатерина съ большимъ удобствомъ могла выступить въ либеральной роли, ни мало не поступаясь неограниченной своей властью.

[1]) Перемѣна въ обращеніи съ лицами служилаго класса подсказывалась Екатеринѣ уже однимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что она изображала свое возстаніе противъ Петра III настоящимъ подвигомъ милосердія по отношенію къ русскимъ людямъ, страдавшимъ отъ самовластія государя. Въ манифестѣ отъ 7-го іюля 1762 г. она го-

Замѣчательно, что освободительная французская философія пригодилась и въ дѣлѣ раскрѣпощенія русскихъ служилыхъ людей. Она являлась полезнымъ духовнымъ оружіемъ всюду, гдѣ ставился на очередь вопросъ объ устраненіи,—хотя бы только частичномъ,—„крутого владѣнія“. Если идеологи русскаго дворянства рѣшительно отвергали всѣ тѣ взгляды французскихъ просвѣтителей, которые были несогласимы съ его привилегіями, то они, напротивъ, сочувственно встрѣчали всѣ тѣ, которые могли быть использованы для „очищенія самодержавія отъ примѣсовъ тиранства“. Такъ, напримѣръ, имъ очень нравилось то, что говорилъ Монтескье о различіи между европейскимъ монархомъ, апеллирующимъ къ чести своихъ подданныхъ, и азіатскимъ деспотомъ, управляющимъ посредствомъ страха. Устанавливая это различіе, Монтескье высказывалъ уже знакомый намъ взглядъ Бодена [1]). Но когда Боденъ писалъ свою книгу, европейская политическая литература была недоступна русскому служилому сословію, а когда Монтескье повторилъ мысль Бодена, она пришлась по вкусу европеизованнымъ элементамъ этого сословія. И поскольку она повторялась въ „Наказѣ“, постольку наше дворянство одобряло и должно было одобрять „Наказъ“.

Въ „Наказѣ“ турецкимъ странамъ, гдѣ очень мало смотрятъ на стяжанія, на жизнь и на честь подданныхъ, противопоставляются „государства умѣренныя, гдѣ и самаго меньшаго гражданина имѣніе и честь во уваженіе принимается“ [2]). Разъ убѣдившись въ томъ, что подъ самымъ меньшимъ гражданиномъ Екатерина понимаетъ отнюдь не крѣпостного крестьянина, европеизованные русскіе дворяне могли только рукоплескать такому противопоставленію турецкихъ странъ „умѣреннымъ государствамъ“. Оно было равносильно обѣщанію ввести у насъ управленіе, свойственное этимъ послѣднимъ [3]).

По словамъ „Наказа“, въ умѣренныхъ государствахъ „не лишаютъ никого жизни, развѣ когда само отечество противъ оныя

ворила: „Самовластіе, необузданное добрыми и человѣколюбивыми качествами, въ Государѣ, владѣющемъ самодержавно, есть такое зло, которое многимъ пагубнымъ слѣдствіямъ непосредственною бываетъ причиною“. Въ виду этого, ей необходимо было показать, что, „владѣя самодержавно“, она умѣетъ себя обуздывать.

[1]) Подобно Бодену, Монтескье („Esprit des lois“, livre XV, chap. VI) относилъ „московитовъ“ къ числу народовъ, управляемыхъ деспотически.

[2]) См. параграфы 113 и 114 „Наказа“.

[3]) „Дворовый не имѣлъ своего имущества, все его добро принадлежало барину; а что было менѣе гарантировано и прочно въ XVIII в., чѣмъ дворянское имущество, движимое и недвижимое, которое могло ежеминутно подвергнуться конфискаціи?“ (М. М. Богословскій, назв. соч., стр. 41.)

возстанетъ: но и отечество ни на чью жизнь не возстанетъ инако, какъ дозволивъ ему прежде всѣ способы защиты“ [1]). Чего же лучше? Вѣдь о подобной „умѣренности“ управленія русскій служилый классъ мечталъ еще въ Московскій періодъ нашей исторіи. Въ тѣхъ подкрестныхъ записяхъ, которыя давались нѣкоторыми царями, рѣчь шла именно только о государственномъ управленіи, а не о государственномъ устройствѣ. Права верховной власти въ нихъ оставались попрежнему неограниченными: принимались только мѣры къ тому, чтобы избѣжать злоупотребленія этими правами. Въ прежнее время проекты такихъ мѣръ были неосуществимы, вслѣдствіе антагонизма между разными слоями служилаго класса: дворянствомъ и боярствомъ. А теперь, когда боярство перестало быть страшнымъ дворянству, служилый классъ общими силами всѣхъ своихъ слоевъ могъ добиться извѣстныхъ уступокъ. Онъ чувствовалъ это; онъ хотѣлъ уступокъ и горячо рукоплескалъ всѣмъ намекамъ на уступки въ либеральныхъ разсужденіяхъ императрицы.

Екатерина жеманно признавалась, что въ своемъ „Наказѣ“ она „обокрала“ Монтескье. Не слѣдуетъ думать однако, что она обкрадывала его безъ оглядки. Она во всемъ знала мѣру и никогда не забывала себя.

Г. Лютшъ правильно замѣтилъ, что между тѣмъ какъ Монтескье являлся послѣдователемъ ограниченной сословной монархіи, „Екатерина исповѣдовала идеалъ такъ называемой монархіи подзаконной, но бюрократической“ [2]). Тутъ было большое различіе. Однако русское дворянство не заходило далеко въ своихъ политическихъ требованіяхъ. Оно готово было удовольствоваться „подзаконностью“.

X.

Авторъ комедіи „О, время!“ въ своемъ письмѣ къ издателю „Живописца“ (Новикову) сдѣлалъ интересное „примѣчаніе“ о толкахъ, вызванныхъ въ публикѣ вышеназванной комедіей, въ которой одно изъ дѣйствующихъ лицъ подвергается побоямъ. „Дошло до меня,—признается авторъ (Екатерина),—что нѣкоторые критики за непристойно поставляютъ, что господинъ Фирлифлюшкинъ за безстыдное словонездержаніе (за многократное неисполненіе обѣщанія заплатить свой карточный долгъ. *Г. П.*) наказанъ палкою. Говорятъ они, что „какъ, дескать, дворянина за безчестное дѣло бить палкою“ [3]). Въ свое оправданіе Екате-

[1]) Параграфъ 114.

[2]) Сборникъ „Итоги XVIII вѣка въ Россіи“, Москва, 1910, стр. 16.

[3]) „Живописецъ“, 1772 г., ч. II, листъ 7-й, курсивъ въ подлинникѣ.

терина ссылалась на Уложеніе: „въ немъ господа критики найдутъ, чему за нездержаніе слова и за безд'ѣлiство люди подвергаются“. Но такая ссылка не могла удовлетворить дворянства, такъ какъ его новыя стремленія не укладывались въ рамки стараго законодательства. Екатерина поняла, что въ подобныхъ случаяхъ должно и можно уступать. Жалованная грамота дворянству избавила его отъ тѣлеснаго наказанія.

Битье дворянина палкою,—хотя бы и за безчестное дѣло,—безспорно, плохо вязалось съ понятіемъ дворянской чести. Но до какой степени суживалось это понятіе въ головахъ благородныхъ россійскихъ обывателей, показываетъ, напримѣръ, слѣдующее.

Герой комедіи Лукина „Мотъ, любовію и справленный“,—Добросердовъ,—человѣкъ легкомысленный, но совсѣмъ не злой, говоритъ о своемъ старомъ слугѣ Васильѣ:

— Хотя онъ мужикъ добрый, однако замерзѣлое въ ихъ родѣ мщеніе и злость остались.

Потомъ онъ убѣждается, что въ душѣ преданнаго ему Василья нѣтъ ни мщенія ни злости, и восклицаетъ:

— А ты, въ комъ я необычайную твоему роду честь вижу, не щади меня. Выговаривай, обвиняй, пристыжай и унетай мою гордость.

Растроганный баринъ хочетъ даже выдать вольную своему крѣпостному слугѣ, а когда тотъ отъ нея отказывается, его удивленіе не знаетъ границъ:

— О, рѣдкая въ человѣкѣ такого состоянія добродѣтель! Ты свою честностью меня удивляешь!

Подобныя похвалы обиднѣе брани. Почему же растроганный Добросердовъ обижаетъ своего слугу даже тогда, когда хочетъ похвалить его? Проф. Незеленовъ объясняетъ это тѣмъ, что Лукинъ, говорящій устами своего героя, былъ человѣкомъ „европейскаго просвѣщенія“. Это ни съ чѣмъ несообразно. Благочестивый изслѣдователь, неутомимо, но весьма неудачно разоблачающій „дурныя стороны“ французской просвѣтительной философіи, которой онъ, къ слову сказать, совсѣмъ не знаетъ, былъ сбитъ съ толку тѣмъ обстоятельствомъ, что Добросердовъ,—или, если хотите, Лукинъ,—говоря о чести, выдвигалъ идею, очевидно, заимствованную имъ у „человѣка европейскаго просвѣщенія“, Монтескье. Но когда двое говорятъ одно и то же, это не одно и то же. Подъ честью Монтескье понималъ стремленіе къ отличіямъ, побуждающее дворянина служить государству [1]). И это

[1]) Монтескье говоритъ: „la nature de l'honneur est de demander des préférences et des distinctions“. (De l'Esprit des lois, l. III, chap. VII).

стремленіе противопоставлялось имъ вовсе не „безчестности“ или другимъ, подобнымъ этому, „замерзѣлымъ“ и нравственнымъ качествамъ непривилегированнаго сословія, а тому тупому равнодушію къ почестямъ и отличіямъ, которое онъ считалъ свойственнымъ жителямъ восточныхъ деспотій [1]). Ясно, стало быть, что въ головѣ Добросердова (Лукина) понятіе о чести, несомнѣнно заимствованное имъ у „человѣка европейскаго просвѣщенія“, приняло оттѣнокъ, съ тогдашнимъ европейскимъ просвѣщеніемъ не имѣющій ровно ничего общаго. Если понятіе о чести дворянина дополнялось у насъ понятіемъ о безчестности крѣпостного слуги, то происходило это не отъ чего другого, какъ отъ закрѣпощенія народа. Лукинъ, жаловавшійся на то, что русскіе писатели сочиняютъ для театра пьесы, „не наше поведеніе знаменующія“, въ данномъ случаѣ подсказалъ своему герою разсужденія, „знаменовавшія“ именно нашъ бытъ [2]).

Если во Франціи освободительная работа мысли ограничивалась предѣлами буржуазнаго кругозора,—тогда, въ XVIII столѣтіи, несравненно болѣе широкаго, чѣмъ теперь, въ XX,—то у насъ ее ограничивалъ дворянскій горизонтъ, въ то время, благодаря существованію крѣпостного права, еще болѣе узкій, чѣмъ теперь. Поэтому даже и въ той, крайне малой, части западно-европейскихъ освободительныхъ ученій, которая могла быть усвоена европеизованными русскими дворянами, замѣтны весьма значительные „примѣсы“ нашего домашняго „тиранства“.

Соотношеніе общественныхъ силъ въ шляхетско-самодержавной Россіи было таково, что „тиранство“ помѣщика надъ крестьяниномъ шло рядомъ съ „тиранствомъ“ верховной власти по отношенію къ помѣщику. Процессъ раскрѣпощенія дворянства не могъ привести у насъ къ ограниченію власти государя господствующимъ сословіемъ. Владѣльцы крѣпостныхъ душъ чувствовали это и были очень скромны въ своихъ требованіяхъ. Они,—въ огромномъ большинствѣ своемъ,—были довольны маленькими уступками, сдѣланными имъ Екатериной, потому что большихъ уступокъ они и не требовали. Когда Екатерина распорядилась, чтобы русскіе обыватели въ своихъ обращеніяхъ къ верховной власти подписывались не рабами, а подданными, въ нашей литературѣ началось ликованіе. В. В. Капистъ, незадолго до того горько оплакавшій,—въ своей „Одѣ на рабство“,—ра-

[1]) „Les hommes,—говоритъ онъ,—y étant tous esclaves, on n'y peut se préférer à rien“.

[2]) Вспомнимъ, какъ французскіе просвѣтители упрекали старую французскую комедію за то, что она была несправедлива къ слугамъ (см. предыдущую главу).

спространеніе крѣпостного права на Малороссію, разразился одой „На истребленіе званія раба въ Россіи“. Его восторгъ былъ такъ великъ, что можно было подумать, будто Россія въ самомъ дѣлѣ стала свободной страной.

О, день свѣтлѣе дни побѣдъ!
Царица небомъ ниспосланна,
Неволи тяжки узы рветъ;
Россія,—ты свободна нынѣ!
Ликуй:—во вѣкъ въ Екатеринѣ
Ты благость Бога зрѣть должна:
Она тебѣ вновь жизнь даруетъ
И счастье съ вольностью связуетъ
На всѣ грядущи времена

„Званіе раба“ въ извѣстномъ смыслѣ противорѣчило грамотѣ на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства. Поэтому дворянство имѣло основаніе радоваться „истребленію“ этого званія. Но радовались не одни дворяне. Ерминъ-Костровъ, происходившій, какъ извѣстно, изъ экономическихъ крестьянъ, „пѣлъ“ еще громче В. В. Капниста:

Рекла: не буди рабъ, отечества будь сынъ,
Герой, любитель музъ, похвальный гражданинъ;
По долгу своему употребляй всѣ силы,
Мнѣ не названія, сердца мнѣ ваши милы!
Будь добрый человѣкъ, пороковъ убѣгай
И матерью меня отнынѣ называй...
Позволь, богиня, здѣсь пролить мнѣ потоки слезны!
Божественны твои слова сердцамъ любезны.
Но слезы радости... Скажи мнѣ, гдѣ Твой храмъ?
Гдѣ жертвенникъ Тебѣ? Гдѣ милый ѳиміамъ?
Въ груди Россіянъ... [1]).

Разумѣется, нѣтъ надобности быть дворяниномъ для того, чтобы съ удовольствіемъ увидѣть себя избавленнымъ отъ унизительной обязанности именоваться рабомъ. Однако, только держась нашихъ тогдашнихъ дворянскихъ понятій, легко было упустить изъ виду, что „истребленіе въ Россіи званія раба“ совсѣмъ не выводило русскихъ крестьянъ изъ ихъ рабскаго положенія. Отъ разночинца Кострова какъ будто можно было ожидать болѣе скептическаго отношенія къ этой реформѣ. Но восторги господствующаго сословія заразительны.

---

[1]) „Эпистола на всерадостный день восшествія на престолъ Ея Имп. Вел. Екатерины II“.

XI.

Поскольку освободительная французская философія способствовала у насъ очищенію самодержавія отъ „примѣсовъ тиранства“, постольку ея вліяніе должно быть признано плодотворнымъ, какъ бы ни были малы его размѣры. Этого оспаривать не станутъ даже тѣ изслѣдователи, которые, подобно профессору Незеленову, терпѣть не могутъ французскихъ просвѣтителей. Но когда рѣчь заходитъ о нравственномъ вліяніи названной философіи на русскихъ людей XVIII столѣтія, тогда дѣло быстро принимаетъ другой оборотъ. Кромѣ проф. Незеленова, такъ очевидно враждебнаго такъ плохо знакомой ему освободительной философіи, многіе другіе изслѣдователи признавали, что философія дурно повліяла на русское общество своими „дурными сторонами“. Вопросъ этотъ заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Казалось бы, что тутъ не о чемъ и спорить: разъ имѣетъ данная философія свои дурныя стороны,—а какая же не имѣетъ ихъ?—то вполнѣ естественно, что ими она оказываетъ дурное вліяніе на всѣ тѣ страны, въ которыя проникаетъ. Это очень просто. Бѣда лишь въ томъ, что простыя соображенія такого рода ровно ничего не выясняютъ, именно благодаря крайней своей простотѣ, обусловленной безсодержательностью.

Спора нѣтъ, освободительная французская философія, какъ и всякая другая, имѣла свои „дурныя“ стороны. Но въ чемъ онѣ состояли? Сколько-нибудь серьезно отвѣтить на это можетъ только тотъ, кто далъ себѣ трудъ ознакомиться съ нею. А вотъ этого труда и не даютъ себѣ многіе изъ тѣхъ, которые говорятъ о ней. Поэтому они остаются въ неизвѣстности насчетъ всѣхъ вообще сторонъ ея: какъ „дурныхъ“, такъ и хорошихъ. Ну, а при такомъ отношеніи къ предмету чрезвычайно легко наговорить о немъ вещей, не выдерживающихъ даже и самаго легкаго прикосновенія критики.

Французская философія XVIII в. изучается у насъ чаще по нѣмецкимъ источникамъ. Извѣстный Германъ Геттнеръ до сихъ поръ сплошь и рядомъ цитируется нашими изслѣдователями, какъ серьезный авторитетъ по части этой философіи. Но, во-первыхъ, онъ зналъ ее весьма поверхостно; во-вторыхъ, онъ лишенъ былъ той смѣлости мысли, которая необходима всякому историку, имѣющему дѣло съ писателями революціонной эпохи. Безстрашной логикѣ французскихъ матеріалистовъ Геттнеръ часто умѣлъ противопоставить только негодованіе филистера. Онъ видѣлъ проповѣдь безнравственности тамъ, гдѣ матеріалисты пытались рѣшить новыя теоретическія задачи. Отрицательное

отношеніе къ французскому матеріализму XVIII в. перешло отъ него и ко многимъ русскимъ изслѣдователямъ. Есть всѣ основанія думать, что, когда покойный А. Н. Пыпинъ называлъ матеріализмъ „системы природы“ г р у б ы м ъ“ [1]), онъ слѣдовалъ примѣру Геттнера, а вѣдь онъ неоспоримо принадлежалъ къ числу самыхъ серьезныхъ нашихъ историковъ литературы. Чего же ожидать послѣ этого отъ проф. Незеленова? При такой готовности безъ критики повторять отрицательныя сужденія объ ученіяхъ крайнихъ представителей освободительной философіи легко было открыть въ ней сколько угодно „дурныхъ сторонъ“ и отнести на ея счетъ многое изъ того, что совсѣмъ не имѣло причинной связи съ нею.

Во вступительной статьѣ къ сочиненіямъ Фонъ-Визина, изданнымъ подъ общей редакціей П. А. Ефремова, Ал. Пятковскій, справедливо указавъ на то, что наши писатели XVIII столѣтія часто не умѣли послѣдовательно продумать ученіе французскихъ просвѣтителей, прибавляетъ:

„Если въ литературныхъ дѣятеляхъ того времени мы находимъ такъ мало послѣдовательности, то понятно, что въ обыденной жизни французское вліяніе порождало въ большомъ числѣ бригадирскихъ сынковъ, Иванушекъ, которые болтали неосмысленныя фразы о бракѣ и отношеніяхъ къ родителямъ, подслушанныя въ кругу лицъ, знакомыхъ съ ходячими воззрѣніями французскихъ мыслителей. Въ словахъ Иванушки объ уваженіи къ родителямъ отражается въ комической формѣ мысль Гельвеція“.

Тутъ что ни слово, то ошибка. Что такое французское вліяніе? Французское аристократическое общество оказывало одно вліяніе, а французскіе энциклопедисты, и вообще мыслящіе представители третьяго сословія, вліяли совсѣмъ иначе. Какое же вліяніе испыталъ на себѣ, проведя нѣкоторое время въ Парижѣ, Иванушка? Онъ говоритъ („Бригадиръ“, дѣйствіе I, явл. 3-е). „Педанты думаютъ... что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Чортъ ли видитъ то, что скрыто, а наружное всякъ видитъ“. Такъ ли разсуждали сторонники освободительной философіи? Нѣтъ, они разсуждали совсѣмъ иначе. Если нелѣпый Иванушка могъ заимствовать у французовъ свои доводы противъ украшенія головы снутри,—въ чемъ вполнѣ позволительно усомниться, такъ какъ нелѣпость доходитъ здѣсь до преувеличенія, дѣлающаго ее невѣроятной,—то развѣ лишь у французскихъ свѣтскихъ шаркуновъ, никогда не думавшихъ

[1]) Исторія русской литературы, т. IV, Спб., 1907, стр. 17. Ср. стр. 148, гдѣ французскій матеріализмъ называется у з к и м ъ.

ни о какой философіи [1]). Только у свѣтскаго французскаго общества могъ заимствовать Иванушка и свой взглядъ на бракъ. Онъ признается, что постоянная жена въ немъ „ужасъ производитъ“, и клятвенно обѣщаетъ развестись со своей будущей половиной, если она окажется постоянной. Здѣсь передъ нами какъ разъ тотъ предразсудокъ, который былъ очень распространенъ во французской аристократіи, и противъ котораго Нивелль-деля-Шоссэ возсталъ уже въ 1735 г. въ пьесѣ „Le préjugé à la mode“. Просвѣтители ни мало не одобряли этого предразсудка. Расшатанности дворянской семьи они,— какъ сказано въ предыдущей главѣ,— охотно противопоставляли прочность буржуазныхъ семейныхъ отношеній. Изъ этого слѣдуетъ, что и тутъ совершенно не при чемъ рѣчи, будто бы подслушанныя Иванушкой въ кругу лицъ, „знакомыхъ съ ходячими воззрѣніями французскихъ мыслителей“ [2]).

Объ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ Иванушка, въ спорѣ со своимъ отцомъ, высказывается такъ: „когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ, то долженъ-ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ“ [3]).

Подобно этому разсуждаетъ Фидиппидъ въ спорѣ со своимъ отцомъ Стрепсіадомъ въ комедіи Аристофана „Облака“. Сходство такъ велико, что невольно возникаетъ вопросъ, не слѣдовалъ ли здѣсь Фонъ-Визинъ Аристофану, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ извѣстно, вообще много заимствовалъ у иностранныхъ писателей. Но во всякомъ случаѣ А. Пятковскій жестоко ошибся, сказавъ: „въ словахъ Иванушки объ уваженіи къ родителямъ отражается въ комической формѣ мысль Гельвеція“. Они такъ же мало выразили матеріалистическую мысль Гельвеція, какъ аргументація Фидиппида выражала собою идеалистическую мысль Сократа.

XII.

Нужно замѣтить однако, что признаніемъ „грубости“ французскаго матеріализма удивительно упрощается рѣшеніе вопроса о дурныхъ сторонахъ освободительной философіи XVIII столѣтія. Дурно было въ ней все то, что приближалось къ грубому ученію,

---

[1]) Въ стихотвореніи „Байрамъ на Сѣверѣ“, напечатанномъ въ „Вечерней Зарѣ“ Н. И. Новикова, молодой франтъ говоритъ: „Не къ философіи дворяне родились“. Съ нимъ безусловно согласился бы Иванушка.

[2]) Въ другомъ стихотвореніи, напечатанномъ въ томъ же изданіи Новикова, поклоннику моды дается совѣтъ разойтись со своей женой тотчасъ послѣ свадьбы, какъ это водится въ дворянствѣ. Сотрудники Новикова лучше разбирались въ вопросахъ этого рода, нежели А. Пятковскій.

[3]) Дѣйствіе III, явленіе 1-ое.

изложенному въ „Системѣ природы“. А такъ какъ сочиненіе это нашло въ тогдашней Россіи многихъ читателей, то совершенно ясно, чѣмъ могла французская философія оказать дурное вліяніе на русскихъ людей того времени: распространеніемъ въ ихъ средѣ принциповъ грубаго матеріализма. Мы знаемъ, что Вольтеръ не упускалъ случая оспаривать матеріалистовъ. Но и въ его философскомъ ученіи легко открыть весьма замѣтные слѣды матеріалистическаго вліянія [1]). Поэтому и оно непремѣнно должно было расшатывать нравственность русской читающей публики. Въ направленіи такого вывода неустрашимѣе другихъ послѣдователей пошелъ А. И. Незеленовъ, отнесшій на счетъ освободительной французской философіи,—и особенно матеріализма,—едва ли не все то, что не нравилось ему въ русской литературѣ XVIII вѣка. Французская философія вообще представлялась ему въ самомъ непривлекательномъ видѣ. По его мнѣнію, въ ней „начало злое и ложное пересиливало свѣтъ истины“ [2]).

Профессоръ Незеленовъ утверждалъ, что французская освободительная философія способствовала распространенію въ русской литературѣ чувственности, легкомыслія и снисходительнаго отношенія къ жизненному злу. Едва ли нужно пояснять, что не могла снисходительно относиться къ жизненному злу та философія, которая сама была не чѣмъ инымъ, какъ идеологическимъ выраженіемъ борьбы третьяго сословія съ жизненнымъ зломъ стараго порядка. Точно такъ же всякій согласится, что знаменитая „Энциклопедія“ отнюдь не можетъ считаться литературнымъ памятникомъ легкомыслія. Принимать насмѣшку за легкомысліе значитъ смѣшивать педантизмъ съ глубокомысліемъ. Какъ это превосходно сказалъ Марксъ,—серьезно относится къ смѣшному именно тотъ, кто смѣется надъ нимъ.

Не такъ обстоитъ дѣло съ упрекомъ въ чувственности. Тутъ на первый взглядъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ показаться, что

---

[1]) Непримиримый и весьма послѣдовательный противникъ освободительной философіи Жозефъ де Местръ предлагалъ названіе „matérialiens“ для тѣхъ философовъ, которые, не будучи матеріалистами, „слишкомъ многое“ приписывали матеріи и компрометировали „истинные принципы“ (Examen de la Philosophie de Bacon, t. I, Bruxelles, 1844, p. 263). Вольтеръ очень многое приписывалъ матеріи и потому несомнѣнно принадлежалъ къ „matérialiens“.

[2]) „Литературныя направленія Екатерининской эпохи“, стр. 46. Безпощадный обвинитель вѣка разума, профессоръ Незеленовъ упрекалъ его также... въ неуваженіи къ разуму! Я не шучу. Излагая содержаніе напечатаннаго въ одномъ изъ періодическихъ изданій Новикова трактата о воспитаніи, онъ хвалитъ его автора за то, что тотъ „не раздѣляетъ тѣхъ взглядовъ вѣка, по которымъ умъ былъ сущей бездѣлицей и развитіе его должно стоять на послѣднемъ планѣ“ (П. И. Новиковъ, издатель журналовъ. С.-Пб., 1875, стр. 329). Ниже мнѣ еще придется разбирать эту изумительную путаницу понятій.

А. И. Незеленовъ и другіе изслѣдователи, стоящіе на его точкѣ зрѣнія,—а имя имъ легіонъ,—не совсѣмъ неправы. Въ романахъ Вольтера и въ нѣкоторыхъ разсказахъ Дидро, неоспоримо, есть элементъ—если не чувственности, то чего-то близкаго къ ней. Откуда проникъ онъ въ эти произведенія великихъ французскихъ просвѣтителей?

Между записками, составленными Дидро для Екатерины въ бытность его въ Петербургѣ, есть одна, въ которой онъ шутя говоритъ, какіе законы были бы имъ изданы, если бы сдѣлался государемъ. Въ ней онъ, между прочимъ, заявляетъ, что ровно ничего не имѣлъ бы противъ распространенія въ средѣ подданныхъ „короля Дени“ роскоши поскольку она явилась бы плодомъ ихъ экономическаго благосостоянія. Предвидя возраженія моралистовъ, онъ самъ ставилъ вопросъ: какъ повліяла бы такая роскошь на нравы его народа? И онъ даетъ на него замѣчательный отвѣтъ: „прекратились бы преступленія (plus de crimes), но было бы много того, что богословіе называетъ пороками и смертными грѣхами“. Между этими грѣхами первое мѣсто отводится у него чувственнымъ наслажденіямъ [1]).

Что это? Проповѣдь безнравственности? Не совсѣмъ. „Король Дени“ хочетъ, чтобы въ его государствѣ прекратились преступленія. Ясно, что если бы осуществилось его желаніе, то нравственность выиграла бы чрезвычайно много. Какое же значеніе имѣетъ эта готовность воображаемаго государя-философа помириться съ тѣмъ, что на языкѣ богословія называлось смертельнымъ грѣхомъ и порокомъ? Значеніе протеста противъ христіанской морали. И только!

Въ христіанской морали былъ очень силенъ чуждый античнымъ нравамъ элементъ аскетизма. Какъ реакція противъ этого элемента, явился элементъ чувственности въ свѣтской морали идеологовъ третьяго сословія. Но далеко не всякая чувственность заслуживаетъ осужденія. Аскетическій элементъ въ христіанской морали былъ отрицаніемъ естественныхъ и непререкаемыхъ правъ плоти. Отрицаніе такого отрицанія явилось не чѣмъ инымъ, какъ возстановленіемъ этихъ правъ, составляющимъ одно изъ необходимыхъ условій здоровой нравственности. Тому, кто считаетъ смернымъ грѣхомъ всякій протестъ противъ аскетическаго элемента христіанской морали, ученіе французскихъ просвѣтителей непремѣнно должно представляться исполненнымъ безнравственности. Тутъ все зависитъ отъ точки зрѣнія. Но кто осуждаетъ освободительную француз-

[1]) Maurice Fourneux, назв. соч., стр. 238—239.

скую философію за ея отрицаніе аскетизма, тому не слѣдуетъ забывать, что совершенно подобнымъ же отрицаніемъ пропитаны были всѣ передовыя культурныя стремленія Западной Европы, начиная съ эпохи Возрожденія. Такъ, напримѣръ, вся исторія искусства этой эпохи была исторіей борьбы эстетическаго идеала, подсказаннаго здоровой чувственностью, съ идеаломъ, выросшимъ на почвѣ болѣзненнаго христіанскаго аскетизма.

Въ одномъ своемъ письмѣ изъ-за границы гр. П. И. Панину Д. И. Фонъ-Визинъ замѣтилъ: „Сколько я понимаю, вся система нынѣшнихъ философовъ (т. е. тѣхъ же просвѣтителей. *Г. П.*) состоитъ въ томъ, чтобы люди были добродѣтельны независимо отъ религіи". Фонъ-Визинъ приписалъ здѣсь философскому ученію просвѣтителей слишкомъ узкое содержаніе: его нельзя цѣликомъ свести къ провозглашенію независимости морали отъ религіи. Но, въ самомъ дѣлѣ, оно настойчиво провозглашало эту независимость, и въ этомъ состояла одна изъ важнѣйшихъ его особенностей. Вполнѣ понятно, чѣмъ она была вызвана. Идеологи сословія, вступившаго въ непримиримую борьбу со свѣтской и духовной аристократіей, были бы непослѣдовательны, если бы не постарались положить конецъ нравственной зависимости населенія отъ духовенства. Не менѣе понятно и то, что людямъ, воспитаннымъ въ такой зависимости, свѣтская мораль просвѣтителей представлялась проповѣдью безнравственности. Изслѣдователь непремѣнно долженъ считаться съ этимъ психологическимъ явленіемъ, находя въ литературѣ того времени упреки въ развращенности нравовъ, выдвигаемые противъ сторонниковъ освободительной философіи.

XIII.

Подобная осторожность особенно необходима при изученіи русской культуры XVIII столѣтія. Въ до-Петровской Руси мораль была покорной служанкой религіи. Петровская реформа не могла сразу положить конецъ такому подчиненію нравственныхъ заповѣдей религіознымъ догматамъ и даже обрядамъ. Не говоря уже о раскольничьей реакціи противъ западнаго вліянія, мы знаемъ что уже „ученая дружина" далеко не была послѣдовательна въ своемъ отношеніи къ вопросамъ этого рода.

Если въ мышленіи В. Н. Татищева господствовалъ свѣтскій элементъ, то все-таки и Татищевъ не разрывалъ съ религіей. Что касается Кантемира, то хотя онъ, охотно и часто распространяясь о морали, ссылался не на житія святыхъ, какъ это дѣлали московскіе начетчики, а на свѣтскихъ,—и даже на языческихъ,—мыслителей, однако религія сохранила огромную власть надъ его умомъ, и онъ уже пугался тѣхъ выводовъ, къ которымъ

начинали приходить французскіе просвѣтители въ своей борьбѣ съ духовенствомъ [1]). Дидро, по всей вѣроятности, показался бы Кантемиру весьма опаснымъ для нравственности безбожникомъ. А между тѣмъ Татищевъ и Кантемиръ были самыми передовыми людьми своего времени. У людей отсталыхъ, сравнительно съ ними, московская привычка подчинять нравственность религіи должна была уцѣлѣть въ гораздо большей степени. И, разумѣется не только въ теченіе первой половины XVIII вѣка. Правда, въ эпоху Екатерины европеизованный слой русскаго дворянства съ большимъ любопытствомъ прислушивался къ антирелигіозной проповѣди французскихъ просвѣтителей. Увлеченіе этой проповѣдью отчасти стало даже дѣломъ моды. Но какая реакція слѣдовала нерѣдко за такимъ моднымъ увлеченіемъ, видно изъ примѣра И. В. Лопухина.

На короткое время онъ увлекся матеріализмомъ и даже перевелъ, съ цѣлью пропаганды, послѣднюю главу второй части Гольбаховой „Системы природы“ [2]). Но, едва закончивъ переводъ, онъ почувствовалъ жгучее раскаяніе, провелъ мучительную ночь безъ сна и сжегъ свою безбожную рукопись [3]).

Фонъ-Визинъ въ молодости заразился вольнодумствомъ, но очень скоро вернулся къ религіознымъ вѣрованіямъ и, по его собственному „чистосердечному признанію“, не могъ безъ ужаса вспомнить о своихъ сношеніяхъ съ вольнодумцами.

Какъ извѣстно, онъ былъ впослѣдствіи разбитъ параличемъ и вотъ разсказываютъ, что однажды, сидя въ московской университетской церкви, онъ обратился къ студентамъ со словами: „возьмите меня въ примѣръ, я наказанъ за вольнодумство“. Можетъ быть, это и неправда, однако невѣроятнаго тутъ ничего нѣтъ: взглядъ на болѣзнь, какъ на кару за грѣхъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ самыхъ взглядовъ, противъ которыхъ возставалъ Фонъ-Визинъ въ своей молодости.

Лопухину и Фонъ-Визину естественно было считать безнравственными людей, переставшихъ смотрѣть на религію, какъ на необходимую основу нравственности. Но мы сдѣлали бы огромную ошибку, если бы безъ критики приняли ихъ отзывы о такихъ

---

[1]) См. выше, томъ второй, стр. 141.

[2]) Глава эта называется: „Abrégé du Code de la Nature“. Лопухинъ назвалъ ее „Уставомъ Натуры“.

[3]) Нѣчто подобное пережила П. Н. Татлина. Сочиненія Вольтера произвели на нее сильнѣйшее впечатлѣніе. „Однако, старыя понятія не уступали новизнѣ,— говоритъ она,—и по прочтеніи Вольтера на меня напалъ такой страхъ, что я хотѣла бросить книги въ огонь; но онѣ были не мои“. Въ отличіе отъ И. В. Лопухина, Татлина преодолѣла свой страхъ и стала разумнѣе относиться къ опасному писателю; какъ утверждаетъ она, ея сознаніе вступило въ новую фазу развитія.

людяхъ. Въ „чистосердечномъ признаніи“ Фонъ-Визинъ говоритъ о своемъ знакомствѣ „съ однимъ княземъ, молодымъ писателемъ“, который свелъ его съ цѣлымъ кружкомъ безбожниковъ, проводившихъ время „въ богохуленіи и кощунствѣ“. Проводить время въ богохуленіи и кощунствѣ значитъ проводить его въ праздности, т. е. быть человѣкомъ, не имѣющимъ серьезнаго занятія. И если мы повѣримъ Фонъ-Визину, то придемъ къ тому заключенію, что его вольнодумный менторъ отличался, хотя, можетъ быть, и не безнравственностью, но, во всякомъ случаѣ, пустотою. Съ другой стороны съ одномъ изъ писемъ того же Фонъ-Визина къ роднымъ, написанномъ до покаянія нашего сатирика, тотъ же князь [1]) выступаетъ передъ нами человѣкомъ, имѣвшимъ серьезные умственные интересы. А по другимъ свидѣтельствамъ, онъ оказывается, кромѣ того, и весьма нравственнымъ человѣкомъ. Авторъ „Елисея“, В. И. Майковъ, любилъ молодого вольтерьянца „за его просвѣщенный умъ и благородство его характера“ [2]). Вернувшись къ своимъ дѣтскимъ вѣрованіямъ, Фонъ-Визинъ сталъ считать безнравственнымъ не только русскихъ „вольтерьянцевъ“, но и всѣхъ передовыхъ французовъ. „Д'Аламберты, Дидероты во своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ,—говорилъ онъ въ письмѣ къ гр. П. Панину изъ Аахена отъ 18/29 сентября 1778 г.:—всѣ они народъ обманываютъ за деньги, и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе“. Согласитесь, что показанія такихъ свидѣтелей довѣрія не заслуживаютъ. А вѣдь ихъ немало. Какъ въ изящной литературѣ того времени, такъ и въ воспоминаніяхъ о немъ преобладаетъ отрицательное отношеніе къ вольтерьянцамъ. И, по справедливому замѣчанію В. В. Сиповскаго, это обстоятельство убѣждаетъ насъ, что въ своей массѣ русское общество было почти враждебно имъ [3]). А это значитъ, что въ своей массѣ оно склонно было вѣрить даже и такимъ разсказамъ о нихъ, которые отнюдь не соотвѣтствовали истинѣ.

Положимъ, у насъ есть показанія свидѣтелей, заслуживающихъ несравненно большаго довѣрія. А. И. Герценъ лично зналъ многихъ русскихъ вольтерьянцевъ. Онъ говоритъ даже,

---

[1]) Ѳ. А. Козловскій, учившійся въ московскомъ университетѣ, служившій потомъ въ Преображенскомъ полку и убитый въ Чесменскомъ сраженіи.

[2]) См. вступительную статью Л. Н. Майкова къ сочиненіямъ В. И. Майкова, въ сборникѣ С. А. Венгерова „Русская поэзія“, стр. 268.

[3]) См. ст. „Изъ Исторіи русской мысли XVIII—XIX в.в.“ (русское вольтерьянство).—„Голосъ минувшаго“, 1914, 1, стр. 125.

что старики, съ которыми приходилось ему встрѣчаться, „были вольтерьянцами или матеріалистами, если не были масонами". И вотъ этотъ,—ужь конечно, заслуживающій вниманія,—свидѣтель тоже находитъ, что философія XVIII вѣка имѣла „въ Петербургѣ" отчасти вредное вліяніе, въ противоположность тому, что было во Франціи. По его мнѣнію, разница эта обусловливалась тѣмъ, что во Франціи новое ученіе, освобождая человѣка отъ его старыхъ предразсудковъ, внушало ему также болѣе высокія нравственныя стремленія, — „дѣлало его революціонеромъ", — тогда какъ у насъ оно разрывало послѣднія узы, связывавшія полу-дикую природу, и ничего не ставило на мѣсто старыхъ вѣрованій, старыхъ нравственныхъ понятій. Русскіе вольтерьянцы охотно откликались на призывъ къ наслажденію жизнью, „но въ ихъ душу не проникалъ торжественный звукъ набата, звавшаго людей къ великому воскресенію" [1]).

Нельзя не считаться съ этимъ, показаніемъ. Выше, говоря о кн. Хворостининѣ, я уже замѣтилъ, что нравственность, умѣющая ходить только на религіозныхъ костыляхъ, начинаетъ хромать, когда лишается ихъ [2]). Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предложеніи, что нѣкоторые европеизованные русскіе люди пользовались новымъ ученіемъ, какъ средствомъ для усыпленія своей совѣсти, т. е. для оправданія передъ самими собой, а иногда и передъ другими, своихъ безнравственныхъ поступковъ. Очень возможно также, что и у насъ повторилось то, что происходило во Франціи значительно раньше эпохи энциклопедистовъ. Привыкнувъ связывать въ своемъ умѣ представленіе о нравственныхъ заповѣдяхъ съ представленіями о религіи и о церкви, нѣкоторые французскіе „libertins" нарушали эти заповѣди изъ-за непріязни къ духовенству. „Они были безнравственны вслѣдствіе анти-религіозности", какъ выражается одинъ французскій изслѣдователь [3]). Винскій говоритъ, что между его русскими современниками распространялось несоблюденіе постовъ и невыполненіе предписанныхъ церковью обрядовъ „съ вольными отзывами на счетъ духовенства и самыхъ догматовъ". Антагонизмъ между служилымъ классомъ и духовенствомъ существовалъ еще въ Московской Руси. Если тогда онъ могъ способствовать усвоенію служилыми людьми религіозныхъ еретическихъ ученій, то въ послѣ-Петровской Россіи онъ могъ содѣйствовать усвоенію нѣкоторой,—очень малой,—частью бла-

[1]) Du développement des idées révolutionnaires en Russie, par A. Iskander. Paris, 1851, pp. 46, 47, 48.

[2]) См. выше, томъ первый, стр. 265.

[3]) Louis Ducros. Les encyclopedistes. Paris, 1900, pp. 22—23.

городнаго дворянства отрицательнаго отношенія къ религіи вообще. А разъ усвоено было такое къ ней отношеніе,—неизбѣжно было и у насъ появленіе безнравственности, обусловленной анти-религіозностью.

Но безнравственность этого рода остается обыкновенно весьма поверхностной: тутъ мы имѣемъ дѣло скорѣе съ „фанфаронами порока", нежели съ его настоящими друзьями. Мы знаемъ, что „фанфароны порока" сплошь да рядомъ обнаруживали несравненно болѣе возвышенныя нравственныя чувства, нежели ихъ обличители [1]). Свойственное русскому правящему классу XVIII вѣка „повреждение нравовъ",—такъ ярко описанное Щербатовымъ [2]),—обязано своимъ происхожденіемъ вовсе не вліянію энциклопедистовъ. Оно весьма сильно давало себя чувствовать еще при дворѣ малограмотной Екатерины I. И тѣ же французскіе просвѣтители, вліянію которыхъ оно приписывается, выдвинули извѣстныя общія соображенія, помогающія понять его происхожденіе. Гельвецій очень недурно выяснилъ причинную связь между рабствомъ и деспотизмомъ, съ одной стороны, и нѣкоторыми родами разврата—съ другой [3]).

Надо принять въ соображеніе еще и то, что люди, обличавшіе у насъ безнравственность „вольтерьянцевъ", нерѣдко сами отличались очень сомнительной нравственностью. Достаточно будетъ назвать Г. Н. Теплова, съ которымъ вернувшійся на путь благочестія Фонъ-Визинъ велъ назидательный разговоръ о вѣрѣ. Извѣстно, какъ много вынесъ Ломоносовъ отъ этого глубоко испорченнаго „подъячаго и плута".

Въ предѣлахъ тѣснаго кругозора русскаго дворянства ученіе, развившееся при иныхъ общественныхъ условіяхъ, порой принимало нелѣпый видъ. Это было естественно. Русскіе послѣдователи освободительной французской философіи бывали весьма непривлекательны. Они бывали также и просто смѣшны. Но бывали между ними и поистинѣ трагическія фигуры. Если въ ихъ

---

[1]) А. С. Пушкину тоже случалось, въ Александровскую эпоху, выступать „фанфаронъ порока", но это не мѣшало ему быть неизмѣримо благороднѣе, чѣмъ его строгіе обличители и каратели. Кн. Хворостининъ, горько сѣтовавшій на то, что жители Московскаго государства „сѣяли землю рожью, а жили ложью", тоже былъ нравственно выше своихъ современниковъ, хотя, можетъ быть, и онъ не чуждъ былъ „фанфаронадъ" и даже отчасти шатался въ своихъ нравственныхъ понятіяхъ,

[2]) Да и одинъ ли Щербатовъ говорилъ о немъ? „Развращенность здѣшнюю описывать излишне,—говорилъ въ 1773 г. Фонъ-Визинъ въ одномъ изъ писемъ къ своей сестрѣ.—Я ничего у Бога не прошу, какъ чтобъ вынесъ меня съ честью изъ этого ада". Соч. Фонъ-Визина, стр. 403.

[3]) De l'Esprit, Discours III, chap. XVIII, XIX, XX, XXI; De l'Homme, section X chapitre IX.

души не проникалъ торжественный звукъ набата, звавшаго человѣчество къ воскресенію, то они же первые и поплатились за эту глухоту, которой они страдали не по своей винѣ. Ихъ понятія оставались односторонними. Но несмотря на односторонность своихъ понятій, они все-таки были гораздо выше окружавшей ихъ среды. Ихъ „тошнило“ въ ней, какъ тошнило въ до-реформенной Москвѣ молодого Ордина-Нащокина и „дукса“ Хворостинина. На ихъ долю тоже выпало тяжелое г о р е о т ъ у м а. И многіе изъ нихъ не вынесли этого горя. Въ 1793 г. богатый ярославскій помѣщикъ Опочининъ, рѣшившись на самоубійство, писалъ въ своемъ завѣщаніи: „Смерть есть не что иное, какъ перехожденіе изъ бытія въ совершенное уничтоженіе... Я никакой причины не имѣлъ пресѣчь свое существованіе. Будущее, по моему положенію, представляло мнѣ своевольное и пріятное существованіе. Но сіе будущее миновало бы скоропостижно“. Эти строки какъ будто даютъ поводъ предполагать, что въ лицѣ Опочинина мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, потерявшимъ волю къ жизни вслѣдствіе утраты вѣры въ загробное существованіе. Отсюда можно, пожалуй, заключить, что новая философія не закаляла энергіи европеизованныхъ русскихъ людей, а, напротивъ, ослабляла ее по причинѣ ихъ неподготовленности къ усвоенію нѣкоторыхъ научныхъ истинъ. Но прочтите распоряженіе Опочинина о своихъ книгахъ,—и вы увидите, что дѣло тутъ не въ томъ.

„Книги, мои любезныя книги!—писалъ онъ,—не знаю, кому оставить ихъ. Я увѣренъ, что въ здѣшней сторонѣ онѣ никому не надобны... Прошу покорно моихъ наслѣдниковъ предать ихъ огню... Онѣ были первое мое сокровище; онѣ только и питали меня въ моей жизни... Напослѣдокъ, если бы не онѣ, моя жизнь была бы въ безпрерывномъ огорченіи, и я бы давно оставилъ съ презрѣніемъ сей свѣтъ“.

Тутъ передъ нами самоубійство отъ полнаго умственнаго одиночества, которое является едва ли не самымъ страшнымъ видомъ горя отъ ума. Самоубійца такъ и говоритъ: „а напослѣдокъ самое отвращеніе къ нашей русской жизни есть то самое побужденіе, принудившее меня рѣшить самовольно мою судьбу“.

Такъ древніе римскіе стоики отворяли себѣ жилы, чтобы избавиться отъ зрѣлища рабства и разврата. И вѣдь возможно, что окружавшее Опочинина темное царство лжи и зла считало его образцомъ безнравственности!

Говорятъ, что на лицахъ нашихъ вольнодумцевъ XVIII столѣтія лежалъ отпечатокъ какого-то утомленія, душевнаго разлада. Не оттого ли это, что всѣ они въ большей или меньшей степени переживали драму, сведшую Опочинина въ могилу?

Наши вольнодумцы не разслышали торжественнаго набата, будившаго современное имъ цивилизованное человѣчество; „русскій вольтерьянецъ“ часто былъ совершенно равнодушенъ къ политикѣ. Однако религіозное вольнодумство,—разумѣется, поскольку оно не было простымъ обезьянствомъ,—въ извѣстной степени прокладывало, шевеля умы, дорогу политическому вольномыслію. „Если XVIII вѣкъ былъ по преимуществу вѣкомъ безбожія,—говоритъ В. В. Сиповскій,—то начало XIX вѣка, начало и 20-ые годы царствованія Александра I, сдѣлались въ исторіи нашей мысли эпохой либерализма по преимуществу политическаго. Но любопытно, что у этихъ либераловъ-утопистовъ нѣтъ прежней дѣдовской вѣры: либерализмъ политическій шелъ у нихъ рука объ руку съ религіознымъ“ [1]).

Это требуетъ извѣстнаго ограниченія: не всѣ либералы Александровской эпохи были религіозными вольнодумцами. Но многіе изъ нихъ дѣйствительно пришли къ политическому свободомыслію черезъ философію XVIII вѣка и именно черезъ матеріализмъ, какъ это убѣдительно показалъ покойный Павловъ-Сильванскій. Типичными носителями передовой мысли двадцатыхъ годовъ XIX вѣка явились, по его справедливому мнѣнію, „политики и матеріалисты, воспитанные на французской литературѣ Вѣка Просвѣщенія“ [2]).

Это еще не все. Мы скоро увидимъ, что уже и въ XVIII столѣтіи тѣ русскіе люди, которымъ пришлось (не по недоразумѣнію) пострадать за свои передовые политическіе взгляды, воспитались на освободительной французской философіи.

Но и это не все. Мы уже видѣли выше, что эта идеологія третьяго сословія оказалась весьма пригоднымъ духовнымъ оружіемъ даже въ процессѣ раскрѣпощенія нашего служилаго класса. А если ко всему этому прибавить, что ей обязана русская литература вѣка Екатерины рѣшительно всѣмъ, что проникло въ нее человѣчнаго, возвышеннаго, благороднаго, то нетрудно будетъ составить себѣ понятіе о томъ, въ какой огромной степени положительная сторона тогдашняго французскаго вліянія была важнѣе отрицательной [3]).

---

[1]) Назв. статьи, „Голосъ минувшаго“, январь, 1914, стр. 126—127.

[2]) См. его превосходную статью „Матеріалисты двадцатыхъ годовъ“, напечатанную первоначально въ „Быломъ“ (іюль 1907 г.), а потомъ вошедшую во второй томъ его сочиненій.

[3]) Къ какому времени жизни А. И. Герцена могли относиться встрѣчи его со стариками, воспитанными на французской философіи XVIII вѣка? Ясно, что главнымъ образомъ къ его молодости. Но въ его молодости у него были годы мистическаго увлеченія. Въ эти годы его, естественно, должны были раздражать взгляды старыхъ

В. В. Сиповскій привелъ въ цитированной мною статьѣ не мало данныхъ, могущихъ служить для правильной оцѣнки этого плодотворнаго вліянія. Однако и онъ заимствовалъ „у французскаго историка Мориссона“ крайне пристрастную,—въ отрицательномъ смыслѣ,—характеристику вольтерьянства. Замѣчу мимоходомъ, что историкъ, на котораго онъ ссылается, въ дѣйствительности есть не Мориссонъ, а Нуриссонъ (Jean-Felix Nourisson) [1]), и принадлежитъ къ числу французскихъ консерваторовъ нынѣшняго времени, не могущихъ простить великимъ просвѣтителямъ XVIII вѣка ихъ революціонной роли въ исторіи умственнаго развитія Европы [2]). Не везетъ у насъ „вольтерьянцамъ“!

XIV.

Французская просвѣтительная философія учила, что человѣкъ, по своей природѣ, не добръ и не золъ, а дѣлается добрымъ или злымъ подъ вліяніемъ общественной обстановки. Отюда самъ собою слѣдовалъ тотъ выводъ, что надо сдѣлать эту обстановку какъ можно болѣе разумной, т. е. какъ можно болѣе соотвѣтствующей интересамъ народа. Поэтому старый порядокъ былъ признанъ неразумнымъ, подлежащимъ устраненію. Руссо и его единомышленники разсуждали, правда, не совсѣмъ такъ. Они безусловно признавали естественную доброту человѣческой природы. Но въ практическомъ отношеніи это сводилось къ тому же самому: чтобы предупредить или, по крайней мѣрѣ, ослабить искаженіе человѣческой природы, нужно было рѣшительно устранить недостатки общественнаго устройства.

Во Франціи этотъ выводъ соотвѣтствовалъ настроенію третьяго сословія, которое вскорѣ и принялось за его практическое осуществленіе. У насъ, какъ мы знаемъ, еще не было въ то время такого сословія, настроенію котораго соотвѣтствовало бы революціонное ученіе передовыхъ французовъ о человѣческой природѣ. Вслѣдствіе этого названное ученіе, будучи перенесено на рус-

---

„вольтерьянцевъ“. Его двоюродный братъ, котораго называли химикомъ, какъ видно, былъ матеріалистомъ во вкусѣ XVIII вѣка. Герценъ прямо говоритъ (въ „Быломъ и Думахъ“): „меня возмущаетъ его матеріализмъ“. Но замѣчательно, что,—какъ видно изъ словъ самого Герцена,—„химикъ“ обращался со своими крѣпостными лучше, нежели другіе владѣльцы крѣпостныхъ душъ. Впослѣдствіи Герценъ совсѣмъ отдѣлался отъ мистицизма, но старыя впечатлѣнія оставили свой слѣдъ на нѣкоторыхъ его отзывахъ о вліяніи французской философіи на Екатерининскую Россію.

[1]) См. его книгу „Voltaire et le voltairianisme“. Paris, P. Lethilleux (avant propos помѣчено 1896 годомъ).

[2]) У Нуриссона есть не менѣе ненавистническое сочиненіе и о Руссо: „J.-J. Rousseau et le rousseauisme“. Paris, 1903.

скую почву, непремѣнно должно было претерпѣть существенное измѣненіе. Это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ.

Если человѣкъ становится дурнымъ или хорошимъ въ зависимости отъ испытанныхъ имъ вліяній, то ясно, что его характеръ опредѣляется воспитаніемъ. Передовые французы XVIII вѣка приписывали воспитанію огромное значеніе. „L'éducation peut tout" (воспитаніе все можетъ), писалъ Гельвецій. У насъ эта мысль чрезвычайно охотно повторялась Екатериной и тѣми общественными дѣятелями, которые призваны были проводить въ жизнь ея взгляды. „Ясно, что корень всему злу и добру воспитаніе"— писалъ Бецкій. Это, какъ видимъ, совершенно то же, что говорили французскіе просвѣтители. Но далѣе возникаетъ вопросъ: что нужно для хорошаго воспитанія молодого поколѣнія?

По мнѣнію Бецкаго, достигнуть этого „не инако можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя, т. е. произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей, которые дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія они получили сами, и отъ нихъ дѣти передали бы паки своимъ дѣтямъ и такъ слѣдуя изъ роловъ въ роды въ будущіе вѣка". Съ этой цѣлью и заводились правительствомъ Екатерины II разныя,—впрочемъ, весьма немногочисленныя,—воспитательныя заведенія.

По поводу только что приведеннаго мною разсужденія Бецкаго о воспитаніи В. В. Каллашъ замѣтилъ: „Въ этой тирадѣ вся новая теорія, какъ на ладони, со всѣми ея сильными и слабыми сторонами. Искреннее желаніе общаго блага, патріотическое стремленіе поднять нравственный уровень отечества—и наивность пріемовъ, юный оптимизмъ. Казалось такимъ легкимъ созданіе новой породы людей" [1]).

Съ этимъ нельзя согласиться. Въ тирадѣ Бецкаго далеко не вся новая теорія съ ея сильными и слабыми сторонами. Въ ней именно отсутствуютъ ея с и л ь н ы я стороны.

Созданіе новой породы людей представлялось французскимъ просвѣтителямъ совсѣмъ не такимъ легкимъ дѣломъ, какимъ изобразилъ его Бецкій. Въ доказательство можно сослаться на того же Гельвеція.

Онъ писалъ, что существуетъ д в о я к о е воспитаніе: во-первыхъ, воспитаніе дѣтей (celle de l'enfance); во-вторыхъ, воспитаніе юношей (celle de l'adolescence). Первое дается школой; второе—

---

[1]) В. И. К а л л а ш ъ. Очерки по исторіи школы и просвѣщенія. Москва, 19,02 стр. 134.

окружающей юношу общественной жизнью или,—какъ говоритъ нашъ философъ,—формой правительства и народными нравами, при чемъ эти послѣдніе, въ свою очередь, опредѣляются политическимъ строемъ. Если второе воспитаніе противорѣчитъ первому, то оно совершенно подрываетъ его вліяніе.

„Предположимъ, что я съ дѣтскихъ лѣтъ внушалъ моему сыну любовь къ отечеству, и что я пріучилъ его связывать свое счастье съ совершеніемъ добродѣтельныхъ, т. е. полезныхъ большинству населенія, поступковъ. Но если, при своемъ вступленіи въ свѣтъ, мой сынъ увидитъ, что патріоты живутъ въ презрѣніи, бѣдности и угнетеніи; если онъ узнаетъ, что, будучи ненавидимы высокопоставленными и богатыми людьми и пользуясь дурной репутаціей въ городѣ, добродѣтельные граждане, кромѣ того, лишаются доступа ко двору, этому источнику милостей, почестей и богатствъ (безспорно составляющихъ положительное благо), то можно прозакладывать сто противъ одного, что онъ увидитъ во мнѣ лишь нелѣпаго болтуна и суроваго фанатика; что онъ станетъ презирать мою личность, что это презрѣніе распространится также на мои правила, и что онъ предастся всѣмъ тѣмъ порокамъ, распространенію которыхъ содѣйствуетъ форма правительства и нравы его соотечественниковъ“ [1]).

По мнѣнію Гельвеція, въ деспотической Турціи нечего было бы и заикаться о хорошемъ воспитаніи. Правда, существуютъ деспотическіе правители, расточающіе похвалы умѣренности мудрецовъ и доблести древнихъ героевъ. Но эти похвалы никого не обманутъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что эти правители говорятъ одно, а думаютъ другое. Въ странахъ, ими управляемыхъ, тоже невозможно возлагать никакихъ надеждъ на воспитаніе, получаемое въ семьѣ и школѣ [2]).

Если мы примемъ въ соображеніе, что Екатерина II цѣликомъ принадлежала къ числу тѣхъ правителей, дѣла которыхъ противорѣчили ихъ словамъ, то намъ станетъ ясно, что Гельвецій рѣшительно отказался бы раздѣлить радужную увѣренность Бецкаго въ возможности созданія новой породы людей въ тогдашней Россіи. Согласно ученію Гельвеція, всякая серьезная реформа нравственнаго воспитанія предполагаетъ такое же серьезное преобразованіе законовъ и формъ правленія [3]). А такъ какъ на преобразованіе русскаго государственнаго строя тогда не могло быть никакой надежды, то Гельвецій не только не заразился бы оптимизмомъ Бецкаго, но, напротивъ, высказалъ бы совершенно

---

[1]) Oeuvres complètes d'Helvetius, t. second pp. 595—596. Paris, MDCCC. XVIII.
[2]) Тамъ же, стр. 596—597.
[3]) Тамъ же, стр. 598.

пессимистическій взглядъ на наше положеніе. Вспомнимъ, что онъ даже на положеніе Франціи смотрѣлъ глазами пессимиста. Конечно, не всѣ французскіе просвѣтители были такъ послѣдовательны, какъ онъ. Непослѣдовательность мысли позволяетъ иногда питать розовыя надежды даже тамъ, гдѣ теорія подсказываетъ мрачныя умозаключенія. Но все-таки неоспоримо, что всѣ французскіе просвѣтители считали политическую и общественную реформу необходимымъ предварительнымъ условіемъ реформы педагогической.

XV.

Мы видѣли, что въ разсужденіяхъ Бецкаго о созданіи новой породы людей не было и намека на необходимость государственной реформы. Не было намека на эту необходимость и въ разсужденіяхъ огромнѣйшаго большинства тогдашнихъ русскихъ просвѣтителей. Когда они говорили о воспитаніи, они всегда имѣли въ виду именно только семейное и школьное воспитаніе. Гельвецій сказалъ бы, что они всегда разсуждали только о воспитаніи дѣтей и не касались воспитанія юношей. Но если они не касались воспитанія юношей, то отъ этого дѣти не переставали постепенно превращаться въ молодыхъ людей, а характеръ молодыхъ людей не переставалъ складываться подъ вліяніемъ окружающей ихъ общественной среды. Русскіе просвѣтители не могли отрицать правильности того вывода изъ ученія французскихъ философовъ о человѣческой природѣ, согласно которому характеръ человѣка становится хорошимъ только тамъ, гдѣ хороша общественная обстановка. Раздѣляли они и тотъ взглядъ, что хороша лишь та общественная обстановка, которая самой организаціей своей убѣждаетъ отдѣльныхъ лицъ въ солидарности ихъ частныхъ интересовъ съ интересами цѣлаго. По ученію французскихъ философовъ, такой общественной обстановки еще не существовало даже въ самыхъ передовыхъ странахъ цивилизованнаго міра. Рѣчь шла именно о томъ, чтобы создать ее посредствомъ общественной и политической реформы. Стремленіе къ такой реформѣ и составляло революціонную сущность французской освободительной философіи.

Въ своемъ огромнѣйшемъ большинствѣ русскіе просвѣтители не раздѣляли этого стремленія. Они еще не пришли къ той мысли, что русская дѣйствительность нуждается въ коренной передѣлкѣ. Спрашивается, какимъ же образомъ могли они надѣяться на то, что окружающая русскаго обывателя общественная среда будетъ убѣждать его въ тождествѣ его частныхъ инте-

ресовъ съ интересами цѣлаго? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Фонъ-Визинъ въ 1-мъ явленіи 5 дѣйствія своего „Недоросля".

Правдинъ высказываетъ тамъ то мнѣніе, что люди становятся несчастными по своей собственной винѣ: вслѣдствіе своего развращенія; но ему хотѣлось бы знать тѣ способы, которые могли бы сдѣлать людей добрыми. Стародумъ, перебивая Правдина, высказываетъ на этотъ счетъ слѣдующее категорическое убѣжденіе.

„Они (т. е. способы. *Г. П.*) въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлой выслугой и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми,—тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ и всякій хорошъ будетъ".

Какъ видите, въ головѣ Стародума вопросъ рѣшался несравненно проще, нежели въ головахъ французскихъ философовъ. Если эти послѣдніе обращались къ просвѣщеннымъ государямъ то они ждали и требовали отъ нихъ серьезныхъ реформъ (примѣръ: совѣты, данные Дидро Екатеринѣ). Реформы эти должны были связать личный интересъ каждаго отдѣльнаго гражданина съ общимъ интересомъ страны. Стародумъ гораздо умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ. Онъ желаетъ только того, чтобы государь не выводилъ „въ люди" тѣхъ изъ своихъ слугъ, которые лишены „благонравія". Когда государь станетъ неуклонно слѣдовать этому прекрасному правилу, тогда всякій будетъ хорошъ, потому что всякій найдетъ, что выгодно быть благонравнымъ. И Стародумъ убѣжденъ, что государь можетъ съ большимъ успѣхомъ послѣдовать указанному правилу. „Повѣрь мнѣ, мой другъ,—говоритъ онъ,—гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что законно".

Въ головѣ Стародума взгляды французскихъ просвѣтителей совершенно утратили свое революціонное содержаніе и пріобрѣли консервативный характеръ. Такой же характеръ получили они и въ головѣ собесѣдника Стародума,—тоже весьма симпатичнаго автору,—Правдина. Надобно дѣйствительно, — говоритъ Правдинъ, „чтобы всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе". Въ противность тому, что мы видѣли у Гельвеція, воспитаніе не только не предполагаетъ здѣсь коренной общественной реформы, но, напротивъ, вполнѣ приспособляется къ существующему порядку вещей.

Когда Фонъ-Визинъ задумалъ издавать (въ 1788 г.) журналъ „Другъ честныхъ людей или Стародумъ", онъ, въ „Письмѣ къ

Стародуму", такъ объяснилъ выборъ этого заглавія: „Я долженъ признаться, что за успѣхъ комедіи моей: Недоросль одолженъ я Вашей особѣ. Изъ разговоровъ вашихъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьею составилъ я цѣлыя явленія, кои публика и донынѣ съ удовольствіемъ слушаетъ".—Публика слушала ихъ даже охотнѣе, чѣмъ смотрѣла тѣ сцены, въ которыхъ оказывался несомнѣнный и большой сатирическій талантъ Фонъ-Визина. Это показываетъ, что большинство европеизованныхъ россіянъ раздѣляло взгляды Стародума и Правдина. А разъ это было такъ, то неудивительно, что наша тогдашняя литература вообще и наша тогдашняя сатира въ частности сама отличалась, за немногими исключеніями, большимъ „благонравіемъ". Сатирическіе журналы 1769—1779 годовъ возставали,—и иногда довольно смѣло,—противъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ явленій русской общественной жизни, повидимому, даже не подозрѣвая, что явленія эти находились въ неразрывной связи съ самыми глубокими основами тогдашняго порядка вещей. Возьмемъ примѣръ.

Лучшіе изъ сатирическихъ журналовъ бичевали жестокихъ помѣщиковъ. Въ „Трутнѣ" Н. И. Новикова выведенъ нѣкій г. Безразсудъ, твердо убѣжденный, что крестьяне не люди, а только крестьяне. Видя, какъ его крѣпостные кланяются ему, „по восточному", въ ноги, онъ думаетъ: „я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды, день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка: они памятуя мое и свое состояніе должны трепетать моего взора". Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано: въ потѣ лица твоего снеси хлѣбъ твой [1]).

Не лучше Безразсудова и его превосходительство г. Недоумъ, котораго немедленно начинаетъ трясти лихорадка, какъ только въ его присутствіи кто-нибудь упомянетъ о мѣщанахъ или крестьянахъ: „онъ ихъ въ противность модного нарѣчія не удостоиваетъ ниже имени подлости, а какъ ихъ называть, того еще въ пятьдесятъ лѣтъ безплодной своей жизни не выдумалъ [2]).

Въ листахъ XXVI и XXX „Трутня" за тотъ же годъ напечатаны „Отписки" одного старосты къ помѣщику и помѣщиковъ указъ къ крестьянамъ, превосходно изображающіе положеніе тогдашнихъ крѣпостныхъ. Сатирикъ заставляетъ старосту сообщать помѣщику о тѣлесномъ наказаніи на сходѣ и объ оштрафованіи пятью рублями крестьянина Андрюшки за то, что тотъ,

---

[1]) „Трутень", 1769, листъ XXIV. Курсивъ подлинника.

[2]) Тамъ же, листъ XXIII.

въ своей челобитной къ помѣщику, назвалъ его отцомъ, а не господиномъ. „Онъ сказалъ,—прибавляетъ староста,—„я де это сказалъ съ глупости“ и на предки онъ тебя, государя, отцомъ называть не будетъ“ [1]).

Въ „Живописцѣ“ того же Новикова напечатанъ былъ замѣчательный отрывокъ изъ „Путешествія въ И*** Т***“. Подводя итоги своимъ путевымъ впечатлѣніямъ, авторъ отрывка писалъ: „бѣдность и рабство повсюду встрѣчалися со мною въ образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія покрытыя соломою хижины изъ тонкаго заборника, дворы огороженныя плѣтнями, не большія адоньи хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота, подтверждали сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ—тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны [2]). Это напоминаетъ знаменитое „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ Радищева. И мы знаемъ, что отрывокъ этотъ въ свое время произвелъ сильное впечатлѣніе на читателей. Новикову сообщали, что „многія наша братья дворяне пятымъ листомъ (т. е. тѣмъ, въ которомъ напечатанъ былъ отрывокъ. *Г.П.*) недовольны“. Другіе читатели, напротивъ, „за оный же листъ“ хвалили Новикова [3]). Однако продолженія путешествія не появилось: какъ видно, начальство приняло противъ его печатанія свои мѣры.

Новиковъ оправдывается тѣмъ, что авторъ путешествія нападаетъ не на цѣлый „дворянскій корпусъ“, а только на дворянъ, власть свою во зло употребляющихъ. Этому мало вѣрили тогда и мало вѣрятъ до сихъ поръ.

Нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что Новиковъ былъ противъ крѣпостного права въ его цѣломъ, а не только противъ злоупотребленій помѣщичьей властью [4]). Возможно, что въ глубинѣ души Новиковъ, дѣйствительно, осуждалъ крѣпостное право, какъ таковое. Однако печатно онъ осуждалъ именно только дурныхъ помѣщиковъ. Говорятъ, что это происходило по причинѣ слишкомъ хорошо извѣстныхъ у насъ „независящихъ отъ редакціи обстоятельствъ“. Это тоже возможно; но и это остается недоказаннымъ. Болѣе того, есть основаніе думать, что не только впослѣдствіи, сдѣлавшись мистикомъ, но и въ эпоху изданія „Трутня“, „Живописца“ и „Кошелька“ Новиковъ не доходилъ до

---

[1]) „Трутень“, листъ XXVI.

[2]) „Живописецъ“ на 1772 г., листъ 5-й. Курсивъ подлинника.

[3]) Тамъ же, листъ 13-ый.

[4]) Ср. Незеленовъ. Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1774. Спб., 1875, стр. 153 и слѣд.

принципіальнаго осужденія крѣпостного права. Насъ не должны вводить въ ошибку часто встрѣчающіяся въ этихъ журналахъ разсужденія на ту тему, что „крестьяне такіе же человѣки". Вѣдь и Сенека писалъ, что рабы такіе же люди, какъ ихъ господа [1]), а между тѣмъ противъ рабства, какъ общественнаго учрежденія, онъ нигдѣ не высказывался. Кромѣ того, изслѣдователи, приписывающіе Новикову принципіальное осужденіе крѣпостного права, не обращаютъ вниманія на весьма важный литературный документъ, напечатанный въ VI листѣ „Кошелька" (1774 г.) Я имѣю въ виду одноактную комедію „Народное игрище".

Въ ней, какъ бы въ назиданіе злымъ помѣщикамъ, изображается добрый баринъ Толстосумъ, „отецъ, а не господинъ". Одинъ изъ подданныхъ этого добраго барина говоритъ, что сердце радуется, смотря на его крестьянъ, и прибавляетъ, какъ общее правило, что „ежели у доброва помѣщика крестьянинъ бѣденъ, такъ онъ на себя долженъ пѣнять: либо онъ лѣнивецъ, или пьяница". Это, кажется, довольно далеко отъ принципіальнаго осужденія крѣпостного права. Но это еще не все. Тотъ же вѣрный крѣпостной слуга добраго Толстосума высказываетъ слѣдующее, весьма назидательное и въ тоже время очень характерное, соображеніе: „честный слуга не только что угождать господину, но долженъ иногда представлять ему съ учтивостью о его непорядкахъ. Доброй господинъ никогда за это не прогнѣвается, а хотя сперва и осердится, такъ ето не на долго: послѣ самъ признается. Я ето много разъ испыталъ, представляя старому барину; и за то-то онъ меня ото всѣхъ отмѣнно и жалуетъ".

Замѣтьте, что комедія „Народное игрище" предназначалась для зрителей изъ народа и, по мнѣнію издателя „Кошелька" должна была принести имъ пользу. Однако только что приведенное соображеніе могло быть „полезно" развѣ только въ смыслѣ защиты крѣпостного права, какъ такового.

Другой крѣпостной Толстосума, лакей его сына Василій, сообщаетъ, что крестьяне очень любятъ стараго помѣщика, „а по немъ и молодова барина также любятъ, хотя онъ имъ ни какова еще добра не сдѣлалъ". Но тотъ же Василій, принимая участіе въ кутежахъ своего молодого господина, очень опасается, что о нихъ узнаетъ старый баринъ. „Какъ онъ до насъ не милостивъ, только спинѣ моей за ето отвѣчать будетъ: и мнѣ послѣ етова гулянья такое будетъ похмелье, что и въ годъ не забудешь". Отсюда видно, что идеальный помѣщикъ Толстосумъ, заботясь о благо-

[1]) См. его знаменитое письмо къ Луцилію о томъ, что слѣдуетъ человѣчно обращаться съ рабами.

нравіи своихъ крѣпостныхъ, не чуждался и весьма чувствительныхъ тѣлесныхъ наказаній.

Правда, разбираемая комедія написана была не Новиковымъ. В. П. Семенниковъ считаетъ вѣроятнымъ, что ее написала, по желанію Екатерины, княгиня Е. Р. Дашкова [1]). Однако Новиковъ не только напечаталъ ее, но предпослалъ ей нѣсколько вполнѣ сочувственныхъ замѣчаній. Поступилъ ли бы онъ такъ, если бы не раздѣлялъ основной мысли присланной ему комедіи? А вѣдь мысль эта, безъ всякаго сомнѣнія, сводится къ тому, что баринъ долженъ и можетъ съ успѣхомъ заботиться о своихъ крѣпостныхъ крестьянахъ, а крѣпостные крестьяне должны и могутъ искренно любить своего барина: тутъ нѣтъ ровно ничего общаго съ мыслью о крестьянской эмансипаціи.

Что въ эпоху изданія „Трутня", „Живописца" и „Кошелька" Новиковъ былъ однимъ изъ самыхъ передовыхъ русскихъ людей это совершенно неоспоримо. Но какъ умѣренны были взгляды этого, тогда еще весьма передового человѣка, видно изъ его отношенія къ вопросу о свободѣ печати. Подобно всѣмъ своимъ европеизованнымъ современникамъ, Новиковъ восхищался тѣмъ, что Екатерина дала своимъ подданнымъ свободу мыслить и говорить. Какъ журналистъ, онъ былъ ex-professo заинтересованъ въ возможно большемъ расширеніи предѣловъ этой свободы. Но ему и въ голову не приходило, что можно совсѣмъ отмѣнить цензуру. По его мнѣнію, спокойствіе государства и безопасность гражданъ требуютъ, „чтобы не дозволено было издавать книги опроверженіями Божія закона наполненныя, самодержавію и отечеству противныя, такожъ сочиненія язвительныя и соблазнительныя, могущія повредить сердце и душу молодыхъ людей, или привести невинность на злодѣяніе". Люди, пишущіе такія сочиненія, недостойны носить имя авторовъ или, какъ выражается Новиковъ, творцовъ, а должны считаться „вредительными гадинами". Чтобы предохранить общество отъ вреднаго вліянія подобныхъ „гадинъ", правительство должно „свидѣтельствовать" вновь выходящія книги, при чемъ первая роль въ дѣлѣ ихъ освидѣтельствованія отводилась у Новикова духовнымъ цензорамъ [2]). Если мы примемъ въ соображеніе, что Новиковъ былъ, вѣроятно, наиболѣе независимымъ и, навѣрно, самымъ благороднымъ человѣкомъ между издателями русскихъ сатирическихъ журналовъ, то мы убѣдимся, что требованія нашихъ тогдашнихъ сатириковъ, въ самомъ дѣлѣ, были весьма скромными. Тѣмъ не

---

[1]) „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 г." С.П.Б. 1914, стр. 58.

[2]) „Живописецъ" на 1772 г., листъ XX_0.

менѣе лучшимъ изъ нихъ пришлось встрѣтить на своемъ литературномъ пути непреодолимыя препятствія.

Первымъ по времени сатирическимъ журналомъ (1764 г.) была, какъ извѣстно, „Всякая всячина“, которая издавалась Г. В. Козицкимъ по желанію и подъ руководствомъ самой Екатерины. Въ одномъ изъ №№ этого журнала появилось восторженное похвальное слово по адресу печати: „О, печать! конечно, самъ Богъ просвѣтилъ того человѣка, кто тебя выдумалъ! Тобою сохраняются описанія великихъ дѣлъ человѣческихъ, тобою летаютъ мысли человѣческія отъ Востока до Запада, отъ Полудня до Полуночи; ты истребляешь вредныя роду человѣческому предразсужденія; тобою открывается истина; тобою изъ примѣровъ научаются цари царствовать, министры охранять отечество, полководцы искусству воинскому, судьи разысканію правды. Колико споспѣшествуешь ты людямъ ко благополучію!“ и т. д. Но въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, практика Фелицы шла въ разрѣзъ съ ея теоріей.

Принимая на себя руководство „Всякой всячиной“ и поощряя изданіе другихъ журналовъ, Екатерина, какъ видно, льстила себя той надеждой, что русская періодическая печать ограничится усерднымъ воспѣваніемъ славы новой государыни. Но какъ ни скромны были наши тогдашніе журналисты въ своихъ общественныхъ стремленіяхъ, они все-таки гораздо серьезнѣе поняли свою задачу. Они считали себя въ правѣ критиковать, между тѣмъ какъ Фелица считала ихъ обязанными восторгаться. Отсюда, естественно, возникъ разладъ, тяжело отразившійся на судьбѣ сатирическихъ журналовъ.

Уже во второмъ листѣ „Трутня“ за 1769 г. напечатано было письмо одного воеводы къ своему племяннику, избѣгавшему приказной службы. „Почему она тебѣ противна?—недоумѣвалъ заботливый дядюшка.—Ежели ты думаешь, что она по нынѣшнимъ указамъ ненаживна, такъ ты въ этомъ, другъ мой, ошибаешься. Правда, въ нынѣшнія времена противъ прежняго не придетъ и десятой доли, но со всѣмъ тѣмъ, годовъ въ десятокъ можно нажить хорошую деревеньку. Каково-жъ нажиточно бывало прежде, самъ разсуди, нынѣшніе указы много у насъ отняли хлѣба!“

Екатерина увидѣла въ этомъ письмѣ личную обиду, и ея „Всякая всячина“ немедленно начала кампанію противъ „Трутня“.

Журналъ „ученицы Вольтера“ доказывалъ, что суды и судьи вовсе не такъ плохи, какъ думаетъ авторъ цитированнаго мною письма, и что хотя приказные, въ самомъ дѣлѣ, берутъ иногда взятки, но виноваты въ этомъ не столько они, сколько сами

просители. „Подлежитъ еще и то вопросу,—писала „Всякая всячина“,—если бы менѣе было около нихъ искуситслей, не умалилась бы тогда и на нихъ жалоба“. Это неожиданное и поистинѣ оригинальное соображеніе вызвало рѣзкій отпоръ со стороны другихъ журналовъ.

Въ „Смѣси“ появилось письмо, ѣдко осмѣивавшее „бабушку“ [1]) за ея защиту подъячихъ... Бабушка говорила, что лучше поменьше тягаться и почаще рѣшать дѣла миромъ. „Смѣсь“ возражала, что это всякому извѣстно, и что никто не станетъ тягаться по пустякамъ. Если бы всѣ были добросовѣстны и всѣ подчинялись бы закону, то не было бы нужды ни въ судахъ, ни въ судьяхъ. Но въ дѣйствительности безъ судовъ обойтись нельзя, и потому слѣдуетъ добиваться, чтобы подъячіе строго исполняли свои обязанности. „Пожалуйста,—говорилъ авторъ письма, обращаясь къ редактору „Смѣси“,—откажитесь отъ бабушки, которая нынѣ сказываетъ простыя сказки и тѣмъ самымъ изображаетъ слабости своего разума“ [2]). „Адская почта“ напоминала бабушкѣ о всѣми уважаемыхъ сатирикахъ древности и ставила ей на видъ, что сатира существуетъ именно для осмѣянія пороковъ. Это замѣчаніе направлялось противъ той мысли „Всякой всячины“, что надо имѣть человѣколюбіе и снисхожденіе къ человѣческимъ слабостямъ. „Добросердечный сочинитель,—проповѣдывала бабушка,—изрѣдка касается къ порокамъ, чтобы тѣмъ подъ примѣромъ какимъ не оскорбити человѣчество: но располагая свои другимъ наставленія, поставляетъ примѣръ въ лицѣ человѣка украшеннаго различными совершенствами, то-есть добронравіемъ и справедливостью; описываетъ твердаго блюстителя вѣры и закона, хвалитъ сына отечества, пылающаго любовью и вѣрностью къ Государю и обществу, изображаетъ миролюбиваго гражданина, искренняго друга, вѣрнаго хранителя тайны и. д. [3]).

Здѣсь едва ли не впервые выдвинуто было въ русской литературѣ всѣмъ намъ хорошо знакомое ученье охранителей о томъ, что лучше выставлять положительные типы, нежели — отрицательные. Какъ это много разъ повторялось и впослѣдствіи, органъ ученицы Вольтера утверждалъ, что склонность авторовъ къ изображенію отрицательныхъ сторонъ дѣйствительности обусловливается отсутствіемъ доброты въ ихъ сердцѣ. Отвѣчая нѣкоему „Правдолюбову“, выступившему противъ нея въ пятомъ ли-

[1]) Такъ называли „Всякую всячину“ потому, что она стала выходить раньше всѣхъ другихъ журналовъ.

[2]) „Смѣсь“, листъ XI.

[3]) „Всякая всячина“, 1769 г., новое изданіе редакціи журнала „Будильникъ“, Москва, 1893, стр. 48.

стѣ „Трутня“, „Всякая всячина“ писала: „Добросердечіе его не понимаетъ, чтобы гдѣ ни на есть быть могло снисхожденіе; а можетъ статься, что и умъ его не достигаетъ до подобнаго нравоученія. Думать надобно, что ему бы хотѣлось за все, да про все кнутомъ сѣчь. Какъ бы то ни было, отдавая его публикѣ на судъ, мы совѣтуемъ ему лечиться, дабы черные пары и желчь не оказывались даже и на бумагѣ, до коей онъ дотрогивается“ [1]). На самомъ дѣлѣ Правдулюбову тѣмъ меньше нужно было лечиться, что въ его взглядѣ на предметъ спора не было и слѣда жестокости. Онъ былъ совершенно правъ, говоря, что жестокимъ является не тотъ, кто возстаетъ противъ беззаконія, а тотъ, кто мирится съ нимъ. „Многіе слабой совѣсти люди,—писалъ онъ,—никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ; слѣдовательно они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе называть пороколюбіемъ. По моему мнѣнію больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (сказать по Руски) потакаетъ“ [2]).

Что органъ Фелицы готовъ былъ потакать порокамъ, это совершенно очевидно. Однако происходило это вовсе не потому, что онъ будто бы поддался вліянію „матеріализма и отрицанія“,—какъ это думалъ догадливый А. И. Незеленовъ [3]), а по совершенно другой причинѣ.

Три недѣли спустя по своемъ восшествіи на престолъ, Екатерина обнародовала манифестъ о лихоимствѣ, изображавшій это застарѣлое зло русской общественной жизни такими яркими красками, какими не описывалъ его, пожалуй, ни одинъ изъ сатирическихъ журналовъ ея времени [4]). Но манифестъ, именно

---

[1]) Тамъ же, стр. 39.

[2]) „Трутень“, листъ V.

[3]) Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху, стр. 78—80.

[4]) „Мы уже отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, до какой степени въ государствѣ Нашемъ лихоимство выросло, такъ что едва есть ли малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе (судъ) безъ зараженія сей язвы отправлялося. Ищетъ ли кто мѣсто, платитъ; защищается ли кто отъ клеветы, обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами. Напротивъ того, многіе судящіе освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ Нашимъ должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ Насъ званіе судьи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дома своего, а не за службу приносимую Богу, Намъ и отечеству и мздоимствомъ богомерзкимъ претворяютъ клевету въ праведный доносъ, раззореніе государственныхъ въ

потому, что былъ опубликованъ вскорѣ послѣ воцаренія новой государыни, являлся упрекомъ предыдущему царствованію, между тѣмъ какъ нападки, сыпавшіяся на лихоимцевъ со стороны сатирическихъ журналовъ, начавшихъ выходить послѣ того, какъ эта государыня процарствовала уже пять лѣтъ, могли быть поняты, какъ упрекъ ей самой. Такъ и поняла ихъ Екатерина. Тщеславная выше всякой мѣры, она хотѣла, чтобы ея подданные въ серьезъ принимали увѣренія одописцевъ насчетъ всеобщаго благополучія, будто бы установившагося у насъ послѣ ея воцаренія. Впослѣдствіи, въ „Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова“ (1783 г.), она осмѣивала, какъ ветхозавѣтныхъ чудаковъ, тѣхъ, которые полагали, что въ Россіи еще не истреблено взяточничество. Отъ имени автора „Былей и небылицъ“ она выводила одного изъ подобныхъ чудаковъ въ лицѣ стараго друга дѣдушки этого автора. Этотъ старикъ охотно читалъ книги, но, во-первыхъ, имѣлъ слабость безъ критики принимать все, что говорятъ сочинители, а во-вторыхъ,—„мысли и понятія о вещахъ, кои сорокъ лѣтъ назадъ имѣлъ, и теперь тѣ же имѣетъ, хотя вещи въ существѣ весьма перемѣнились... Понынѣ еще жалуется на несправедливость воеводъ и ихъ канцелярій, коихъ однако ужъ ни гдѣ нѣтъ“. Такимъ образомъ Екатерина увѣряла читателей „Собесѣдника“, что жаловаться на несправедливость органовъ управленія и суда могли только очень отсталые люди. „Въ свое время сей человѣкъ слылъ смышленымъ и знающимъ,—писала она о недовольномъ старикѣ,—но какъ нынѣ вещи перемѣнились и смыслъ распространился, а его понятіе отстало, онъ же къ тому понятію привыкъ и далѣе не пошелъ, то о настоящемъ говоритъ онъ, какъ говаривалъ сорокъ лѣтъ назадъ о тогдашнемъ“.

Въ то время, когда выходилъ „Собесѣдникъ“, въ самомъ дѣлѣ уже не существовало ни воеводъ ни ихъ канцелярій [1]). Однако число лихоимцевъ отъ этого ни мало не уменьшилось. Это извѣстно было всѣмъ и каждому. Но Екатерина не желала объ этомъ и слышать. Она была какъ нельзя болѣе довольна собою. Отъ имени дѣдушки автора „Былей и небылицъ“ она настойчиво твердила: „Припомните мои слова; всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее половодіе;

прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ“. В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины II. Т. II, стр. 209).

[1]) Прежде воеводы стояли во главѣ провинцій, но „Учрежденіе для управленія губерній“, раздѣлившее губернію прямо на уѣзды, уничтожило ея раздѣленіе на провинціи.

вода же, пришедъ въ прежніе границы и берега свои, возъимѣетъ теченіе естественнѣе прежняго".

Когда Фонъ-Визинъ, превознеся литературный талантъ Екатерины, посовѣтовалъ ей,—т. е. собственно тому же автору „Былей и небылицъ",—хлестнуть сатирическимъ бичемъ безсовѣстныхъ судей, она отвѣчала за этого автора: „Въ Быляхъ и небылицахъ гнусности и отвращеніе за собою влекущее не вмѣщаемы; изъ оныхъ строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ и не по вкусу прародителя моего, либо скуку возбудить могущее, и наипаче горесть и плачъ разогрѣвающія Драмы. Ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше дѣло; мы и Грамматику худо знаемъ, гдѣ намъ проповѣди писать!"

Произведенія „въ улыбательномъ духѣ" нравились Фелицѣ несравненно больше, нежели „гнусность" и „скука" сатиры. Но такъ какъ совершенно обойтись безъ сатиры было невозможно, то Екатерина предъявила къ ней, во-первыхъ, уже извѣстное намъ требованіе будто бы человѣчнаго отношенія къ порочнымъ людямъ, а во-вторыхъ,—и это было вполнѣ естественнымъ дополненіемъ перваго требованія,—она желала, чтобы сатира не касалась отдѣльныхъ лицъ. Наоборотъ, Новиковъ въ своихъ первыхъ сатирическихъ изданіяхъ доказывалъ необходимость „критики на лицо". Это опять весьма знаменательное разногласіе.

Какъ понималъ „критику на лицо" издатель лучшихъ сатирическихъ журналовъ 1769—1774 годовъ?

Я думаю, что это лучше всего можно пояснить примѣромъ.

Въ двадцать пятомъ листѣ „Трутня" за 1769 г. разсказана исторія нѣкоего Пролаза, бывшаго „человѣкомъ чиновнымъ и не послѣднимъ мотомъ". Задолжавъ деньги одному купцу, онъ вотъ что придумалъ для избѣжанія уплаты.

„Случилось имъ быть вмѣстѣ въ гостяхъ, купецъ подпилъ и Пролазъ не упустилъ ево по разгорячить, что онъ ему денегъ не отдастъ, и что ежели онъ будетъ и просить на него, такъ ничего не сыщетъ. Купецъ послѣ сего Пролаза выбранилъ; а Пролазъ ничего ему не отвѣчая сказалъ: *милости прошу прислушать*, и на другой день подалъ челобитную. На конецъ вмѣсто бещестія взялъ обратно свой вексель съ надписью, что по оному деньги получены, да для наступившей зимы, супругѣ своей не худой на шубу мѣхъ. Пролазъ долгомъ поквитался, а купецъ за то, что Плута назвалъ бездѣльникомъ, потерялъ свои деньги".

Новиковъ былъ убѣжденъ, что осмѣяніе порока уменьшаетъ его силу больше, нежели нравоученіе, подчасъ вызывающее одну

скуку. Но если сатирикъ ограничивается осмѣяніемъ даннаго порока въ его общемъ видѣ, то ни одно изъ лицъ, этимъ порокомъ зараженныхъ, не отнесетъ осмѣяніе на свой собственный счетъ: всякій подумаетъ, что рѣчь идетъ о комъ-то другомъ. Поэтому нужно сдѣлать камень, благодаря которому данное порочное лицо поняло бы, что авторъ говоритъ именно о немъ, а не о комъ-нибудь изъ его ближнихъ. „Я утверждаю,—писалъ Правдулюбовъ, изобразившій выше указанный подвигъ чиновнаго Пролаза,—что критика, писанная на лицо... больше можетъ исправить порочнаго“. Но и тутъ слѣдуетъ поступать очень осторожно: надо, чтобы намекъ, направленный по адресу того или другоге лица, служителя порока, оставался не для всѣхъ понятнымъ. „Впротивномъ же случаѣ, естьли лицо такъ будетъ означено, что всѣ читатели его узнаютъ, тогда порочный не исправится, но къ прежнимъ порокамъ прибавитъ и еще новой, то есть злобу“.

Изъ этого, по правдѣ сказать, довольно наивнаго разсужденія слѣдуетъ, что подъ „критикой на лицо“ Новиковъ и его единомышленники понимали просто-на-просто обличеніе предосудительныхъ поступковъ отдѣльныхъ лицъ. Примѣръ чиновнаго Пролаза и довольно многіе другіе, встрѣчающіеся въ „Трутнѣ“ и въ „Живописцѣ“, показываютъ, что „критика на лицо“ склонна была обличать преимущественно лицъ, имѣющихъ власть и ею злоупотребляющихъ. Осторожное отношеніе къ обличаемому, котораго требовалъ Правдулюбовъ, подсказывалось, можетъ быть, не только опасеніемъ того, что намекъ, для всѣхъ понятный, окажетъ слишкомъ сильное психологическое дѣйствіе, но также и безсознательной боязнью возмездія со стороны обличаемыхъ чиновныхъ особъ.

На первыхъ ступеняхъ своего развитія сатира вездѣ является „критикой на лицо“. Но какъ ея начальные шаги, такъ и ея дальнѣйшее развитіе принимаютъ различный видъ въ зависимости отъ общественныхъ условій. Комедіи Аристофана тоже были, какъ извѣстно, „критикой на лица“. Но онъ жилъ въ демократической аѳинской республикѣ, пользовался весьма значительной свободой слова и не боялся называть по именамъ лицъ, совершавшихъ дурные, по его мнѣнію, поступки. Наоборотъ, въ Екатерининской Россіи даже и весьма осторожное обличеніе особъ, власть имѣвшихъ, грозило обличителю большими непріятностями. Подобно матушкѣ-государынѣ, высокопоставленныя особы предпочитали „критикѣ на лица“ общія изображенія пороковъ, а общія изображенія пороковъ нравились имъ гораздо меньше, нежели сочиненія въ улыбательномъ духѣ. И, конечно,

сатирическіе журналы должны были навлечь на себя большую непріязнь съ ихъ стороны.

Такъ какъ сатирику, достойному этого названія, писать въ „улыбательномъ духѣ“ крайне трудно, то вполнѣ понятно, что положеніе русскихъ сатириковъ-обличителей вскорѣ стало весьма незавиднымъ. Одинъ за другимъ прекратились,—во многихъ случаяхъ по независящимъ обстоятельствамъ,— сатирическіе журналы 1769—1774 гг. Разумѣется, ихъ исчезновеніе не могли удовлетворить тѣ общественныя нужды, которыя находили въ нихъ свое выраженіе. Поэтому потребность въ сатирѣ не исчезала, и время отъ времени появлялись новыя сатирическія изданія. Но трудности, на которыя они наталкивались, не только не уменьшались съ теченіемъ времени, а, наоборотъ, все болѣе и болѣе увеличивались по мѣрѣ того, какъ ученица Вольтера все лучше и лучше уясняла себѣ практическій смыслъ новыхъ французскихъ теорій. Дѣло приняло совсѣмъ плохой оборотъ, когда во Франціи разразилась революціонная буря. Тогда нѣкоторые наши писатели испытали жестокія преслѣдованія. Извѣстна судьба Новикова и Радищева. Менѣе извѣстенъ тотъ фактъ, что неудовольствіе императрицы навлекъ на себя также и еще молодой тогда И. А. Крыловъ.

XVI.

„Одну изъ моихъ повѣстей, которую уже набирали въ типографіи, — разсказывалъ онъ впослѣдствіи,—потребовала къ себѣ императрица Екатерина; рукопись не воротилась назадъ, да такъ и пропала[1]). Какъ кажется, Крылова даже брали „подъ караулъ“ и притомъ не одного, а въ цѣлой компаніи. Дѣло происходило въ 1792 г., когда онъ вмѣстѣ съ Дмитревскимъ, Плавильщиковымъ, Клушинымъ и другими издавалъ сатирическій журналъ „Зритель“[2]). Вся эта исторія до сихъ поръ остается не вполнѣ разъясненной. Достовѣрно извѣстно только, что Крыловъ унялся не сразу. Въ слѣдующемъ году онъ, вмѣстѣ съ Клушинымъ, приступилъ къ изданію новаго журнала „С.-Петербургскій Меркурій“. Хотя сатира „Меркурія“ была уже далеко не такой смѣлой и яркой, какъ сатира „Зрителя“, однако новый журналъ тоже навлекъ преслѣдованія на своихъ издателей. Въ его третьей части Клушинъ написалъ разборъ трагедіи Княжнина „Вадимъ“,

[1]) См. біографическій очеркъ, приложенный къ 1-му тому „Полнаго собранія сочиненій И. А. Крылова“, изданнаго подъ редакціей В. И. Каллаша, стр. XLIV.

[2]) Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 3-аго января 1793 г. Карамзинъ спрашивалъ: „Мнѣ сказывали, будто издателей „Зрителя“ брали „подъ караулъ“: Правда ли это? и за что?“

какъ извѣстно, сильно не понравившійся государынѣ. Издатели „Меркурія“ получили внушеніе, вслѣдствіе котораго Крыловъ уѣхалъ куда-то въ деревню, а Клушинъ за границу [1]). Послѣ этого литературныя выступленія Крылова прекратились на довольно продолжительное время. А когда онъ снова взялся за перо, его уже не привлекала къ себѣ сатира. Онъ лишь изрѣдка пописывалъ свои басни, старательно избѣгая раздражать власть имущихъ и неизмѣнно памятуя, что лучше всего держать языкъ за зубами.

„Русская жизнь, — говоритъ В. В. Каллашъ, — загубила въ Крыловѣ одного изъ величайшихъ нашихъ сатириковъ, направивъ его сатирическое дарованіе по узкому и тѣсному руслу, не давъ ему правильно развиться, даже во многихъ отношеніяхъ исказивъ его... Настоящій Крыловъ, какимъ бы онъ могъ выработаться для нашей литературы, проглядываетъ больше всего, хотя и не вполнѣ, въ его сатирическихъ статьяхъ, и въ этомъ заключается ихъ громадное историко-литературное значеніе“ [2]).

Неблагопріятныя условія русской дѣйствительности весьма своеобразно измѣнили, какъ мы видѣли, заимствованное у французскихъ просвѣтителей ученіе о человѣческой природѣ. Это измѣненіе отразилось также и на взглядахъ нашихъ сатириковъ. Мы уже знаемъ, какъ высказался о способахъ исправленія нашихъ нравовъ Фонъ-Визинъ, устами Стародума. Въ сатирической „Почтѣ духовъ“, которую Крыловъ издавалъ съ Рахманиновымъ въ 1789 г., и которая, по справедливому замѣчанію В. В. Каллаша, возвращаетъ насъ къ лучшимъ традиціямъ преданіямъ Новиковской сатиры, было, между прочимъ, напечатано письмо отъ „волшебника Маликульмулька къ Эмпедоклу“, заключающее въ себѣ слѣдующее характерное разсужденіе.

„Изъ всѣхъ доказательствъ, предлагаемыхъ древними мудрецами, — говоритъ Маликульмулькъ, — ни одного нѣтъ яснѣе и правдоподобнѣе того, которое предложилъ одинъ ученый мужъ, что большая часть людей злобны и развращены“. Пессимистическое замѣчаніе это относится, правда, лишь къ „нынѣшняго вѣка людямъ“, такъ что съ нимъ согласились бы, вѣроятно, и многіе французскіе просвѣтители. Только они прибавили бы, что злоба и развращенность господствуютъ преимущественно въ привилегированныхъ сословіяхъ, и что для исправленія нравовъ необходима отмѣна привилегій. Русскій авторъ [3]) раз-

[1]) „Журнальная дѣятельность и сатирическія статьи Крылова“, указ. изданіе соч. И. А. Крылова, томъ II, стр. 301.

[2]) Тамъ же, та же страница.

[3]) Вѣроятно, самъ Крыловъ.

суждалъ иначе. У него глубочайшей причиной развращенности оказываются не общественныя учрежденія, а человѣческія желанія[1]).

Это уже и само по себѣ достойно замѣчанія. Но интереснѣе всего дѣлаемый отсюда выводъ о задачахъ сатирика.

„Въ нынѣшнемъ вѣкѣ, — продолжаетъ Маликульмулькъ,— много есть такихъ людей, которые впадаютъ въ превеликія несчастія или приходятъ въ совершенное раззореніе, не зная или пренебрегая тѣмъ правиломъ, которое предложено мною въ началѣ сего письма“ (т. е. мнѣніемъ о злобѣ и испорченности людей. *Г. П.*). Сатирикъ и долженъ предостерегать своихъ читателей,—а особенно неопытныхъ молодыхъ людей, — чтобы они не попадались въ разставляемыя имъ сѣти.

„Легковѣріе есть обыкновенная погрѣшность неопытныхъ молодыхъ людей; а потому и нужно бы было почасту имъ твердить, что вступать въ свѣтъ безъ всякой осторожности, въ надеждѣ найти въ немъ справедливость и чистосердіе, есть равно, какъ бы пускаться въ море безъ компаса и безъ карты, въ надеждѣ имѣть всегда благопріятный вѣтеръ и найти у всякаго берега, куда ни пристанешь, спокойную пристань“.

Уже въ этихъ разсужденіяхъ виденъ зародышъ того пессимизма, который впослѣдствіи сдѣлалъ Крылова совершенно равнодушнымъ ко всякого рода общественнымъ вопросамъ[2]).

Но дѣло въ томъ, что пессимизмъ этотъ не былъ личной особенностью будущаго нашего великаго баснописца. Говоря о русскихъ вольтерьянцахъ, я уже отмѣтилъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка между выдающимися русскими людьми то тамъ, то здѣсь встрѣчались трагическія личности, считавшія свое положеніе почти или совершенно безвыходнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что тогда такихъ людей было значительно больше, чѣмъ въ первой половинѣ того же столѣтія. Это можетъ показаться непонятнымъ: откуда взялся пессимизмъ въ такое царствованіе, которое породило великое множество самыхъ отрадныхъ надеждъ? Отвѣта надо искать въ много разъ отмѣченномъ выше противорѣчіи между теоріей Фелицы и ея практикой.

Теорія порождала отрадныя надежды, а практика разбивала ихъ,—конечно, не у всѣхъ: большинство было довольно дѣятельностью Екатерины,—а только у тѣхъ, которые отличались наи-

---

[1]) Полное собраніе соч. И. А. Крылова, т. III, стр. 196—197.

[2]) По словамъ Гнѣдича, Крыловъ въ свои старые годы принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, убѣждаясь очевидностью, „согласны въ томъ, что существующій порядокъ соединенъ съ большимъ зломъ; но утѣшаютъ себя мыслію, что другой порядокъ невозможенъ“. (Полное собраніе соч. Крылова, біографическій очеркъ, стр. LXIII).

большею требовательностью и чуткостью. Такіе люди составляли численно ничтожное меньшинство. Но это численно ничтожное меньшинство шло впереди, оно искало новыхъ путей для русской общественной мысли, и потому разочарованія, имъ испытанныя, представляютъ собою весьма поучительный фактъ тогдашней общественной психологіи.

Уже Крижаничъ возлагалъ свои прогрессивныя упованія на широкую реформу сверху. Онъ видѣлъ въ самодержавіи „Моисеевъ жезлъ“, способный извлечь изъ безплодной скалы живой источникъ. Еще больше вѣрили въ чудесную силу Моисеева жезла птенцы гнѣзда Петрова. „Ученая дружина“ служила самодержавію не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Лица, державшія въ своихъ рукахъ верховную власть послѣ Петра Перваго, своими дѣйствіями должны были, казалось бы, значительно умѣрить вѣру передовыхъ русскихъ людей въ прогрессивное значеніе самодержавія. Но передовые русскіе люди склонны были разсматривать весьма непохвальные подвиги преемниковъ Петра не какъ общее правило, а какъ случайныя исключенія. Они ждали, что вотъ-вотъ, не сегодня-завтра, исключенія отойдутъ въ область тяжелыхъ воспоминаній, и общее правило обнаружитъ, наконецъ, свою плодотворную силу. Когда на престолъ вступила Екатерина II, они было подумали, что Моисеевъ жезлъ начнетъ теперь работать, какъ не работалъ даже и при Петрѣ Первомъ. А когда они увидѣли, что у жезла два конца, и что конецъ, направленный противъ слишкомъ усердныхъ просвѣтителей, работаетъ гораздо увѣреннѣе и энергичнѣе, нежели конецъ, обращенный противъ слишкомъ тупыхъ защитниковъ старины, то въ ихъ душахъ возникли сомнѣнія, остававшіяся чуждыми передовымъ людямъ Петровской эпохи: „ученая дружина“ второй половины XVIII столѣтія,—я хочу сказать: наиболѣе передовая часть тогдашней интеллигенціи, — начала мало-по-малу утрачивать вѣру въ самодержавіе.

Я не говорю: утратила, а именно только начала утрачивать и только мало-по-малу. Эта утрата представляетъ собою длительный процессъ, захватившій часть XIX столѣтія и имѣвшій свои періоды усиленія и ослабленія. Вполнѣ понятно, что различныя мыслящія личности неодинаково переживали этотъ процессъ, и что подъ его вліяніемъ они приходили къ весьма различнымъ выводамъ. Скоро мы увидимъ, какъ отразился онъ на міросозерцаніи и настроеніи нѣкоторыхъ, наиболѣе замѣтныхъ между ними. Здѣсь же мнѣ нужно было только отмѣтить, что въ указанную эпоху онъ не только начался, но уже далъ себя почувствовать въ литературѣ.

XVII.

Д. И. Фонъ-Визинъ (1744—1792).

1.

И. А. Крыловъ обладалъ большимъ сатирическимъ дарованіемъ. Однако, оно не достигло полнаго расцвѣта. Самымъ крупнымъ сатирическимъ талантомъ былъ у насъ, во второй половинѣ XVIII столѣтія, Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ.

В. Г. Бѣлинскій въ немногихъ словахъ превосходно выяснилъ истинное значеніе литературной дѣятельности Фонъ-Визина. „Бригадиръ“ и „Недоросль“, не могутъ называться комедіями въ художественномъ смыслѣ этого слова, замѣтилъ онъ; онѣ представляютъ собою скорѣе плодъ усилія русской сатиры стать комедіей. Это замѣчаніе Бѣлинскаго не помѣшало ему, однако, признать, что, не будучи истинно художественными, эти комедіи все-таки являются замѣчательными литературными произведеніями, „драгоцѣнными лѣтописями общественности того времени“. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что наша общественность того времени довольно ярко характеризуется ходомъ умственнаго развитія самаго Фонъ-Визина.

Какъ я уже говорилъ выше, работа мысли нашихъ тогдашнихъ просвѣтителей,—по своему, весьма полезная и почтенная,—совершалась въ *предѣлахъ дворянскаго* горизонта. Только немногіе изъ нихъ покидали дворянскую точку зрѣнія и болѣе или менѣе рѣшительно переходили на точку зрѣнія *третьяго сословія*, которой держались тогда передовые просвѣтители западной Европы. Наиболѣе выдающейся личностью между этими немногими былъ А. Н. Радищевъ.

Но если только немногіе способны были совершить указанный переходъ съ одной точки зрѣнія на другую, гораздо болѣе прогрессивную, то довольно велико было число тѣхъ, которые, въ теченіе извѣстнаго періода своей жизни, *колебались* между ними. Для нѣкоторыхъ,—хотя и не для всѣхъ,—такія колебанія были очень тяжелымъ, иногда прямо трагическимъ процессомъ.

Между колебавшимися и много страдавшими отъ колебаній, замѣтнѣе всѣхъ Н. И. Новиковъ. Къ ихъ числу принадлежалъ также и Д. И. Фонъ-Визинъ.

Самъ онъ впослѣдствіи съ ужасомъ припоминалъ то время, когда на него пріобрѣлъ вліяніе вольнодумный кн. Ѳ. А. Козловскій. Я уже сказалъ, что надо критически относиться къ находящемуся въ „Чистосердечномъ признаніи“ Фонъ-Визина отзыву о кн. Козловскомъ и объ его кружкѣ [1]). Но интересно опредѣлить, какими именно воспоминаніями его объ этомъ кружкѣ вызывалось у нашего сатирика чувство ужаса.

По его словамъ, кружокъ кн. Козловскаго предавался богохульству и кощунству. „Въ первомъ, — признается нашъ сатирикъ,—не принималъ я никакого участія и содрогался, слыша ругательства безбожниковъ; а въ кощунствѣ игралъ я самъ не послѣднюю роль... Въ сіе время сочинилъ я посланіе къ Шумилову, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе“ [2]).

Названное „Посланіе“ заключаетъ въ себѣ много интереснаго. Но выраженное въ немъ „заблужденіе“ совсѣмъ не такъ велико, какъ это казалось Фонъ-Визину послѣ возврата его къ своимъ старымъ вѣрованіямъ. Оно цѣликомъ заключается въ послѣдней строкѣ посланія:

„И самъ не знаю я, на что сей созданъ свѣтъ!“

Ужаснаго тутъ очень мало: передъ нами просто на просто одна изъ самыхъ низшихъ стадій развитія скептицизма. Скептицизмъ Фонъ-Визина, очевидно, былъ навѣянъ посредственнымъ или непосредственнымъ знакомствомъ съ сочиненіями Вольтэра. Извѣстно, что скептическое міровоззрѣніе Фернэйскаго патріарха служило вовсе не самымъ крайнимъ выраженіемъ взглядовъ французскихъ просвѣтителей. Въ ихъ средѣ были мыслители гораздо болѣе смѣлые и послѣдовательные. Но, конечно, съ точки зрѣнія тѣхъ старыхъ понятій, которыхъ твердо держались въ семьѣ Фонъ-Визина [3]) и къ которымъ онъ вернулся, разойдясь съ кружкомъ Козловскаго, всякое сомнѣніе на счетъ

---

[1]) Къ свидѣтельствамъ въ пользу кн. Козловскаго, приведеннымъ мною выше, можно прибавить еще отзывъ далеко не вольнодумнаго Н. И. Новикова. Въ своемъ „Опытѣ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ“ Новиковъ говоритъ, что кн. Козловскій, „по великой склонности къ словеснымъ наукамъ, ничего такъ не желалъ, какъ умножить то просвѣщеніе своего разума, которое пріобрѣлъ своими трудами“.

[2]) Сочиненія Д. И. Фонъ-Визина, указанное выше изданіе, стр. 542.

[3]) Онъ сообщаетъ, что его родители были люди набожные. Его самаго заставляли читать церковныя книги, какъ только онъ научился грамотѣ.

истинной цѣли созданія міра должно было казаться страшнымъ грѣхомъ. Между скептицизмомъ Вольтэра и наивной вѣрой добраго стараго времени—дистанція огромнаго размѣра. И совсѣмъ не удивительно, что, пройдя эту дистанцію въ своемъ попятномъ движеніи къ унаслѣдованному отъ благочестивыхъ предковъ образу мыслей, Фонъ-Визинъ почувствовалъ себя въ положеніи человѣка, избѣжавшаго смертельной опасности.

Достойно замѣчанія, что, вмѣстѣ съ Вольтэромъ отказываясь отвѣчать на вопросъ, для чего созданъ сей свѣтъ, Фонъ-Визинъ въ томъ же посланіи показалъ себя гораздо большимъ, нежели Вольтэръ, скептикомъ во всемъ, касающемся взаимныхъ человѣческихъ отношеній. Одно изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ онъ обращался въ своемъ посланіи [1]),—его крѣпостной Ванька,—говоритъ, несомнѣнно, выражая мысли своего барина:

Куда ни обернусь вездѣ я вижу глупость.
Да сверхъ того еще примѣтилъ я, что свѣтъ
Столь много времени неправдою живетъ,
Что нѣтъ уже такихъ кащеевъ на примѣтѣ,
Которы-бъ истину запомнили на свѣтѣ.
Попы стараются обманывать народъ,
Слуги—дворецкаго, дворецкіе – господъ.
Другъ друга господа, а знатные бояря
Нерѣдко обмануть хотятъ и государя;
И всякій, чтобъ набить потуже свой карманъ,
За благо разсудилъ приняться за обманъ и т. д.

При всемъ своемъ скептицизмѣ, Вольтэръ вѣрилъ, что современемъ разумъ восторжествуетъ во взаимныхъ отношеніяхъ людей, хотя съ будущимъ торжествомъ разума у него и не связывалось такихъ свѣтлыхъ ожиданій, какими полонъ былъ, напримѣръ, его почитатель и біографъ Кондорсэ. Это значитъ, что скептицизмъ уживался у Вольтэра съ довольно значительной дозой оптимизма. Но въ „Посланіи къ слугамъ“ оптимизмъ совершенно отсутствуетъ. Люди корыстолюбивы, хитры, склонны къ обману. Ихъ взаимныя отношенія неразумны. Фонъ-Визинъ указываетъ на это съ язвительной насмѣшкой. Но всегда ли такъ будетъ? Нѣтъ ли надежды на то, что современемъ цивилизованное человѣчество станетъ разумнѣе и сумѣетъ лучше устроить свою судьбу? На этотъ вопросъ отвѣта нѣтъ, да и самый вопросъ, повидимому, не возникалъ у автора „Посланія“. И въ этомъ существенная разница съ тѣмъ, что мы нахо-

[1]) Оно называется: „Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ, Петрушкѣ“.

димъ у Вольтера. Она, конечно, объясняется различіемъ общественныхъ условій.

Во Франціи уже росла та общественная сила, на которую могли, сознательно или безсознательно, разсчитывать просвѣтители; въ Россіи такой силы пока еще не было. Вотъ почему французскіе просвѣтители имѣли психологическую возможность питать отрадныя надежды,—хотя мы знаемъ, что и они, наблюдая печальную дѣйствительность, становились подчасъ пессимистами (Гельвецій),—между тѣмъ какъ ихъ русскимъ послѣдователямъ гораздо труднѣе было заразиться оптимистическимъ настроеніемъ.

Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что съ тѣмъ крайнимъ пессимистическимъ взглядомъ на человѣческія отношенія, который выразился въ „Посланіи къ слугамъ", очень трудно жить всякому порядочному человѣку, а особенно такому, у котораго есть склонность принять дѣятельное участіе въ общественной жизни. Какъ это сказалъ еще Гегель въ своей „Феноменологіи духа", скептицизмъ способенъ привести къ безотрадному настроенію (das unglückliche Bewusstsein). Это мы и видѣли на примѣрѣ тѣхъ русскихъ „вольтерьянцевъ", которые подчасъ добровольно кончали свои счеты съ жизнью. Но самоубійство было, разумѣется, не единственнымъ средствомъ избавиться отъ безотраднаго настроенія. Да и вообще средство это, по самому характеру своему, могло быть выбрано только единицами. Другіе развлекали себя разнаго рода чудачествами; наконецъ, третьи своевременно возвращались въ тихую пристань своихъ дѣтскихъ вѣрованій и тѣмъ благополучно избавлялись отъ безотраднаго настроенія. Такихъ, навѣрно, было гораздо больше, нежели всѣхъ остальныхъ.

2.

Въ непродолжительную эпоху своего религіознаго вольнодумства Фонъ-Визинъ, въ выше названномъ „Посланіи", спрашивалъ одного изъ своихъ слугъ, почему имъ суждено прожить свой вѣкъ „въ крѣпкомъ снѣ". Тогда его до извѣстной степени удивляло, если не смущало,—то обстоятельство, что на свѣтѣ существуютъ люди, которые всю свою жизнь проводятъ въ неволѣ,—и—такъ казалось Фонъ-Визину,—даже не сомнѣваются въ томъ, что имъ „быть должно вѣкъ слугами". Въ томъ фактѣ, что это его удивляло, сказалось вліяніе на него „вольтерьянства". Правда, съ этой стороны, какъ и со всѣхъ другихъ, „вольтерьянство" повліяло на него не очень сильно. Уже въ „Посланіи" онъ грубо издѣвался надъ своими крѣпостными слугами и, желая

сказать, что одинъ изъ нихъ задумался надъ поставленнымъ ему вопросомъ о цѣли мірозданія, писалъ:

Сомнѣніе его тревожить начало;
Наморщились его и харя и чело.

Какъ видимъ, вольнодумство не сообщило ему свойственнаго французскимъ просвѣтителямъ человѣчнаго отношенія къ слугамъ. Однако, оно все-таки приводило его къ нѣкоторой неувѣренности въ преимуществахъ крѣпостного права. Покончивъ съ религіознымъ вольнодумствомъ, онъ, какъ будто, покончилъ и съ этой неувѣренностью. Онъ сталъ съ твердымъ убѣжденіемъ повторять ходячія разсужденія крѣпостниковъ о выгодахъ подневольнаго положенія русскаго крестьянина. Въ своемъ письмѣ изъ Парижа къ гр. П. И. Панину, отъ $^{20}/_{31}$ марта 1778 г., онъ говоритъ: „Я видѣлъ Лангедокъ, Провансъ, Дофинэ, Ліонъ, Бургонь, Шампань. Первыя двѣ провинціи считаются во всемъ здѣшнемъ государствѣ хлѣбороднѣйшими и изобильнѣйшими. Сравнивая нашихъ крестьянъ въ лучшихъ мѣстахъ съ тамошними, нахожу, безпристрастно судя, состояніе нашихъ несравненно счастливѣйшимъ“. Слѣдующія строки того же письма показываютъ, что при этомъ онъ имѣлъ въ виду только экономическое положеніе крестьянъ, забывая объ юридическомъ.

Экономическое положеніе французскихъ крестьянъ было тогда очень плохо. Фонъ-Визинъ, можетъ быть, не сильно преувеличивалъ, говоря: „въ семъ плодоноснѣйшемъ краю на каждой почтѣ карета моя была всегда окружена нищими, которые весьма часто, вмѣсто денегъ, именно спрашивали, нѣтъ ли съ нами куска хлѣба“? У толковыхъ русскихъ помѣщиковъ, понимавшихъ свою собственную выгоду, крестьяне жили тогда лучше въ матеріальномъ смыслѣ этого слова. Но много ли было толковыхъ помѣщиковъ? Статьи, печатавшіяся въ сатирическихъ журналахъ и, позволительно думать, не оставшіяся неизвѣстными самому Фонъ-Визину, даютъ основаніе утверждать, что—не много. Онѣ доказываютъ, что даже экономическое положеніе крѣпостного крестьянства представлялось передовымъ русскимъ людямъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Но это не все. Какъ ни бѣдствовало тогда крестьянское населеніе Франціи, оно, въ огромнѣйшемъ большинствѣ своемъ, давно уже вышло изъ личной зависимости по отношенію къ помѣщикамъ, и въ этомъ заключалось огромнѣйшее преимущество его положенія сравнительно съ положеніемъ русской „крещеной собственности“. Но въ глазахъ Фонъ-Визина это преимущество не имѣло ровно никакой цѣны.

Впрочемъ, это можно утверждать только на основаніи его переписки. Другія данныя позволяютъ усомниться въ этомъ.

В. И. Семевскій приписываетъ Фонъ-Визину упомянутое мною выше „Краткое изъясненіе о вольности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина". Хотя авторъ этого разсужденія, въ сущности, тоже цѣликомъ стоитъ на дворянской точкѣ зрѣнія, но онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ европеизованныхъ россіянъ XVIII в., которые хлопотали о созданіи у насъ „честнаго и просвѣщеннаго мѣщанства". Въ его изображеніи, мѣщанство это является „душою общества". И онъ (хоть отчасти) понимаетъ, что трудно развиваться третьему чину въ государствѣ, основанномъ на закрѣпощеніи производителей. Выводъ его изслѣдованія сводится къ тому, что „въ Россіи надлежитъ быть 1) дворянству вольному, 2) третьему чину совершенно освобожденному, и 3) народу упражняющемуся въ земледѣліи, хотя не совсѣмъ свободному, но по крайней мѣрѣ имѣющему надежду быть вольнымъ, когда будутъ они (крестьяне. *I. II.*) такими земледѣльцами, или такими художниками, чтобъ современемъ могли привести въ совершенство деревни или мануфактуры господъ своихъ" [1]).

Въ пользу гипотезы В. И. Семевскаго о принадлежности Фонъ-Визину этого разсужденія говоритъ то обстоятельство, что онъ, по крайней мѣрѣ по временамъ, интересовался затронутыми въ немъ общественными вопросами.

Въ числѣ его переводовъ есть одинъ, озаглавленный: „Торгующее дворянство, противуположенное дворянству военному, или два разсужденія о томъ, служитъ ли то къ благополучію государства, чтобы дворянство вступало въ купечество". Входящія сюда работы двухъ французовъ относятся къ 1756 г., т.-е. къ тому времени, когда экономическія темы сильно привлекали къ себѣ вниманіе французскихъ читателей. Авторъ первой изъ этихъ работъ настоятельно совѣтуетъ дворянамъ заниматься торговлей. Ни мало не унижая высшаго сословія, такое занятіе улучшитъ его матеріальное положеніе и дастъ новый толчокъ развитію производительныхъ силъ Франціи. Одинъ за другимъ разбираетъ французскій авторъ предразсудки, мѣшающіе дворянству заниматься торговлей, и, въ своей защитѣ этой послѣдней, говоритъ иногда языкомъ Седэна. Замѣчательно, что,—подобно автору русскаго разсужденія, приписываемаго В. И. Семевскимъ Фонъ-Визину,—французскій защитникъ торговли называетъ купечество душою всѣхъ сообществъ. При этомъ онъ такъ описываетъ прежнія отношенія французскаго дворянства къ народу:

---

[1]) Архивъ князя Воронцова.—Книга двадцать шестая, стр. 324.

„Прежде сего французское дворянство не старалось о земледѣлiи въ деревняхъ своихъ; оно имѣло рабовъ, повиновавшихся его повелѣнію. Народъ иго сіе сбросилъ и нѣкоторымъ образомъ сталъ свободенъ. Когда нынѣ дворянинъ хочетъ собрать жатву, то обязанъ онъ нанимать работниковъ и къ работѣ принуждать ихъ деньгами“ [1]).

Далѣе слѣдуютъ соображенія о томъ, что для хорошей обработки своихъ земель дворянство нуждается въ деньгахъ, которыя и доставитъ ему торговля. Словомъ, французскій авторъ показываетъ себя писателемъ, проникнутымъ новыми стремленіями третьяго сословія и хорошо понимавшимъ, до какой степени капиталистическія производственныя отношенія, основанныя на трудѣ наемныхъ рабочихъ, выше феодальныхъ, опиравшихся на юридическую неволю производителей. Онъ даже высказываетъ,—хотя непрямо и робко,—сочувствіе къ англійской революціи, которая, въ лицѣ „неправеднаго владѣтеля“ Кромвеля, „память котораго проклинается“, обратила вниманіе на купечество, „яко на жизненное древо“ [2]). Все это было такъ ясно, что не могло не броситься въ глаза читателю. И если, ознакомившись съ этимъ разсужденіемъ, Фонъ-Визинъ все-таки нашелъ нужнымъ перевести его на русскій языкъ, то приходится заключить, что оно не испугало его своимъ направленіемъ.

Больше того. Можно думать, что французское разсужденіе о большихъ выгодахъ, которыя принесетъ странѣ занятіе дворянъ торговлею, не осталось безъ вліянія на характеръ Стародума,—главнаго резонера главной комедіи Фонъ-Визина.

Въ самомъ дѣлѣ, Стародумъ наживаетъ себѣ состояніе не службой, а посредствомъ какого-то промышленнаго дѣла (можетъ быть, золотого промысла) въ Сибири, „гдѣ достаютъ деньги, не промѣнивая ихъ на совѣсть, безъ подлой выслуги, не грабя отечества; гдѣ требуютъ денегъ отъ самой земли, которая поправосуднѣе людей, лицепріятія не знаетъ, а платитъ одни труды вѣрно и щедро“ [3]).

Конечно, въ своихъ взглядахъ на общественную жизнь Стародумъ имѣетъ мало общаго со взглядами передовыхъ просвѣтителей. Я уже указывалъ, какой самобытный видъ приняло у него ученіе французскихъ философовъ о вліяніи общественнаго строя на поведеніе отдѣльныхъ личностей. Наконецъ, онъ прямо заявляетъ, что боится нынѣшнихъ мудрецовъ, которые, искоре-

---

[1]) „Сочиненія Фонъ-Визина“, стр. 600 и 579—580.

[2]) Подчеркнуто въ текстѣ: „Сочиненія Фонъ-Визина“, стр. 581.

[3]) „Недоросль“, дѣйствіе III, явленіе 2-ое.

няя предразсудки, въ то же время, съ корня воротятъ, по его словамъ, добродѣтель. Но если вѣрно то, что даже консервативный Стародумъ одной изъ немаловажныхъ чертъ своего характера обязанъ свободолюбивому автору цитированнаго мною сочиненія о торгующемъ дворянствѣ, то ясно, что сочиненіе это оставило значительный слѣдъ въ умѣ нашего сатирика.

Разъ это такъ, то совершенно непонятно, какъ могъ Фонъ-Визинъ увѣрять своего сіятельнаго корреспондента, что русскій строй лучше французскаго и вообще западно-европейскаго. А что онъ увѣрялъ его именно въ этомъ, показываетъ хотя бы слѣдующій отрывокъ изъ его письма къ нему отъ 18/29 сентября 1778 года.

„Тяжебныя дѣла во Франціи такъ же несчастны, какъ и у насъ, съ тою только разницею, что въ нашемъ отечествѣ издержки тяжущихся не столь безмѣрны... Во Франціи, прежде нежели у праваго отнять, надлежитъ много сдѣлать церемоній... У насъ же, по крайней мѣрѣ, въ томъ преимущество, что дѣйствуютъ гораздо проворнѣе, и какъ скоро вступился какой-нибудь полубояринъ, сродни фавориту, то въ самый тотъ часъ дѣло беретъ уже совсѣмъ другой оборотъ и приближается къ концу“. Сомнительное преимущество! Но даже не подвергая его сомнѣнію, Фонъ-Визину слѣдовало бы помнить, что фаворитизмъ былъ плодомъ „самовластія“ и что всякій фаворитъ всегда имѣлъ большую „власть и возможность къ содѣянію зла“.

Въ другомъ письмѣ къ П. И. Панину Д. И. Фонъ-Визинъ „чисто-сердечно признавался“ (его подлинное выраженіе): „Если кто изъ молодыхъ моихъ согражданъ, имѣющій здравый разсудокъ, вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то для обращенія его на должную любовь къ отечеству нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во Францію“. Ознакомившись съ положеніемъ этой страны, недовольный россіянинъ убѣдится, что лгутъ тѣ, которые говорятъ объ ея „совершенствахъ“, и что, какъ ни плохо живется иногда въ Россіи, тамъ „можно, однако, быть столь же счастливу, сколько и во всякой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ правитъ воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ“ [1]). Человѣку, пришедшему къ такому выводу, казалось бы, психологически невозможно было стремиться къ политическимъ реформамъ.

Еще русскіе служилые люди Петровской эпохи, попадая за

---

[1]) Это—то же самое письмо, въ которомъ Д. И. Фонъ-Визинъ утверждалъ, что русскому крестьянину „въ лучшихъ мѣстахъ“ живется легче, нежели французскому.

границу,—въ Венецію или въ Парижъ,—скоро подмѣчали, что въ западно-европейскихъ государствахъ больше свободы, нежели въ Россіи. Подмѣтилъ это и Д. И. Фонъ-Визинъ, который все-таки былъ гораздо больше подготовленъ къ наблюденіямъ надъ иностранной жизнью, нежели россіяне конца XVII и начала XVIII слолѣтій. Но когда онъ подводилъ итогъ своимъ наблюденіямъ надъ этой жизнью, у него являлась многозначительная консервативная оговорка.

„Разсматривая состояніе французской націи,—писалъ онъ,—научился я различать вольность по праву отъ дѣйствительной вольности. Нашъ народъ не имѣетъ первой, но послѣднею во многомъ наслаждается. Напротивъ того, французы, имѣя право вольности, живутъ въ сущемъ рабствѣ". Фактическое рабство французовъ обусловливается, по его справедливому замѣчанію, тѣмъ, что „король, будучи ограниченъ законами, имѣетъ въ рукахъ всю силу попирать законы". Логически разсуждая въ духѣ вступленія къ конституціонному проекту, слѣдовало бы, въ виду попранія королемъ законовъ, сдѣлать тотъ выводъ, что необходимы „фундаментальныя права", способныя положить конецъ королевскому произволу. Но этого то вывода и избѣгаетъ Фонъ-Визинъ. Онъ довольствуется огульнымъ осужденіемъ французскихъ порядковъ и той отрадной мыслью, что русскій народъ во многомъ „наслаждается" если не вольностью по праву, то дѣйствительной вольностью. Въ другихъ своихъ письмахъ онъ твердитъ, что русскіе порядки совсѣмъ не такъ плохи, какъ это утверждаютъ ихъ несправедливые хулители, и что вообще „славны бубны за горами".

Бѣлинскій хвалилъ заграничныя письма Фонъ-Визина за то, что въ нихъ были, по его словамъ, мѣтко указаны недостатки стараго порядка во Франціи. Онъ ставилъ эти письма выше карамзинскихъ „Писемъ русскаго путешественника". Но если Фонъ-Визинъ лучше Карамзина подмѣтилъ нѣкоторыя слабыя стороны тогдашняго строя Франціи, то въ своихъ письмахъ онъ показалъ себя глухимъ и слѣпымъ по отношенію ко всему тому, что такъ или иначе направлялось къ коренной передѣлкѣ этого строя. Здѣсь онъ обнаружилъ даже больше близорукости, нежели Карамзинъ. Правда, его художественное чутье временами подсказывало ему, что во Франціи происходитъ какое-то новое движеніе, пока еще несуществующее или слабое въ другихъ странахъ европейскаго материка. Но смутное сознаніе этого новаго движенія только усиливало его антипатію къ французамъ. Въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ нимъ онъ дошелъ до того убѣжденія, что во Франціи „люди не живутъ, не вкушаютъ истиннаго

счастья и не имѣютъ о немъ никакого понятія“ [1]). Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до этого онъ, въ большомъ письмѣ къ роднымъ, рѣшительно заявилъ: „Въ Россіи дворяне по провинціямъ несравненно лучше здѣшнихъ, кромѣ того, что здѣшніе пустомели имѣютъ наружность лучше“. Съ этимъ охотно согласились бы всѣ наши Скотинины и Простаковы!

Судя по письмамъ Фонъ-Визина, гораздо менѣе затронутая освободительнымъ движеніемъ, Германія гораздо больше нравилась ему, чѣмъ Франція. „Поистинѣ сказать,—писалъ онъ сестрѣ,—нѣмцы простѣе французовъ, но несравненно почтеннѣе, и я тысячу разъ предпочелъ бы жить съ нѣмцами, нежели съ ними“. Но на землѣ нѣтъ ничего безусловнаго. Если въ Германіи живется гораздо лучше, нежели во Франціи, то въ Россіи жить еще гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ Германіи. „Вообще сказать могу безпристрастно,—признавался Фонъ-Визинъ своимъ роднымъ,—что отъ Петербурга до Ниренберга балансъ со стороны нашего отечества перетягиваетъ сильно.

„Здѣсь во всемъ генерально хуже нашего: люди, лошади, земля, изобиліе въ нужныхъ съѣстныхъ припасахъ, словомъ, у насъ все лучше и мы больше люди, нежели нѣмцы. Это удостовѣреніе вкоренилось въ душѣ моей, кто бы что ни изволилъ говорить“ [2]).

Во всемъ этотъ нѣтъ и слѣда политическаго вольномыслія. Да и какой въ немъ смыслъ. Зачѣмъ „вольность по праву“? Зачѣмъ какія бы то ни было реформы въ политической области, если „наилучшіе законы не значатъ ничего, когда исчезъ въ людскихъ сердцахъ первый законъ, первый между людьми союзъ—добрая вѣра“? [3])

Покончивъ съ религіознымъ вольномысліемъ и вернувшись къ своимъ дѣтскимъ вѣрованіямъ, Фонъ-Визинъ, повидимому, сохранилъ способность, по крайней мѣрѣ, иногда заражаться вольномысліемъ политическимъ. Но во время перваго заграничнаго путешествія своего, когда были написаны цитированныя мною письма, онъ отказался и отъ политическаго вольномыслія. Въ этомъ была своя неоспоримая логика. Логично было и то, что, отвергнувъ религіозные и политическіе взгляды французскихъ просвѣтителей, Фонъ-Визинъ отвергъ также исходную точку всѣхъ ихъ плановъ общественно-политической реформы:

---

[1]) Письмо къ сестрѣ изъ Парижа, апрѣль 1778 (безъ числа).

[2]) Письмо отъ $\frac{\text{29 августа}}{\text{9 сентября}}$ 1784 г.

[3]) Письмо къ П. Панину отъ $\frac{15}{26}$ января 1778 г.

прежде онъ, вмѣстѣ съ ними, исходилъ изъ того взгляда, что поведеніе людей опредѣляется общественными учрежденіями; теперь онъ думаетъ, что учрежденія не важны; важна добрая вѣра. Послѣдовательно, развивая этотъ новый свой взглядъ, онъ долженъ былъ притти къ тому положенію, что царство божіе—внутри насъ. Однако, послѣдовательности у него хватило не надолго.

Въ 1777 г. онъ перевелъ „Похвальное слово Марку Аврелію", написанное членомъ французской академіи Тома („Томасомъ") и украшенное, напримѣръ, такими размышленіями:

„Вольность есть первое право человѣка, право повиноваться единымъ законамъ и кромѣ ихъ ничего не бояться. Горе рабу, страшащемуся произносить ея имя! Горе той странѣ, гдѣ изрѣченіе его вмѣняется въ преступленіе!"

Или: „Всегда благотворящая природа создала существа въ свободѣ и равенствѣ; настало тиранство и сотворило существа слабыя и несчастныя. Тогда малымъ числомъ все объято стало" и т. п.

Если,—по мнѣнію одного изслѣдователя,—своими переводами Фонъ-Визинъ развивалъ и дополнялъ свои собственныя мысли о лучшемъ политическомъ устройствѣ, то ими же онъ опровергалъ свои собственныя мысли о безполезности политическихъ реформъ.

Разумѣется, въ „Похвальномъ словѣ Марку Аврелію" больше приторнаго академическаго краснорѣчія, чѣмъ мужественной любви къ „вольности" и равенству. Но мысль, положенная въ его основу, все-таки рѣзко противорѣчитъ афоризмамъ, высказаннымъ въ заграничныхъ письмахъ нашего сатирика.

Тотъ же изслѣдователь полагаетъ, что апоплексическій ударъ, „поразившій Фонъ-Визина въ августѣ 1785 г., положилъ конецъ вольнодумнымъ поползновеніямъ, упорно сохранявшимся въ немъ отъ юныхъ лѣтъ". Дѣйствительно, „Разсужденіе о суетной жизни человѣческой", написанное Фонъ-Визинымъ по случаю смерти Потемкина (т. е. въ 1791 г.), показываетъ, что болѣзнь вызвала у него совершенно подавленное настроеніе духа. Онъ рѣшительно осуждаетъ въ немъ свое прежнее „безумное на разумъ надѣяніе". Однако, мы видѣли, что на „разумъ надѣяніе" онъ уже въ семидесятыхъ годахъ, во время перваго заграничнаго своего путешествія, отвергалъ едва ли не столь же рѣшительно, какъ и послѣ удара. Кромѣ того, между статьями, приготовленными имъ для своего,—неразрѣшеннаго полиціей,—журнала „Стародумъ, или другъ честныхъ людей", есть письмо изъ Москвы, помѣченное февралемъ 1788 г. и показывающее,

что и во время болѣзни у Фонъ-Визина возобновлялись иногда приступы политическаго вольномыслія.

Въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о причинахъ, препятствующихъ успѣхамъ краснорѣчія въ Россіи. Фонъ-Визинъ, написавшій его отъ имени Стародума, говоритъ, что у насъ мало ораторовъ не отъ слабости природнаго дарованія, а отъ недостатка „случаевъ, при коихъ бы даръ краснорѣчія могъ показаться". При другихъ политическихъ условіяхъ было бы совсѣмъ другое. „Преосвященные наши митрополиты: Гавріилъ, Самуилъ, Платонъ, суть наши Тиллотоны и Бурдалу; а разныя мнѣнія и голоса Елагина, составленные по долгу званія его, довольно доказываютъ, какого рода силы было бы россійское витійство, если бы имѣли мы гдѣ разсуждать о законѣ и податяхъ, и гдѣ судить поведенія министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ" [1]).

Не поднимая здѣсь вопроса о томъ, насколько великъ былъ въ дѣйствительности ораторскій талантъ Платона, Гавріила, Самуила и... Елагина, нельзя не замѣтить, что здѣсь больной Фонъ-Визинъ опять разсуждалъ совершенно въ духѣ политическаго вольномыслія. А разсужденіе въ этомъ духѣ предполагало извѣстное „на разумъ надѣяніе".

Но вотъ гдѣ самое главное. Воззрѣнія Фонъ-Визина до конца остались вовсе несогласованными между собою и противорѣчивыми. Онъ способенъ былъ почти одновременно высказывать прямо противоположныя сужденія. Для исторіи общественной мысли это важно не только потому, что Фонъ-Визину принадлежитъ большое мѣсто въ нашей литературѣ XVIII вѣка, но еще и потому, что въ этомъ отношеніи на него похожи были очень многіе просвѣщенные россіяне второй половины XVIII столѣтія.

Надо помнить, однако, что консерватизмъ почти всегда преобладалъ въ воззрѣніяхъ нашего сатирика. Екатерина была неправа, когда жаловалась: „Плохо мнѣ приходитъ жить! Уже г. Фонъ-Визинъ хочетъ учить меня царствовать!"

Фонъ-Визинъ не могъ причинить ей какія-нибудь серьезныя политическія непріятности. На практикѣ онъ держался, въ послѣднемъ счетѣ, того высказаннаго Стародумомъ отраднаго убѣжденія, что средство, сдѣлать людей счастливыми, находится въ рукахъ государя и состоитъ въ предоставленіи выгодъ по службѣ единственно тѣмъ чиновникамъ, которые будутъ точно выполнять требованія „благонравія", и въ этомъ онъ тоже походилъ на множество своихъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ.

---

1) Сочиненіе, стр. 248—249.

Въ мартѣ 1784 г. умиравшій гр. Н. И. Панинъ, подъ начальствомъ котораго Д. И. Фонъ-Визинъ служилъ, начиная съ 1769 г., продиктовалъ ему свое политическое завѣщаніе, содержащее въ себѣ, между прочимъ, такія строки:

„Верховная власть ввѣряется Государю для единаго блага его подданныхъ... Безъ непремѣнныхъ Государственныхъ законовъ не прочно ни состояніе Государства, ни состояніе Государя... Всякая власть, не ознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не отъ Бога, но отъ людей, коихъ несчастія времянъ попустили, уступая силѣ, унизить свое человѣческое достоинство. Въ такомъ гибельномъ положеніи нація, буде находитъ средства разорвать свои оковы тѣмъ же правомъ, какимъ на нее наложены, весьма умно дѣлаетъ, если разрываетъ... обязательства между Государемъ и подданными суть... добровольная". Короче, завѣщаніе гр. Н. И. Панина основывается какъ разъ на той мысли о преимуществахъ „вольности по праву", которую отвергалъ Д. И. Фонъ-Визинъ въ своихъ письмахъ изъ-заграницы къ брату Н. И. Панина, П. И. Панину. Надо помнить, что этотъ послѣдній вполнѣ раздѣлялъ взгляды своего брата. Взгляды эти будутъ разсмотрѣны мною ниже; здѣсь слѣдуетъ только сказать, что,—какъ видно изъ письма, написаннаго гр. П. И. Панинымъ къ великому князю Павлу Петровичу на случай его восшествія на престолъ,—Д. И. Фонъ-Визинъ, совершенно одобрялъ политическія стремленія братьевъ Панинныхъ. Какъ согласить это съ приведенными мною выше отрывками изъ его заграничныхъ писемъ?

Это еще не конецъ. Въ одномъ мѣстѣ политическаго завѣщанія, написаннаго Фонъ-Визинымъ подъ диктовку гр. Н. И. Панина, говорится о „государствѣ, въ которомъ люди составляютъ собственность людей", т. е. существуетъ крѣпостное право. Въ отзывѣ о такомъ государствѣ слышится почти презрительное сожалѣніе. А въ „Прибавленіи" къ завѣщанію, написанномъ гр. П. И. Панинымъ, требуется законодательное опредѣленіе „должностей" крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ [1]). Какъ согласить это съ мнѣніемъ Д. И. Фонъ-Визина о завидной участи нашего крѣпостного крестьянина? Имѣемъ ли мы право предположить, что подъ конецъ своей жизни Д. И. Фонъ-Визинъ снова заразился извѣстнымъ вольномысліемъ въ политической и соціальной областяхъ? Для этого у насъ нѣтъ никакихъ основаній.

[1]) Ср. Е. С. Шумигорскаго „Императоръ Петръ I", Петроградъ 1907, стр. 53, приложеніе, стр. 4, 7, 12 и 17.

3.

Кантемиръ бичевалъ „хулящихъ ученіе“. Ихъ же бичевалъ въ лицѣ Простаковыхъ и Скотининыхъ, и Фонъ-Визинъ. Кантемиръ написалъ сатиру „На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“; Фонъ-Визинъ тоже не упускалъ случая задѣть „злонравныхъ дворянъ“. Сумароковъ обличалъ „крапивное сѣмя“; не щадилъ этого сѣмени и Фонъ-Визинъ [1]). Кантемиръ язвилъ (въ первой сатирѣ) Медора, тужившаго о томъ, что слишкомъ много бумаги идетъ на книги и потому уже нечѣмъ завивать кудри. У Кантемира же Филаретъ (во второй сатирѣ) отчитываетъ Евгенія, этого „новаго Нарцисса“, всецѣло поглощеннаго заботами о своей наружности и изъ долголѣтняго путешествія въ чужихъ краяхъ ничего не вынесшаго, кромѣ совершеннаго знанія моды. Сатирики Екатерининской эпохи тоже выставляли къ позорному столбу разнаго рода „щеголей“ и „щеголихъ“ [2]). Вообще, кругъ тѣхъ предметовъ, которыми занималась сатира, остался тотъ же самымъ въ теченіе всего XVIII вѣка.

На это были двѣ причины. Во-первыхъ, непомѣрное тщеславіе Екатерины, не допускавшей и мысли о томъ, чтобы въ ея славное царствованіе могли оставаться не исцѣленными сколько-нибудь глубокія общественныя язвы, крайне стѣсняло обличительную дѣятельность сатириковъ: мы знаемъ, какъ недолговѣчны были тогдашніе сатирическіе журналы. Во-вторыхъ, сатирики Екатерининской эпохи продолжали смотрѣть на главнѣйшіе устои русской общественно-политической жизни глазами сатириковъ первой половины столѣтія: осмѣивая защитниковъ старины, и тѣ, и другіе сами оставались, въ своемъ отношеніи къ этимъ устоямъ, приверженцами существующаго, отъ старины же унаслѣдованнаго порядка. Поле зрѣнія ихъ обличительной музы значительно ограничивалось ихъ собственнымъ консерватизмомъ.

При всемъ томъ жизнь не стояла на одномъ мѣстѣ; послѣдствія Петровской реформы давали себя чувствовать, и если не

[1]) Ср. въ матеріалахъ для журнала „Стародумъ“ талантливое письмо надворнаго совѣтника Взяткина къ его превосходительству ***. Совѣтница въ „Бригадирѣ“ говоритъ (Дѣйствіе I, явленіе 3), что ея мужъ пошелъ въ отставку въ томъ году, какъ вышелъ указъ о лихоимствѣ, убѣдившись, что ему въ коллегіи дѣлать стало нечего. Замѣчу мимоходомъ, что эта ссылка на указъ о лихоимствѣ ловко прибавляла къ насмѣшкѣ надъ корыстолюбивыми чиновниками комплиментъ по адресу Екатерины.

[2]) Иногда кажется, что въ своихъ насмѣшкахъ надъ ними они сознательно подражали Кантемиру (для примѣра можно сослаться на 3-ій и 4-ый листы первой части „Живописца“ за 1772 г.). Но у Кантемира не встрѣчается такихъ грубыхъ выраженій (поросенокъ, свинья и т. п.), какія въ изобиліи встрѣчаются даже у Новикова.

расширился кругъ тѣхъ предметовъ, которыхъ касалась сатира, то измѣнилось отчасти ея отношеніе къ нѣкоторымъ изъ нихъ.

Медоръ и Евгеній возмущали Кантемира тѣмъ, что были равнодушны къ интересамъ просвѣщенія и тратили время,—которымъ всегда такъ дорожили истинные птенцы Петровы,—на модные пустяки. Кантемиру и въ голову не приходило упрекать ихъ въ пренебреженіи къ Россіи и къ русскимъ обычаямъ. Въ его время было несравненно больше основаній опасаться противоположной крайности: пренебреженія къ Западу и западноевропейскому образу жизни. Поэтому для него отстаивать интересы просвѣщенія въ Россіи значило бороться съ національной исключительностью ветхо-завѣтныхъ русскихъ людей. Во второй половинѣ XVIII в. было уже не такъ. О возвратѣ къ до-Петровской старинѣ тогда уже не могло быть и рѣчи. Господствующее въ Россіи сословіе окончательно примирилось съ реформой Петра. Но, какъ это было вполнѣ естественно, оно примирилось съ нею по своему.

Оно воспользовалось ею для упроченія и расширенія своей власти надъ трудящейся массой и для своего освобожденія отъ обязательной службы. Это освобожденіе дало ему досугъ, который оно отчасти употребило на устройство своихъ хозяйственныхъ дѣлъ. Но систематическій и упорный трудъ никогда не былъ въ привычкахъ этого сословія. Тѣ его представители, которые разъѣхались по деревнямъ, не столько занимались сельскимъ хозяйствомъ, сколько охотой и попойками. Тѣ же, которые жили въ столицахъ, продолжая служить, далеко не такъ ревностно занимались дѣломъ, какъ предавались всякаго рода развлеченіямъ. Въ средѣ столичнаго дворянства развелось много щеголей и щеголихъ, доставлявшихъ массу „человѣческихъ документовъ“ для сатиры [1]). Въ своемъ увлеченіи иностранными модами и обычаями, эти свѣтскіе элементы благороднаго сословія не только доходили, подобно Кантемировскому Медору, до смѣшныхъ крайностей, но стали пренебрегать своей родиной. Такъ свидѣтельствуютъ сатирики.

---

[1]) Успѣхъ сатирическихъ изданій Екатерининской эпохи въ значительной степени обусловливался нападками ихъ „петиметровъ“. Въ письмѣ къ издателю „Живописца“ („Живописецъ“ 1772 г. часть II, листъ 12) нѣкто Хуляковъ сообщалъ, что это изданіе Новикова наперерывъ и „безъ усталости“ хвалятъ какъ женщины, такъ и мужчины, говоря: „То-то разумный живописецъ! Онъ такъ малюетъ хорошо своими красками нынѣшніе развратные свѣтскіе обычаи новоманерныхъ петербургскихъ щеголей и щеголихъ, что никто еще, кромѣ его, пороковъ ихъ такъ живо не изобразилъ. Прямо честный и разумный человѣкъ“ и проч. Тогдашняя сатира очень много занималась „петиметрами“.

Фонъ-Визинъ заставляетъ своего Иванушку въ „Бригадирѣ“ говорить совѣтницѣ, за которой онъ ухаживаетъ:

— Все несчастіе мое состоитъ въ томъ только, что ты русская.

Она отвѣчаетъ ему въ томъ же духѣ:

— Это, ангелъ мой, конечно, для меня ужасная погибель!

Разъ принявшись подражать иностранцамъ, русское „благородное сословіе“ скоро должно было понять, что наилучшимъ образцомъ для подражанія является французское дворянство, которое отличалось наибольшею утонченностью („людскостью“) и которому весьма усердно подражало дворянство всѣхъ цивилизованныхъ странъ европейскаго материка. Во второй половинѣ XVIII столѣтія воспитать молодого человѣка на иностранный ладъ значило дать ему французское воспитаніе. И тѣ франты, которыхъ бичевали наши сатирики за ихъ пренебреженіе къ Россіи, старались какъ можно больше походить на французовъ.

— Mon cher père!—говоритъ въ „Бригадирѣ“ Иванушка своему отцу,—или сносно мнѣ слышать, что хотятъ меня женить на русской?

— Да ты-то что за французъ?—спрашиваетъ его отецъ.

— Тѣло мое родилось въ Россіи, это правда,—отвѣчаетъ онъ,—однако, духъ мой принадлежитъ коронѣ французской.

Чтобы выяснить зрителямъ комедіи, откуда взялось у Иванушки его смѣшное пристрастіе къ французамъ, Фонъ-Визинъ нашелъ нужнымъ разсказать устами самого Иванушки, что этотъ молодой глупецъ, до отъѣзда своего въ Парижъ, учился въ пансіонѣ у французскаго кучера, который и внушилъ ему любовь къ Франціи и холодность къ Россіи:

— Ежели бы malheurensement я попался къ русскому, который любилъ бы свою націю, я, можетъ быть, и не былъ бы таковъ.

Тутъ полезно будетъ вспомнить превосходное замѣчаніе Бѣлинскаго о томъ, что драматическія произведенія Фонъ-Визина представляютъ собою скорѣе плодъ усилій русской сатиры сдѣлаться комедіей, чѣмъ комедіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Рядомъ съ комическимъ въ нихъ очень много карикатурнаго. Карикатура живетъ умышленнымъ преувеличеніемъ изображаемыхъ ею чертъ дѣйствительности. Поэтому надо принимать cum grano salis тѣ картины тогдашней русской жизни, которыя мы находимъ въ комедіяхъ Фонъ-Визина, равно какъ и въ произведеніяхъ другихъ сатириковъ. На самомъ дѣлѣ наши щеголи и щеголихи, вѣроятно, не имѣли такого безпредѣльнаго пренебреженія къ Россіи, какое обнаруживаютъ въ

„Бригадирѣ“ Иванушка и увлеченная имъ совѣтница. Но что подобное пренебреженіе все-таки было свойственно имъ въ весьма значительной степени, это все-таки не подлежитъ сомнѣнію. И вполнѣ понятно, что, въ своемъ крайнемъ увлеченіи французами, русскіе модники безъ критики относились даже къ недостойнымъ дѣтямъ Франціи.

Сатирики Екатерининской эпохи не переставали осмѣивать довѣрчивость русскихъ по отношенію къ французамъ. Въ своихъ сатирическихъ изданіяхъ Новиковъ боролся съ этой довѣрчивостью, какъ съ большимъ общественнымъ зломъ. У него выходитъ, что изъ всѣхъ иностранцевъ одни только французы стремятся эксплуатировать довѣрчивое населеніе Россіи. Въ его „Кошелькѣ“ одинъ французъ, отмѣчая крайнее простосердіе русскихъ людей, говоритъ: „Они слишкомъ полагаются на честность и не могутъ истины различить отъ хитрости; но притомъ сіе весьма достойно замѣчанія, что хотя нѣмецъ и англичанинъ ихъ не обманываютъ и обходятся съ ними правдиво и честно, однакожъ они ихъ не любятъ, обычаевъ ихъ не перенимаютъ, и если бы тѣ захотѣли ихъ обманывать, то никогда бы имъ въ обманъ не далися; напротивъ, французу открыта внутренность души и сердце русскаго человѣка“ [1]). У Крылова, поселившаяся въ Россіи француженка-модистка, сообщаетъ своему брату, бѣжавшему изъ Франціи уголовному преступнику, что „американцы, въ первыя времена прибытія къ нимъ европейцевъ, не столько ихъ уважали, сколько здѣсь уважаютъ французовъ: тѣ побѣдили американцевъ оружіемъ, а мы ихъ хитростью“ [2]).

Въ настойчивыхъ выступленіяхъ нашей сатирической литературы противъ французскаго вліянія на Россію очень явственно слышится голосъ оскорбленнаго національнаго чувства. Оскорбленное національное чувство непремѣнно должно было вызвать и дѣйствительно вызвало у русскихъ писателей стремленіе къ идеализаціи Россіи и русскаго народнаго характера. Этимъ стремленіемъ отчасти объясняется и отмѣченное мною выше превознесеніе Фонъ-Визиномъ въ его заграничныхъ письмахъ—русскихъ порядковъ на счетъ западно-европейскихъ вообще и французскихъ—въ частности. Это же стремленіе привело Новикова къ тому утѣшительному мнѣнію, что „россіяне всѣ къ добродѣянію склонны“ [3]). Особенно добродѣтельны были они въ прежъ-

---

[1]) „Кошелекъ“ листъ 3-ій, продолженіе „Разговора между нѣмцемъ и французомъ“.

[2]) Письмо гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку въ „Почтѣ Духовъ“, соч. И. А. Крылова, у. III, стр. 139—140.

[3]) См. „Разговоръ между россіяниномъ и французомъ“, во второмъ листѣ „К о ш е л ь к а“.

нее время: „Предки наши во сто разъ были добродѣтельнѣе насъ, и земля наша не носила на себѣ исчадій, не имѣющихъ склонности къ добродѣянію и не любящихъ своего отечества“ [1]).

Такая идеализація русскаго національнаго характера и русской старины является однимъ изъ тѣхъ элементовъ, которые вошли впослѣдствіи въ составъ славянофильства. П. Н. Милюковъ утверждаетъ, что отрицательное отношеніе къ новымъ культурнымъ заимствованіямъ и восхваленіе, въ пику имъ, древней простоты нравовъ вовсе не было тогда чѣмъ-нибудь новымъ, такъ какъ мы встрѣчаемся съ нимъ еще при Петрѣ и его преемникахъ. Это справедливо. Но дѣло въ томъ, что при Петрѣ противники новыхъ культурныхъ заимствованій превозносили до-Петровскую Русь и отвергали Петровскую реформу, а во второй половинѣ XVIII столѣтія они начали превозносить именно эпоху Петра.

Въ своемъ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ Новиковъ ставилъ Ѳеофану Прокоповичу въ особенную заслугу то, что онъ былъ „поборникомъ и провозвѣстникомъ славныхъ дѣлъ Петра Великаго“. Въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина идеализація Петровской эпохи еще больше бросается въ глаза. Его Стародумъ говоритъ:

„Отецъ мой воспиталъ меня по тогдашнему, а я не нашелъ и нужды себя перевоспитывать. Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы; тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякій считалъ себя за многихъ. За то нынче многіе не стоютъ одного...“ Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитаніе дано мнѣ было отцомъ моимъ по тому вѣку наилучшее. Въ то время къ изученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову [2]).

Именно потому, что тогда въ Россіи „къ изученію мало было способовъ“, Петръ усиленно старался набивать русскія головы „чужимъ умомъ“,—умомъ западной Европы. Въ этомъ заключался смыслъ его реформы. Упустивъ это изъ виду, Фонъ-Визинъ сдѣлалъ большую ошибку. Правда, та разновидность „чужого ума“, которой такъ сильно дорожилъ Петръ, совсѣмъ не похожа была на ту его разновидность, которую выше всего ставили „пустыя головы“ дворянскаго происхожденія при Екатеринѣ II: ему рѣшительно не было мѣста въ головахъ нарядныхъ „петиметровъ“. Но—какъ уже замѣчено выше,—появленіе на Руси петиметровъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) „Недоросль“, дѣйствіе III, явленіе 1-ое.

принадлежало къ числу логическихъ слѣдствій Петровскаго преобразованія. Сдѣланное почти исключительно силами дворянства, преобразованіе привело къ расширенію правъ этого сословія и, обезпечивъ ему извѣстный досугъ, породило въ нѣкоторой его части крайнее увлеченіе свѣтскими развлеченіями и иностранными модами. Если бы, какимъ-нибудь чудомъ, Россія вернулась къ эпохѣ Петра I, которую принялись восхвалять наши Стародумы въ царствованіе Екатерины II, то объективная логика общественной жизни опять заставила бы ее снова пережить всѣ послѣдствія Петровской реформы, къ числу которыхъ принадлежала и дворянская французоманія. Но этой логики почтенные Стародумы совсѣмъ не понимали, какъ не понимали они и того, что только поступательное, а ни въ какомъ случаѣ не попятное движеніе могло избавить Россію отъ этой французоманіи.

Когда переворотъ 1741 г. передалъ верховную власть Елизаветѣ, она возвѣстила, что будетъ править въ духѣ своего отца. Этимъ обѣщаніемъ прикрывалось отсутствіе у нея самой какой-нибудь опредѣленной политической программы. Подобно этому, наши сатирики принялись за идеализацію Петровской старины только потому, что оставались въ полной неясности на счетъ того, какъ бороться съ подмѣченными ими общественными недостатками и куда должна вести Россію имманентная логика Петровской реформы.

Французскіе образцы, которымъ хотѣли подражать русскіе „петиметры“, принадлежали къ свѣтскому французскому обществу. Въ составъ этого общества входили тогда, главнымъ образомъ, члены привилегированныхъ сословій (дворянства и высшаго духовенства). Противъ дворянства и духовенства направлялось во Франціи то движеніе третьяго сословія, идеологами котораго были такъ называемые „энциклопедисты“. Энциклопедисты не только не увлекались образомъ жизни, вкусами и привычками аристократическаго французскаго общества, но, наоборотъ, рѣзко ихъ осуждали. Реакція противъ аристократическихъ привычекъ, вкусовъ и образа жизни давала себя чувствовать во всѣхъ новыхъ теченіяхъ французской литературы и французскаго искусства. Она породила живопись Греза и сантиментальную драму Дидро. Послѣднимъ словомъ этой реакціи явилось, въ концѣ XVIII столѣтія, устраненіе стараго порядка, уничтоженіе всѣхъ привилегій аристократіи. Но изо всѣхъ странъ европейскаго материка только Франція способна была произнести это послѣднее слово. Въ Германіи, едва-едва начинавшееся движеніе третьяго сословія не пошло дальше совершенной Лессингомъ литературной реформы, бывшей одновременно проте-

стомъ какъ противъ свойственнаго тогда дворянству увлеченія французскими литературными понятіями, такъ и противъ его преклоненія передъ французскими дворянскими нравами. Но нужно помнить, что Лессингъ совершилъ свою литературную реформу, слѣдуя примѣру англійскихъ и французскихъ идеологовъ третьяго сословія, въ особенности Дидро, котораго онъ ставилъ чрезвычайно высоко. Благодаря этому, его протестъ противъ французоманіи не былъ протестомъ противъ освободительныхъ французскихъ идей. Лессингъ не шелъ такъ далеко, какъ шли передовые французы XVIII столѣтія; но онъ все-таки шелъ по одной дорогѣ съ ними. Между тѣмъ, наши противники французскаго вліянія выступили также и противниками передовой французской философіи.

Въ своихъ сатирическихъ изданіяхъ Новиковъ не рѣдко такъ выражался, какъ будто въ его представленіи свободные мыслители тогдашней Франціи отождествлялись съ профессорами „Академіи Волосоподвивательной науки". Нѣсколькими годами позже, въ предисловіи къ изданному имъ „Повѣствователю Древностей Россійскихъ", онъ обрушился на людей, по его словамъ, зараженныхъ „Французскими натуральной системы книгами, пудрою, помадою, картами, праздностью и всякими наружными украшеніями и безполезными украшеніями [1]). Подъ натуральной системы книгами надо понимать, конечно, сочиненія французскихъ матеріалистовъ. Стало быть, выходило, что Гольбахъ и Дидро отвѣтственны за праздность свѣтскихъ хлыщей,—за ихъ пудру, помаду и карты! Дальше этого смѣшеніе понятій простираться не могло. Но что оно свойственно было не одному Новикову, это лучше всего видно на примѣрѣ Фонъ-Визина, у котораго идеализація Петровской эпохи тоже сопровождалась ожесточенными нападками на проповѣдниковъ новыхъ идей во Франціи (на „ученыхъ враліей").

Выше я сказалъ, что стремленіе Фонъ-Визина превозносить русскую общественную жизнь на счетъ—французской отчасти объясняется, какъ реакція противъ нашей свѣтской французоманіи. Теперь я прибавлю, что взваливать на идеологовъ французскаго третьяго сословія отвѣтственность за тѣ или другіе недостатки европеизованнаго русскаго дворянства можно было только вслѣдствіе неразвитости нашихъ общественныхъ отношеній, мѣшавшей русскимъ сатирикамъ разбираться въ явленіяхъ общественной и умственной жизни европейскаго Запада.

П. Н. Милюковъ совершенно справедливо сказалъ, что такъ

---

[1]) См. Незеленова: „Николай Ивановичъ Новиковъ", стр. 220—221.

какъ западная культура сдѣлалась у насъ исключительнымъ достояніемъ „благороднаго“ сословія, то нападки на его внѣшнюю культурность сливались съ нападками на привилегированное положеніе дворянства. Можно прибавить, что въ нападкахъ на привилегированное положеніе дворянства заключалась прогрессивная мысль, заимствованная у тѣхъ же безбожныхъ писателей Запада, на которыхъ нападали наши благочестивые идеализаторы Петровской старины. Но именно потому, что идеализаторы старины отворачивались отъ тѣхъ смѣлыхъ новаторовъ, у которыхъ была ими заимствована ихъ прогрессивная мысль, они плохо усваивали ее, и ихъ нападки на привилегированное положеніе дворянства, сливавшіяся съ нападками на его культурную внѣшность, оставались крайне робкими и поверхностными. Къ тому же, прогрессивная мысль эта иногда совсѣмъ стушевывалась, уступая мѣсто вовсе уже не прогрессивному превознесенію „простыхъ“ нравовъ провинціальнаго дворянства на счетъ развращенныхъ нравовъ столицъ.

Однако, хотя совсѣмъ безсодержательна была въ теоретическомъ отношеніи идеализація Петровской старины и хотя очень бѣдны были, по своему идейному содержанію, нападки сатириковъ на внѣшнюю дворянскую культурность, и ту, и другія слѣдуетъ признать интересными знаменіями своего времени: онѣ знаменовали зарожденіе вопроса о томъ, каково должно быть отношеніе Россіи къ Западу на основѣ Петровской реформы. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы увидимъ, что уже въ XVIII в. дѣлались заслуживающія вниманія попытки рѣшить этотъ важный вопросъ или,—если позволительно употребить здѣсь выраженіе, ставшее у насъ ходячимъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ слѣдующаго столѣтія,—найти нашу формулу прогресса. Въ той же главѣ мы увидимъ, что по этому вопросу Д. И. Фонъ-Визинъ высказалъ мысль, ставшую ходячей въ XIX вѣкѣ.

Глава VIII.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ взаимной борьбы различныхъ общественныхъ элементовъ.

Коммиссія объ Уложеніи.

I.

Новыя, разнородныя и часто совершенно несогласимыя между собою стремленія, порожденныя Петровской реформой, выразились, между прочимъ, въ пресловутой Екатерининской „Коммиссіи о сочиненіи новаго Уложенія". Но та же коммиссія показала, какъ мало благопріятна была наша тогдашняя объективная дѣйствительность проведенію въ жизнь тѣхъ изъ нихъ, которыя не соотвѣтствовали унаслѣдованнымъ отъ до-Петровской старины и все еще непоколебленнымъ основамъ государственнаго строя.

Извѣстная часть населенія взглянула на посылку своихъ представителей въ эту Коммиссію, какъ на одну изъ докучныхъ натуральныхъ повинностей по отношенію къ государству. И для нея былъ вопросъ въ томъ, какъ бы поскорѣе раздѣлаться съ этой повинностью. Въ наказѣ, данномъ муромскимъ дворянствомъ своему депутату, говорилось: „Мы, будучи въ собраніи, по довольномъ общемъ нашемъ разсужденіи всего муромскаго дворянства, никакихъ отягощеній и нуждъ не признаваемъ" [1]). Въ тверскомъ уѣздѣ одинъ помѣщикъ отказался принять участіе въ выборѣ депутата, сославшись на указъ Петра III, освободившій дворянъ отъ обязательной службы. Торгово-промышленное сословіе отъ обязательной службы избавлено еще не было. Поэтому, доводя до его свѣдѣнія манифестъ 14-го декабря 1766 г., нѣкоторые городовые магистраты сочли себя въ правѣ принять рѣшительныя мѣры противъ возможныхъ попытокъ уклониться

---

[1]) П. Кудряшевъ. „Отношеніе населенія къ выборамъ въ Екатерининскую коммиссію. Вѣстникъ Европы 1909 г., декабрь, стр. 546 и 541.

отъ выполненія „законодательной“ повинности. Въ Путивлѣ магистратъ предписалъ городовому старостѣ Курдюмову: „Ити тебѣ во дворы путивльскаго купечества всѣхъ не обходя ни единаго, а пришедь каждому объявить, чтобы они неотмѣнно безъ всякихъ оговорокъ явились въ магистратъ... и кому объявлено о томъ будетъ, велѣть въ слышаніи сего подъ симъ подписаться и чтобъ неотмѣнно имѣли явиться“. Если кто-нибудь „паче чаянія ослушаніемъ своимъ не подпишется“, о тѣхъ староста долженъ былъ подать рапортъ. Въ Каргополѣ старостѣ приказано было каждую недѣлю „наистрожайше“ и „со всякой внятностью“ читать какъ самый манифестъ, такъ и приложенія къ нему ради „оныхъ разумѣнія“. Въ Кашинѣ, Архангельскѣ и Переяславлѣ-Рязанскомъ магистраты предписали, чтобы послѣ опубликованія манифеста 14-го декабря никто изъ купцовъ не отлучался безъ разрѣшенія вплоть до выборовъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ съ отлучавшихся брали подписки о возвращеніи ихъ къ надлежащему сроку. Въ Касимовѣ купечество первой и средней статьи обязало старосту „безупустительно“ взыскать денежную пеню съ сорока купцовъ, не явившихся на выборы послѣ многократнаго извѣщенія ихъ о сборѣ. Тѣхъ ослушниковъ, которые оказались бы не въ состояніи заплатить пеню, рѣшено было наказать „тѣлесно батожьемъ, дабы и впредь такъ чинить не отваживались“. Все это было совершенно въ духѣ дореформенныхъ московскихъ порядковъ. Въ томъ же духѣ поступали избиратели, когда выбирали въ депутаты лицъ, почему-либо чуждыхъ мѣстной жизни и вовсе не желавшихъ попадать въ число „излюбленныхъ“. Въ Борисоглѣбской Слободѣ тогдашней Московской губ. избрали въ депутаты купца С. Н. Еболдина, хотя на бумагѣ и принадлежавшаго къ тамошнему обществу, но жившаго въ Выборгѣ. Получивъ депутатское полномочіе и наказъ отъ своихъ избирателей, Еболдинъ сообщилъ подлежащему начальству, что въ Борисоглѣбской Слободѣ у него нѣтъ ни дома, ни торга, и что, кромѣ того, самъ онъ вотъ уже три недѣли, какъ нездоровъ, въ удостовѣреніе чего былъ имъ приложенъ медицинскій „атестатъ“. Началось цѣлое дѣло, восходившее до Сената, который рѣшилъ, что, такъ какъ Еболдинъ во время его выбора еще имѣлъ домъ въ названной слободѣ и былъ здоровъ, а приключившаяся съ нимъ впослѣдствіи болѣзнь не весьма „чрезвычайна“, то онъ не имѣетъ права отказаться отъ исполненія своей депутатской обязанности. Выборгскій губернаторъ выслалъ этого, *насильно излюбленнаго* человѣка въ Москву для участія въ работахъ Коммиссіи.

Еще болѣе трагикомична была,—съ точки зрѣнія нынѣшняго

европейца, — судьба курскаго депутата Ивана Скорнякова. Проживая въ Нѣжинѣ, онъ отговаривался болѣзнью, которую даже оптимистически настроенный Сенатъ долженъ былъ бы, кажется, признать довольно „чрезвычайной“ для депутата: „затмѣніемъ ума“. Но и этой отговорки не принялъ во вниманіе суровый, магистратъ города Курска. „За недѣльное отбывательство“, Скорняковъ, по предписанію губернатора, высланъ былъ въ Курскъ подъ карауломъ Малороссійской коллегіи, а съ нѣжинскимъ магистратомъ будто бы „закрывавшимъ“ Скорнякова, поступили „по законамъ“.

Въ Енисейскѣ роль „излюбленнаго“ умышленно возложена была обывателями на человѣка, пользовавшагося всеобщимъ расположеніемъ: нѣкоего Н. С. Самойлова. Напрасно протестовалъ народный избранникъ, говоря, что его выбрали по злобѣ: пришлось ему покориться своей горькой участи. Самойловъ даже принялъ участіе въ исправленіи депутатскаго наказа. Правду говоритъ французская пословица: аппетитъ приходитъ во время ѣды. Но, когда дѣло дошло до подписанія этого наказа, избиратели струсили, вообразивъ, что за это можетъ достаться не только нелюбимому ими излюбленному человѣку, но и имъ самимъ. Кое-какъ затрудненіе уладилось, Самойловъ уѣхалъ въ Москву, и изъ него, говорятъ вышелъ дѣльный членъ Коммиссіи [1]).

Если старо-московскія преданія продолжали жить въ памяти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части обывателей государства россійскаго [2]), то еще прочнѣе коренились они въ головѣ его администраторовъ. Екатерина II утверждала, что ей желательно сдѣлать выборы депутатовъ „вольными“ и предохранить ихъ отъ административнаго давленія. Но мы хорошо знаемъ, до какой степени практика Фелицы расходилась съ ея теоріей. Въ дѣйствительности администрація нисколько не стѣснялась давить на выборы тамъ, гдѣ находила это полезнымъ. Она очень заботилась о томъ, чтобы выборы совершались „съ достодолжнымъ безмолвіемъ и тишиною“; всякое „шумство“ разсматривалось ею,

---

[1]) Объ этой исторіи, разсказанной первоначально С. С. Шашковымъ, см. въ изслѣдованіи г. Флоровскаго: „Составъ законодательной коммиссіи 1767—74 гг.“; въ X выпускѣ записокъ новороссійскаго университета, Одесса, 1915, стр. 407. Тамъ же указаны и другіе, приведенные мною, случаи.

[2]) Впрочемъ, надо замѣтить, что даже въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ демократіяхъ народные избранники не имѣли права отказываться отъ исполненія возложенной на нихъ народомъ политической обязанности. Такъ было, напримѣръ, во Флоренціи XIV-го вѣка (см. F. T. Perrens, La civilisation florentine, Paris, 1893, p. 49).

какъ преступленіе. Если въ Великороссіи рѣдко случалось „шумство“, имѣвшее политическое значеніе, то на западныхъ окраинахъ дѣло обстояло иначе. Окраины эти имѣли свои, пріобрѣтенныя въ совершенно другой исторической обстановкѣ, права и вовсе не были расположены отказываться отъ нихъ. Тамошнее населеніе опасалось, какъ бы Коммиссія не уничтожила этихъ правъ, и потому предпочитала совсѣмъ не посылать въ Москву своихъ депутатовъ. Такъ было въ нѣкоторыхъ остзейскихъ городахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи. А когда населеніе окраинъ убѣждалось, что посылки депутатовъ избѣжать невозможно, оно, составляя свои наказы, прежде всего ходатайствовало о сохраненіи тѣхъ своихъ привилегій, которыя еще продолжали существовать, и о возстановленіи тѣхъ, которыя уже были отмѣнены центральнымъ правительствомъ [1]). Само собою понятно, что администрація видѣла въ такихъ уклоненіяхъ и пожеланіяхъ лишь „своевольство“ и „неблагодарность“ по отношенію къ государынѣ, вознамѣрившейся осчастливить своихъ подданныхъ. Малороссійскій генералъ-губернаторъ Румянцевъ писалъ Екатеринѣ изъ Малороссіи:

„Новый проектъ Уложенія не производитъ здѣсь... признанія вашего императорскаго в-ства благоволенія, не перемѣняетъ наклонности ихъ, ни разсужденіе. Многіе истинно вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей; отзывы же у всѣхъ одни: „Зачѣмъ бы намъ тамъ (въ Коммиссіи. *Г. П.*) и быть; наши законы весьма хороши, а буде депутатомъ быть конечно уже надобно, только развѣ бъ искать правъ и привилегій подтвержденія“. Термины обыкновеннаго ихъ совѣта, которые они простому народу (который подлинно добръ) внушаютъ и всегда въ голову кладутъ, что о вольности и о правахъ, какъ о первоначальномъ, всѣмъ искать надлежитъ“ [2]).

Подобно Румянцеву, Екатерина рѣшила, что этому „своевольству“ долженъ быть положенъ конецъ. „Я надѣюсь,—отвѣчала она Румянцеву,—что вы употребите такія мѣры, которыя непознающихъ собственной своей и общественной пользы степенями приведутъ, наконецъ, къ познанію оной“.

Такъ какъ она много раньше Талейрана держалась правила: мы должны пользоваться языкомъ для того, чтобы скрывать

---

[1]) Лифляндскіе дворяне хлопотали о подтвержденіи ихъ привилегій; выборгское дворянство ходатайствовало о сохраненіи тѣхъ привилегій, „коими шведское дворянство въ сихъ завоеванныхъ провинціяхъ пользовались“ (sic). См. Сборникъ Имп. Русскаго Историч. общества, томъ 68, стр. 66—67 и 91.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. VI, стр. 315.

свои мысли, то немедленно и тутъ посовѣтовала избѣгать „принужденія или усильныхъ увѣщаній“. Румянцева эта оговорка не обманула. Въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ донесеній онъ сообщалъ своей вольнолюбивой повелительницѣ, что не достало его терпѣнія „симъ вралямъ далѣе попущать“, и что онъ взялъ тонъ прямо „начальничества“. На это она, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣчала ему, что употребленный имъ тонъ начальничества „весьма приличенъ былъ“ [1]). Дѣло „тономъ“ не ограничилось. Въ нѣжинскомъ полку избиратели, недовольные своимъ депутатомъ Селецкимъ, который отказался принять наказъ, требовавшій возстановленія шляхтескихъ вольностей и даже гетманства [2]), выбрали на его мѣсто новаго представителя. Тогда администрація предала „зачинщиковъ непорядка“ суду, военныхъ—военному, а гражданскихъ—гражданскому.

Ихъ обвинили въ томъ, что они „отважились“ нарушить довѣренность депутату Селецкому, „со дня его выбора единственно уже подъ Е. И. В. протекціею состоящему“. Гражданскій судъ приговорилъ подсудимыхъ къ вѣчной ссылкѣ, а военный пошелъ еще дальше: изъ 36 человѣкъ 33 приговорены были имъ къ смерти, остальные 3—къ ссылкѣ! Сенатъ замѣнилъ ссылку шестинедѣльнымъ тюремнымъ заключеніемъ съ отнятіемъ всѣхъ чиновъ. Осужденные на смерть казнены не были. Неизвѣстно, чѣмъ именно замѣнили имъ „лишеніе живота“, но когда въ 1770 г. милостивая Екатерина нашла возможнымъ простить ихъ („Богъ проститъ“), то вѣсть о помилованіи застала ихъ въ тюрьмѣ [3]).

Шляхетство обнаружило болѣе оппозиціонное настроеніе по отношенію къ центральному правительству, нежели другіе слои малорусскаго населенія. Какъ мы видѣли, Румянцевъ находилъ даже, что „простой народъ“ въ Малой Россіи „подлинно добръ“ [4]).

---

[1]) Соловьевъ, тамъ же, стр. 316 и слѣд.

[2]) „Съ вашими наказами въ Москву не ѣду, потому что мнѣ стыдно будетъ ихъ показать“, заявилъ онъ избирателямъ, хотя прежде самъ одобрялъ содержаніе ихъ наказа.

[3]) Подробнѣе объ этомъ см. въ цитированной мною выше статьѣ П. Кудряшева: „Отношеніе населенія къ выборамъ въ „Екатерининскую комиссію“, стр. 532, 533 и слѣд.

[4]) Г. Кудряшевъ говоритъ, что въ Малороссіи, въ эпоху созыва Коммиссіи, зрѣло недовольство и происходило глубокое броженіе „сепаратистнаго характера“ („В. Европы“, 1909, кн. II, стр. 106). Что недовольства было много, это неоспоримо, но чтобы оно имѣло „сепаратискій характеръ“, это очень сомнительно. Въ частности малорусское шляхетство недовольно было тѣмъ, что правительство отказывалось сравнить его въ правахъ съ великорусскимъ дворянствомъ. Эта причина его недовольства устранена была Екатериной II въ восьмидесятыхъ годахъ. И тогда,

Однако, у добраго малороссійскаго простонародья тоже было не мало поводовъ къ недовольству. Въ Харьковской провинціи [1]) жители слободы Межиричъ, прежде бывшіе слободскими казаками, а потомъ обращенные въ податныхъ поселянъ, естественно желали возвращенія старыхъ порядковъ. На одномъ избирательномъ собраніи нѣкто Гринченко воскликнулъ: „Кто сей новый окладъ положилъ, тотъ чтобы пропалъ на вѣки". Его арестовали и отдали подъ судъ. Нѣкоторые избиратели пытались освободить его; ихъ также арестовали и судили по 1-ой и 18-ой статьямъ Уложенія, каравшимъ умыселъ на государево здоровье, скопъ и заговоръ на государя. Сумская провинціальная канцелярія постановила публично наказать всѣхъ подсудимыхъ (ихъ было 23) плетьми. На самомъ дѣлѣ, наказанію плетьми подвергнутъ былъ, повидимому, только Гринченко, да еще высѣченъ былъ батогами избиратель Вѣтерокъ. Однако, и это являлось весьма „усильнымъ" увѣщаніемъ. Положимъ, что Вѣтерокъ отвѣдалъ батоговъ за попытку насильственно освободить Гринченко. Но этотъ послѣдній пострадалъ единственно за слишкомъ рѣзкое выраженіе своего взгляда на новый порядокъ вещей. А это значитъ, что, давая свои наказы лицамъ, долженствовавшимъ устроить „блаженство каждаго и всѣхъ" [2]), „вольные" избиратели отнюдь не были вольны безъ обиняковъ высказывать все, чего имъ хотѣлось и что наболѣло у нихъ на душѣ.

Согласно положенію, присоединенному къ манифесту о выборахъ, депутаты навсегда освобождались отъ смертной казни, пытокъ, тѣлеснаго наказанія и конфискаціи имѣнія; обидѣвшій депутата платилъ двойное „безчестіе". Но практика и тутъ расходилась съ теоріей. Въ Харьковской провинціи депутатъ Прокопъ Гукъ дѣлалъ денежные сборы съ населенія, обѣщая за это имъ свою помощь по части земельнаго межеванія, совпавшаго тамъ съ выборами. Обвиненный въ вымогательствѣ, онъ былъ лишенъ званія депутата и... наказанъ плетьми. Такимъ образомъ,

---

по выраженію А. Ефименко, „прекратилось многолѣтнее томленіе малорусскаго панства: врата въ недоступное до тѣхъ поръ святилище были ему открыты" (Малорусское дворянство и его судьба, въ 1 т. сборника А. Ефименко: „Южная Русь" стр. 191). Какъ мало политическаго смысла обнаруживало въ своемъ недовольствѣ малорусское шляхетство, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго, далеко не единичнаго факта: въ Полтавѣ руководящій выборами въ Коммиссію объ Уложеніи генеральный обозный Кочубей „съ великимъ трудомъ едва могъ склонить чиновничество къ засѣданію съ городскими жителями" (Кудряшевъ, назв. статья „Вѣстн. Европы", кн. II, стр. 113).

[1]) Она принадлежала собственно не къ Малороссіи, а къ Новой Слободской губ., но населена была тогда, какъ и теперь, малороссами.

[2]) Надпись на депутатской медали.

привилегія, пожалованная депутатамъ матушкой государыней, сводилась собственно къ тому, что ихъ нельзя было наказать „на тѣлѣ“, не отнявъ у нихъ предварительно высокаго депутатскаго званія [1]).

Администрація весьма недолюбливала письменныхъ сношеній депутатовъ со своими избирателями. Нѣсколькихъ депутатовъ, посылавшихъ въ провинцію письма, отъ которыхъ, по мнѣнію администраціи, могло проявиться непослушаніе, сама Екатерина признала достойными строгаго выговора, „дабы впредъ осторожнѣе были въ употребленіи пера“. За будто бы возмутительную переписку со своими избирателями исключены были депутаты П. Денисовъ, М. Моренецъ и С. Морозъ [2]). Впрочемъ, подробностями такого рода трудно удивить даже и нынѣшняго русскаго читателя...

II.

„Къ выборамъ, въ общемъ, населеніе отнеслось серьезно, благожелательно и довольно сознательно“,—говоритъ г. П. Кудряшевъ.—Онъ указываетъ на то, что мѣстами избиратели умѣли крѣпко постоять за своихъ избранниковъ, а иногда подвергали ихъ своему постоянному контролю.

И въ самомъ дѣлѣ, хотя и очень много до-Петровской старины было какъ въ отношеніи администраціи къ избирателямъ и ихъ избранникамъ, такъ и во взглядѣ избирателей и избранниковъ на свою обязанность, но все-таки мы видимъ болѣе сознательности и серьезности при выборахъ въ Екатерининскую коммиссію, нежели при выборахъ въ подобныя же коммиссіи, созывавшіяся прежними государями [3]).

---

[1]) Гукъ оправдывался тѣмъ, что принималъ только добровольныя, закономъ разрѣшенныя, приношенія. Во всякомъ случаѣ, есть основаніе думать, что мѣстные землевладѣльцы преувеличили его грѣхъ, такъ какъ онъ, по ихъ убѣжденію, препятствовалъ полюбовному размежеванію съ ними „казенныхъ обывателей“, т. е. мѣстныхъ крестьянъ. Одинъ изъ такихъ землевладѣльцевъ,—сотникъ Ковалевскій,—совѣтовалъ отстранить Гука отъ его депутатской должности, потому что онъ, „какъ мужикъ, угрюмый, можетъ и въ коммиссіи излевать какого-либо мужицкаго яду“. (П. Кудряшевъ, наз. ст., В. Е. кн. 11, стр. 120.)

[2]) А. В. Флоровскій, назв. соч., стр. 573.

[3]) Манифестъ 14-го декабря 1766 г. о созывѣ въ коммиссію для выработки новаго уложенія былъ по счету п я т ы м ъ. Учрежденіе законодательныхъ коммиссій началось уже при Петрѣ I. Первоначально правительство считало возможнымъ обойтись силами своихъ чиновниковъ. Очень скоро увидя тщету этой надежды, оно стало призывать „добрыхъ и знающихъ людей“ отъ шляхетства, а послѣ, (при Петрѣ II) отъ купечества и (при Аннѣ и Елизаветѣ) отъ духовенства. Насколько мнѣ извѣстно, Екатерина II, такъ охотно бесѣдовавшая со своими заграничными корреспондентами о созванной ею коммиссіи, никому изъ нихъ не сообщила, что идея, которую она осуществляла въ данномъ случаѣ, совсѣмъ не была новой.

Этого нельзя отрицать. Но не слѣдуетъ также впадать въ преувеличеніе. Фактъ тотъ, что лишь очень небольшая доля общаго числа избирателей приняла дѣятельное участіе въ выборахъ. На это указываетъ самъ Г. П. Кудряшевъ. Правда, это въ извѣстной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что весьма многіе дворянскіе избиратели, состоя на службѣ, не жили въ своихъ имѣніяхъ. Г. П. Кудряшевъ приводитъ интересныя статистическія данныя по нѣкоторымъ уѣздамъ тогдашней Московской губерніи.

Владѣльцы:

	Общее число	Жило въ уѣздѣ.	Явилось на выборы.	Отзывъ прислали.
Гороховецкій уѣздъ	63	7	6	4
Волоколам. „	60	15	6	10
Звенигород. „	80	2	—	51 [1]).

Вѣроятно и то, что среди лицъ торгово-промышленнаго сословія нѣкоторые, можетъ быть, даже довольно многіе, не участвовали въ выборахъ только вслѣдствіе отлучки, по собственнымъ торговымъ дѣламъ, или же по дѣламъ, обязательной для нихъ, службы государству.

Г. П. Кудряшевъ отмѣчаетъ еще то, конечно, крайне неудобное обстоятельство, что выборы въ Коммиссію назначены были на время весенней распутицы. Но, во-первыхъ, намъ извѣстны случаи, когда городовые магистраты „съ учтивостью“,—и съ успѣхомъ,—просили воеводъ измѣнить неудобные для обывателей сроки выборовъ [2]). Этимъ путемъ можно было, по крайней мѣрѣ, мѣстами и отчасти обойти неоспоримыя затрудненія, причинявшіяся распутицей. Во-вторыхъ, едва ли добровольныя (по собственнымъ дѣламъ) или обязательныя (по дѣламъ службы) отлучки избирателей способны цѣликомъ объяснить то, что, напримѣръ, въ Петербургѣ все число избирателей, лично участвовавшихъ въ выборахъ, дошло только до 15 процентовъ числа жителей, обладавшихъ избирательнымъ правомъ, а въ Москвѣ было и того меньше, составивъ лишь одну десятую часть избирателей [3]).

---

[1]) Назв. стат. В. Е., кн. 12 стр. 542. Дворянскіе избиратели имѣли право, не участвуя лично въ выборахъ, подавать свой голосъ письменно.

[2]) См. у А. В. Флоровскаго, н. с. стр. 379 и 380.

[3]) Фроловскій, н. соч., стр. 386, ср. также Кудряшева, н. ст., В. Е. кн. 12, стр. 543. Конечно, отлучки избирателей съ мѣста ихъ постояннаго жительства не объясняютъ также ни приведеннаго мною выше заявленія Муромскихъ дворянъ о томъ, что никакихъ отягощеній и нуждъ они не имѣютъ, ни заявленія жителей г. Дмитровска о томъ, что „никакихъ къ сочиненію прошеній о желаемомъ поправленіи“ они не приносятъ и, по обстоятельствамъ ихъ города, „никакихъ общихъ нуждъ не имѣютъ представить“. (П. Кудряшевъ, назв. стат., В. Е., кн. 12, стр. 541).

Во избѣжаніе недоразумѣній напомню, что нежеланіе принимать личное участіе въ выборахъ еще не означало полнаго равнодушія избирателей къ ихъ исходу. Избирательный законъ позволялъ, какъ мы знаемъ, дворянамъ письменно посылать свой голосъ или „отзывъ". И мы видѣли, что въ тогдашней Московской губ. этимъ правомъ воспользовались довольно многіе дворянскіе избиратели. Подобное же право было,—на этотъ разъ въ отступленіе отъ законнаго „обряда" выборовъ,—предоставлено избирателямъ обѣихъ столицъ. Возможно, что имъ воспользовались довольно многіе изъ тѣхъ столичныхъ домовладѣльцевъ, которые не захотѣли или почему-нибудь не могли пойти на избирательныя собранія. Но если дворянинъ, скажемъ, Звенигородскаго уѣзда, неся службу въ болѣе или менѣе отдаленной мѣстности, находилъ нужнымъ послать на родину свой избирательный „отзывъ", то это свидѣтельствовало о немаломъ интересѣ его къ судьбамъ законодательной Коммиссіи. А если петербургскій или московскій домовладѣлецъ, вмѣсто того, чтобы лично пойти на избирательное собраніе, ограничился посылкой „довѣреннаго письма", то это говоритъ скорѣе о томъ, что ему свойственно было лишь весьма умѣренное избирательное рвеніе.

Въ такомъ же смыслѣ приходится понимать и то интересное явленіе, что какъ въ Петроградѣ, такъ и въ Москвѣ при выборѣ повѣренныхъ, т. е. выборщиковъ, прошло много аристократовъ и высшихъ чиновниковъ. Это обстоятельство нѣсколько смутило даже генералъ-полицей-мейстера Чичерина, руководившаго выборами въ обѣихъ столицахъ, и онъ далъ избирателямъ „совѣтъ не въ указъ" выбирать выборщиковъ „изъ всякаго званія жителей способныхъ и знающихъ городскія нужды" [1].

Въ виду всего этого, мы окажется ближе къ истинѣ, сказавъ что болѣе серьезное и сознательное, чѣмъ прежде, отношеніе къ выборамъ проявлено было, при Екатеринѣ II, не всѣмъ населеніемъ „въ общемъ", а только извѣстной, и при томъ сравнительно небольшой, его частью.

Эта часть населенія была наиболѣе энергичной и дѣятельной. Ея избранниковъ надо разсматривать, какъ выразителей нуждъ и носителей стремленій всѣхъ тѣхъ элементовъ населенія, которые получили право представительства въ Коммиссіи.

Извѣстно, что населеніе деревень было представлено въ ней очень слабо. Въ „Положеніи" о выборахъ упомянуты были только однодворцы, пахотные солдаты, старыхъ службъ служилые люди, черносошные и ясашные крестьяне. Послѣ изданія манифеста 14-го декабря, къ этимъ элементамъ прибавлены были нѣкоторые

[1] П. Кудряшевъ, тамъ же, стр. 543.

другіе. Девятнадцатаго декабря того же года сенатъ принялъ постановленіе, давшее право представительства экономическимъ крестьянамъ. Вскорѣ послѣ этого Екатерина предписала привлечь къ выборамъ также крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ [1]). Возникалъ вопросъ о предоставленіи избирательнаго права также дворцовымъ крестьянамъ, однако, его рѣшили отрицательно, какъ рѣшили, съ самаго начала, вопросъ о представительствѣ крестьянъ помѣщичьихъ [2]).

Наиболѣе дѣятельная часть всякаго даннаго общественнаго класса, сословія или слоя бываетъ обыкновенно и наиболѣе культурной его частью. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Но, къ сожалѣнію, мало культурной была и наиболѣе культурная часть тогдашняго населенія Россіи. Г. В. Бочкаревъ составилъ таблицу, показывающую размѣры безграмотности въ средѣ избирателей [3]).

	Дворяне.			Горожане.		
Губерніи.	Всего избирателей.	Неграмотныхъ.	% отношеніе неграмот. къ общему числу избирателей.	Всего.	Неграмотныхъ.	Процентное отношеніе къ общему числу.
Оренбургская	185	111	60	—	—	—
Архангелогородская	331	93	28,09	—	—	—
Московская	1756	314	17,88	4646	1543	33,17
Новгородская	977	141	14,33	69	3	4,35
Нижегородская	130	15	11,54	680	331	48,97
Новороссійская	309	33	10,68	—	—	—
Смоленская	206	19	9,22	30	—	—
Бѣлгородская	510	43	8,44	1404	441	31,41
Воронежская	553	45	8,14	1471	813	55,27
Малороссійская	884	53	5,99	521	383	73,51
Петроградская	41	2	4,88	100	—	0
Слоб.-Украинская	254	11	4,33	—	—	—
Казанская	205	2	0,97	82	13	15,85
Кіевская	111	—	0	183	93	50,82
Астраханская	—	—	—	682	372	54,54
Эстляндская	165	—	0	—	—	—
Лифляндская	171	—	0	—	—	—
Сибирская	65	—	0	67	—	0
Иркутская	39	—	0	63	—	0
Выборгская	3	—	0	—	—	—

[1]) А. В. Флоровскій (Составъ Зак. Коммиссіи, стр. 423) приводитъ текстъ этого постановленія. Такимъ образомъ, г. П. Кудряшевъ ошибочно отнесъ заводскихъ крестьянъ къ числу лишенныхъ представительства. Ниже мы познакомимся съ нѣкоторыми наказами заводскихъ крестьянъ.

[2]) Интересно, что находившіеся въ помѣщичьемъ владѣніи финляндскіе крестьяне, не въ примѣръ русскимъ, имѣли своихъ представителей въ Коммиссіи. (Флоровскій, тамъ же, стр. 425 и 426).

[3]) См. Изслѣдованіе г. Бочкарева: „Культурные запросы русскаго общества начала царствованія Екатерины II по матеріаламъ Законодательной Коммиссіи 1767 года“,

Въ то время, когда русскіе сатирики принялись осмѣивать нашу крайнюю французоманію, въ Московской губерніи, этомъ центрѣ Великороссіи, оказалось около 18% безграмотныхъ между избирателями, принадлежавшими къ „благородноиу сословію"! Я уже не говорю объ Оренбургской губ., гдѣ такихъ избирателей насчиталось больше половины. Неграмотные дворяне, навѣрно, были не болѣе доступны для западныхъ вліяній вообще и особенно для вліянія освободительной западной философіи, чѣмъ Тарасъ Скотининъ или Митрофанъ Простаковъ. А такъ какъ они гнѣздились преимущественно въ провинціи, то это даетъ намъ полную возможность по достоинству оцѣнить то противопоставленіе нашего городского быта сельскому, которое съ нескрываемой симпатіей къ послѣднему, дѣлалось по временамъ русской сатирой [1]).

Въ торгово-промышленномъ сословіи безграмотность была еще больше распространена какъ въ Великой, такъ и въ Малой Россіи. Если въ Малороссійской губ. между шляхетскими избирателями было только 6 процентовъ безграмотныхъ, то между городскими ихъ было 73,51. Въ Кіевской губ. безграмотные избиратели составляли 50,83% общаго числа, въ Воронежской—55,27%, въ Московской—33,17% и т. д. Петроградская губ. какъ будто составила блестящее и даже нѣсколько странное исключеніе: процентъ безграмотныхъ въ средѣ дворянскихъ избирателей равнялся тамъ 4,88, а въ средѣ городскихъ избирателей онъ опустился до нуля. Однако, число занесенныхъ тамъ въ счетъ городскихъ избирателей сравнительно такъ не велико, что осторожнѣе будетъ воздержаться отъ какихъ-нибудь заключеній по поводу отсутствія въ немъ безграмотныхъ.

Какъ бы то ни было въ частныхъ случаяхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что, въ своей массѣ, русское торгово-промышленное сословіе оставалось тогда еще менѣе культурнымъ, чѣмъ дворянство, и когда представителямъ этой, весьма мало культурной, среды пришлось разбираться въ противорѣчіяхъ, вызванныхъ Петровской реформой, они оказались неспособными широко взглянуть на нужды своего сословія и выставить стройный, чуждый внутреннихъ противорѣчій, рядъ требованій.

напечатанное въ январьской, февральской, мартовской, апрѣльской и майской кн. „Русской Старины" за 1915 г. Приведенная здѣсь таблица находится въ февральской книгѣ.

[1]) Надо помнить, что рѣчь идетъ здѣсь отнюдь не о противопоставленіи крестьянъ другимъ сословіямъ.

III.

Слово: „требованія“ здѣсь, пожалуй, неумѣстно, „Не смотря на полную законность заявленій городскихъ жителей,—говоритъ В. Сергѣевичъ,—ихъ не оставляетъ мысль, что заявленія эти могутъ не понравиться Императрицѣ, поэтому въ заключеніе Наказа они нерѣдко просятъ о всемилостивѣйшемъ прощеніи, если что либо въ содержаніи Наказа будетъ признано за излишнее“. Для примѣра онъ выписываетъ отрывокъ изъ наказа отъ гражданъ Переяславля-Рязанскаго. „А если изъ сихъ нашихъ прошеніевъ что будетъ неугодно,—читаемъ мы тамъ,—то всеподаннѣйше просимъ высочайшимъ монаршимъ матернимъ милосердіемъ, снисходя къ намъ всеподаннѣйшимъ рабамъ, милостиво простить и не поставить этого въ преступленіе“ [1]). Это языкъ челобитныхъ Московской Руси. Челобитчики не требовали, а именно только выступали съ прошеніями. Русскіе горожане XVIII в. продолжали относиться къ центральной власти такъ же, какъ горожане до-Петровскаго времени. И, однако, въ рѣчахъ депутатовъ, посланныхъ ими въ Екатерининскую коммиссію, звучали иногда неслыханныя прежде ноты. Петровская реформа все-таки давала себя чувствовать!

Слѣдуетъ замѣтить, что городскіе депутаты относятся къ ней съ полнымъ сочувствіемъ. Наказъ отъ г. Суздаля заключаетъ въ себѣ цѣлый панегирикъ дѣятельности Петра I. Составители наказа превозносятъ память преобразователя за его „отеческое попеченіе“ о торговлѣ. Они говорятъ, что Петръ I, „будучи въ европейскихъ государствахъ своею высокою особою, у искусныхъ комерціи народовъ полезные порядки, художества и работы проницательнымъ своимъ окомъ разсматривать изволилъ, дабы всему тому подданныхъ своихъ обучить“, и т. д. Не менѣе достойно вниманія и представленіе ихъ о той цѣли, которую преслѣдовалъ Петръ I, совершая благотворныя для торговли реформы. По ихъ словамъ, онъ съ такимъ намѣреніемъ это „дѣлать изволилъ, дабы россійское свое купечество, собравъ яко разсыпанную храмину, не только (sic) сравнить, но и превысить европейскихъ купцовъ, зная достовѣрно, сколько коммерція нужна государству, какъ то въ самой вещи видимо въ европейскихъ государствахъ [2]).

Тутъ нѣтъ и слѣда той тупой ненависти ревнителей древляго благочестія къ Западу, которой не чуждъ былъ еще Посошковъ.

---

[1]) Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, томъ 93, предисловіе, стр. XI.

[2]) Сборникъ И. Р. И. Общества, томъ 107, стр. 18.

Нѣсколькими строками ниже, въ Суздальскомъ наказѣ говорится о „счастливыхъ Европейскихъ купцахъ", передъ которыми испытываетъ стыдъ прозябающее въ бѣдности русское купечество.

Въ 62-омъ засѣданіи Коммиссіи депутатъ отъ г. Барнаула Карышевъ выступилъ съ еще болѣе восторженнымъ похвальнымъ словомъ Петру I. Онъ указывалъ на то, что до-Петровская Русь „была въ неизвѣстности у всего свѣта" и, вслѣдствіе бѣдности, которая мѣшала ей содержать армію, не могла защищаться отъ своихъ непріятелей. Теперь же, благодаря Петровской реформѣ, русское государство имѣетъ такое войско, которое „однимъ своимъ видомъ можетъ поколебать и привести въ трепетъ стремящихся на нее непріятелей".

Коренное значеніе Петровской реформы заключалось, по мнѣнію Карышева, въ томъ, что онъ „отворилъ порты и умножилъ торговлю съ разными и неслыханными до того народами". Какъ видите, преобразовательная дѣятельность Петра оцѣнивается, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія торговли. Военный аргументъ лишь подкрѣпляетъ эту точку зрѣнія. И слѣдуетъ замѣтить, что депутатъ Карышевъ вообще приписывалъ торговлѣ чрезвычайно важную роль въ исторіи человѣчества. Онъ утверждалъ, что Финикія и Тиръ, Карѳагенъ и Римъ, Англія и Голландія „своею славою одолжены коммерціи" [1]).

Это не все. Отводя торговлѣ такую важную роль въ ходѣ развитія культуры, Карышевъ ссылается на слова Екатерининскаго наказа: „Торговля оттуда удаляется, гдѣ ей дѣлаютъ притѣсненіе, и водворяется тамо, гдѣ ея спокойствія не нарушаютъ" [2]). Это даетъ поводъ думать, что его убѣжденіе въ великой пользѣ Петровскаго преобразованія и въ огромной важности торговли связывалось съ сознаніемъ необходимости с в о б о д ы. И, — что всего интереснѣе,—это сознаніе выражалось не имъ однимъ. Кронштадтскій депутатъ Рыбниковъ, оспаривая кн. М. Щербатова (мы увидимъ ниже, о чемъ шелъ споръ) и сравнивая положеніе русскаго купечества съ положеніемъ западнаго, замѣтилъ, что русское торговое сословіе „не имѣетъ надлежащей свободы" [3]).

Судя по всему, понимать значеніе свободы научилъ городскихъ депутатовъ не тотъ или другой идеологъ и не вліяніе того Запада, на который они ссылались, а горькій опытъ русской общественной жизни. Нижегородскіе граждане жаловались, что полиція чинитъ „коммерціи великое препятствіе". И вотъ почему

---

[1]) Сборникъ Рус. Историч. Общества, т. VIII, стр. 275—276.

[2]) Тамъ же, стр. 275.

[3]) Тамъ же, т. VIII, стр. 176.

они,—въ первой же статьѣ своего наказа,—просили, „чтобъ состоящей нынѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ Полицеймейстерской Конторѣ не быть, а... полицейскую должность опредѣлить въ вѣдомство Нижегородскаго Губернскаго Магистрата“ [1]). Граждане сѣверной столицы выступили съ ходатайствомъ о томъ, чтобы никто въ своемъ домѣ никакого насилія не претерпѣвалъ; и ежели кого къ суду или въ какое мѣсто взять будетъ потребно, такому прежде повѣщать, а хотя бы по повѣсткѣ въ то мѣсто не явился, однакожъ не брать такого изъ дому или квартиры насильно (sic), а брать внѣ дома и квартиры, кромѣ преступниковъ по дѣламъ криминальнымъ“ [2]).

Московскіе граждане внесли подобное же ходатайство въ наказъ своему депутату кн. А. М. Голицыну: они хотѣли, чтобы полиція охраняла гражданъ отъ разнаго рода насильственныхъ дѣйствій, не внося, съ своей стороны, насилія въ отправленіе правосудія: „а ежели кто потребенъ будетъ въ судъ, и того ни въ какое время силою изъ его собственнаго, буде имѣетъ, или наемнаго дома не брать, кромѣ преступниковъ въ криминальныхъ (sic) дѣлахъ“ [3]). Епифанскіе избиратели просили: „градскихъ жителей разночинцевъ въ магистраты и ратушу, какъ самихъ, такъ и ихъ людей, ни по какимъ дѣламъ не забирать и въ тѣхъ мѣстахъ подъ карауломъ не держать“.

Исключеніе допускалось ими не по „криминальнымъ“ дѣламъ, какъ въ другихъ наказахъ, а только по дѣламъ вексельнымъ. Но „должно дать знать того же времени о задержанномъ въ подлежащемъ судебномъ мѣстѣ“ [4]).

Но всѣхъ энергичнѣе выражались суздальцы: „Нѣтъ никакой пользы (sic) и благополучія купцамъ, что онъ именуется купцомъ, когда у него все достояніе изъ рукъ отъемлютъ... Достохвальное коммерціи обращеніе процвѣтаетъ не отъ иного чего, какъ отъ свободной воли и безпрепятственнаго промыслу“ [5]).

Эти petitions of rights дополнялись просьбами объ усовершенствованіи судебнаго процесса. Жители Петрограда желали, „чтобы повѣлено было учредить ратушу или судъ городской, на основаніи такомъ, какъ оный есть въ протчихъ городахъ европейскихъ (замѣтьте это, читатель, *Г. П.*), и для скорѣйшей управы и искорененія ябедъ, волокитъ, тяжебъ и прочихъ хлопотъ опредѣлить при ономъ и судъ словесный, гдѣ бы всѣ

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 134, стр. 3 и 4.
[2]) Сборникъ Р. И. И. Общ., т. 107, стр. 218.
[3]) Сборникъ Р. И. И. Общ., т. 93, стр. 128.
[4]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 107, стр. 12.
[5]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 107, стр. 16.

граждане и жители безъ различія, яко въ первомъ судебномъ мѣстѣ судимы были во всякихъ междоусобныхъ ссорахъ и обидахъ“ [1]). Москвичи просятъ о томъ же и,—это опять слѣдуетъ запомнить,—также ссылаются на западную Европу: „Для наблюденія лучшаго между гражданами порядка и расправы въ случающихся между мѣщанствомъ дѣлахъ всеподданнѣйше просимъ о учрежденіи здѣсь суда городскова (sic), на основаніи европейскихъ городовъ. А чтобы всѣмъ и каждому доставить скорую управу и удовольствіе со искорененіемъ обидъ и волокитъ, за нужное признаваемъ учрежденіе при ономъ словеснаго суда, гдѣ бы жители безъ отмѣны всѣ, каково бы званія и чина ни были, во всякихъ обидахъ и ссорахъ безпристрастнымъ судомъ пользоваться могли“ [2]).

Въ засѣданіяхъ Коммиссіи городскіе депутаты тоже ходатайствовали объ учрежденіи словеснаго суда [3]).

Повторяю, Петровская реформа не прошла безслѣдно для торгово-промышленнаго сословія. Его безграмотная или малограмотная масса начала сознавать необходимость у ч е н і я. Московское купечество всеподданнѣйше проситъ въ своемъ наказѣ учредить училища, „гдѣ не токмо достаточныхъ купцовъ дѣти на иждивеніи отцовъ своихъ и матерей, но и малолѣтнія сироты на содержаніи всего здѣшняго купечества разнымъ языкамъ, бухгалтерству и прочимъ купечеству необходимымъ наукамъ и знаніямъ обучаемы были“ [4]). Интересно, что наши горожане и тутъ ссылаются на западную Европу. Жители Архангельска говорятъ въ своемъ наказѣ, что вслѣдствіе невѣжества „коммерція лишается искусныхъ негоціантовъ, какими просвѣщенная Европа, наполнена будучи, всегда умѣетъ верхъ одерживать въ своихъ прибыткахъ. И ради того можетъ (наша коммерція. *Г. П.*) быть уподоблена такой мануфактурѣ, которая, имѣя прочіе матеріалы, а неисправные инструменты, не можетъ достигнуть совершенства“ [5]).

Дворянскіе депутаты тоже указывали въ Коммиссіи на пользу образованія. Но они смотрѣли на него съ точки зрѣнія нуждъ государственной службы. Такъ, калужскіе дворяне хотѣли, чтобы ихъ дѣти, благодаря образованію, „къ отправленію наложенной впредь на нихъ должности достойными себя учинили“. По мнѣнію бѣлевцевъ, школа нужна была для того, „чтобъ дворянство къ достиженію своей славы, къ воинской службѣ Ея Импе-

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. О., т. 107, стр. 217.

[2]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 93, стр. 126.

[3]) См. напримѣръ, Сборникъ, т. 8, стр. 140.

[4]) Сборникъ, т. 93, стр. 134. Ср. названную выше статью Г. В. Бочкарева въ мартовской кн. „Рус. Старины“, 1895 г., стр. 574.

[5]) См. наз. ст. В. Бочкарева, февраль, стр. 336.

раторскаго Величества наиспособнѣйшимъ себя предъ прочими отличало“ [1]). Представители же купечества напирали почти исключительно на потребности торговли и промышленности. Жители города Ряжска добивались, чтобы магистратамъ предписано было „о воспитаніи дѣтей прилагать всевозможное стараніе, дабы они научены были сверхъ искуснаго понятія закона и письма, ариѳметикѣ, бухгалтеріи, навигаціи и геометріи, а сверхъ того и о прочихъ принадлежащихъ до коммерціи наукахъ стараться; если жъ кто изъ сихъ дѣтей высокимъ наукамъ непонятенъ окажется, таковыхъ обучать рукомесламъ и художествамъ, кто къ чему склоненъ и охотенъ окажется, дабы никто безъ науки въ праздности не закоснѣлъ“ [2]).

Составители нѣкоторыхъ городскихъ наказовъ приходили къ мысли о необходимости обязательнаго обученія. Жители г. Вязьмы мечтали о томъ, „чтобъ ни одинъ купеческій и цеховой сынъ, не умѣющій грамотѣ, не былъ и по міру не ходилъ“. Избиратели г. Вологды желали, „чтобъ бѣдныхъ купецкихъ малолѣтнихъ сиротъ... по благопристойности кто къ чему будетъ способенъ, обучать, хотя и не по ихъ желанію, но по истинному объ ихъ испопеченію“. Составители Архангелогородскаго наказа просили предписать, чтобы всѣ граждане „дѣтей своихъ обоего пола безъ всякаго изъятія подъ чувствительными штрафами россійской грамотѣ и катехизму учили бы“. Ряжское купечество предлагало тѣхъ родителей, которые не будутъ отдавать своихъ дѣтей въ школу, „штрафовать на содержаніе сихъ школъ, да сверхъ того, который изъ сихъ дѣтей, согласясь потачкѣ отца своего и матери, съ школы сойдетъ безъ воли и отпуску главнаго учителя тому, въ силу 1714 г. именнаго указа, запретить жениться“!

Впрочемъ, сознаніе пользы ученія выражено было далеко не всѣми городскими избирателями. Вотъ цифровыя данныя, показывающія, въ какихъ губерніяхъ обнаружено было ими это сознаніе на выборахъ 1767 г., и въ какомъ процентномъ отношеніи ко всей массѣ городскихъ наказовъ стоятъ тѣ, въ которыхъ говорится о школьномъ дѣлѣ [3]).

Губерніи	Число наказовъ	% отнош. ко всѣмъ наказамъ
Смоленская	1	20
Архангелогородская	3	15
Воронежская	2	12,5
Новгородская	2	10
Казанская	1	6,06
Московская	2	3,43

[1]) В. Бочкаревъ, наз. статья, мартъ, стр. 565.

[2]) В. Бочкаревъ, тамъ же, стр. 573.

[3]) В. Бочкаревъ, тамъ же, январь, стр. 70, примѣч. 2-ое.

Кромѣ того, просвѣтительныя стремленія городскихъ избирателей ограничивались сословными предѣлами.

Въ засѣданіи 2-го мая 1768 г. депутатъ отъ пахотныхъ солдатъ Иванъ Жеребцовъ подалъ „мнѣніе“ о томъ, что надо учредить въ селахъ школы, въ которыхъ дѣтей учили бы грамотѣ попеременно изъ церковныхъ и изъ тѣхъ книгъ, кои законодательства содержатъ“. Противъ этого „мнѣнія“ въ засѣданіи 5-го мая того же года, возражалъ депутатъ отъ г. Пензы, Степанъ Любавцевъ. Онъ находилъ, что земледѣльцамъ, по ихъ состоянію, не требуется другихъ наукъ, кромѣ россійской грамоты, которой можно научить и безъ училищъ. Училища будутъ отвлекать молодежь отъ земледѣлія [1]).

Въ Россіи, гдѣ сильное развитіе кустарной промышленности фактически присоединяло къ торгово-промышленному сословію значительную часть крестьянства, еще менѣе, чѣмъ гдѣ-либо можно было просвѣтить купечество, оставляя во тьмѣ народную массу. Повидимому, на это и хотѣлъ обратить вниманіе Любавцева выступившій противъ него депутатъ отъ той же провинціи,—но только не отъ горожанъ, а опять отъ пахотныхъ солдатъ,—Ег. Селивановъ. Онъ сослался на наказъ Екатерины, провозгласившій важность просвѣщенія, и отмѣтилъ, что въ купеческой средѣ есть два слоя: одинъ, просвѣтившійся благодаря ученію, а другой—вышедшій изъ хлѣбопашцевъ и неимѣвшій возможности учиться. Какъ нельзя болѣе справедливый выводъ ясенъ: если хотите просвѣтить купеческое сословіе въ его цѣломъ, то просвѣтите также и хлѣбопашцевъ. Неопровержима была также та мысль солдатскаго депутата, что просвѣщеніе не повредитъ земледѣлію, а, напротивъ, принесетъ ему пользу.

Взглядъ Любавцева оспаривалъ, кромѣ депутата отъ г. Пензы, С. Любавцева, еще депутатъ отъ Серпейскаго дворянства гр. Ал. Строгановъ, признавшій, что просвѣщеніе полезно и для земледѣльцевъ, такъ какъ только оно различаетъ человѣка отъ скота и притомъ выясняетъ намъ наши обязанности „къ Богу, къ государю и къ обществу“. Графъ выразилъ надежду, что когда крестьяне просвѣтятся, то уже не будутъ проявлять звѣрства по отношенію къ своимъ помѣщикамъ [2]). Безпристрастный читатель согласится, что депутаты отъ пахотныхъ солдатъ,—т. е. отъ тѣхъ же земледѣльцевъ,—высказали несравненно болѣе широкій и свободный отъ примѣсей сословнаго эгоизма взглядъ на просвѣщеніе, нежели депутаты отъ купечества и отъ дворянства.

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 32-ой, стр. 398.

[2]) Тамъ же, стр. 457.

IV.

Мы знаемъ, какъ настойчиво указывали городскіе депутаты на важное значеніе свободы для развитія „коммерціи“. Тотъ, кому извѣстны были бы только эти купеческіе панегирики свободѣ, обвинилъ бы въ несправедливости покойнаго С. М. Соловьева, сказавшаго, что въ Коммиссіи объ Уложеніи раздался, отъ дворянства, купечества и духовенства, дружный и страшно печальный крикъ: „рабовъ!“ На основаніи купеческихъ панегириковъ свободѣ можно было бы предположить, что купеческіе депутаты, наоборотъ, дружно кричали: „Да здравствуетъ вольность!“ Однако, покойный историкъ былъ правъ.

Возьмемъ хоть извѣстное намъ замѣчаніе кронштадскаго депутата Рыбникова о томъ, что русское купечество не имѣетъ надлежащей свободы. Оно сдѣлано было въ видѣ возраженія кн. М. М. Щербатову, энергично возставшему именно противъ ходатайства городскихъ депутатовъ о дозволеніи купцамъ покупать „рабовъ“.—„Какъ можно сказать,—воскликнулъ Щербатовъ,—чтобы безъ таковыхъ невольныхъ людей купцамъ невозможно обойтись, когда видимъ цѣлую Европу, гдѣ никто невольныхъ людей не имѣетъ; однако, ни на невозможность обойтиться, ни на недостатокъ усердія никто не жалуется“ [1]). Рыбниковъ справедливо подумалъ, что этотъ доводъ былъ бы неопровержимъ, если бы положеніе русскаго торгово-промышленнаго сословія признано было одинаковымъ съ положеніемъ—западнаго. Вотъ почему онъ и поспѣшилъ замѣтить, что это совсѣмъ не такъ: въ отличіе отъ западнаго, русское купечество лишено свободы. Къ этому онъ прибавилъ, что, не имѣя надлежащей свободы, оно не имѣетъ также „достаточныхъ привилегій и несетъ службу при казенныхъ сборахъ, простирающихся на многія тысячи“. И этимъ своимъ отвѣтомъ кн. Щербатову онъ такъ угодилъ другимъ городскимъ депутатамъ, что многіе изъ нихъ „присоединились къ его мнѣнію [2]).

Точно также и цитированный мною выше суздальскій наказъ превозносилъ дѣятельность Петра, между прочимъ, за то, что Петръ позволилъ купцамъ къ фабрикамъ и заводамъ „крестьянъ покупать безъ излишества, по препорціи печей и становъ“ [3]).

О томъ же правѣ покупки купцами „рабовъ“ ходатайствовали

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 8-ой, стр. 109.
[2]) Тамъ же, стр. 176—177.
[3]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 107, стр. 18.

многіе другіе города: Мосальскъ, Арзамасъ, Томскъ, Нижній, Серпейскъ и проч., и проч., и проч. [1]).

Короче, западные порядки очень хороши и свобода — превосходная вещь. Но Россія—не Западъ. Само не имѣя свободы, русское купечество не можетъ обходиться безъ крѣпостного труда. И если оно всеподданнѣйше проситъ освободить его отъ обязательной службы государству, а также отъ полицейскихъ путъ, связывающихъ торгово-промышленную дѣятельность, то оно сопровождаетъ это свое ходатайство просьбой о разрѣшеніи пріобрѣтать „рабовъ". Нужды промышленности и торговли лучше всѣхъ другихъ государей понималъ Петръ I. Онъ совершилъ великое преобразованіе. Но его преобразованіе не устранило крѣпостного труда фабрично-заводскихъ рабочихъ, а, напротивъ, впервые дало ему широкое примѣненіе.

Такъ разсуждали городскіе избиратели и ихъ избранники. Соловьевъ правъ! И это даетъ намъ ясное понятіе о предѣлахъ нашего тогдашняго купеческаго западничества. Изъ западныхъ порядковъ надо заимствовать тѣ, которые увеличиваютъ значеніе и свободу купечества, и оставить безъ вниманія тѣ, которые такъ или иначе, съ той или съ другой стороны, обезпечиваютъ личную свободу рабочихъ [2]).

Это купеческое западничество сильно смахиваетъ на—дворянское. Наше благородное сословіе тоже не прочь было хвалить Западъ, поскольку западное дворянство обладало привилегіями, не существовавшими въ Россіи. И оно также готово было чураться Запада, поскольку трудящееся населеніе западныхъ странъ пользовалось личной свободой. Однако, тутъ были и немаловажныя различія.

Если городскіе наказы осыпали похвалами Петра I, то послѣдовательные дворянскіе идеологи половины XVIII в. стали относиться къ нему довольно сдержанно въ виду того, что онъ своей табелью о рангахъ заставилъ породу посторониться передъ чиномъ и вовсе не склоненъ былъ освободить дворянъ отъ обязательной службы. Въ эпоху созванія Законодательной Коммиссіи россійское шляхетство, уже получившее отъ преемниковъ Петра I цѣлый рядъ привилегій,

---

[1]) „Почти всѣ депутаты изъ купцовъ, подававшіе голоса, представляли о необходимости дозволить имъ имѣть у себя крѣпостныхъ людей, какъ крестьянъ, такъ и дворовыхъ". (Д. Полѣновъ въ предисловіи къ VIII т. сборника И. Р. И. Общества, стр. XXIV).

[2]) Не нужно забывать, что и о значеніи свободы для торговли городскіе депутаты распространялись, нѣкоторымъ образомъ, съ разрѣшенія начальства: Объ значеніи говорилось въ наказѣ Екатерины.

весьма усердно льстило Екатеринѣ II, разсчитывая, что она не откажется выполнить тѣ его пожеланія, которыя не угрожаютъ ея собственной власти. Ученица Вольтэра весьма охотно шла на встрѣчу такимъ его пожеланіямъ. Но чѣмъ болѣе росли притязанія дворянства, тѣмъ болѣе приходили они въ противорѣчіе съ интересами и правами другихъ сословій. Другія сословія не могли не быть противъ нихъ. Но, робко и совсѣмъ несистематично высказываясь противъ дворянскихъ притязаній, представители промышленнаго сословія выступали, въ самомъ главномъ, не новаторами, а охранителями, точнѣе,—реакціонерами стремившимися къ возстановленію старины.

В. Сергѣевичъ вполнѣ справедливо указалъ на то, что съ глубокой древности вплоть до XVIII столѣтія всѣ свободные люди могли имѣть холоповъ. Уложеніе запретило монастырямъ и боярскимъ людямъ покупать вотчины, но никому не запрещало покупать людей. При производствѣ первой ревизіи позволено было писать дворовыхъ людей за посадскими и купцами. Только въ половинѣ XVIII столѣтія замѣчается перемѣна въ отношеніи правительства къ этому предмету. При производствѣ второй ревизіи Сенатъ, указомъ 1746 года, позволилъ писать дворовыхъ людей только за тѣми посадскими, за которыми они были записаны при первой ревизіи.

Дворовые, пріобрѣтенные посадскими послѣ первой ревизіи, отбирались у нихъ и, смотря по своему собственному желанію, писались въ посады и цехи или же за помѣщиками. Только съ помощью такихъ, по существу своему незаконныхъ распоряженій и установилась практика, лишавшая купцовъ права пріобрѣтать крѣпостныхъ людей [1]).

Съ своей стороны купцы старались вернуть себѣ это право. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII в.,—т. е., можно сказать, наканунѣ созванія Коммиссіи объ Уложеніи,—купечество Костромы, Коломны, Переяславля Рязанскаго, Тулы, Твери, Новгорода, Новаго Торжка, Торопца, Каргополя, Вологды, Симбирска, Царевококшайска и Вязьмы подавало въ комиссію о коммерціи прошенія о томъ, чтобы ему позволено было владѣть крѣпостными [2]). Присоединяясь къ общему крику: „рабовъ!“, городскіе депутаты, засѣдавшіе въ Коммиссіи объ Уложеніи, только повторяли прежнія купеческія домогательства о возстановленіи того, что было раньше.

---

[1]) Смотри предисловіе В. Сергѣевича къ 93-му тому Сборника И. Р. И. Общ., стр. VIII.

[2]) См. поучительное изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго: „Русскія торговыя и промышленныя компаніи“, Спб., 1889, стр. 64.

Но право имѣть холоповъ еще не равносильно праву владѣть населенными имѣніями. Въ Московской Руси это послѣднее имѣли только служилые люди. Изъ лицъ, принадлежавшихъ къ сословію торгово-промышленному, его имѣли только лица, входившія въ составъ столичнаго купечества, да еще тѣ посадскіе люди, которые выбирались въ земскіе старосты [1]). Петръ I придалъ совсѣмъ другой видъ этому праву „купецкихъ людей". Указъ 18-го января 1721 г. позволилъ всѣмъ имъ покупать къ заводамъ и фабрикамъ населенныя деревни „подъ такою кондиціей, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучны". Не довольствуясь этимъ, правительство Петра, по старой московской привычкѣ смотрѣвшее на все русское и на всѣхъ русскихъ, какъ на царскую собственность, нерѣдко передавало въ частное содержаніе казенныя фабрики вмѣстѣ съ работавшими на нихъ мастеровыми. Такъ же поступали иногда и преемники преобразователя. Въ царствованіе Анны, вслѣдствіе домогательствъ со стороны крупнѣйшихъ фабрикантовъ того времени, вышелъ указъ, согласно которому всѣ мастеровые, со своими семьями, находившіеся тогда на фабрикахъ, должны были вѣчно оставаться у своихъ владѣльцевъ [2]). Но если этотъ указъ былъ совершенно согласенъ съ характеромъ экономической политики Петра I, то другіе указы его преемниковъ преслѣдовали уже прямо противоположную цѣль. Такъ, въ „Генеральномъ указѣ о всѣхъ фабрикахъ", правительство той же Анны требовало, чтобы предприниматели пользовались трудомъ наемныхъ рабочихъ. На томъ же настаивало правительство преемниковъ Петра I при выдачѣ грамотъ на заведеніе новыхъ фабрикъ. Наконецъ, 29 марта 1762 г. вышелъ указъ, предписывавшій фабрикамъ довольствоваться одними „вольными наемными по паспортамъ за договорную плату людьми" [3]). Г. А. Лаппо-Данилевскій говоритъ, что результаты этого указа обозначались, повидимому, уже въ 1763—65 гг., когда составлена была роспись, доказывающая существованіе у насъ нѣкоторыхъ фабрикъ, пользовавшихся исключительно наемнымъ трудомъ. Этотъ изслѣдователь вообще отвергаетъ то мнѣніе г. М. Туганъ-Барановскаго, что наше крупное производство XVIII столѣтія было крѣпостнымъ, а не капиталистическимъ На основаніи анализа данныхъ, относящихся къ началу 1760 годовъ, онъ утверждаетъ, что въ то время наемные рабочіе соста-

---

[1]) См. Ключевскаго „Исторія сословій въ Россіи", Москва, 1913, стр. 198.
[2]) А. Лаппо-Данилевскій, назв. соч., стр. 63.
[3]) А. Лаппо-Данилевскій, стр. 67.

вляли до 33% всего числа рабочихъ, занятыхъ на большинствѣ частныхъ фабрикъ [1]). И, конечно, это обстоятельство должно быть принимаемо во вниманіе.

Но, во-первыхъ, между тѣми „вольнонаемными“ фабрично-заводскими рабочими, число которыхъ доходило до 33%, безъ всякаго сомнѣнія, находилось много владѣльческихъ и дворцовыхъ, т. е. опять же крѣпостныхъ [2]).

Во-вторыхъ, если мы, — предположивъ невозможное, — допустимъ, что процентъ занятыхъ въ фабрично-заводскомъ производствѣ помѣщичьихъ и дворцовыхъ крѣпостныхъ людей равнялся нулю, то все-таки не минуемъ вопроса: какъ же называть то производство, въ которомъ занято было 67% „невольниковъ“ (чтобы употребить одно изъ выраженій Петровской эпохи)? Не очевидно ли, что названіе крѣпостническаго подходитъ къ нему гораздо больше, нежели—капиталистическаго? [3]).

Въ-третьихъ, когда говорятъ, что наше крупное производство XVIII в. было крѣпостническимъ, этимъ вовсе не хотятъ сказать, будто оно совсѣмъ не употребляло наемныхъ рабочихъ.

Наемный трудъ не былъ тогда явленіемъ, неизвѣстнымъ въ Россіи. Это очевидно. Но что основа нашей крупной промышленности продолжала оставаться крѣпостнической, это, помимо статистическихъ данныхъ, подтверждается еще и тѣмъ, что наемный трудъ считался менѣе выгоднымъ для предпринимателей, нежели крѣпостной, какъ это явствуетъ изъ заявленій городскихъ депутатовъ въ Комиссіи Уложенія. При капиталистическомъ производствѣ это совсѣмъ не такъ, что хорошо знаютъ и „работающіе“ при условіяхъ такого производства предприниматели.

V.

Стремясь возстановить свое право покупки крѣпостныхъ, наше тогдашнее купечество смотрѣло не впередъ, а назадъ. Любопытно, что въ своей идеализаціи Петровской эпохи оно сошлось съ нашими сатириками,—Фонъ-Визинымъ и другими,—хотя и пришло въ ней совсѣмъ другимъ путемъ. Его депутаты превоз-

---

1) А. Лаппо-Данилевскій, стр. 67—68.

2) Въ таблицѣ, приводимой г. А. Лаппо-Данилевскимъ, рубрика „вольнонаемныхъ“ рабочихъ обозначена двумя отдѣльными словами: „вольныхъ и наемныхъ“, не потому ли, что далеко не всѣ наемные рабочіе были также и вольными?

3) Самъ г. Лаппо-Данилевскій сообщаетъ, что исключительно наемнымъ трудомъ пользовалось лишь небольшое число бѣдныхъ и незначительныхъ по размѣрамъ фабрикъ. (Тамъ же, стр. 67).

носили Петровскую эпоху не только потому, что Петръ I позволилъ купцамъ покупать крѣпостныхъ людей „по препорціи становъ", между тѣмъ какъ его преемники постепенно отнимали у нихъ это право. Петромъ была сдѣлана попытка передѣлать наше городское управленіе на западно-европейскій ладъ. Въ іюнѣ 1718 г. онъ рѣшилъ „магистратовъ градскихъ установить и добрыми регулы снабдить, учинивъ сіе на основаніи рижскаго и ревельскаго регламентовъ, по всѣмъ городамъ". Правда, суровый реформаторъ, неуклонно и безпощадно подчинявшій интересы отдѣльныхъ сословій интересу государства, не преминулъ наполнить западную форму своимъ, домашнимъ, содержаніемъ. По его мысли, новыя городскія учрежденія должны были „споспѣшествовать пользѣ и благополучію Великаго государя", т. е. обслуживать государственныя нужды. О самоуправленіи городовъ онъ заботился крайне мало: онъ вообще не понималъ самоуправленія. Но въ послѣдующія царствованія было частью совсѣмъ устранено, частью испорчено даже то весьма немногое, что сдѣлалъ для городского самоуправленія Петръ I. Неудивительно, что въ наказахъ депутатамъ, посланнымъ отъ городовъ въ Коммиссію объ Уложеніи, мы, рядомъ съ идеализаціей этого государя, встрѣчаемъ почти ироническое отношеніе къ его преемникамъ. „Но къ крайнему и неоплаканному (sic) нашему несчастію не могло оно (купечество. *Г. П.*) по намѣренію премудраго монарха достигнуть въ желаемое имъ состояніе",—жалуется суздальскій наказъ. Иногда составители городскихъ наказовъ прямо говорятъ языкомъ Петра, т. е., точнѣе, языкомъ Регламента Главнаго Магистрата. Ихъ западничество коренится въ экономической политикѣ преобразователя, и очень рѣдко выходитъ за тѣ предѣлы, которые поставилъ онъ своему собственному западничеству.

Временами предѣлы эти оказывались даже слишкомъ широкими для купеческаго западничества Екатерининской эпохи.

Существовала однако область, въ которой тогдашнее наше купечество не удовлетворялось реформой Петра I: это именно область отношеній полиціи къ городу. Въ томъ же самомъ Регламентѣ Главнаго Магистрата, языкомъ котораго говорили нерѣдко составители городскихъ наказовъ и городскіе депутаты, полиція провозглашается „душою гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальнымъ подпоромъ человѣческой удобности и безопасности". Россійскіе обыватели имѣли основаніе относиться къ такому лестному взгляду на полицію съ нѣкоторымъ скептицизмомъ. Они по собственному опыту знали, что „фундаментальный подпоръ человѣческой удобности и безопасности"

причиняетъ порой большія неудобства и особенно угрожаетъ безопасности гражданъ. Поэтому, въ лицѣ наиболѣе сознательныхъ представителей своихъ, купечество, „на основаніи европейскихъ городовъ", просило въ Коммиссіи о полномъ подчиненіи полиціи органамъ городскаго самоуправленія. Чтобы захотѣть этого, надо было хоть на короткое время перестать смотрѣть назадъ и устремить свой взоръ впередъ. Но такъ какъ, выступая съ такимъ ходатайствомъ, купечество совсѣмъ не отказывалось отъ стремленія возстановить свое былое право пріобрѣтать крѣпостныхъ людей, то, украдкой бросивъ бѣглый взглядъ впередъ, оно опять начинало пристально смотрѣть назадъ, и его прогрессивныя пожеланія немедленно парализовались его же реакціонными вожделѣніями. По этой причинѣ оно, можно сказать, не умѣло подвести итогъ своимъ собственнымъ жалобамъ и дѣлало крайне узкіе выводы изъ очень широкихъ посылокъ. Такъ, прочитавши, въ шестьдесятъ второмъ засѣданіи Коммиссіи, цѣлую лекцію о великомъ значеніи „коммерціи" въ исторіи развитія человѣчества, барнаульскій депутатъ Карышевъ предъявилъ ходатайство: 1) о кое-какихъ перемѣнахъ въ пошлинахъ, взимавшихся кяхтинской таможней; 2) объ облегченіи сибирскаго купечества „въ наложенныхъ на него должностяхъ"; 3) о наикрѣпчайшемъ подтвержденіи и наблюденіи того, чтобы купечество другихъ городовъ своею перекупкою и продажею въ розницу товаровъ не приводило въ разореніе сибирскихъ купцовъ; 4) о подтвержденіи запрещенія брать и давать взятки. Вотъ и все! [1]). Поистинѣ, для этого не было надобности вспоминать о Финикіи, Тирѣ, Карѳагенѣ и Римѣ, и не стоило распространяться о причиненной коммерціей славѣ Англіи и Голландіи!

Мосальскій наказъ, поставивъ на видъ, что „россійское купечество предъ протчими европейскихъ городовъ мѣщанствомъ въ великомъ презрѣніи находится", объясняетъ это тѣмъ, что оно положено въ подушный окладъ [2]). Объясненіе было, пожалуй, не далеко отъ истины. Подушный окладъ являлся однимъ изъ многихъ слѣдствій, а потому и признаковъ, закрѣпощенія непривилегированныхъ сословій государству. Но именно только однимъ изъ многихъ его слѣдствій и признаковъ. Чтобы поднять россійское купечество на юридическій уровень западнаго „мѣщанства", недостаточно было бы избавить его отъ обязанности платить подушную подать: для этого потребовалось

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. VIII, стр. 280—282.
[2]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 107, стр. 34.

бы его полное раскрѣпощеніе и пріобрѣтеніе имъ тѣхъ правъ, которыми обладало третье сословіе „протчихъ европейскихъ городовъ".

Но мосальцы, повидимому, не додумались до этой мысли и готовы были удовольствоваться избавленіемъ купцовъ отъ подушнаго оклада.

И не одни мосальцы. Граждане г. Ржева жаловались, что „по состоянію купечества въ подушномъ окладѣ и по положенію весьма малаго безчестья (оно. *Г. П.*) въ великомъ состоитъ презрѣніи не токмо отъ благороднаго дворянства, но и отъ самыхъ послѣднихъ служителей" [1]).

Понятіе „безчестье" заимствовано было петербургской Россіей отъ московской Руси. „Первоначально подъ этимъ терминомъ разумѣлось,—говоритъ Ключевскій,—значеніе, какое придавалъ законъ извѣстному чину и въ которомъ выражалось государственная оцѣнка сравнительной пользы, приносимой государству разными общественными чинами. Наиболѣе осязательной формой, въ которой выражалась эта оцѣнка чиновной чести, служило наказаніе за безчестье, т. е. за оскорбленіе лица дѣйствіемъ и преимущественно „непригожимъ словомъ". Наказанія за безчестье различались по чинамъ какъ оскорбленной, такъ и оскорбившей стороны, и были очень разнообразны" [2]). Огорчаясь тѣмъ, что за оскорбленіе купечества полагается „весьма малое безчестье", ржевскіе граждане обѣими ногами стояли на почвѣ старо-московскихъ понятій. Держась этихъ понятій, невозможно было предъявлять сколько-нибудь радикальныя требованія. И вотъ ржевцы намекали, что надо усилить наказаніе за оскорбленіе купеческой чести.

Но, разумѣется, одного перехода на почву понятій, возникшихъ въ петербургскомъ періодѣ, еще не достаточно было, при тогдашнихъ русскихъ условіяхъ, для возникновенія сколько нибудь радикальныхъ требованій. Такъ, депутатъ Серпейска просилъ, чтобъ фабрикантамъ и купцамъ первой гильдіи были пожалованы шпаги, долженствовавшія поднять ихъ честь даже „противъ прочихъ купцовъ" [3]). Трудно было превзойти въ скромности пожеланій этого серпейскаго европейца!

Въ свое оправданіе тогдашнее купечество могло бы сказать, что если оно выступало съ пожеланіями, вполнѣ достойными Московской Руси, то на это была совершенно достаточная причина: старая московская дѣйствительность оставалась во мно-

[1]) Сборникъ Р. И. И. Общ., т. 107-ой, стр. 413.

[2]) Исторія сословій въ Россіи, стр. 196.

[3]) Сборникъ Р. И. И. Общ., т. VIII, стр. 95.

гихъ отношеніяхъ непоколебимой, не смотря на петровскую реформу. Граждане Петербурга,—этого „Петра творенья“,—жаловались: „Купечество здѣшняго города отъ ежегоднаго во всякія казенныя службы“ выбора приходитъ въ изнеможеніе, отлучаясь черезъ то отъ торговъ своихъ, а наиначе по производимымъ черезъ многіе года счетамъ“. Совершенно основательная жалоба эта неизмѣнно повторяется въ наказахъ другихъ городовъ и во „мнѣніяхъ“ городскихъ депутатовъ. Далѣе. Даже и послѣ Петровской реформы закрѣпощенное государству купечество было жестоко притѣсняемо и унижаемо администраціей и дворянствомъ. На это жаловался еще Посошковъ, и на это не переставали жаловаться „купецкіе люди“ въ продолженіе всего восемьнадцатаго столѣтія [1]). Въ 1745 г. въ Московскую сенатскую контору была подана жалоба на то, что полицмейстеръ Москвы, Нащокинъ, устроилъ цѣлое нападеніе на мелкихъ торговцевъ, при чемъ разрушилъ, съ помощью полицейской команды, цѣлые ряды шалашей и лавокъ [2]). Составители саратовскаго наказа сообщали, что ихъ полицмейстеръ по произволу распоряжается трудомъ и временемъ гражданъ. Не стѣснялись въ обращеніи съ горожанами даже городовые магистраты. Московскій генералъ-губернаторъ, графъ Салтыковъ уже въ царствованіе Екатерины II доносилъ, что президентъ орловскаго магистрата дѣлалъ купечеству „великія притѣсненія, грабежи и смертоубійства“. Онъ разграбилъ фабрики нѣкоего Кузнецова при чемъ жестоко избилъ рабочихъ. Для его усмиренія военная власть нашла нужнымъ разставить въ городѣ частые пикеты; но какъ только пикеты были сняты, „мятежники (т. е. сторонники президента. *Г. П.*) стали ходить въ городѣ, какъ и прежде, въ великомъ множествѣ съ заряженными ружьями и дубьемъ, бьютъ смертно и увѣчатъ тѣхъ, которые съ ними несогласны“. Когда людямъ приходится жить въ такихъ условіяхъ, они хватаются, какъ утопающій за соломенку, за все, что попадется: и за „безчестье“, и за право ношенія шпаги и т. п., и т. п.

VI.

Для безпристрастной оцѣнки пожеланій, выраженныхъ городскими депутатами въ Коммиссіи объ Уложеніи, необходимо въ

---

[1]) Въ наказѣ мосальцевъ говорится, что такъ какъ купцы положены въ подушный окладъ, то всѣ, „а особливо дворянство“, называютъ ихъ мужиками: „у насъ де и свои таковые же мужики въ подушномъ окладѣ есть. Есть ли де и прибить, то и не велико безчестье заплатить“.

[2]) Дитятинъ, „Устройство и управленіе городовъ Россіи“, стр. 354.

точности представлять себѣ ту историческую обстановку, въ которой они возникали. Странно, что это не всегда дѣлали даже тѣ наши изслѣдователи, которымъ прекрасно извѣстны были очень малыя права и очень тяжелыя обязанности тогдашняго нашего торгово-промышленнаго сословія. Такъ, покойный Дитятинъ упрекнулъ городскихъ депутатовъ въ желаніи обезпечить купцамъ исключительное сословное право на занятія торговлей и ремеслами" [2]).

Можно подумать, что купечество стремилось къ монополіи. Но этого не было. Монополисты стремятся сдѣлать свою среду недоступной для новыхъ лицъ. Въ противность этому, русское купечество XVIII в. хлопотало о томъ, чтобы къ его сословію причислены были всѣ тѣ, которые занимались на Руси торговлей и промыслами. Суздальскій наказъ съ одобреніемъ напоминаетъ, что Петръ I „торгующее крестьянство вѣчно въ купечество записывать повелѣлъ". Нижегородцы въ своемъ наказѣ просили, чтобы всѣ крестьяне, которые занимаются торговлей въ прилегающихъ къ Нижнему слободахъ, записаны были въ Нижегородское купечество [3]). Купечество г. Томска даже ходатайствовало, чтобы крестьянамъ облегчено было вступленіе въ торгово-промышленное сословіе. Оно хотѣло, чтобы крестьяне могли записываться въ купцы, „не представляя и не сообщая о увольненіи ихъ къ тому написанія (sic), гдѣ они вѣдомы, но токмо гдѣ они вѣдомы уже по запискѣ давать знать" [4]). Это не грамотно, однако, понятно.

Вышеприведенную свою просьбу о „написаніи" въ купцы крестьянъ, торговавшихъ въ слободахъ, нижегородцы подкрѣпляли тѣмъ доводомъ, что нѣкоторые изъ этихъ крестьянъ, имѣя капиталъ до десяти, двадцати и болѣе тысячъ рублей, жили въ великой льготѣ, такъ какъ „они, кромѣ настоящихъ государ-

---

[1]) Дитятинъ, назв. сочиненіе, стр. 371—372.

[2]) Назв. соч., стр. 408.

[3]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 134-ый, стр. 5. Купеческая торговля была тѣсно связана съ крестьянской. За нѣсколько лѣтъ до созыва Коммиссіи объ Уложеніи, одинъ изъ членовъ коммиссіи о коммерціи говорилъ: „Сами купцы, будучи недостаточны капиталами, не могли никогда пробыть безъ помощи крестьянскаго торгу и всегда въ торговомъ соединеніи во внутреннихъ городахъ съ богатыми крестьянами сообщалися такъ, какъ то и нынѣ явнымъ образомъ въ Нижнемъ городѣ магистратъ не только не препятствуетъ крестьянскому торгу, но, будучи составленъ изъ бѣдныхъ купцовъ, самъ ищетъ и приглашаетъ крестьянъ, чтобы торговали, получая отъ каждаго по состоянію торгу его довольную плату и тою одною себя содержитъ и платитъ подати" (А. Лаппо-Данилевскій, назв. выше сочиненіе, стр. 103).

[4]) Тамъ же, стр. 320.

ственныхъ податей и платежа помѣщику своему оброку, никакихъ тягощеній, недостатковъ, ни постоевъ, ни полицейскаго исправленія не знали". И такъ разсуждало все тогдашнее купечество. Для него дѣло заключалось собственно не въ правѣ торговли, а въ исполненіи лежавшихъ на купечествѣ обязанностей по отношенію къ государству. Всѣмъ тѣмъ, которые готовы были раздѣлить съ нимъ исполненіе этихъ обязанностей, оно, съ своей стороны, готово было предоставить рѣшительно всѣ права, принадлежавшія ему, какъ сословію.

Въ эпоху Коммиссіи объ Уложеніи посадъ продолжалъ быть,— какъ былъ онъ въ XVII в.,—тяглой общиной. Подобно всякой тяглой общинѣ, обязанной уплачивать опредѣленныя денежныя подати и исполнять извѣстныя натуральныя повинности, онъ заинтересованъ былъ не въ томъ, чтобы уменьшать число членовъ, а въ томъ, чтобы увеличивать его, какъ можно больше. Этого увеличенія и хотѣли добиться составители городскихъ наказовъ и городскіе депутаты своими ходатайствами о запрещеніи вести торговлю лицамъ, не принадлежавшимъ къ торгово-промышленному сословію и потому избавленнымъ отъ несенія посадскаго тягла [1]).

Еще В. Сергѣевичъ, говоря о сословныхъ стремленіяхъ купечества, отмѣтилъ, что, напримѣръ, Любимскій наказъ, возставая противъ веденія торговли крестьянами, ничего не имѣлъ противъ записки ихъ въ купцы, и въ этомъ случаѣ предоставлялъ имъ равныя права со старымъ купечествомъ. Тотъ же изслѣдователь указывалъ на гражданъ г. Ростова, распространявшихся о большой пользѣ, которую принесетъ записка крестьянъ въ купечество, „такъ какъ торги купеческіе распространятся и казна получитъ приращеніе" [2]).

Настойчиво выдвигая свое пожеланіе о переводѣ въ торгово-промышленное сословіе крестьянъ, занимавшихся торговлей и промыслами, наше купечество, держалось, какъ и почти во всемъ, старой московской традиціи. Уложеніе 1649 г. запрещало заниматься торговлей и промыслами всякихъ чиновъ людямъ, не платившимъ государевыхъ податей и не служившихъ въ государевыхъ службахъ [3]).

---

[1]) Подобно этому, въ Флоренціи XV в. мелкая буржуазія добивалась, чтобы иностранцы, жившіе въ городѣ и занимавшіеся ремеслами, обложены были налогомъ наравнѣ съ гражданами, такъ какъ въ противномъ случаѣ этимъ послѣднимъ невозможно было бы выдержать ихъ конкуренцію. (Perrens, назв. соч., стр. 88).

[2]) Предисловіе къ 93-му тому. Сборникъ И. Р. И. Общ., стр. III—IV.

[3]) „Которыя слободы въ Москвѣ патріарши, и митрополичи и владычни, и монастырскія, и бояръ и окольничьихъ и думныхъ и ближнихъ, и всякихъ чиновъ лю-

Петербургское правительство XVIII в. совсѣмъ не торопилось отмѣнять это запрещеніе. По торговому уставу 1755 г., записка въ посадское тягло была обязательной для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя вели торговлю хотя бы и внѣ посадской осѣдлости [1]). Чтобы побудить населеніе городовъ и посадовъ къ отказу отъ этой старой традиціи, надо было предварительно снять съ его шеи тяжелую цѣпь государственнаго тягла. Оно усердно ходатайствовало въ Екатерининской Коммиссіи о снятіи съ него этой тяжелой цѣпи. Но пока цѣпь висѣла на его шеѣ, волей-неволей приходилось ему добиваться того, чтобы отъ ея ношенія не уклонялся никто изъ торговцевъ.

VII.

Уже въ первомъ томѣ этого сочиненія я указывалъ на то, что прикрѣпленіе крестьянина къ землѣ, препятствовавшее переходу его въ городъ, задерживало у насъ процессъ экономическаго раздѣленія труда между городомъ и деревней и вело къ широкому распространенію кустарной промышленности въ селахъ. Въ ходѣ развитія этой промышленности была своя логика, не совпадавшая съ логикой промышленнаго развитія посадской общины. Тутъ не рѣдко возникали противорѣчія, давшія себя почувствовать, между прочимъ, и въ Коммиссіи объ Уложеніи. Депутаты отъ сельскихъ общинъ доказывали, что, запретивъ крестьянамъ заниматься торговлей и промыслами, государство причинило бы большой ущербъ не только населенію, но также и самому себѣ. Черносошные крестьяне Хлыновскаго уѣзда жаловались, что купцы препятствуютъ имъ продавать свои издѣлія и заниматься своими промыслами. Однодворцы тоже оспаривали купеческія домогательства о предоставленіи права торговли исключительно тѣмъ лицамъ, которыя несутъ тягости, лежащія на

дей, а въ тѣхъ слободахъ живутъ торговые и ремесленные люди и всякими торговыми промыслы промышляютъ и лавками владѣютъ; а государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ; и тѣ всѣ слободы, со всѣми людьми, которые въ тѣхъ слободахъ живутъ, всѣхъ взяти за государя въ тягло и въ службы безплатно и безповоротно, опричь кабальныхъ людей, а кабальныхъ людей по роспросу будетъ скажется, что они ихъ вѣчные, отдавати тѣмъ людямъ, чьи они, и велѣть ихъ свесть на свои дворы. А которые и кабальные люди, а отцы ихъ и родители ихъ были посадскіе люди, или изъ государевыхъ волостей: и тѣхъ имать въ посады жить. А впередъ, опричь государевыхъ слободъ, ни чьимъ слободамъ на Москвѣ и городахъ не быть".

(Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г. Изданіе Московскаго Университета. Москва, 1907 г., стр. 134, ср. также стр. 136—137—138).

[1]) Ср. Кизеветтера, „Посадская Община въ Россіи XVIII столѣтія", Москва, 1903, стр. 17.

торговомъ сословіи [2]). Депутатъ отъ однодворцевъ Елецкой провинціи говорилъ: „Мы должны принять во вниманіе, что лицъ купеческаго сословія по обширности Россійскаго государства и сравнительно съ другими сословіями находится весьма мало, и что сверхъ того русское купечество, пріобрѣтя свойства людей образованныхъ (этотъ однодворецъ сумѣлъ позолотить пилюлю. *Г. П.*), ведетъ торговлю съ чужеземными государствами и для того употребляетъ въ большомъ числѣ приказчиковъ изъ своей же братьи. Имѣя все это въ виду, мы усмотримъ, что русскому купечеству даже невозможно вступать въ всякій мелочный торгъ, хотя оно и дѣлало неоднократно къ тому опыты“ [1]).

Наконецъ, крестьянъ рѣшительно и охотно поддерживало въ данномъ случаѣ дворянство.

Солидарность между крестьянами и дворянами была крайне рѣдкимъ явленіемъ. Изъ того, что мы усматриваемъ ее въ спорахъ, вызванныхъ вопросомъ о правѣ торговли, видно, какъ сложенъ былъ вопросъ объ этомъ правѣ и какъ разнообразны были интересы, имъ затронутые.

Предоставленіе торгово-промышленному сословію исключительнаго права заниматься торговлей и промыслами грозило нанести очень большой ударъ деревенскимъ кустарямъ. Больше того, оно могло поставить въ крайне затруднительное положеніе всѣхъ крестьянъ, привозившихъ на рынокъ земледѣльческія произведенія. Это понятно. Однако, кустарь кустарю — рознь. Крестьяне Хлыновскаго уѣзда, жаловавшіеся на то, что купцы мѣшали имъ продавать свои издѣлія и заниматься своими промыслами, признавали въ своемъ наказѣ, что нѣкоторые изъ нихъ, оставивъ земледѣліе, занимались только „кожевенными ремеслами“ [2]). Согласитесь, что деревенскій житель, занимающійся исключительно промысломъ и покинувшій земледѣліе, въ своей экономической дѣятельности выступаетъ, какъ горожанинъ. И если нашъ горожанинъ de facto служитъ государству болѣе легкую службу, чѣмъ горожанинъ de-jure („посадскій человѣкъ“), то этому послѣднему естественно призвать его къ порядку и потребовать „равненія“. Чаще всего именно только желаніе такого „равненія“ и заключалось въ интересующихъ насъ домогательствахъ торгово-промышленнаго сословія.

Депутатъ отъ города Астрахани, П. Самарскій, категорически утверждалъ, что если бы „торгующее крестьянство“ (sic) обра-

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. VIII, стр. 86.

[2]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 115, стр. 229—230.

щено было въ купечество, то это послѣднее не почувствовало бы обиды, а, напротивъ, получило бы пользу. Онъ же просилъ, подобно томскому депутату: „Не повелѣно ли будетъ всѣмъ тѣмъ, какъ дворцовымъ и экономическимъ, такъ и помѣщичьимъ людямъ и крестьянамъ, которые имѣютъ у себя довольно капитала и находятся въ торговлѣ, а къ земледѣлію не прилежатъ, позволить закономъ, безъ уволненій и безъ отпусковъ записываться въ купечество“ [1]). Во время споровъ, вызванныхъ этимъ его предложеніемъ, онъ весьма обстоятельно пояснилъ, что рѣчь шла у него какъ разъ объ этихъ крестьянахъ, уже оторвавшихся отъ земледѣлія и жившихъ торговлей. Возражая тѣмъ,— замѣтьте: не-купеческимъ депутатамъ,—которые, врядъ ли искренно, говорили, что „новопришедшіе“ купцы причинятъ утѣсненіе старымъ, онъ указалъ на обширность Россіи, въ которой должно было найтись достаточно простора для всѣхъ купцовъ,—и старыхъ, и новыхъ,—„лишь бы деньги были и торговля велась согласно законному установленію“. Любопытно, что этотъ человѣкъ, опиравшійся на „законныя установленія“, унаслѣдованныя отъ московской Руси, счелъ возможнымъ и полезнымъ дважды сослаться на наказъ Екатерины [2]): тамъ было сказано, что къ среднему роду людей принадлежали всѣ тѣ, „кои не бывъ дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, наукахъ, мореплаваніи, въ торгѣ и ремеслахъ“. Торговавшее крестьянство, очевидно, принадлежало именно къ этому роду.

Депутатъ отъ архангелогородскихъ черносошныхъ крестьянъ И. Чупровъ, находившій, что никакъ нельзя запретить крестьянамъ „вступать въ купеческіе торги“, привелъ доводъ, проливающій довольно яркій свѣтъ еще на одну сторону вопроса. „Если крестьянамъ запретить торговлю мелочнымъ шелковымъ или какимъ-либо другимъ товаромъ, необходимымъ для крестьянскихъ надобностей,—сказалъ онъ,—то сіе не только крестьянамъ, но и купцамъ можетъ принести вредъ“ [3]).

Тутъ была значительная доля истины. Уже въ 1764 г. купечество одного города жаловалось въ комиссію о коммерціи на указъ, запрещавшій крестьянамъ входить въ долговыя обязательства съ крестьянами. Оно прямо говорило, что купцы вели свои торговыя дѣла, между прочимъ, при посредствѣ крестьянъ [4]). Вѣроятно, такое же явленіе имѣлъ въ виду и депутатъ Чупровъ, распространяясь о торговлѣ шелковымъ товаромъ. Но поскольку

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. XXXII, стр. 46.
[2]) Сборникъ, т. XXXII, стр. 458—459.
[3]) Сборникъ, т. VIII, стр. 97.
[4]) А. Лаппо-Данилевскій, назв. соч., стр. 103.

крестьяне принимали участіе въ торговлѣ шелковымъ товаромъ,—сырой матерьялъ котораго, кстати сказать, вовсе не былъ произведеніемъ русскаго крестьянскаго хозяйства,—постольку они становились купцами и, конечно, должны были нести всѣ тяжести, лежавшія на купечествѣ.

Г. А. Лаппо-Данилевскій держится того мнѣнія, что крестьяне предпочитали фактически войти въ составъ купеческаго класса, не принимая на себя отправленія обременявшихъ его обязанностей [1]). Такъ оно, по всей вѣроятности, и было. И если торгово-промышленное сословіе возставало противъ подобной уклончивости, то невозможно ставить ему это въ вину.

Что дворяне, съ своей стороны, совсѣмъ не осуждали корыстной уклончивости торговавшихъ крестьянъ, этому никакъ нельзя удивляться. Чѣмъ успѣшнѣе уклонялся занимавшійся торгово-промышленнымъ дѣломъ помѣщичій крестьянинъ отъ несенія тягостей, лежавшихъ на торгово-промышленномъ сословіи, тѣмъ болѣе высокій оброкъ способенъ былъ онъ заплатить своему владѣльцу. Кромѣ того, свободный и даже обязательный переходъ всѣхъ,—т. е., значитъ, и помѣщичьихъ—крестьянъ, занимавшихся торговлей и промыслами, въ торгово-промышленное сословіе явился бы нарушеніемъ священнаго крѣпостного права.

Наконецъ, купечество вело войну не съ одной лишь крестьянской уклончивостью. Оно хотѣло, чтобы рѣшительно всѣ лица, бравшіяся за торгово-промышленную дѣятельность,—къ какому бы сословію ни принадлежали они,—поставлены были въ необходимость: или отказаться отъ этой дѣятельности, или же принять участіе въ несеніи купеческаго тягла [2]). Такая альтернатива никакъ не могла нравиться дворянству, которому тогда принадлежало уже не малое число фабрикъ и заводовъ.

Гг. помѣщики не только вооружались противъ купеческихъ попытокъ превратить торгово-промышленную дѣятельность въ исключительное право своего сословія (въ не разъ указанномъ мною широкомъ смыслѣ). Они сами стремились отнять у купцовъ право заниматься нѣкоторыми отраслями фабрично-заводской промышленности. Составителямъ наказа отъ ярославскаго дворянства „мнилось“, что фабрики, „сочиняющіяся (sic) изъ льна и изъ пеньки и изъ прочихъ земляныхъ экономическихъ произращеній... дворянамъ должны принадлежать“. Но въ виду

---

[1]) Тамъ же, стр. 104. Выше указано на тѣсную дѣловую связь нижегородскихъ купцовъ съ подгородными крестьянами.

[2]) Такъ, петербургскій наказъ жаловался, что отъ исполненія обязанностей русскаго торговаго сословія избавлены были проживавшіе въ столицѣ иностранные купцы.

того, что въ предпріятія этого рода вложены были купечествомъ великіе капиталы (это подлинное выраженіе дворянскаго ярославскаго наказа. *Г. П.*), то предлагалось уже существовавшія купеческія фабрики оставить за ихъ владѣльцами „съ нѣкоторымъ небольшимъ и имъ нечувствительнымъ платежемъ корпусу дворянства", право же заведенія новыхъ фабрикъ предоставить исключительно дворянству [1]).

Какъ мало общаго съ безкорыстіемъ имѣла дворянская защита крестьянскаго права заниматься торгово-промышленной дѣятельностью, видно изъ слѣдующаго:

Въ томъ же ярославскомъ наказѣ заключается просьба о запрещеніи купцамъ покупать у крестьянъ хлѣбъ на мѣстахъ („по дворамъ"). По словамъ наказа, „таковая покупка ими хлѣба дѣйствительно къ разоренію крестьянъ клонится; понеже часто купцы, задавая деньги впередъ крестьянамъ, наконецъ, принуждаютъ ихъ за половинную цѣну хлѣбъ имъ отдавать". Всякій признаетъ возможность и даже вѣроятность подобныхъ явленій.

Однако, если бы крестьянинъ пересталъ продавать купцу хлѣбъ у себя на дворѣ, то гдѣ же продавалъ бы онъ его? Въ городѣ? Но тамъ подстерегали его еще болѣе вопіющія и еще болѣе вѣроятныя злоупотребленія. Или, можетъ быть, ему слѣдовало искать у себя въ деревнѣ другого покупщика, не принадлежавшаго къ купеческому сословію? Составители наказа думали, что—да и что такимъ покупщикомъ долженъ былъ явиться дворянинъ. И они вовсе не скрывали цѣли, съ которой выдвинуто было ими ходатайство о запрещеніи купечеству покупать хлѣбъ по дворамъ: „чтобы дворянство,—писали они,—могло пользоваться торгомъ хлѣбнымъ" [2]) Это было весьма простодушно и столь же знаменательно. Впрочемъ, это простодушное признаніе осталось неполнымъ. Для полноты надо было написать: чтобы одно только дворянство могло извлекать выгоду изъ покупки у крестьянъ хлѣба.

VIII.

Между тѣмъ, какъ городскіе депутаты восхваляли вѣчной славы достойныя памяти государя Петра Перваго за данное имъ купечеству позволеніе пріобрѣтать „крестьянъ по препорціи печей и становъ", приписанные къ заводамъ крестьяне изображали свое положеніе самыми мрачными красками.

Деревни, обязанныя работать на заводы, находились отъ нихъ

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. IV, стр. 301.

[2]) Тамъ же, стр. 301—302.

иногда на разстояніи 500 верстъ! Для крестьянъ это составляло такое большое неудобство, что они предпочитали посылать за себя наемныхъ рабочихъ, которымъ платили значительно больше, чѣмъ сами получали отъ заводчиковъ. „Намъ крестьянамъ за заводскія работы плата дается плакатная, за поденную въ лѣтнее время по пяти, а зимою по четыре копѣйки въ день; а отъ насъ къ тому въ прибавокъ другимъ, за одиночествомъ и за дальнымъ къ заводу отъ нашихъ жительствъ разстояніемъ, въ наемъ отдаемъ вольнымъ наемщикамъ по шести и по семи копѣекъ въ день". За рубку дровъ крестьяне получали „по плакату" 25 копѣекъ отъ сажени, а сами платили наемнымъ рабочимъ „въ прибавокъ", болѣе тридцати копѣекъ. За обработку угля имъ полагалось 3 рубля 40 копѣекъ съ кучи въ 20 саженъ; между тѣмъ, сами они, нанимая рабочихъ для той же операціи, платили имъ „въ прибавокъ" по 12 и по 13 рублей[1]). Такимъ образомъ, приписанные къ заводамъ, т.-е. несвободные крестьяне уплачивали вольнымъ рабочимъ большую часть той платы, которую эти послѣдніе получали за свой трудъ на заводахъ. Г. А. Лаппо-Данилевскій согласится, что такое парадоксальное явленіе возможно было только благодаря господству крѣпостничества въ нашихъ народно-хозяйственныхъ отношеніяхъ.

Само собою разумѣется, что заводскіе крестьяне не видѣли ничего привлекательнаго въ этомъ экономическомъ парадоксѣ. Они мечтали о возвращеніи въ прежнее свое состояніе черносошныхъ земледѣльцевъ или, какъ они выражались, объ отпискѣ отъ заводовъ.

Если одна часть черносошныхъ крестьянъ плакалась на то, что, приписавъ ее къ заводамъ, правительство поставило ее въ необходимость собственными средствами содѣйствовать развитію наемнаго труда въ Россіи, то другая часть ихъ чувствовала себя обиженной правительственными распоряженіями по аграрной части.

Межевая инструкція 1754 г. отняла у („свободныхъ") крестьянъ право свободнаго распоряженія своими землями. Этихъ земель нельзя было впредь ни продавать, ни закладывать. Отмѣнено было даже право наслѣдованія. По смерти крестьянина земля его должна была, не дѣлясь между его сыновьями, записываться за его селомъ въ качествѣ государственной. В. Сергѣевичъ на-

---

1) См. наказъ Соликамскаго уѣзда разныхъ становъ отъ приписныхъ къ партикулярнымъ заводамъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ, Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 115.

звалъ эти распоряженія правительства древнѣйшимъ опытомъ законодательства въ чисто соціалистическомъ направленіи [1]). Въ историческомъ введеніи [2]) я уже показалъ, что, какъ нельзя болѣе далекія отъ соціализма, распоряженія эти представляли собой лишь послѣдовательное проведеніе въ жизнь того принципа, котораго держалось еще московское правительство въ своемъ отношеніи къ трудящейся массѣ. Согласно этому принципу, какъ сами производители, такъ и всѣ находившіеся въ ихъ владѣніи средства производства,—земля въ томъ числѣ,—разсматривались, какъ собственность государя. Я привелъ примѣры, показывавшіе, что русское крестьянство не всегда покорно встрѣчало мѣропріятія, осуществлявшія этотъ рабовладѣльческій принципъ. Теперь я отмѣчу, какъ аргументировали въ своихъ наказахъ нѣкоторыя общества черносошныхъ крестьянъ нашего Сѣвера противъ распоряженій, вошедшихъ въ межевую инструкцію 1754 г.

Крестьяне Ягрыжской волости, Устюжскаго уѣзда, такъ описывали неудобства, которыя испытывались ими вслѣдствіе отнятія у нихъ права продажи своихъ земель.

По ихъ словамъ, многіе приходили отъ этихъ неудобствъ „внѣ состоянія". Важнѣе всего было то, что, „не имѣющіе дѣтей, а сами за слабымъ здоровьемъ или за старостью домашнею экономіею управлять и состоящую за ними пашенную землю работой снабдѣвать въ несостояніи, а продавать не дозволено, отчего тѣ за ними состояныя деревни приходятъ въ крайнее несостояніе и запустѣніе и написанныя на тѣхъ деревняхъ души располагаются на протчихъ той волости крестьянъ, отчего и происходитъ общественная нужда и отягощенія" [3]).

По опыту зная, что наибольшую цѣну въ глазахъ правительства имѣетъ доводъ отъ государственной пользы, т.-е., собственно, отъ казеннаго интереса, авторы наказа сочли нужнымъ обратить вниманіе также и на эту сторону дѣла.

„Напротиву того,—говорили они,—отъ перекупки между государственными черносошными крестьянами недвижимыхъ имѣній, ежели дозволено будетъ, составляется общественная полза (sic), ибо одинъ отъ другого получа, какъ на предъ сего и дѣйствительно оказывалось, что уже въ родъ доставшееся ему по крѣпостямъ недвижимое имѣніе, то для потомковъ своихъ съ надеждою прикладывали усердное стараніе во пользу государ-

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 123, стр. XIV.
[2]) См. первый томъ этой моей работы.
[3]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 123, стр. 129.

ственную, какъ пашенную землю, такъ и сѣнные покосы расчищали и въ лучшій приводили порядокъ, отчего не малая и составилась общественная полза“ [1]).

В. Сергѣевичъ полагалъ, что въ эпоху созванія Коммиссіи объ Уложеніи еще не существовало земельныхъ передѣловъ. Они возникли, говорилъ онъ, только впослѣдствіи и не сами собой, а въ силу правительственнаго указа 1781 г., предписавшаго „между крестьянами земли и угодья смѣшать, раздѣлить на тяглы по душамъ, а съ того уже быть какъ раскладкамъ подушнаго платежа, такъ всѣмъ службамъ и работамъ“ [2]).

Но дѣло въ томъ, что этотъ указъ былъ лишь послѣднимъ шагомъ въ направленіи аграрной политики, практиковавшейся правительствомъ въ продолженіе очень долгаго времени. Такая политика не оставалась безъ вліянія на умы крестьянъ. Если крестьяне, имѣвшіе такія земли, которыхъ они въ данное время почему-либо не могли обработать и потому желали продать, недовольны были запрещеніемъ свободнаго оборота крестьянскаго недвижимаго имущества, то въ другой части крестьянскаго населенія, почему-либо не имѣвшей достаточнаго земельнаго надѣла, уже въ эпоху созванія Коммиссіи объ Уложеніи начиналъ складываться тотъ взглядъ, что правительство должно было безвозмездно отобрать продажныя крестьянскія земли въ казну и раздѣлить ихъ между неимущими. Эта часть земледѣльческаго населенія, прекрасно усвоившая себѣ смыслъ правительственной аграрной политики, разсуждала, что если всѣ крестьянскія „души“ обязаны платить государству подать, то всѣ онѣ, имѣютъ право на полученіе отъ него достаточнаго земельнаго обезпеченія. На этой почвѣ въ средѣ черносошныхъ и дворцовыхъ крестьянъ возникали большія тренія, ярко отразившіяся въ крестьянскомъ наказѣ Рождественскаго погоста, дворцовой Химаневской волости.

Тамъ говорится, что недостатокъ въ этой волости „распашистыхъ“ земель и ростъ, по „Благости Божеской“, волостного населенія побудили рачительныхъ хозяевъ разработать изъ-подъ лѣса новые участки и унавоживать свои старыя пашни. Между тѣмъ, „другіе протчіе тунеядцы“ мало заботились о своемъ хозяйствѣ и оттого „пришли въ скудость и къ платежу податей внѣ состоянія“.

Вотъ эти-то пришедшіе въ скудость крестьяне и просили, по словамъ рождественскаго наказа, чтобы земли распаханныя и

---

[1]) Тамъ же, та же страница.

[2]) Сборникъ И. Р. И. Общ. т. 123, предисловіе, стр. XV.

унавоженныя заботливыми хозяевами, раздѣлены были по душамъ. Наказъ какъ нельзя болѣе рѣшительно осуждалъ эту ихъ просьбу:

„И если такимъ мотамъ и лѣнивцамъ повелѣно будетъ изъ тѣхъ распашныхъ съ великимъ трудомъ и убыткомъ и унавоженныхъ участковъ раздѣлить по душамъ, то оной обойдется на каждую мужескаго пола душу по одной десятинѣ не съ большимъ прибавкомъ, на чемъ содержаться не можно и впредь къ умноженію хлѣбопашества и къ распространенію земли такого старанія и раченія прилагать будетъ никому неохотно и убытковъ имѣть не для чего, потому что, какъ рачительные распахивать, а лѣнивые въ готовые входить и опять проматывать и запустошать будутъ“ [1]).

Въ томъ же смыслѣ высказались каргопольскіе крестьяне. Въ своемъ наказѣ они доводили до свѣдѣнія Коммиссіи, что „между крестьянами есть много такихъ, которые несостоятельны ко владѣнію своими земельными участками, а слѣдовательно, и къ платежу подушныхъ денегъ“. Несостоятельность ихъ можетъ повести за собой остановку въ сборѣ податей, а также „отягощеніе“ состоятельныхъ хозяевъ. Поэтому каргопольскіе крестьяне изъявили „крайнее желаніе, чтобы продажа и мѣна между ними деревенскихъ земельныхъ участковъ дозволена была по прежнему“ [2]).

„По прежнему“! Вотъ къ чему стремилась та часть крестьянскаго населенія, пользовавшагося правомъ представительства въ Коммиссіи, которую не соблазняла перспектика очутиться въ положеніи рабочаго скота, получающаго болѣе или менѣе сытный кормъ въ своемъ стойлѣ и составляющаго государственное имущество, государственный instrumentum vocale.

Купцы, добивавшіеся права покупать крѣпостныхъ людей къ своимъ заводамъ и фабрикамъ и вообще недовольные политикой правительства, дававшаго дворянамъ одну сословную привилегію за другою, тоже хотѣли, какъ мы знаемъ, чтобы возстановлена была старина и дѣла пошли „по прежнему“.

Даже сатирики склонялись къ идеализаціи „прежняго“— эпохи Петра I.

Такъ было въ XVIII вѣкѣ. И то же наблюдали мы въ XVII и XVI столѣтіяхъ: вспомнимъ Курбскаго и вообще боярскую оппозицію; вспомнимъ расколъ.

Когда недовольные элементы населенія данной страны устремляютъ свой взоръ не въ будущее, а въ прошлое, не впе-

---

[1]) Сборн., т. 123, стр. 123—124.

[2]) Цитирую по дневной запискѣ о засѣданіи 20-го августа; Сборн. И. Р. И. Общ. т. IV, стр. 72.

редъ, а назадъ, это значитъ, что въ настоящемъ еще не создалась та объективная дѣйствительность, которая могла бы послужить основой для поступательнаго оппозиціоннаго движенія.

И въ самомъ дѣлѣ, экономическая отсталость Россіи XVIII в. громко вопіетъ о себѣ во всѣхъ наказахъ, посланныхъ въ Екатерининскую коммисію. Она становится особенно поразительной при сравненіи этихъ наказовъ съ „cahiers“ французскихъ избирателей 1789 г.

IX.

Единственнымъ русскимъ сословіемъ, смотрѣвшимъ не назадъ, а впередъ, было тогда у насъ дворянство. Но дворянство не видѣло впереди ничего, кромѣ привилегій для себя, нѣкоторыхъ стѣсненій для купечества и дальнѣйшаго усиленія крѣпостной зависимости крестьянства.

Характеризуя выступленія кн. М. М. Щербатова, какъ члена Комиссіи объ Уложеніи, А. Брикнеръ писалъ когда-то, что хотя этотъ блестящій депутатъ отъ ярославскаго дворянства и не игралъ тамъ той роли, какая выпала на долю Мирабо во французскомъ національномъ собраніи 1789 г., „однако онъ показалъ себя тамъ сторонникомъ либеральныхъ началъ, защитникомъ гуманности, благородно мыслящимъ человѣкомъ, филантропомъ“ [1]).

Филантропическая дѣятельность Щербатова намъ совсѣмъ не извѣстна. И мы не имѣемъ права сомнѣваться въ его благородствѣ и гуманности.

Скажу больше. У насъ есть основаніе считать его человѣкомъ, благородно понимавшимъ свою обязанность передъ родиной [2]). Но то сравненіе его съ Мирабо, которое сдѣлалъ А. Брикнеръ, до крайности наивно. Знаменитый французскій ораторъ выражалъ стремленіе 3-го сословія покончить съ дворянскими привилегіями во Франціи; Щербатовъ былъ самымъ сильнымъ сторонникомъ стремленія упрочить и расширить дворянскія привилегіи въ Россіи.

Говоря въ пользу этихъ привилегій, онъ, въ самомъ дѣлѣ, высказывалъ порой гуманные взгляды. Такъ, напримѣръ, даже

---

[1]) См. его статью „Князь М. М. Щербатовъ, какъ членъ большой коммиссіи 1767 г.“, Историческій Вѣстникъ, октябрь 1881 г., стр. 245.

[2]) „Для чего же я съ изнуреніемъ себя пишу,—спрашивалъ онъ въ своей полемикѣ съ Болтинымъ...—отъ юности моей считая, что каждый гражданинъ, поелику сила его достигать можетъ, долженъ быть полезенъ отечеству“ („Письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи, къ одному его пріятелю“ и проч. Москва, 1789 г., стр. 140.

нынѣшній читатель не безъ сочувственнаго волненія прочтетъ его рѣчь о положеніи рабочихъ на купеческихъ фабрикахъ. Оно представлялось ему „весьма худымъ, какъ относительно ихъ содержанія, какъ и нравственности". Но, во-первыхъ, немного странно, что суровый обличитель безсердечія предпринимателей изъ купеческаго сословія, лишь мимоходомъ упомянувъ о весьма худомъ „содержаніи" купеческихъ рабочихъ, распространился исключительно объ ихъ пьянствѣ и нравственной распущенности, вредившихъ, какъ онъ выразился, многонародію и вызывавшихъ безпорядки въ деревняхъ. И уже совсѣмъ странно, что когда онъ началъ рисовать положеніе крѣпостныхъ рабочихъ на дворянскихъ фабрикахъ, съ его палитры тотчасъ же безслѣдно исчезли всѣ темныя краски и остались на ней однѣ—свѣтлыя.

„Заведенныя дворянами фабрики,—говорилъ онъ, — держатъ крестьянъ въ безпрестанномъ трудолюбіи. Сіи же послѣдніе получаютъ отъ господъ своихъ достаточную плату и свое собственное благосостояніе находятъ въ прибыли своихъ господъ. Мнѣ могутъ возразить, что многіе господа такой платы крестьянамъ своимъ не даютъ. Но я не думаю, чтобы были такіе жестокосердые, которые захотѣли бы этихъ подвластныхъ имъ людей лишить достойной мзды за то, что они имъ самимъ дѣлаютъ прибыли" [1]).

Когда сочувствіе эксплоатируемымъ пріобрѣтаетъ такой односторонній характеръ, оно дѣлается сомнительнымъ, совершенно независимо отъ вопроса о личной искренности человѣка, выражающаго сочувствіе. Сословные предразсудки и пристрастія способны исказить самыя благородныя чувства. И если кн. Щербатовъ доказывалъ, что слѣдуетъ всѣхъ находящихся уже на фабрикахъ приписныхъ людей переписать и болѣе покупать ихъ фабрикантамъ запретить, предоставивъ имъ довольствоваться тѣми, которые у нихъ уже есть, и ихъ потомствомъ; если, по его мнѣнію, надлежало внушить фабрикантамъ, чтобы они принадлежавшихъ къ фабрикамъ рабочихъ „старались мало-по-малу сдѣлать вольными", то вѣдь онъ первый самымъ рѣзкимъ образомъ осудилъ бы эти мѣры, если бы кто-нибудь вздумалъ распространить ихъ на дворянскія фабрики. Его борьба противъ права купцовъ покупать крѣпостныхъ людей вызвана была только желаніемъ сдѣлать это право исключительной привилегіей благороднаго сословія.

Горячо отстаивая эту привилегію, онъ выдвинулъ щекотливый вопросъ: „прилично ли, чтобы равный равнаго могъ имѣть

---

[1]) Сборн. И. Р. И. Общ., т. VIII, стр. 58.

у себя въ неволѣ?“ И у него вышло, что—неприлично. Онъ сдѣлалъ даже исполненную негодованія экскурсію въ древность, когда людей „какъ скотину по торгамъ продавали“. Но при этомъ у него молчаливо подразумѣвалось, что равенъ крестьянину „по природѣ“ только купецъ, а отнюдь не баринъ, и что поэтому только купцу и не прилично имѣть крестьянина у себя въ неволѣ. Излишне прибавлять, что Мирабо врядъ ли призналъ бы убѣдительной аргументацію, цѣликомъ основанную на смѣшномъ барскомъ предразсудкѣ и всуе взывавшую къ „человѣчеству“.

Выше я сказалъ, что купцы превозносили дѣятельность Петра I, между тѣмъ какъ дворяне относились къ ней довольно сдержанно. Это было до такой степени такъ, что Щербатовъ нашелъ нужнымъ оговориться.

Въ засѣданіи 12-го сентября онъ заявилъ, что, хотя ему и желательна отмѣна нѣкоторыхъ Петровскихъ законовъ, однако, вовсе не потому, чтобъ онъ недостаточно уважалъ „благодѣянія“ великаго преобразователя. „Обстоятельства времени и разные случаи принудили его сдѣлать для нашего благополучія такія положенія, которыя нынѣ при благополучной державѣ нашей Всемилостивѣйшей Государыни, отъ измѣненія нравовъ не только не полезны, но скорѣе могутъ быть вредны“ [1]).

Къ числу законовъ, изданныхъ Петромъ, примѣнительно къ измѣнчивымъ обстоятельствамъ времени, принадлежалъ законъ, разрѣшавшій купцамъ пріобрѣтать крѣпостныхъ людей къ фабрикамъ и заводамъ. Намъ уже извѣстно, что Щербатовъ былъ противъ него. Но главное мѣсто между этими законами занималъ во мнѣніи краснорѣчиваго князя и его единомышленниковъ тотъ, согласно которому каждый, дослужившійся до офицерскаго чина, становился дворяниномъ. „Такое преимущество дослужившимся до офицерскаго чина, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, было необходимо для понужденія дворянъ вступать въ службу,—разсуждалъ Щербатовъ,—но нынѣ, когда уже видимъ, что россійское дворянство по единой любви къ отечеству и славѣ и по усердію къ своимъ монархамъ, достаточно наклонно и къ службѣ и къ наукамъ, то, кажется, что право, сравнивающее это сословіе со всякимъ, кто бы, какимъ бы то ни было образомъ, ни достигъ до офицерскаго чина, должно отмѣнить“ [2]).

Добиваясь отмѣны этого закона, Щербатовъ, какъ всегда, не упустилъ обосновать свою мысль нравственными соображеніями.

---

[1]) Сборн. И. Р. И. Общ., т. IV, стр. 149—150.

[2]) Тамъ же, стр. 150.

Здѣсь точкой исхода послужила для него заимствованная у Монтескье теорія дворянской чести. „Самый естественный разсудокъ,—говорилъ онъ,—убѣждаетъ насъ, что честь и слава наиболѣе дѣйствуютъ въ дворянскомъ сословіи“. Поэтому, чѣмъ старше дворянскій родъ, тѣмъ продолжительнѣе, а, слѣдовательно, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе на его членовъ чести и славы... Каждый изъ нихъ съ самаго появленія своего на свѣтъ слышитъ о знатныхъ дѣлахъ своихъ предковъ, видитъ ихъ изображенія, вспоминаетъ подвиги, ихъ прославившіе. Это предрасполагаетъ его самого къ славнымъ подвигамъ. Наоборотъ, дѣти лицъ, поднявшихся до офицерскихъ чиновъ по старшинству службы, не видятъ вокругъ себя ничего, способнаго развивать ихъ славолюбіе, „а имена предковъ ихъ уже скрываются во тьмѣ“.

Значитъ, старые дворянскіе роды по своимъ нравственнымъ качествамъ выше новыхъ? Да! И Щербатовъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе Коммиссіи на тѣ неблагопріятныя для нравственнаго развитія условія, при которыхъ совершается погоня за чинами. Люди низкаго происхожденія, стремясь пробиться къ чину и зная, что „это зависитъ отъ каждаго командира, не откажутся льстить его страстямъ и употреблять другіе низкіе способы для снисканія его благоволенія, что, конечно, послужитъ ко вреду нравовъ ихъ самихъ и ихъ начальниковъ“. По полученіи офицерскаго чина, а вмѣстѣ съ нимъ и дворянскаго званія, они уже не имѣютъ высокихъ побужденій и думаютъ только о наживѣ. Къ этой цѣли новый дворянинъ тоже идетъ всѣми возможными путями, не отвергая „ни единаго, который бы могъ скорѣе довести его до желаемаго конца; отъ того порождается мздоимство, похищенія и всякое подобное зло“.

Барнаульскій городской депутатъ Карышевъ сказалъ, что Англія и Голландія обязаны своей славой торговлѣ. У Щербатова была своя, дворянская, философія исторіи культуры. „Гдѣ есть дворяне,—увѣрялъ онъ Коммиссію,—тамъ есть дворянскіе подданные, тамъ заводятся земледѣліе, мануфактуры и, слѣдовательно, богатство; гдѣ богатство, тамъ рождаются и науки и художества“.

Допустимъ, что это такъ. Но, вѣдь, когда Адамъ пахалъ землю, а Ева сидѣла за прялкой, тогда ничего не слышно было о дворянахъ. Откуда же они взялись?

По теоріи Щербатова, дворянство возникло вслѣдствіе „отличной доблести нѣкоторыхъ лицъ изъ народа“. Такъ какъ потомки этихъ доблестныхъ лицъ тоже отличались доблестью, то народы и государи рѣшили почтить ихъ наслѣдственнымъ дворянскимъ званіемъ.

Эта теорія, несомнѣнно, пріятная для самолюбія старыхъ дворянскихъ родовъ, имѣла ту слабую сторону, что на нее могли опереться также и—новые. Что такое доблесть? Заслуга передъ государствомъ. Но развѣ теперь никто, кромѣ дворянина, не можетъ имѣть такихъ заслугъ? Сибирскіе служилые люди, ходатайствуя,—устами енисейскаго депутата Самойлова,—объ уравненіи своихъ правъ съ правами россійскихъ дворянъ, указывали именно на свои заслуги. Правда, Щербатовъ ихъ не призналъ. Сборъ ясака и другія подобныя этой службы не „довольно важны". Что касается великихъ дѣлъ предковъ, т. е. завоеванія Сибири, то и въ немъ князь не видѣлъ какой-нибудь исключительной доблести. Всѣмъ извѣстно, что россійскія войска непобѣдимы. Храбрымъ обязанъ быть всякій солдатъ. А побѣды достигаются мудростью военачальниковъ. Отсюда у Щербатова слѣдовало, что храбрые воины, покорившіе Сибирь, „сдѣлали это не сами собою, а подъ предводительствомъ воеводъ, которые тогда же и награждены были милостью монарховъ; да и тѣ, которые сопутствовали воеводамъ, имѣли воздаяніе въ полученіи земель, спокойныхъ жилищъ и, наконецъ, жалованья" [1]).

Доводы ярославскаго депутата и здѣсь были не безукоризненны. Лица, положившія основаніе старымъ дворянскимъ родамъ, тоже имѣли за свою доблесть воздаяніе въ полученіи жалованья, спокойныхъ жилищъ, земель и проч. За что же давать какія бы то ни было преимущества ихъ потомкамъ? Если бы депутаты отъ городовъ смотрѣли не назадъ, а впередъ; если бы они были не реакціонерами, а новаторами, то не замедлили бы поймать Щербатова на словѣ. Но они готовы были удовольствоваться возстановленіемъ выгодной для ихъ сословія болѣе или менѣе глубокой старины [2]). Депутаты же, избиратели которыхъ принадлежали къ новому дворянству или хотя бы только хлопотали о полученіи дворянскаго званія, по самому характеру своихъ домогательствъ не могли быть въ принципѣ противъ наслѣдственныхъ дворянскихъ привилегій. Поэтому имъ оставалось лишь выставлять на видъ то, признанное самимъ Щербатовымъ, обстоятельство, что даже самые знатные роды были когда-то совсѣмъ незнатными. На это и налегъ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ, уже знакомый намъ депутатъ днѣпровскаго пикинернаго полка Я. Козельскій. „Ежели предки россійскихъ дворянъ,—сказалъ онъ, — начало своего достоинства получили

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. IV, стр. 230.

[2]) Правда, въ засѣданіи второго октября депутатъ отъ города Рузы, И. Смирновъ предложилъ совсѣмъ отмѣнить наслѣдственное дворянство, оставивъ только личное. Но къ его мнѣнію присоединился одинъ только путивльскій депутатъ Рожновъ.

черезъ награжденіе по своимъ заслугамъ за вѣрность и добродѣтель, а не черезъ знатность рода, то потомки ихъ не должны бы умалять и презирать офицерскіе чины“ [1]). Не смотря на скромную свою форму, возраженіе это задѣло за живое кн. Щербатова, и онъ далъ Козельскому страстную отповѣдь.

„Депутатъ Днѣпровскаго пикинернаго полка, — воскликнулъ онъ,—въ мнѣніи своемъ говоритъ, что всѣ древнія россійскія дворянскія фамиліи произошли отъ низшихъ родовъ, и что теперь эти древніе дворяне, по надменности своей, не желаютъ допустить въ свое званіе людей, того достойныхъ. Весьма удивительно, что этотъ депутатъ укоряетъ подлымъ началомъ древнія россійскія фамиліи, тогда какъ не только одна Россія, но вся вселенная можетъ быть свидѣтелемъ противнаго. Къ опроверженію его словъ мнѣ достаточно указать на историческія событія. Одни россійскіе дворяне имѣютъ свое начало отъ великаго князя Рюрика и потомъ, по нисходящей линіи, отъ великаго князя Владиміра; другіе въѣхавшіе знатные люди берутъ начало свое отъ коронованныхъ главъ; многія фамиліи, хотя и не ведутъ рода своего отъ владѣтельныхъ особъ, но произошли отъ весьма знатныхъ людей, которые, выѣхавши въ службу къ великимъ князьямъ россійскимъ, считаютъ нѣсколько столѣтій своей древности и у насъ украсили себя знаменитыми заслугами отечеству. Какъ можетъ собранная нынѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ Россія слышать нареканіе подлости на такіе роды, которые въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ оказали ей свои услуги?!“ [2]).

Россія, собранная въ лицѣ своихъ депутатовъ, имѣла право замѣтить сочинителю россійской исторіи, что его ссылка на исторію русскаго благороднаго сословія основательна въ примѣненіи развѣ только къ старымъ боярскимъ родамъ, а вовсе не къ дворянству, о которомъ, однако, и шла рѣчь въ Коммиссіи.

Кромѣ того, въ отвѣтъ на неудовольствіе, выраженное благороднымъ княземъ по поводу мысли о „подломъ“ происхожденіи старыхъ дворянскихъ родовъ, Россія, собранная въ лицѣ своихъ депутатовъ, могла бы напомнить ему слова одного изъ нихъ, депутата гадяцкаго, миргородскаго и полтавскаго полковъ, Н. Мотоника: „Подлаго нѣтъ у меня никого! Земледѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ, всякій изъ нихъ честенъ и знатенъ трудами своими, добрымъ воспитаніемъ и благонравіемъ. Подлы тѣ только, которые имѣютъ дурныя свойства, производятъ дѣла, противныя законамъ...“

---

[1]) Сборн. И. Р. И. Общ., т. IV, стр. 187.

[2]) Тамъ же, стр. 193.

Слово: подлый уже переставало быть тогда синонимомъ слова: низшій и пріобрѣтало обидный смыслъ. Оно, какъ видимъ, коробило, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ депутатовъ Коммиссіи. И если Щербатовъ не чуждался его употребленія тамъ, гдѣ нужно было особенно старательно избѣгать его, то это свидѣтельствуетъ лишь объ его боярской надменности.

Онъ выставилъ такую программу:

„1) Дабы никто изъ разночинцевъ въ чинъ и право дворянское иначе не могъ вступать, какъ по одной монаршей власти;

„2) Что дворяне, по одному имени своему, имѣютъ преимущественное передъ другими званіями право служить отечеству съ тѣмъ, чтобъ имъ по ихъ службѣ и по преимуществамъ въ оной, опредѣлена была особая милость, соотвѣтственно достоинству сего сословія, столько разъ показавшему свое усердіе къ отечеству.

„3) Дабы дворянинъ, безъ лишенія его дворянскаго званія, не могъ быть подвергнутъ черезъ катскія руки (черезъ палача. *Г. П.*) наказанію...

4) „Поелику же дворянство, какъ выше неоднократно я имѣлъ случай упомянуть, отъ чести происходитъ и честью держится, то и непристойная брань и руганіе дворянина должны быть запрещены закономъ.

„5) Право владѣнія деревнями, обязывая дворянина собственною его пользою къ службѣ отечеству, есть первый способъ содержать себя во всѣхъ мѣстахъ, куда отечество заблагоразсудитъ его употребить. Вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу полезнымъ предоставить одному этому сословію право употреблять и продавать, какъ свои домашнія произведенія, такъ и другія, о которые считаю лишнимъ здѣсь упоминать“ [1]).

Первымъ параграфомъ этой программы порода хотѣла отгородиться отъ чина. И, разумѣется, чинъ не могъ одобрить этотъ параграфъ. Но остальные четыре параграфа были вполнѣ согласны съ его интересами: разъ обезпечивъ себѣ доступъ къ дворянскимъ привилегіямъ, чинъ самъ становился заинтересованнымъ въ ихъ сохраненіи и расширеніи. Стало быть, только вокругъ перваго параграфа и должна была вестись въ Комиссіи объ Уложеніи борьба между породой и чиномъ.

Аристократическія стремленія Щербатова сочувственно встрѣчены были довольно значительнымъ числомъ дворянскихъ депутатовъ. Его образованіе и темпераментъ увеличивали размѣры его личнаго вліянія. Особенно сильное впечатлѣніе произвела

---

[1]) Тамъ же, стр. 152—153.

рѣчь, произнесенная Щербатовымъ въ отвѣтъ Козельскому. Онъ говорилъ и окончилъ ее,—по выраженію дневной записки, „съ крайнимъ движеніемъ духа, что по произношенію его голоса примѣтить было можно“ [1]).

Но краснорѣчивый ораторъ не могъ „движеніемъ духа“ измѣнить соотношеніе силъ, издавна сложившееся не въ пользу породы.

Въ Коммиссіи большинство оказалось на сторонѣ чина. И сама Екатерина, впослѣдствіи удовлетворившая своей жалованной грамотой многія пожеланія дворянства, не захотѣла унизить чинъ передъ породой. Такимъ образомъ, выступленія Щербатова и его сторонниковъ не увѣнчались практическимъ успѣхомъ [2]).

X.

Наши историки нерѣдко ставили вопросъ о причинахъ неудачи Екатерининской коммиссіи. Нельзя не признать, что въ извѣстномъ смыслѣ ея созывъ не привелъ ни къ чему осязательному. По замѣчанію профессора С. Ѳ. Платонова, „Коммиссія не только не совершила всего своего дѣла, не только не обработала какой-нибудь части кодекса, но даже въ полтора года, въ двухъ стахъ своихъ засѣданіяхъ, не прочла всѣхъ депутатскихъ наказовъ“. Названный историкъ объясняетъ ея неудачу отсутствіемъ подготовительныхъ работъ, непрактичностью и неопредѣленностью внѣшней организаціи дѣла и неумѣлостью ея руководителей. Однако, и онъ признаетъ, что, если Коммиссія не привела къ общей реформѣ законодательства, то все таки оказала важное вліяніе на послѣдующую законодательную дѣятельность Екатерины II [3]). Екатерина говорила, что Коммиссія дала ей свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи. Это правда. Изучая мнѣнія депутатовъ, Екатерина увидѣла, какія требованія она можетъ оставить неудовлетворенными и какія она должна удовлетворить въ своемъ собственномъ интересѣ. Она совершенно пренебрегла тѣмъ, чего хотѣли немногочисленные въ Коммиссіи крестьянскіе депутаты; но ея жалованныя грамоты дворянству и городамъ явились, въ 1785 году, прямымъ и положительнымъ отвѣтомъ

[1]) Тамъ же, стр. 193.

[2]) Купечество домогалось, чтобы всякій, кто берется за торгово-промышленную дѣятельность, обязанъ былъ записаться въ купеческое сословіе. Старое дворянство хотѣло, чтобы дверь „благороднаго“ сословія отворялась для служилыхъ людей только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Отсюда видно, что хотя стремленія купечества были, какъ отмѣчаютъ изслѣдователи, проникнуты сословнымъ духомъ, однако въ нихъ не было исключительности, которой отличались дворянскія стремленія.

[3]) Лекціи по русской исторіи, изданіе 6-ое, стр. 596—597.

на просьбы дворянскихъ и городскихъ депутатовъ. И въ этомъ смыслѣ необходимо признать, что созывъ Коммиссіи привелъ, хотя и не такъ скоро, къ немаловажнымъ практическимъ результатамъ.

По своему неудержимому и безпредѣльному тщеславію, Екатерина II очень громко кричала, urbi et orbi, о своей Комиссіи. Подъ вліяніемъ ея громкихъ криковъ нѣкоторые вообразили, будто Коммиссія объ Уложеніи должна была сыграть никогда и нигдѣ небывалую роль чего-то въ родѣ учредительнаго собранія, которому предстояло, съ разрѣшенія и благословенія просвѣщенной государыни, воплотить въ русскую жизнь принципы освободительной французской философіи. Учредительное собраніе, дѣйствующее съ благосклоннаго разрѣшенія самодержавной власти, уже само по себѣ есть просто-на-просто смѣшная утопія. Еще болѣе смѣшной становится утопія эта при воспоминаніи о тогдашнихъ общественныхъ отношеніяхъ Россіи. Положимъ, наши городскіе депутаты горько жаловались въ Коммиссіи на полицію; но уже на земскихъ соборахъ Московскаго государства „излюбленные“ русскіе люди столь же горько жаловались на нестерпимую московскую волокиту. Отъ этихъ жалобъ, какъ отъ земли до неба, далеко было до коренного общественнаго переустройства. Положимъ также, что нашъ „средній родъ людей“ ссылался на Петровскую реформу, завидовалъ „счастливому“ купечеству Запада и напоминалъ правительству, до какой степени коммерція нуждается въ свободѣ. Однако, онъ не только не стремился къ устраненію крѣпостнической основы нашего народнаго хозяйства, но прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы упрочить эту основу, возстановивъ ее во всей ея старинной широтѣ. Его еще не коснулось могучее движеніе революціонной французской мысли. Его депутаты въ Коммиссіи лишь съ трудомъ вникали въ разсужденія, опиравшіяся на общіе принципы. У нихъ не было ни привычки, ни охоты подниматься въ область теоріи. Ихъ мысль всегда оставалась узко практичной. Отвѣчая на одно изъ выступленій кн. Щербатова, депутатъ отъ г. Тихвина С. Солодовниковъ замѣтилъ, что князь „очень рѣдко основывается на прежнихъ узаконеніяхъ и эти (т. е. свои. *Г. П.*) мнѣнія онъ подкрѣпляетъ весьма разумными разсужденіями, которыми онъ отмѣнно одаренъ отъ Бога“. Въ устахъ тихвинскаго депутата это былъ упрекъ! И въ этомъ упрекѣ ярко выражается консервативный характеръ купеческаго мышленія. Но еще болѣе характерно, что ко мнѣнію Солодовникова „присоединилось“ много депутатовъ отъ городовъ [1]).

[1]) Сборникъ И. Р. И. общ., т. VIII, стр. 152—155.

Дворянскіе депутаты обнаружили въ Коммиссіи нѣсколько большую привычку къ теоретическому мышленію. Но мы видѣли, что практическія стремленія дворянства были прямо противоположны практическимъ выводамъ передовой французской философіи. На тогдашней стадіи нашего общественно-экономическаго развитія названные выводы могли быть усвоены только небольшой горстью отдѣльныхъ лицъ. Разумѣется, тѣмъ хуже было для этой горсти...

Глава IX.

Вопросъ объ отношеніи Россіи къ Западу во второй половинѣ XVIII вѣка.

I.

Если бы какой-нибудь древній писатель,—скажемъ, Цицеронъ,—воскресъ въ эпоху Возрожденія, то въ его умѣ естественно возникъ бы вопросъ: къ чему приведетъ стремленіе новыхъ народовъ Европы усвоить себѣ античную культуру? Подобный этому вопросъ возникалъ у мыслящихъ людей Франціи и другихъ передовыхъ странъ при видѣ начавшихся со времени Петра I попытокъ перенести въ Россію плоды западно-европейскаго просвѣщенія. И само собою понятно, что мыслящіе люди Запада рѣшали его сообразно съ общимъ характеромъ своего взгляда на движущія силы культурнаго развитія.

Просвѣтители XVIII столѣтія полагали, что свойственный данному народу образъ мыслей,—„opinion“, мнѣніе, какъ выражались они,—служитъ самой главной, глубже всѣхъ другихъ лежащей, причиной его историческаго движенія. Этотъ идеалистическій взглядъ на исторію нашелъ себѣ наиболѣе полное и яркое выраженіе въ знаменитомъ „Essai sur les moeurs et l'esprit des nations“ Вольтера [1]).

Считая „мнѣніе“ главнымъ двигателемъ прогресса, Вольтеръ признавалъ великихъ людей,—особенно тѣхъ изъ нихъ, которые обладали политической властью,—самыми вліятельными его представителями. Можно даже сказать, что эти люди, къ числу которыхъ отнесены въ „Essai sur les moeurs“ Миносъ, Залевкъ, Моисей, Магометъ и проч., и проч., были въ глазахъ Вольтера не только наиболѣе вліятельными представителями „мнѣнія“, но и его создателями. Дѣйствуя на исторической сценѣ въ роли основателей религіозныхъ ученій, учителей нравственности, законодателей и вообще руководителей народной массы, великіе люди направляли ходъ исторіи въ ту или въ другую сторону.

---

[1]) Въ окончательномъ своемъ видѣ этотъ „Опытъ“ появился въ 1769 г.

Вольтеръ не былъ бы просвѣтителемъ, если бы не держался того убѣжденія, что историческая работа великихъ людей становится особенно плодотворной въ тѣхъ случаяхъ, когда они пользуются своими талантами и своей властью для распространенія просвѣщенія[1]). Онъ осыпалъ похвалами Петра I за совершенную имъ реформу. И, конечно, далеко не все въ этихъ похвалахъ можетъ быть отнесено на счетъ желанія сказать пріятное тогдашнимъ носителямъ верховной власти въ Россіи.

Вопросъ объ отношеніи Россіи къ Западу заключалъ въ себѣ собственно два вопроса: 1) Способна ли и если—да, то въ какой мѣрѣ способна Россія усвоить себѣ западно-европейскую цивилизацію? 2) Желательно ли такое усвоеніе? И оба эти вопроса, такъ сильно привлекавшіе къ себѣ вниманіе нашей интеллигенціи XIX столѣтія, были поставлены уже въ XVIII вѣкѣ.

Ж.-Ж. Руссо, какъ извѣстно, состоявшій при особомъ мнѣніи на счетъ той пользы, которую принесла людямъ цивилизація, высказалъ въ своемъ „Contrat Social“ [2]) ту странную мысль, что ко времени Петра I русскій народъ еще не созрѣлъ для усвоенія себѣ плодовъ цивилизаціи, и потому его слѣдовало не цивилизовать, а лишь пріучать къ военнымъ дѣйствіямъ. Но такъ какъ Петръ поступилъ наоборотъ, то, заключалъ Руссо, русскіе никогда не сдѣлаются дѣйствительно цивилизованными (les russes ne seront jamais vraiment policés).

Фернейскій патріархъ рѣшительно и рѣзко отвергъ эту мысль Руссо. По его словамъ, удивительные успѣхи, достигнутые Екатериной II и русскимъ народомъ, „служатъ достаточнымъ доказательствомъ того, что Петръ Великій строилъ на твердой и прочной основѣ“. Больше того. Послѣ Магомета Петръ былъ тѣмъ законодателемъ, преобразовательная дѣятельность котораго ознаменовалась, думалъ Вольтеръ, наибольшимъ успѣхомъ [3]).

Но если авторъ „Essai sur les moeurs“ считалъ дѣятельность Петра весьма плодотворной, то это не мѣшало ему смотрѣть на нее, какъ на рѣдкую историческую случайность. Вѣроятность появленія въ Москвѣ такого царя, какъ Петръ I, была совсѣмъ ничтожна. Между тѣмъ онъ все-таки явился. Вообще великіе успѣхи въ исторіи человѣчества представляютъ собою, по мнѣнію Вольтера, не болѣе какъ случайный подарокъ судьбы. Нужно было поразительное число различныхъ комбинацій и вѣковъ

---

[1]) „J'appelle grands hommes tous ceux qui ont excellé dans l'utile ou l'agréable,—говорилъ Вольтеръ,—Les saccageurs de provinces ne sont que héros“.

[2]) Livre II, chapitre VIII.

[3]) Histoire de Russie; въ Oeuvres complètes de Voltaire. édit. du journal le Siècle, t. V, p. 67; ср. письма Вольтера къ Шувалову отъ 1757 и 1758 гг.

прежде, чѣмъ природа породила того человѣка, который изобрѣлъ соху, и того, который придумалъ ткацкое искусство. Точно такъ же теперь есть въ Африкѣ обширныя страны, имѣющія нужду въ царѣ Петрѣ. Можетъ быть, онъ явится тамъ черезъ милліонъ лѣтъ, такъ какъ,—прибавляетъ Вольтеръ,—все является слишкомъ поздно [1]).

Вдумаемся въ эти его соображенія.

Если, какъ сказалъ онъ, возражая Руссо, Петръ I строилъ на основѣ, отличавшейся исключительной твердостью и прочностью, то ясно, что преобразованіе, имъ совершенное, вполнѣ подготовлено было предыдущимъ ходомъ развитія московскаго государства. А если это такъ, то не менѣе очевидно, что вѣроятность появленія въ Москвѣ царя-преобразователя совсѣмъ не была ничтожной, какъ это утверждалъ Вольтеръ. И наоборотъ. Если въ самомъ дѣлѣ ничтожна была эта вѣроятность, то не откуда было взяться и той, исключительной по своей твердости и прочности, основѣ, на которую оперлась, по словамъ того же Вольтера, совершенная Петромъ реформа. Авторъ „Исторіи Петра Великаго“ не замѣтилъ этого своего противорѣчія.

Утвержденіе, относящееся у Вольтера къ исключительной прочности той основы, на которой возводилъ Петръ I зданіе своей реформы, очевидно, подсказано было ему сочувствіемъ к этой реформѣ, совершенно понятнымъ въ просвѣтителѣ, къ тому же взявшемъ на себя роль ея историка. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что просвѣтители XVIII вѣка очень мало склонны были подвергать анализу историческія условія, подготовлявшія появленіе великихъ людей и опредѣлявшія собою успѣшность ихъ начинаній.

Съ точки зрѣнія историческаго идеализма, поступательное движеніе общества представлялось результатомъ сознательной человѣческой дѣятельности. А сознательная человѣческая дѣятельность людей, въ свою очередь, представляется, какъ это правильно замѣтилъ Шеллингъ, свободной и потому не подлежащей научному анализу. Этому анализу подлежатъ только необходимые процессы. Но тамъ, гдѣ отсутствуетъ необходимость, нѣтъ закономѣрности, вслѣдствіе чего тамъ остается апеллировать лишь къ случайности. Мы видѣли, что именно такъ и поступалъ Вольтеръ, объявившій появленіе царя-преобразователя дѣломъ крайне рѣдкаго случая [2]). Противо-

[1]) Anecdotes sur Pierre le Grand, Oeuvres, тотъ же томъ, стр. 139.

[2]) Изъ главы CXC его „Essai sur les moeurs“ ясно видно, что въ жизни Московскаго государства совершенно отсутствовали, по мнѣнію Вольтера, условія, которыя объясняли бы появленіе Петра.

рѣчіе, въ которое попалъ онъ, говоря о Петрѣ, хотя, конечно, вовсе не разрѣшается, но зато вполнѣ объясняется идеалистическимъ взглядомъ его на исторію.

Въ этомъ взглядѣ на исторію было много пессимизма. Если упованія прогрессистовъ могутъ пріурочиваться лишь къ исторической случайности, и если счастливая историческая случайность представляетъ собою нѣчто весьма рѣдкое,—вспомнимъ тѣ „милліоны лѣтъ", о которыхъ говорилъ Вольтеръ,—то дѣло прогресса есть очень мало надежное дѣло. И кто знакомъ съ просвѣтительной литературой XVIII вѣка, тотъ знаетъ, какъ часто слышались пессимистическія ноты въ разсужденіяхъ даже наиболѣе оптимистически настроенныхъ просвѣтителей. Можетъ, пожалуй, показаться непонятнымъ, откуда вообще бралось оптимистическое настроеніе у прогрессистовъ, которые могли разсчитывать только на крайне рѣдкую въ исторіи счастливую случайность. Но это настроеніе объясняется прежде всего свойственной просвѣтителямъ XVIII вѣка отвлеченной вѣрой въ непреодолимую силу разума. Тотъ же Вольтеръ, который ворчалъ, что въ исторіи все является слишкомъ поздно, успокоительно говаривалъ: „La raison finit toujours par avoir raison" [1]). Кромѣ того, если просвѣтители думали, что великіе люди являются въ исторіи, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко, то, съ другой стороны, они приписывали имъ почти безпредѣльную способность совершать благодѣтельныя общественныя преобразованія. Они часто говорили, что законодатель все можетъ. А если законодатель все можетъ, то хотя и рѣдко появляются въ исторіи великіе законодатели-прогрессисты, но все-таки можно надѣяться на воплощеніе въ жизнь разумныхъ идей. Еще позволительнѣе было ожидать торжества этихъ идей въ такую эпоху, когда просвѣтительная литература имѣла огромный успѣхъ во всей Европѣ, и когда просвѣтителямъ казалось, что, дѣйствительно, la raison commençait à avoir raison.

Прогрессистъ, имѣющій законодательную власть, можетъ сдѣлать на пользу прогресса все, что захочетъ: это только частный случай того общаго теоретическаго положенія, что законодатель все можетъ. Но какъ ни твердо убѣждены были просвѣтители въ правильности этого общаго теоретическаго положенія, они понимали, однако, что, если бы на западѣ Европы, напримѣръ, во Франціи, появился король, который захотѣлъ бы осуществить требованіе освободительной философіи, онъ натолкнулся бы на сильное сопротивленіе со стороны привилегированныхъ со-

[1]) Въ концѣ-концовъ разумъ всегда оказывается правымъ.

словій. Это было для нихъ очевидно. Выходило, стало быть, что тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о передовыхъ странахъ, необходимо внести весьма важную поправку въ общее теоретическое положеніе, гласившее: законодатель все можетъ. Но когда поднимался вопросъ объ отсталыхъ странахъ, тогда просвѣтителямъ казалось, что въ этой поправкѣ нѣтъ никакой надобности. И они были очень довольны этимъ.

Вотъ примѣръ. Въ запискѣ, поданной имъ Екатеринѣ II и озаглавленной: „Essai historique sur la Police", Дидро говорилъ, что во Франціи никогда не будетъ новаго уложенія, такъ какъ существующее въ ней законодательство тѣсно связано съ интересами частныхъ лицъ. „Кто вознамѣрился бы низвергнуть это колоссальное чудовище, тотъ поколебалъ бы всѣ имущественныя отношенія (toutes les propriétés)... Дурныя, а въ особенности старыя учрежденія представляютъ собою почти непреодолимое препятствіе для хорошихъ" [1]). Совсѣмъ иное въ Россіи. Въ ней, „къ счастью, Ваше Императорское Величество все можетъ и, къ еще большему счастью, оно ничего не хочетъ, кромѣ хорошаго" [2]). Дидро думалъ, что въ Россіи не было старыхъ и въ особенности дурныхъ учрежденій, которыя могли бы помѣшать Екатеринѣ осуществить истины, изложенныя ею въ своемъ Наказѣ и, по ея собственному выраженію, „награбленныя" ею у французскихъ просвѣтителей, точнѣе—у наиболѣе умѣренныхъ изъ нихъ. Крайне обрадованный отсутствіемъ въ Россіи непреодолимыхъ препятствій для осуществленія самыхъ лучшихъ законодательныхъ намѣреній, Дидро восклицалъ: „Какъ счастливъ народъ, у котораго ничего не сдѣлано. (Qu'un peuple est heureux lorsqu'il n'y a rien de fait chez lui!") [3]).

Мы знаемъ, что на самомъ дѣлѣ очень много было у насъ такихъ учрежденій, которыя помѣшали бы Екатеринѣ II воплотить въ жизнь требованія французскихъ просвѣтителей... даже, если бы она серьезно собиралась воплощать ихъ. Но убѣжденіе Дидро и многихъ другихъ современныхъ ему иностранныхъ прогрессистовъ въ томъ, что отсталость нашей страны даетъ ей счастливую возможность съ гораздо большею легкостью осуществлять практическія требованія разума, часто раздѣлялось и такими лицами, которыя, живя и дѣйствуя въ Россіи, казалось бы, должны были видѣть, что предшествовавшій ходъ развитія „сдѣлалъ" у насъ очень много, хотя, конечно, вовсе не въ же-

---

[1]) Maurice Tourneux, Diderot et Catherine II, p. 45, 46.

[2]) Тамъ же, стр. 106.

[3]) Тамъ же, стр. 95.

лательномъ для прогрессистовъ смыслѣ. Екатерина писала Вольтеру: „Я должна отдать справедливость своему народу: это превосходная почва, на которой хорошее сѣмя быстро возрастаетъ; но намъ также нужны аксіомы, неоспоримо признанныя за истинныя". Тутъ передъ нами лишь варіація на пріятную для западныхъ просвѣтителей тему о томъ, какъ легко разуму одерживать великія практическія побѣды въ отсталыхъ странахъ. Конечно, говоря объ Екатеринѣ, мы имѣемъ полное право не довѣрять ея искренности. Кромѣ того, она сама была иностранкой въ Россіи. Но въ данномъ вопросѣ съ нею, т. е., вѣрнѣе, съ западными просвѣтителями, ею „ограбленными", сходились многіе и многіе представители тогдашней русской интеллигенціи.

Въ письмѣ къ Я. И. Булгакову изъ Монпелье отъ $\frac{\text{25 января}}{\text{5 февраля}}$ 1778 г. Фонъ-Визинъ писалъ: „Если здѣсь прежде насъ жить начали, то, по крайней мѣрѣ, мы, начиная жить, можемъ дать себѣ такую форму, какую хотимъ, и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которыя здѣсь вкоренились. Nous commençons et ils finissent. Я думаю, что тотъ, кто родится, счастливѣе того, кто умираетъ" [1]).

Фонъ-Визинъ разсуждалъ здѣсь, какъ идеалистъ, убѣжденный въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, отсталые народы руководствуются въ выборѣ „формъ" своего послѣдующаго развитія преимущественно, если не исключительно, своимъ „мнѣніемъ". И въ этомъ его разсужденіи заключались зародыши двухъ, прямо противоположныхъ одинъ другому взглядовъ, такъ часто и такъ глубоко сталкивавшихся у насъ между собою въ XIX столѣтіи. Та мысль, что мы родимся въ то время, когда Западъ умираетъ, получила роскошное развитіе въ разглагольствованіяхъ С. Шевырева о томъ, что, поддерживая сношенія съ Западной Европой, Россія имѣетъ дѣло съ гніющимъ трупомъ. Что же касается будто бы находящейся въ распоряженіи русскаго народа счастливой возможности дать себѣ любую „форму", то наши западники указывали на нее по меньшей мѣрѣ такъ же часто, какъ и славянофилы. Если И. С. Аксаковъ благословлялъ счастливую отсталость Россіи, то наши „субъективисты" (Н. К. Михайловскій) и народники (А. И. Герценъ, землевольцы 70 гг., Юзовъ, В. В. и другіе) настойчиво доказывали, что Россія можетъ,—и, въ виду печальнаго опыта Западной Европы, должна,—миновать капиталистическую форму развитія и сразу перескочить въ—соціалистическую. Такимъ образомъ,

---

[1]) Сочиненія, письма и т. д. Фонъ-Визина, СПБ., 1866 г., стр. 272—273.

авторъ „Бригадира“ и „Недоросля“ замѣчателенъ въ исторіи нашего умственнаго развитія, между прочимъ, тѣмъ, что первый изъ нашихъ писателей далъ видъ общей „формулы прогресса“, одной изъ теоретическихъ ошибокъ, усвоенныхъ, русской интеллигенціей XVIII столѣтія отъ современныхъ ей великихъ французскихъ просвѣтителей.

II.

Ошибка эта коренилась въ идеалистическомъ взглядѣ на исторію. Но хотя французскіе просвѣтители являлись идеалистами въ своемъ объясненіи историческаго процесса, они, въ теоретической основѣ своего міросозерцанія, были гораздо ближе къ матеріалистамъ. Нѣкоторые изъ нихъ не безъ успѣха потрудились надъ разработкой и распространеніемъ матеріалистическаго ученія. Французская матеріалистическая литература XVIII вѣка по всей справедливости считается классической въ своемъ родѣ. И вполнѣ понятно, что близкое родство просвѣтительныхъ взглядовъ XVIII в. съ матеріализмомъ должно было оказывать извѣстное вліяніе даже на ихъ историческія разсужденія, въ общемъ пропитанныя идеалистическимъ духомъ.

Тогдашніе французскіе матеріалисты утверждали, что вся психическая дѣятельность человѣка есть не болѣе, какъ видоизмѣненіе ощущеній „sensations transformées“. А такъ какъ они,—именно потому, что были матеріалистами,—ни мало не сомнѣвались въ томъ, что ощущеніе есть результатъ воздѣйствія на живой организмъ окружающей его матеріальной среды, то имъ естественно было смотрѣть, какъ на результатъ такого воздѣйствія, также и на нравственныя чувства, эстетическіе вкусы, научныя понятія, короче,—и на „мнѣніе“ людей. Они такъ и смотрѣли на него. Въ своихъ сочиненіяхъ они безъ устали повторяли, что взгляды и чувства человѣка опредѣляются, во-первыхъ, географической средой, а во-вторыхъ,—средой общественной. Но утверждать это значитъ въ корнѣ отрицать ту основную теорему историческаго идеализма, по смыслу которой „міромъ правитъ мнѣніе“. Общее міросозерцаніе просвѣтителей, болѣе или менѣе ярко окрашенное въ цвѣтъ матеріализма, расходилось съ ихъ идеалистическимъ взглядомъ на исторію.

Не будучи въ состояніи устранить это коренное противорѣчіе и даже рѣдко его замѣчая, они неизбѣжно попадали во многія второстепенныя противорѣчія. Разсматривать здѣсь эти послѣднія

было бы, разумѣется, неумѣстно [1]). Однако намъ нельзя оставить здѣсь безъ вниманія нѣкоторые элементы матеріализма, проникшіе въ историческіе взгляды французскихъ просвѣтителей и оказавшіе извѣстное вліяніе на развитіе русской общественной мысли.

Прежде всего я отмѣчу взглядъ, заимствованный французскими теоретиками,—напримѣръ Бодэномъ, а послѣ него Монтескье,—у нѣкоторыхъ писателей классической древности и объяснявшій дѣйствіемъ климата всѣ главнѣйшія особенности характера даннаго народа и свойственнаго ему общественнаго строя: при одномъ климатѣ возможны только большія деспотическія государства, при другомъ—только республики въ родѣ древнихъ греческихъ и такъ далѣе.

Этотъ взглядъ, несомнѣнно, имѣетъ матеріалистическій характеръ. Онъ діаметрально противоположенъ основному положенію историческаго идеализма: если, подъ вліяніемъ климата, аѳиняне дорожили политической свободой, а восточные народы предпочитали деспотизмъ, то совершенно очевидно, что „мнѣніе“ не только не правитъ міромъ, но само опредѣляется чисто физической причиной [2]). Но это матеріалистическое положеніе есть не болѣе, какъ первая и совсѣмъ неудачная попытка внести понятіе необходимости, а, слѣдовательно, и закономѣрности въ объясненіе историческаго процесса.

Какъ уже говорено было во введеніи, географическая среда оказываетъ огромное вліяніе на развитіе человѣческихъ обществъ. Но она вліяетъ на него не тѣмъ, что такъ или иначе опредѣляетъ собою физіологическіе процессы, отъ которыхъ будто бы зависятъ общественные и политическіе взгляды людей, а тѣмъ, что даетъ большій или меньшій просторъ развитію производительныхъ силъ, находящихся въ распоряженіи даннаго человѣческаго общества. Состояніемъ этихъ силъ опредѣляется характеръ общественныхъ отношеній. Разъ возникнувъ, данныя общественныя отношенія развиваются уже по своимъ собственнымъ законамъ. Такимъ образомъ, общественный человѣкъ зависитъ отъ „климата“ не непосредственно,—какъ думали сторонники разбираемаго мною положенія, а только посредственно: „климатъ“ вліяетъ на него черезъ посредство общественныхъ отношеній, возникающихъ на основѣ производительныхъ силъ, развитіе которыхъ замедляется или ускоряется свойствами данной географической среды.

---

[1]) Они указаны мною въ первой главѣ моей книги „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ („Французскій матеріализмъ XVIII вѣка“).

[2]) Опредѣляется—черезъ посредство нѣкоторыхъ физіологическихъ процессовъ, понимавшихся тогда крайне наивно.

Совершенно упуская это изъ виду, защитники теоріи „климата“ немедленно возвращались къ тому историческому идеализму, на смѣну котораго они выдвигали эту теорію.

Допустимъ, что политическое свободолюбіе древнихъ грековъ дѣйствительно явилось слѣдствіемъ вліянія климата на физіологическіе процессы, происходившіе въ ихъ организмахъ. Разъ это признано, политическій строй древнихъ греческихъ республикъ представляется непосредственнымъ результатомъ „мнѣнія“, т. е. политическихъ идей и стремленій, порожденныхъ вліяніемъ „климата“. Такимъ образомъ, на мѣсто матеріализма опять является уже знакомый намъ историческій идеализмъ. Въ глазахъ просвѣтителей, очень сильно расположенныхъ къ этому послѣднему, его возвращеніе, конечно, не могло компрометтировать теорію историческаго дѣйствія „климата“. Но въ этой теоріи былъ недостатокъ, замѣтный и для просвѣтителей: она оставляла необъясненнымъ какъ разъ то, что требовалось объяснить: процессъ историческаго движенія.

Уже Вольтеръ, возражая Монтескье, говорилъ, что въ данной географической средѣ, не подвергающейся никакимъ существеннымъ измѣненіямъ, могутъ произойти съ теченіемъ времени существенныя измѣненія общественнаго и политическаго строя. Онъ былъ совершенно правъ, когда выводилъ отсюда, что измѣненія эти не могутъ быть объяснены дѣйствіемъ „климата“. Сдѣлавъ такой выводъ и отклонивъ ученіе о „климатѣ“, онъ выдвигалъ все ту же, такъ хорошо знакомую намъ, идеалистическую теорію „мнѣнія“, какъ глубочайшей причины историческаго процесса. Однако, уже въ его „Essai sur les moeurs“, мы находимъ интересное указаніе на огромное историческое значеніе нѣкоторыхъ техническихъ открытій. Такъ, по его словамъ, порохъ все измѣнилъ въ мірѣ (a tout changé dans le monde). Но дѣйствіе пороха не есть дѣйствіе „мнѣнія“. Это— дѣйствіе причины, принадлежащей къ числу той категоріи явленій, которую мы называемъ ростомъ общественныхъ производительныхъ силъ. У другихъ французскихъ просвѣтителей подобныя указанія встрѣчаются еще чаще. Гельвецій сдѣлалъ въ высшей степени интересную попытку объяснить ходъ развитія общественной психологіи тѣмъ ходомъ развитія общественныхъ отношеній, который, въ свою очередь, объяснялся бы измѣненіемъ пріемовъ, употребляемыхъ общественнымъ человѣкомъ въ борьбѣ за свое существованіе. Эта замѣчательная попытка оказалась, говоря вообще, неудачной, да, по обстоятельствамъ того времени, и не могла быть иною. Но въ ней, во всякомъ случаѣ, имѣлось несравненно больше научнаго содержанія, нежели въ

объясненіи историческихъ судебъ народовъ дѣйствіемъ „климата“. Она представляетъ собою весьма достойный вниманія зачатокъ того матеріалистическаго объясненія исторіи, къ которому въ половинѣ XIX вѣка пришли Марксъ и Энгельсъ. Она замѣчательна также правильнымъ пониманіемъ роли третьяго сословія въ ходѣ развитія западно-европейскаго общества. Само по себѣ, пониманіе это не представляетъ собою ничего удивительнаго въ виду того, что просвѣтители были идеологами именно этого сословія: мы знаемъ, въ какихъ, прежде неслыханныхъ, выраженіяхъ говорилось о трудящейся массѣ въ объявленіи объ изданіи Энциклопедіи. Но здѣсь для насъ важно то, что наличность указаннаго пониманія помогала французскимъ просвѣтителямъ разбираться въ вопросѣ объ отношеніи начавшей европеизоваться Россіи къ передовымъ странамъ Запада. Для примѣра укажу на Г. Т. Рэйналя, знаменитое нѣкогда сочиненіе котораго „Histoire philosophique et politique des 'Etablissements et du commerce des Européens dans les deux Indes“ жадно читалось передовой русской интеллигенціей.

По Рэйналю, ходъ развитія культуры обусловливается ходомъ развитія торговли. „Народы, цивилизовавшіе всѣ другіе,—утверждалъ онъ,—были торговыми народами“. Но торговлей занимается именно третье сословіе. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно не развито, нѣтъ ни техническихъ искусствъ, ни нравственности, ни просвѣщенія. Въ Россіи оно отсутствуетъ. Въ этомъ состоитъ ея самое главное отличіе отъ передовыхъ странъ Западной Европы. И пока третье сословіе не появится въ этой странѣ, Петровская реформа останется лишь очень мало плодотворной. „Русскій дворъ будетъ дѣлать безполезныя усилія просвѣтить свой народъ, отовсюду призывая знаменитыхъ людей,—говоритъ Рэйналь.—Эти экзотическія растенія будутъ чахнуть, какъ чахнутъ иноземные цвѣты въ нашихъ теплицахъ. Безъ пользы станутъ заводить въ Петербургѣ академіи и школы; безъ пользы будутъ посылать русскихъ молодыхъ людей учиться у лучшихъ мастеровъ Рима и Парижа. Возвратившись изъ своего путешествія и приспособляясь къ тѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ, въ которыхъ имъ придется искать себѣ средствъ къ жизни, эти молодые люди вынуждены будутъ оставить безъ употребленія (abandonner) свои таланты“ [1]).

Всегда и вездѣ слѣдуетъ начинать съ начала, а началомъ можетъ въ данномъ случаѣ послужить только развитіе въ Россіи производительныхъ силъ, для котораго необходимо постепенное

---

[1]) Назв. соч., Женевское изд. 1780 г., т. III, стр. 176.

уничтоженіе крѣпостного права. „Научитесь воздѣлывать землю,— продолжалъ Рэйналь,—обрабатывать кожи, фабриковать шерстяныя издѣлія, и у васъ быстро выдвинутся богатыя семьи. Въ этихъ семьяхъ народятся дѣти, которыя, наскучивъ тяжелымъ занятіемъ своихъ отцовъ, примутся размышлять, спорить, сочинять стихи (Рэйналь говоритъ: „сочетать слоги", arranger des syllabes), подражать природѣ; и тогда вы будете имѣть поэтовъ, философовъ, ораторовъ, ваятелей и живописцевъ. Ихъ произведенія сдѣлаются необходимыми для людей, обладающихъ избыткомъ, и тѣ станутъ покупать ихъ" [1]). Такимъ образомъ, возникновеніе въ Россіи третьяго сословія естественно повлечетъ за собою развитіе въ ней искусствъ, наукъ и вообще просвѣщенія.

Какъ уже сказано, Рэйналь считалъ необходимымъ условіемъ развитія у насъ производительныхъ силъ постепенное уничтоженіе крѣпостного права. Скажу больше. У него рѣчь идетъ вообще объ устраненіи того гнета, который давилъ, по его словамъ, всѣхъ жителей нашей страны. Рэйналь нарисовалъ мрачную картину всеобщаго порабощенія въ Россіи и провозгласилъ, что невозможно осчастливить русскій народъ, не измѣнивъ предварительно форму нашего правительства (la forme du gouvernement) [2]).

При такомъ ходѣ его разсужденій оставалось неяснымъ только одно: кто же можетъ измѣнить существующій политическій порядокъ въ такой странѣ, гдѣ всѣ порабощены и гдѣ отсутствуетъ третье сословіе, безъ котораго немыслимо просвѣщеніе, а стало быть и появленіе людей, стремящихся къ политической свободѣ. На этотъ вопросъ невозможно было найти серьезный отвѣтъ въ тогдашнихъ условіяхъ русской общественной жизни. И не только въ тогдашнихъ. Въ слѣдующихъ томахъ мы увидимъ, какъ долго и мучительно бились надъ нимъ свободомыслящіе русскіе люди XIX столѣтія. Но просвѣтители безъ большого труда рѣшали его путемъ апелляціи къ „просвѣщеннымъ государямъ" (princes éclairés). Въ Россіи, какъ и во всякой другой деспотической странѣ, можетъ, думали они, явится государь, до такой степени просвѣщенный, что ему захочется употребить свою деспотическую власть для уничтоженія... деспотизма. Имъ казалось порою, что Екатерина II хочетъ взять на себя роль подобнаго государя. Извѣстно, какъ усиленно склонялъ ее къ этому благородный Дидро. Рэйналь, повидимому, тоже возлагалъ на нее

---

[1]) Тамъ же, стр. 177.

[2]) Тамъ же, стр. 168.

большія упованія [1]). Кромѣ того, когда онъ говорилъ, что нельзя осчастливить русскій народъ, не измѣнивъ предварительно формы нашего правительства, онъ имѣлъ въ виду не столько нашъ политическій строй, сколько нашъ способъ управленія. Онъ настоятельно совѣтовалъ смягчить этотъ способъ, но вообще былъ доволенъ просвѣщеннымъ деспотизмомъ Екатерины II. И эта его апелляція отъ деспотизма къ обладательницѣ деспотической власти переносила его съ той матеріалистической позиціи, которую занялъ онъ, распространяясь о роли третьяго сословія въ дѣлѣ развитія просвѣщенія, на привычную для писателей XVIII вѣка почву чисто идеалистической философіи исторіи.

III.

Въ критическихъ замѣчаніяхъ Маркса о философіи Фейербаха, набросанныхъ весною 1845 г., есть мѣсто, которое небезполезно будетъ припомнить по поводу только что изложенныхъ мною разсужденій Рэйналя.

Марксъ писалъ: „Матеріалистическое ученіе о томъ, что люди представляютъ собою продуктъ обстоятельствъ и воспитанія, и что, слѣдовательно, измѣнившіеся люди являются продуктомъ измѣнившихся обстоятельствъ и другого воспитанія, — забываетъ, что обстоятельства измѣняются именно людьми, и что воспитатель самъ долженъ быть воспитанъ. Оно необходимо приводитъ поэтому къ раздѣленію общества на двѣ части, изъ которыхъ одна стоитъ надъ обществомъ“ [2]). Для примѣра Марксъ указывалъ на ученіе Роберта Оуэна, которое въ своей теоретической основѣ дѣйствительно было вполнѣ матеріалистическимъ. Но матеріализмъ знаменитаго англійскаго соціалиста-утописта былъ именно матеріализмомъ XVIII вѣка, мирно уживавшимся съ идеалистическимъ взглядомъ на исторію. Р. Оуэнъ, подобно огромному большинству соціалистовъ-утопистовъ, надѣялся, что правительства современныхъ ему цивилизованныхъ странъ, понявъ свою истинную выгоду, пожелаютъ заняться организаціей коммунистическаго общества и воспитаніемъ своихъ подданныхъ для жизни и дѣятельности въ немъ. Онъ упускалъ изъ виду, что „воспитатель самъ долженъ быть воспитанъ“, и что правители, къ которымъ онъ обращался, сами воспитывались при такихъ общественныхъ усло-

---

[1]) Существуетъ извѣстіе, что въ 3-мъ изданіи сочиненія Рэйналя многія страницы принадлежали Дидро.

[2]) См. мой переводъ извѣстной брошюры Энгельса: Людвигъ Фейербахъ.

віяхъ, какія рѣшительно не могли сдѣлать изъ нихъ друзей коммунизма.

Эту ошибку гораздо раньше дѣлали его учителя: французскіе матеріалисты и вообще просвѣтители. Мы сейчасъ видѣли, что она была сдѣлана Рэйналемъ въ его интересныхъ соображеніяхъ о возможной судьбѣ западно-европейскаго просвѣщенія въ преобразованной Петромъ Россіи. Отъ французскихъ просвѣтителей она прямымъ путемъ перешла къ передовой русской интеллигенціи. Фонъ-Визинъ повторилъ ее, сказавъ, что Россія можетъ выбрать для себя любую „форму". Ея избѣжали у насъ только тѣ матеріалисты, которымъ, въ ихъ разсужденіяхъ о будущемъ нашей страны, удалось избѣжать всякого вліянія историческаго идеализма. Такими были нѣкоторые (не всѣ) „русскіе ученики" Маркса. Но еще значительно раньше ихъ такимъ выступилъ В. Г. Бѣлинскій въ извѣстномъ письмѣ своемъ, гдѣ онъ утверждалъ, что Россія будетъ въ состояніи сдѣлать серьезный шагъ на пути прогресса только тогда, когда въ ней разовьется буржуазія. Бѣлинскому не приходило въ голову требовать, чтобы правительство Николая I сознательно принялось служить такой экономической политикѣ, которая, содѣйствуя развитію русскаго капитализма, вывела бы, наконецъ, Россію изъ мертвой точки политическаго застоя. А Рэйналь требовалъ этого отъ правительства Екатерины II. Тутъ между ними большая разница. Но если отвлечься отъ этой разницы, то придется признать, что какъ во взглядѣ Рэйналя, такъ и во взглядѣ Бѣлинскаго и въ соотвѣствующемъ взглядѣ „русскихъ учениковъ Маркса" было много общаго. И у Рэйналя, и у Бѣлинскаго, и у „русскихъ учениковъ" Маркса будущая судьба нашего прогресса ставилась въ самую тѣсную причинную связь съ будущимъ ходомъ русскаго экономическаго развитія. А это значитъ вотъ что.

Фонъ-Визинъ, субъективисты и легальные народники, полагавшіе, что Россія можетъ, не въ примѣръ Западу, выбрать для себя „любую форму" дальнѣйшаго развитія, разсуждали въ духѣ того, въ большой степени свойственнаго міросозерцанію просвѣтителей, идеалистическаго элемента, подъ вліяніемъ котораго Дидро могъ,—въ цитированной выше запискѣ,—радоваться отсталости Россіи, а Рэйналь могъ пріурочивать всю будущность русскаго прогресса къ просвѣщенному деспотизму сѣверной Семирамиды. И наоборотъ. Бѣлинскій и „русскіе ученики" Маркса, утверждавшіе, что дѣло русскаго прогресса будетъ имѣть подъ собою твердую почву только тогда, когда въ Россіи разовьется капитализмъ, разсуждали въ духѣ того, тоже свойственнаго міросозерцанію просвѣтителей, матеріалистиче-

скаго элемента, подъ вліяніемъ котораго энциклопедисты говорили, что чувства и взгляды человѣка опредѣляются окружающей его средой, а тотъ же Рэйналь писалъ, что ничего не выйдетъ изъ попытокъ насадить западно-европейское просвѣщеніе въ такой странѣ, гдѣ отсутствуетъ третье сословіе, составляющее главную отличительную особенность новѣйшаго западно-европейскаго общества.

Многотомный трудъ Рэйналя произвелъ большое впечатлѣніе на передовыхъ русскихъ людей послѣдней четверти XVIII вѣка. Его внимательно читалъ авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву". И, конечно, Рэйналю въ не малой мѣрѣ обязанъ былъ Радищевъ тѣмъ своимъ настроеніемъ, которое онъ выражалъ словами: „Я взглянулъ окрѣсть меня—душа моя, страданіями человѣчества уязвленна стала. Обратилъ взоры мои на внутренность мою—и узрѣлъ, что бѣдствіи человѣка происходятъ отъ человѣка и часто отъ того только, что онъ взираетъ непрямо на окружающіе его предметы". Но уже изъ этихъ словъ видно, что наиболѣе сильное впечатлѣніе Рэйналь произвелъ на Радищева не матеріалистическими замѣчаніями своими о возможной судьбѣ русскаго просвѣщенія, а общими, по правдѣ сказать, не всегда свободными отъ реторики, соображеніями о бѣдствіяхъ угнетеннаго человѣчества [1]). Вообще, матеріалистическая мысль о развитіи третьяго сословія, какъ о необходимомъ предварительномъ условіи прогрессивнаго движенія въ области идей и знаній, не привилась въ передовой русской литературѣ XVIII столѣтія.

Разумѣется, мысль эта не осталась неизвѣстной русскимъ читателямъ. Сама Екатерина обѣщала, какъ мы знаемъ, г-жѣ Жоффрэнъ завести въ Россіи третье сословіе. Въ своемъ наказѣ (§ 317) она, „грабя" французскихъ просвѣтителей, провозгласила: „Торговля оттуда удаляется, гдѣ ей дѣлаютъ притѣсненіе, и водворяется тамо, гдѣ ея спокойствія не нарушаютъ" [2]). Но законодательная дѣятельность нашей Семирамиды направлялась главнымъ образомъ на защиту интересовъ дворянства и ужъ ни въ какомъ случаѣ не была руководима заботой о томъ, чтобы обезпечить будущее торжество свободы въ Россіи.

Люди, мечтавшіе у насъ о свободѣ, были тогда, въ области общественно-историческихъ идей, идеалистами, между тѣмъ какъ на правой сторонѣ,—точнѣе въ центрѣ,—нашей тогдашней интеллигенціи мы встрѣчаемъ писателя, имѣвшаго извѣстную

---

[1]) Эти замѣчанія самъ Рэйналь называлъ hors-d'oeuvre-омъ.

[2]) Предыдущая глава показываетъ, что эту послѣднюю мысль не прочь были иногда повторить за нею депутаты отъ купечества въ законодательной комиссіи.

склонность къ историческому матеріализму. Это былъ Иванъ Никитичъ Болтинъ (1735—92.). Онъ заимствовалъ у французскихъ писателей матеріалистическое ученіе о рѣшающемъ вліяніи „климата“ на общественно-политическія отношенія.

IV.

М. О. Кояловичъ сказалъ, что И. Н. Болтина можно, не безъ нѣкотораго основанія, назвать предтечею славянофиловъ[1]). Для этого, дѣйствительно, есть нѣкоторое основаніе. Въ сочиненіяхъ автора „Примѣчаній на Леклерка“ встрѣчаются мысли, занявшія почетное мѣсто въ славянофильской теоріи. Я теперь же отмѣчу ихъ.

„О Россіи судить, примѣняяся къ другимъ государствамъ Европейскимъ, есть тожъ что сшить на рослаго человѣка платье по мѣркѣ снятой съ карлы,—писалъ Болтинъ.—Государства Европейскія, во многихъ чертахъ, довольно сходны между собою; знавши о половинѣ Европы, можно судить о другой примѣняяся къ первой, и ошибки во всеобщихъ чертахъ будетъ немного; но о Россіи судить такимъ образомъ не можно, понеже она ни въ чемъ на нихъ не похожа, а особливо въ разсужденіи физическихъ мѣстоположеній ея предѣловъ“ [2]).

Читатель самъ видитъ, что здѣсь передъ нами одно изъ главныхъ положеній славянофильства. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ оно такъ часто повторялось у насъ, что его усвоили даже западники,—напримѣръ, Бѣлинскій. И любопытно, что изъ этого общаго теоретическаго положенія Болтинъ дѣлалъ извѣстные практическіе выводы, тоже нерѣдко выдвигавшіеся славянофилами.

Признавая, что Россія ни въ чемъ не похожа на западныя страны, Болтинъ не долженъ былъ сочувственно смотрѣть на Петровскую реформу. Правда, онъ не осуждалъ ея: онъ былъ слишкомъ остороженъ и, къ тому же, слишкомъ усердно читалъ „Словарь Бейля“, чтобы рѣшиться на это. Но въ его сужденіяхъ о ней слышится неодобрительная нота. Вотъ примѣръ.

Леклеркъ сказалъ въ своей исторіи, что Московское правительство запрещало ученымъ другихъ странъ пріѣзжать въ Россію, а русскимъ ѣздить заграницу для своего просвѣщенія. На это Болтинъ возражалъ, что ученымъ другихъ странъ никогда не былъ запрещенъ пріѣздъ въ нашу страну, а что касается

---

[1]) Исторія русскаго самосознанія, третье изданіе, стр. 129.

[2]) „Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи Г. Леклерка, сочиненныя генералъ-маіоромъ Иваномъ Болтинымъ“, Спб. 1788, т. II, стр. 152—153.

отъѣзда русскихъ заграницу, то для его запрещенія было вполнѣ достаточное основаніе: чтобы извлечь пользу изъ заграничныхъ поѣздокъ, требовался „зрѣлой разумъ и утвержденіе въ отеческомъ законѣ и правахъ. Людямъ молодымъ, ненадежнаго ума и поведенія, недозволяемъ былъ выѣздъ, изъ мудрыя предосторожности, чтобъ не заразить ихъ вредными новостями".

Болтинъ утверждаетъ, что послѣдующій опытъ вполнѣ подтвердилъ правильность опасеній стараго Московскаго правительства.

„Съ тѣхъ поръ, какъ юношество свое стали мы посылать въ чужіе краи и воспитаніе ихъ ввѣрять чужестранцамъ, нравы наши совсѣмъ перемѣнилися; съ мнимымъ просвѣщеніемъ насадилися въ сердцахъ нашихъ новыя предубѣжденія, новыя страсти, слабости, прихоти, кои предкамъ нашимъ были неизвѣстны: погасла въ насъ любовь къ отечеству, истребилася привязанность къ отеческой вѣрѣ, обычаямъ и проч.; и такъ мы старое позабыли, а новаго не переняли, и ставъ непохожими на себя, не здѣлалися тѣмъ, чѣмъ быть желали" [1]).

Порчу русскихъ нравовъ подъ вліяніемъ западнаго просвѣщенія Болтинъ объяснилъ тою торопливостью, съ которой велось дѣло преобразованія: „Захотѣли здѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣки; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не здѣлавъ прежде надежнаго ему основанія" [2]).

Болтинъ оставилъ неразъясненнымъ, въ чемъ должно было состоять надежное основаніе нашего просвѣщенія. Онъ ограничился тѣмъ замѣчаніемъ, что „надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ", и что Екатерина II принимаетъ „ко исправленію поврежденнаго благонадежнѣйшія средства" [3]). Эта одобрительная ссылка на просвѣтительныя мѣры Екатерины II, которая покровительствовала Болтину и которую онъ не переставалъ осыпать похвалами,—показываетъ, какъ мало настоящаго славянофильства было во взглядахъ этого своеобразнаго Стародума, воспитавшагося на энциклопедистахъ [4]).

Замѣчаніе о томъ, что реформы, подобныя Петровской, могутъ быть совершены лишь въ теченіе „вѣковъ", даетъ намъ ясное понятіе объ его консервативномъ темпераментѣ, роднящемъ его съ нашими славянофилами XIX столѣтія. Роднило его съ ними и то, что онъ не одобрялъ перенесенія Петромъ столицы изъ Москвы въ Петроградъ. Болтинъ писалъ, что назначеніе

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 252—53.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.

Петрограда столицей русскаго государства непріятно было дворянству, равно какъ и всему русскому народу. И, по его мнѣнію, къ этому имѣлась основательная причина: „Отдаленіе отъ средоточія Государства, почва неплодная, климатъ суровый, мѣстоположеніе низкое и болотное, дороговизна хлѣба и съѣстныхъ припасовъ, кои должно привозить за нѣсколько тысячъ верстъ, отдаленіе превеликое отъ домовъ всѣхъ служащихъ вообще и проч. [1])".

Всякій согласится, что въ этихъ соображеніяхъ очень много справедливаго. Неудобства перенесенія столицы въ Петроградъ хорошо знали и наши западники XIX вѣка, часто писавшіе на тему: „Петербургъ и Москва". Но въ глазахъ западниковъ неудобства эти съ избыткомъ искупались тѣмъ, что духовная атмосфера новой столицы,—этого „окна въ Европу",—была болѣе благопріятна для дальнѣйшей европеизаціи Россіи, нежели атмосфера консервативной Москвы. Въ ихъ головахъ не возникалъ вопросъ о возвращеніи правительства въ столицу Великороссіи. Напротивъ, славянофилы кричали: пора домой! (вспомнимъ И. С. Аксакова). И въ этомъ отношеніи И. Н. Болтинъ тоже былъ ихъ предтечею.

Онъ признается, что при соображеніи всѣхъ перечисленныхъ имъ обстоятельствъ „прійдетъ мысль въ голову, безъ намѣренія прорицать будущее, что поздно или рано должно будетъ Петербургъ оставить и перенести столицу на прежнее мѣсто, или на другое, обоихъ выгоднѣйшее. Пропасть сія, всѣ сокровища государственныя пожирающая и никогда наполниться не могущая, заставитъ когда-нибудь помыслить о прекращеніи сихъ иждивеній и трудовъ отъ напрасной гибели. Что бъ была Москва, еслибъ всѣ оныя употреблены были на нея!" [2]).

Мысль о перенесеніи столицы изъ Петрограда въ Москву пріурочивалась славянофилами къ настоящему времени. Болтинъ пріурочивалъ ее къ болѣе или менѣе отдаленному будущему. Но главное различіе не въ этомъ. Оно въ томъ, что онъ охотно мирился съ перспективой перенесенія столицы изъ Петрограда не въ Москву, а въ другое мѣсто, „обоихъ выгоднѣйшее". Хотя онъ и защищалъ временами нашъ старый московскій бытъ, однако, у Болтина не было того исключительнаго, принципіальнаго пристрастія къ нему, которымъ такъ отличились въ XIX в. послѣдовательные славянофилы, и въ силу котораго Москва служила для нихъ какъ бы символомъ русскихъ „началъ", противо-

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 549.

[2]) Тамъ же.

положныхъ западно-европейскимъ. Вотъ это-то отсутствіе у Болтина принципіальнаго пристрастія къ этимъ „началамъ“ и не позволяетъ называть его, безъ очень большихъ оговорокъ, предтечею нашего славянофильства.

В. О. Ключевскій чувствовалъ необходимость такихъ оговорокъ, называя Болтина „своего рода боковымъ предкомъ славянофильства“. И онъ же мимоходомъ указалъ, почему родство Болтина со славянофилами можетъ считаться только боковымъ; по его чрезвычайно удачному замѣчанію, авторъ „Примѣчаній на Леклерка“ выступалъ, въ размышленіяхъ объ историческихъ судьбахъ Россіи, со своимъ любимымъ словаремъ Бейля въ рукахъ [1]). Къ этому надо прибавить одно: Болтинъ выступалъ также съ „Essai sur les moeurs“ Вольтера. Понятно, что славянофилы этой его склонности къ Бейлю, Вольтеру и всей вообще французской просвѣтительной литературѣ ни за что не одобрили бы [2]). Привычки ихъ мысли были совсѣмъ другія. Имъ непріятна была та разсудочность, которая свойственна была всѣмъ образованнымъ людямъ XVIII вѣка и въ частности Болтину. Вдобавокъ, онъ все-таки хотѣлъ поставить свое объясненіе историческаго процесса на матеріалистическую основу, между тѣмъ какъ славянофилы были идеалистами до конца ногтей. Наконецъ,—last not least,—у него нѣтъ и слѣда того противопоставленія славянъ другимъ народамъ Европы, которымъ такъ дорожили славянофилы. Онъ даже говорилъ, что, хотя, конечно, славяне были въ числѣ нашихъ предковъ, но они совершенно слились съ русскими,—такъ называлъ онъ соплеменниковъ Рюрика,—и потому въ нашихъ жилахъ едва ли осталась хоть капля чисто славянской крови. Такимъ образомъ, если Россія ни въ чемъ не походила, по его мнѣнію, на Западъ, то онъ объяснялъ это вовсе не племенными нашими особенностями. Да оно и понятно: для него главное дѣло было въ климатѣ, а не въ расѣ.

Въ своихъ „Примѣчаніяхъ на Леклерка“ Болтинъ говоритъ, что „нѣкоторые, любящіе попускаться въ крайности, климату болѣе надлежащаго могущества присвоили, и всѣ перемѣны въ людяхъ и государствахъ изъ него выводили; другіе, напротивъ, все отъ него отняли и оставили его безъ силы и дѣйствія“ [3]). Къ числу первыхъ онъ относилъ Монтескье („Монтескю“), къ числу вторыхъ, не совсѣмъ основательно, „Гелвеція“. Самого

---

[1]) Очерки и рѣчи, Москва, 1913, стр. 175.—Курсивъ мой.

[2]) Онъ усердно читалъ и даже переводилъ Энциклопедію.

[3]) Томъ I, стр. 5.

себя онъ причислялъ къ тѣмъ, которые держатся средней дороги, т. е. „хотя и полагаютъ климатъ первенственною причиною въ устроеніи и образованіи человѣковъ, однакожъ и другихъ содѣйствующихъ ему причинъ не отрицаютъ“. Однако, изъ дальнѣйшихъ его объясненій выходитъ, что онъ былъ какъ будто ближе къ крайнимъ сторонникамъ теоріи климата, нежели къ „Гелвецію“. Онъ утверждалъ, что климатъ имѣетъ главное вліяніе на „наши тѣла и нравы; прочія-жъ причины, яко воспитаніе, форма правленія, примѣры и проч., суть второстепенныя или побочныя: онѣ токмо содѣйствуютъ или, приличнѣе, препятствуютъ дѣйствіямъ онаго“ [1]).

Чтобы убѣдить своихъ читателей въ важномъ значеніи климата, нашъ авторъ приводитъ примѣры,—иногда очень мало достовѣрные. Растенія, перенесенныя изъ одного климата въ другой, видоизмѣняются. Овцы съ курдюками, попадающія изъ киргизскихъ степей въ Россію, тоже пріобрѣтаютъ другую „природу“. Арапы (т. е., должно быть, негры. *Г. П.*), переселившись въ Европу, становятся бѣлыми, а европейцы, переселившіеся въ Африку, „перерождаются, по нѣсколькихъ колѣнахъ, въ черныхъ (!), и весь складъ лица получаютъ такой же, каковъ у тамошнихъ жителей“. Изъ всего этого дѣлается тотъ выводъ, что перемѣна климата вызываетъ въ растительныхъ и животныхъ организмахъ очень важныя перемѣны. А такъ какъ тѣло и душа „очень тѣсно сопряжены, то все, что устроятъ, образуетъ и измѣняетъ тѣло, тѣжъ дѣйствія производитъ и надъ душею“ [2]).

Слова: „тѣжъ дѣйствія“, очевидно, имѣютъ здѣсь не тотъ смыслъ, что, если у европейца, переселившагося въ Африку, чернѣетъ кожа, и душа изъ бѣлой превращается въ черную. Но какъ же слѣдуетъ понимать ихъ? Болтинъ, повидимому, самъ чувствуетъ, что сказанное имъ до крайности не ясно. Онъ старается пояснить и подкрѣпить свою мысль новыми примѣрами, заимствуя ихъ на этотъ разъ отчасти у древнихъ писателей. Вслѣдъ за Витрувіемъ, онъ повторяетъ, что въ южныхъ странахъ „люди боязливы, ради малаго количества крови, но по причинѣ чистаго воздуха мыслятъ живѣе и поспѣшнѣе; въ сѣверныхъ же странахъ жители суть медлительнаго разсужденія; но къ войнѣ способны, крѣпки, храбры и безстрашны“ [3]). Допустимъ, что это такъ, хотя и легко было бы обнаружить слабыя стороны

---

[1]) Томъ I, стр. 6; ср. стр. 11.
[2]) Тамъ же, стр. 6 и 7.
[3]) Тамъ же, стр. 7 и 8.

подобныхъ выводовъ и соображеній. Главная задача теоріи заключается здѣсь въ томъ, чтобы выяснить, какимъ же образомъ обусловленное „чистымъ воздухомъ“ болѣе живое и поспѣшное мышленіе южныхъ народовъ отражается на ходѣ ихъ общественнаго развитія, и въ чемъ обнаруживается причинная связь медлительнаго разсужденія и храбрости сѣверныхъ народовъ съ общественнымъ строемъ и исторіей сѣверныхъ государствъ. Но этой задачи сторонники ученія о преобладающемъ значеніи климата никогда не могли рѣшить. Очень понятно— почему: невозможно дать научное объясненіе такой связи явленій, которая не существуетъ въ дѣйствительности. Вѣроятно, Болтинъ потому и высказался въ пользу средней дороги, что убѣдился въ неразрѣшимости указанной задачи. Но его „средняя дорога“ не вела никуда.

Во-первыхъ, самъ „Монтескю“ никогда не пытался объяснить дѣйствіемъ климата всѣ перемѣны въ людяхъ и государствахъ. Онъ вовсе не былъ такимъ крайнимъ, какимъ его считалъ Болтинъ; на самомъ дѣлѣ онъ апеллировалъ къ „второстепеннымъ или побочнымъ“ причинамъ гораздо чаще, нежели къ климату.

Во-вторыхъ, Болтинъ все-таки призналъ, что климатъ имѣетъ главное вліяніе на наши тѣла и нравы. Поэтому въ своихъ разсужденіяхъ объ историческихъ судьбахъ народовъ онъ обязанъ былъ прежде всего считаться съ климатомъ. Такъ, если Россія ни въ чемъ не похожа была, по его мнѣнію, на западныя страны, то слѣдовало объяснить эту ея самобытность своеобразнымъ измѣненіемъ русскихъ тѣлъ и нравовъ подъ вліяніемъ нашего климата. Но, повторяю, это невозможно было сдѣлать. Да Болтинъ даже и не попытался направить въ эту сторону работу своей теоретической мысли. Онъ удовольствовался „второстепенными или побочными причинами“, при чемъ и тутъ обнаружилъ большой эклектизмъ и значительную неясность мысли.

Если климатъ имѣетъ главное вліяніе на наши тѣла и нравы, то очевидно, что такія важныя стороны народной жизни, какъ „воспитаніе“ и „форма правленія“, опредѣляются его дѣйствіемъ: тѣла и нравы, видоизмѣненные этимъ дѣйствіемъ въ извѣстномъ направленіи, должны обусловливать своими свойствами одну форму правленія и одни пріемы воспитанія, а тѣ тѣла и нравы, которые климатъ измѣнилъ въ иномъ направленіи, непремѣнно вызовутъ къ жизни иную форму государственнаго устройства и иное воспитаніе. Кто не признаетъ причинной связи правленія и воспитанія съ климатомъ, тотъ не долженъ признавать вліяніе климата главнымъ,

т. е. преобладающимъ. А если онъ все-таки считаетъ его таковымъ, то попадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Болтинъ и попалъ въ такое противорѣчіе. И, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, это его коренное противорѣчіе выразилось въ множествѣ „второстепенныхъ или побочныхъ".

Всего лучше видно это изъ разсужденій нашего обзора о „вольности" въ ея отношеніи къ Россіи.

V.

Какъ ни велико было легкомысліе Леклерка, онъ правильно отмѣтилъ нѣкоторыя, наиболѣе печальныя, явленія тогдашней русской жизни. Порабощеніе трудящейся массы и деспотизмъ правительства подверглись рѣшительному его осужденію, выраженному, правда, не всегда умно и всегда очень крикливо. Въ одномъ мѣстѣ своей исторіи онъ высказалъ ту, несомнѣнную тогда для передовыхъ французскихъ деистовъ, мысль, что свобода есть самый драгоцѣнный изо всѣхъ даровъ, полученныхъ людьми отъ Бога. Болтинъ не рѣшился оспаривать эту мысль, хотя онъ и могъ бы, по его словамъ, сдѣлать тутъ кое-какія ограничительныя замѣчанія. Но онъ нашелъ нужнымъ поставить вопросъ:

„Во всякомъ ли состояніи, во всякое ли время и всякому ли народу одинакая приличествуетъ свобода, или, по различенію оныхъ, съ нѣкоторымъ исключеніемъ, изъятіемъ, съ нѣкоторыми условіями, предписаніями, правилами?"

На этотъ вопросъ онъ отвѣтилъ, что намъ не „приличествуетъ" та свобода, какую безъ вреда для себя могутъ вынести народы запада: „земледѣльцы наши Прусской вольности не снесутъ, Германская не здѣлаетъ состоянія ихъ лучшимъ, съ Французскою помрутъ они съ голода, а Англійская низвергнетъ ихъ въ бездну погибели" [1]).

У насъ, вмѣсто вольности, существовало тогда крѣпостное право. Не желая, чтобы его сочли „апологистомъ" рабства, Болтинъ признавалъ, что слѣдуетъ ограничить власть помѣщика надъ крестьяниномъ, но сейчасъ же оговаривался, что это можетъ быть лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ и во всякомъ случаѣ лишь послѣ того, какъ наши крѣпостные „созрѣютъ" для свободы [2]). Такимъ образомъ выходило, что впредь до лучшихъ временъ именно крѣпостное право

---

[1]) Тамъ же, томъ II, стр. 235—36.

[2]) Тамъ же, стр. 236.

и являлось тѣмъ видомъ „вольности“, который наиболѣе „приличествовалъ“ русскому земледѣльцу. Отчего же это было такъ?

Не ясно ли, что и это парадоксальное явленіе должно было объясняться дѣйствіемъ климата? Однако, мы тщетно стали бы искать подобнаго объясненія его у нашего автора. Напротивъ, мы находимъ у него такія теоремы, изъ которыхъ слѣдуетъ, что русскому народу приличествуетъ не рабское состояніе, а какъ разъ вольность. Онъ самъ говорилъ,—и это, дѣйствительно, было согласно съ его теоріей климата,—что „всѣ вообще древніе сѣверные народы вольность за первѣйшее благо, и рабство за гнуснѣйшее и посрамительнѣйшее для человѣчества состояніе признавали“ [1]). Нашъ народъ онъ относилъ къ числу—сѣверныхъ. Стало быть, населеніе древней Руси тоже должно было испытать на себѣ облагораживающее вліяніе климата. И самъ Болтинъ отмѣчаетъ, что во времена первыхъ князей у насъ рабами „не иные были, какъ только плѣнные; прочіижъ чиносостоянія государственныя были вольные“ [2]). Чѣмъ же вызванъ былъ нашъ переходъ отъ вольности къ неволѣ? По теоріи Болтина, дѣйствіе климата иногда „учиняется безсильнымъ“, вслѣдствіе вліянія причинъ побочныхъ. Именно этимъ вліяніемъ объяснялъ онъ то, что „нынѣшніе наши нравы со нравами нашихъ праотцовъ никакова сходства не имѣютъ“ [3]). Къ побочнымъ причинамъ и слѣдовало, значитъ, обратиться для объясненія того историческаго парадокса, что русскіе земледѣльцы, такъ сильно дорожившіе вольностью во времена Рюрика, Олега и Игоря, въ XVIII в. оказались неспособными „сносить“ ея блага.

Побочныя причины, парализующія дѣйствія климата, „суть многія и различныя,—говоритъ Болтинъ,—яко обхожденіе съ другими народами—кои прежде были не знакомы, чужестранныя ѣства и пряныя коренья имѣющія вліяніе въ кровь, образъ жизни, обычаи, перемѣнная (т.-е. повидимому, измѣненная. *Г. П.*) одежда, воспитаніе, промыслы и проч.“ [4]).

Какіе же промыслы, какія сношенія съ другими народами, какія перемѣны въ воспитаніи и одеждѣ, какія „пряныя коренья“ отняли у русскаго земледѣльца его любовь къ вольности и предрасположили его къ рабскому состоянію? На эти неизбѣжные вопросы Болтинъ не отвѣчаетъ. Онъ ограничивается простымъ констатированіемъ фактовъ: тогда-то наши крестьяне были свобод-

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 242.

[2]) Тамъ же, стр. 241—242.

[3]) Тамъ же, стр. 9.

[4]) Тамъ же, та же страница.—Замѣчу, что, comme de raison, я оставляю неизмѣненнымъ правописаніе Болтина.

ны; тогда-то ихъ свобода была ограничена, и, наконецъ, тогда-то они были совершенно сравнены съ рабами (холопами). Факты указываются имъ правильно: онъ былъ въ свое время едва ли не самымъ лучшимъ знатокомъ исторіи русскаго крѣпостного права [1]). Но причинная связь историческихъ явленій остается у него здѣсь совершенно не разсмотрѣнной. Это отчасти объясняется тѣмъ, что онъ, вопреки своей собственной оговоркѣ, былъ несомнѣннымъ „апологистомъ“ крѣпостного права и опасался, что разсмотрѣніе причинъ, его породившихъ, можетъ навести на размышленія, не совсѣмъ пріятныя дворянству. Но въ гораздо большей степени сказывается здѣсь безсиліе теоріи: Болтинъ не въ состояніи былъ бы найти согласное съ его теоріей климата объясненіе процесса возникновенія на Руси крестьянской неволи.

На основѣ народнаго закрѣпощенія выросъ въ Россіи тотъ государственный строй, который иностранцы почти единогласно называли деспотическимъ. Болтину не нравилось это названіе. Онъ старался доказать, что оно не примѣнимо къ нашему политическому порядку. Мы скоро увидимъ, насколько удалось ему это. А пока замѣтимъ, что, не будучи въ состояніи уяснить себѣ причины, уничтожившія у насъ „вольность“ крестьянской массы, Болтинъ не могъ понять и этихъ историческихъ причинъ, которыя вызвали появленіе у насъ неограниченной монархіи.

Какъ мы уже знаемъ, онъ признавалъ, что на Руси, по крайней мѣрѣ при первыхъ варяжскихъ князьяхъ, всѣ „чиностоянія государственныя были вольные“. Это онъ высказывалъ не одинъ разъ. Такъ, споря съ Леклеркомъ объ извѣстномъ замыслѣ верховниковъ, онъ говоритъ: „прежде Рурика, при Рурикѣ и послѣ Рурика, до нашествія Татарскаго, народъ русской былъ вольной. Власть великихъ и удѣльныхъ князей была умѣрена или сраствореа властью Вельможъ и народа“ [2]). Правда, онъ и тутъ не избѣжалъ противорѣчія съ самимъ собою. Въ другомъ мѣстѣ мы узнаемъ отъ него, что „всѣ государства начались правленіемъ монархическимъ или самодержавнымъ, которое есть естественнѣйшее и удобнѣйшее изъ всѣхъ другихъ правленій“. Вполнѣ согласно съ этимъ вторымъ своимъ взглядомъ изображалъ онъ тамъ и русскую исторію. „Многіе вѣки,—писалъ онъ,—

---

[1]) Во второмъ томѣ „Примѣчаній на Леклерка“ (стр. 211) у него встрѣчаются нѣкоторыя указанія, которыя, можетъ быть, навели Ключевскаго на его теорію развитія крѣпостной зависимости крестьянъ. Болтинъ былъ также хорошимъ знатокомъ экономическаго быта Россіи.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 472;—ср. стр. 422.

потребны были для того, чтобы достигнуть новгородцамъ до правленія народнаго и не иначе, какъ по сильныхъ и жестокихъ потрясеніяхъ“ [1]). И странно, что онъ не только не замѣтилъ этого противорѣчія, но воображалъ, будто мысль о самодержавной монархіи, какъ о самой естественной исходной точкѣ государственнаго развитія, была высказана и доказана имъ еще въ примѣчаніяхъ на Леклерка [2]). Какъ бы тамъ, однако, ни было, ясно, что мысль о первоначальной вольности русскаго народа болѣе соотвѣтствуетъ какъ исторической истинѣ, такъ и ученію Болтина о климатѣ: вѣдь согласно этому ученію, всѣ сѣверные народы любили вольность. И вотъ спрашивается: почему русскій народъ отказался отъ вольности и установилъ у себя неограниченную монархію?

Такъ какъ онъ оставался, по словамъ Болтина, вольнымъ вплоть до нашествія татарскаго, то надо предполагать, что это нашествіе и послужило тою побочною причиною, которая превозмогла естественное вліяніе на русскій народъ сѣвернаго климата. Но что же измѣнилось у насъ при татарахъ?

Какъ говоритъ Болтинъ, „всѣ лѣтописи являютъ и многія грамоты Татарскія свидѣтельствуютъ“, что монгольскіе завоеватели Руси ограничивались сборомъ дани черезъ своихъ баскаковъ, предоставивъ ея населенію управляться по своимъ собственнымъ законамъ и обычаямъ. Если это было такъ, то непосредственнымъ вліяніемъ татарскаго ига никакъ нельзя объяснить возникновеніе у насъ неограниченной монархіи. Остается апеллировать къ посредственному вліянію татаръ, т. е. обратить вниманіе на тѣ новыя на Руси общественно-политическія нужды и на тѣ, новыя тамъ, сочетанія общественно-политическихъ силъ, которыя, возникнувъ подъ вліяніемъ татарскаго ига, должны были вызвать постепенное усиленіе власти русскихъ князей. Но по этой части мы вовсе не находимъ у Болтина сколько-нибудь плодотворныхъ указаній. У него выходитъ, что татарское иго, наоборотъ, причинило ослабленіе у насъ „власти начальства“ [3])

---

[1]) Критическія примѣчанія генералъ-маіора Болтина на первый томъ исторіи князя Щербатова. Томъ I, Спб. 1793, стр. 3.

[2]) Онъ ссылался на стр. 477 второго тома этихъ примѣчаній, но тамъ рѣчь идетъ вовсе не объ отправной точкѣ политическаго развитія: тамъ разсматриваются, съ совершенно отвлеченной точки зрѣнія, преимущества монархическаго правленія. А немного выше (на стр. 472) находится приведенное мною мѣсто о вольности русскаго народа при первыхъ князьяхъ. Ср. „Примѣчанія на Леклерка“, т. I, стр. 58.

[3]) „Примѣчанія на Леклерка“, томъ I, стр 316.

Невозможно представить себѣ, какимъ образомъ историческое явленіе, ослабившее власть начальства въ средѣ вольнаго русскаго народа, могло привести къ возникновенію и упроченію неограниченной власти государей. Въ своей философіи исторіи русскаго государства Болтинъ въ сущности не пошелъ дальше Татищева, историческія изслѣдованія котораго имѣли на него сильное вліяніе [1]). Ему такъ плохо удалось поставить нашъ политическій порядокъ въ связь съ нашимъ климатомъ или хотя бы только съ наиболѣе значительными изъ „побочныхъ“ общественныхъ причинъ, что, когда ему пришлось защищать этотъ порядокъ отъ нападеній на него Леклерка, онъ покинулъ точку зрѣнія закономѣрности историческихъ явленій и отступилъ въ область отвлеченныхъ разсужденій о томъ, какое именно политическое устройство должно быть предпочтено всѣмъ остальнымъ. Основываясь на томъ, что „умъ единаго удобнѣе можетъ предпринимать и совершать важное и великое, нежели умы многихъ“; что „безъ единоначальства всякое политическое тѣло не имѣетъ надлежащія соразмѣрности“, что „болѣзни монархическія суть мимоходящія, легкія, а болѣзни Республики тяжкія и неисцѣльныя“, онъ умозаключилъ, что „монархическое правленіе, содержа средину между Деспотичества и Республики, есть надежнѣйшее убѣжище свободѣ“ [2]).

VI.

Какъ бы мы ни относились къ этому выводу, совершенно очевидно, что Болтинъ получилъ его, держась чисто раціоналистическаго метода. Вотъ почему я не могу согласиться съ П. Н. Милюковымъ, который отверженіе этого метода считаетъ главной заслугой Болтина въ области философіи русской исторіи.

П. Н. Милюковъ назвалъ Болтина представителемъ перваго цѣльнаго органическаго взгляда на русскую исторію [3]). Но авторъ „Примѣчаній на Леклерка“ не заслужилъ такого лестнаго отзыва. У него не было и не могло быть такого взгляда ни на исторію вообще, ни на русскую исторію въ частности. Его заслуга ограничивается тѣмъ, что, неудовлетворенный историческимъ идеализмомъ, онъ попытался,—только попытался,—

---

[1]) Впрочемъ, и это несправедливо: разсужденія Татищева о преимуществахъ „самовластія“ никогда не были такъ отвлеченны, какъ соотвѣтствующіе доводы Болтина.

[2]) „Примѣчанія на Леклерка“, т. II, стр. 477.

[3]) Главныя теченія русской исторической мысли, томъ I, стр. 36.

выработать себѣ „органическій взглядъ“ на исторію, для чего и обратился къ одной изъ тогдашнихъ разновидностей (зачаточнаго) историческаго матеріализма. Къ сожалѣнію, выборъ его палъ на ту изъ нихъ, которая была безплодна уже по самой своей природѣ. Именно по причинѣ этого неудачнаго выбора историческій взглядъ Болтина оказался чуждымъ даже той относительной—въ сущности, далеко и далеко еще не полной—стройности, которая достижима была, пожалуй, уже въ XVIII столѣтіи при вдумчивомъ отношеніи къ существовавшимъ тогда зачаткамъ правильнаго объясненія исторіи съ точки зрѣнія матеріализма. Какъ сильно отличается въ этомъ отношеніи неуклюжая, безпомощная попытка Болтина отъ замѣчательной попытки Гельвеція! [1]).

Другой, не менѣе почтенный, русскій изслѣдователь сдѣлалъ слѣдующее неожиданное замѣчаніе: „Боимся взвести напраслину на современныхъ Болтину русскихъ мыслителей, утверждая, что они предвосхитили гегеліанское пониманіе разумности существующаго; но что живущіе люди своимъ неразумѣніемъ могутъ испортить существованіе себѣ и своимъ ближайшимъ потомкамъ—это, по крайней мѣрѣ, у Болтина высказывается не разъ явственно и даже настойчиво“ [2]).

Что живущіе люди могутъ своими неразумными дѣйствіями испортить жизнь какъ самимъ себѣ, такъ и своимъ потомкамъ, это такая истина, въ какой никто, никогда и нигдѣ не сомнѣвался. Поэтому ея признаніе отнюдь не составляетъ ни научной, ни публицистической заслуги.

Далѣе. Покойный профессоръ былъ правъ, опасаясь утверждать что современные Болтину русскіе мыслители предвосхитили гегеліанское пониманіе разумности существующаго или точнѣе,—дѣйствительнаго. Ученіе о разумности дѣйствительнаго предполагаетъ монистическій взглядъ на исторію, совершенно отсутствовавшій у русскихъ людей XVIII вѣка. Мы только что видѣли это какъ разъ на примѣрѣ Болтина.

Но если монизмъ Гегеля какъ нельзя болѣе далекъ отъ историческаго воззрѣнія Болтина, то онъ все-таки облегчитъ намъ пониманіе нѣкоторыхъ особенностей этого воззрѣнія.

Сисмонди, въ своей „Исторіи итальянскихъ республикъ“, писалъ, что правительство есть самая дѣйствительная причина характера даннаго народа. По его мнѣнію, это теоретическое по-

---

[1]) Объ этой попыткѣ см. въ моемъ сочиненіи: „Beiträge zur Geschichte des Materialismus.—Holbach, Helvetius, Marx“.

[2]) И. Н. Болтинъ, Сборникъ очерковъ и рѣчей В. О. Ключевскаго. Москва 1913, стр. 184.

ложеніе составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ выводовъ, къ которымъ приводитъ изученіе исторіи. И это положеніе было почти общепризнано въ исторической и публицистической литературѣ XVIII вѣка.

Съ другой стороны, писатели этого вѣка рѣдко сомнѣвались въ томъ, что государственное устройство всякой данной страны,—а, слѣдовательно, и свойства ея правительства,—обусловливаются нравами, т. е. характеромъ ея населенія. Такимъ образомъ полагалось, что народный характеръ опредѣляется правительствомъ, а правительство—народнымъ характеромъ. Этотъ противорѣчивый выводъ сначала представляется безусловно нелѣпымъ; но при ближайшемъ разсмотрѣніи онъ оказывается правильнымъ, хотя лишь въ извѣстномъ, очень ограниченномъ смыслѣ. Совершенно неоспоримо, что между характеромъ всякаго даннаго народа и его правительствомъ существуетъ взаимодѣйствіе. И такъ какъ оно существуетъ въ дѣйствительности, то оно имѣетъ полное право на признаніе со стороны науки. Это превосходно выяснено было именно Гегелемъ. Однако, монистъ Гегель прибавлялъ къ этому, что наука не можетъ довольствоваться понятіемъ взаимодѣйствія. Чтобы оно не заводило насъ въ безвыходныя противорѣчія, научный анализъ долженъ проникнуть глубже: онъ долженъ выяснить происхожденіе тѣхъ сторонъ общественной жизни, взаимодѣйствіе которыхъ признается имъ за неоспоримую истину. Такое выясненіе болѣе или менѣе удается только при монистическомъ взглядѣ на исторію. Эклектики принуждены довольствоваться понятіемъ взаимодѣйствія, что не мѣшаетъ имъ, конечно, приписывать большее или меньшее значеніе той или другой сторонѣ общественной жизни [1]).

Болтину не удалась его попытка выработать себѣ монистическій (матеріалистическій) взглядъ на исторію. Намъ уже извѣстно, что онъ самъ объявилъ себя сторонникомъ „среднія дороги». Но въ своемъ эклектизмѣ онъ шелъ значительно дальше, нежели хотѣлъ и сознавалъ. Усвоенная имъ, хотя бы и съ эклектическими оговорками,—теорія климата не дала ему теоретической возможности разрѣшить антиномію: формы правительства (и „законы“) опредѣляются нравами; нравы—законами (формой правительства). Поэтому онъ вообразилъ, что слѣдуетъ превратить эту антиномію въ орудіе научнаго анализа.

Довольствуясь эклектическимъ понятіемъ взаимодѣйствія, онъ, въ противность многимъ другимъ писателямъ XVIII в., приписывалъ нравамъ большее значеніе, нежели законамъ.

---

[1]) Болѣе подробно это разсмотрѣно въ моей книгѣ объ историческомъ монизмѣ.

„Удобнѣе законы сообразить нравамъ, нежели нравы законамъ,— писалъ онъ,—послѣдняго безъ насилія здѣлать не можно. Солонъ давши Аѳинянамъ законы сказалъ: я издалъ законы не лучшіе изъ возможныхъ, но лучшіе изъ приличествующихъ аѳинянамъ; разумѣя, что могъ бы онъ и лучшіе сдѣлать, но они были бы несообразны нравамъ аѳинянъ, и, слѣдовательно, были бы для нихъ неудобны, неприличны“ [1]). Къ этому сводится та идея, съ помощью которой Болтинъ, по мнѣнію П. Н. Милюкова, соединилъ въ одно цѣлое всѣ подготовленныя Татищевымъ данныя для исторіи русскаго законодательства. Можно сказать больше: къ этому сводится весь „органическій“ взглядъ Болтина на русскую исторію. И легко убѣдиться, что этотъ взглядъ „органически“ таилъ въ себѣ всѣ противорѣчія, неизбѣжныя тамъ, гдѣ изслѣдователь довольствуется точкой зрѣнія взаимодѣйствія.

Въ одномъ изъ своихъ возраженій Леклерку Болтинъ писалъ, что „характеръ племенъ зависитъ отъ состоянія общества, подъ коимъ они живутъ, и постановленій политическихъ, учрежденныхъ между ними“ [2]). Если мы поставимъ это положеніе рядомъ съ тѣмъ, что говорилъ нашъ авторъ выше о зависимости законовъ (т.-е. постановленій) отъ нравовъ (т.-е. отъ характеровъ племенъ), то и у него выйдетъ,—какъ выходило у большинства просвѣтителей XVIII вѣка,—что нравы опредѣляются законами, а законы—нравами. Тутъ такъ много эклектизма, что совсѣмъ не остается мѣста для „органическаго“ взгляда на историческій процессъ.

Отзывъ Болтина о трудѣ Леклерка очень суровъ: „все, что вы ни написали, остается празднымъ и безполезнымъ, понеже изъ него никакова упражненія уму здѣлать невозможно“ [3]). Суровый отзывъ этотъ недалекъ отъ истины. Русская исторія Леклерка была, въ общемъ, весьма неудачна. Болтинъ безконечно превосходилъ этого французскаго писателя знаніемъ русской исторіи и русской жизни. Въ его примѣчаніяхъ есть много весьма цѣнныхъ частностей. Но его философскія соображенія о ходѣ русскаго историческаго процесса совсѣмъ неудачны. Изъ нихъ тоже „никакова упражненія уму здѣлать невозможно“. Я уже сказалъ, что главная причина неудачи, постигшей Болтина,

---

[1]) „Примѣчанія на г. Леклерка“, т. I, стр. 316; ср. съ стр. 317.

[2]) „Примѣчанія на г. Леклерка“, т. II, стр. 423; ср. стр. 158—159. Въ первомъ томѣ (стр. 430—431) Болтинъ съ полнымъ одобреніемъ приводитъ слова Рэйналя, что народъ, лишенный свободнаго самоопредѣленія, становится такимъ, какимъ бываетъ его государь. И онъ признаетъ, что „Русскіе являлися различныхъ характеровъ при разныхъ царствованіяхъ государей своихъ“.

[3]) Тамъ же, т. I, стр. 432.

въ этомъ случаѣ состояла въ полной ошибочности его точки исхода.

Если Болтинъ настаивалъ на томъ, что „легче законы сообразить съ нравами, нежели нравы съ законами“, то это объясняется консервативнымъ характеромъ его образа мыслей. Петровская реформа не нравилась ему своей крайней стремительностью. Осуждая эту стремительность, онъ тѣмъ самымъ напоминалъ Екатеринѣ II, что и ей не слѣдуетъ торопиться съ серьезными реформами, особенно съ измѣненіемъ быта крестьянъ. Исходя изъ того теоретическаго положенія, что законы должны соображаться съ нравами, а не наоборотъ, легко было до безконечности отговариваться отъ освобожденія крестьянъ указаніемъ на ихъ умственную отсталость, т. е. на тѣ самые „нравы“, которые порождались крѣпостнымъ правомъ. „Апологисты“ крѣпостничества никогда и нигдѣ не хотѣли понять, что, ссылаясь на эти нравы, какъ на главный доводъ противъ освобожденія, они вращаются въ безвыходномъ логическомъ кругу.

VII.

Что Болтинъ былъ „апологистомъ“ рабства, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Подобно Фонъ-Визину, онъ увѣрялъ, что, несмотря на крѣпостное право, положеніе „земледѣльца“ въ Россіи менѣе тягостно, нежели на западѣ. Русскій земледѣлецъ не имѣетъ понятія о тѣхъ налогахъ и податяхъ, какіе платятся тамошними земледѣльцами, и въ „полной безопасности“ пользуется плодами своихъ трудовъ. „Правда, что состояніе крестьянъ помѣщичьихъ не всѣхъ есть равное,—соглашается онъ,—нѣкоторые изъ нихъ по жестокосердію и нечувствительности господъ ихъ обременены оброками и работами тяжкими и едва сносными; но большая часть и изъ сихъ живутъ въ довольствѣ и покоѣ, слѣдовательно и не признаютъ состоянія своего несноснымъ“ [1]). Немного ниже онъ говоритъ, что „большая часть нашихъ крестьянъ больше имѣетъ прихотей, нежели должно, и по мѣрѣ способностей къ удовлетворенію сихъ кичатся нарядами выше состоянія своего“ [2]).

Пріемы, которые употребляетъ Болтинъ, сравнивая положеніе русскаго народа съ положеніемъ народной массы въ западно-европейскихъ государствахъ, заслуживаютъ вниманія въ виду того, что В. О. Ключевскій видѣлъ въ изслѣдованіяхъ нашего автора зародышъ сравнительнаго историческаго метода [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 174.

[2]) Тамъ же, стр. 223—224.

[3]) Очерки и рѣчи, стр. 186.

Вотъ хорошій примѣръ. Болтинъ хочетъ доказать, что наши „работные люди“ лучше удовлетворяютъ свои матеріальныя потребности, нежели французскіе. Для этого онъ ссылается на Мерсье, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Tableau de Paris“ описавшаго бѣдность трудящагося населенія Парижа и, между прочимъ, и тѣ жалкія харчевни, въ которыхъ столовались парижскіе каменщики. Весьма оппозиціонно настроенный Мерсье, конечно, не пощадилъ при этомъ красокъ. У него получилось до послѣдней степени печальная картина. И вотъ рядомъ съ этой печальной картиной Болтинъ ставитъ очеркъ жизни русскихъ рабочихъ, написанный имъ самимъ въ совершенно другихъ тонахъ.

„Похожа ли пища нашихъ работныхъ людей на сію?—спрашиваетъ онъ.—Самый бѣднѣйшій человѣкъ, который роетъ землю, рубитъ дрова и тому подобныя черныя работы исправляетъ, получая въ день отъ 30 до 40 копѣекъ, ѣстъ два раза въ день добрыя щи съ мясомъ и кашу съ масломъ, а въ воскресные дни пироги съ начинкою, блины и тому подобныя кушанья, не меньше сытныя, сколь и вкусныя, не говоря о плотникахъ, каменщикахъ и тому подобныхъ ремесленныхъ людяхъ, кои гораздо лучшее сказаннаго даютъ себѣ содержаніе. И средняго состоянія люди въ Парижѣ хуже ѣдятъ, нежели наши всѣ вообще ремесленники и крестьяне въ привольныхъ мѣстахъ живущіе“ [1]).

Въ результатѣ такого сравненія получается отрадный выводъ „У насъ все напротивъ“ [2]). Дѣйствительно, напротивъ [3]).

Слѣдующія строки всего лучше характеризуютъ отношеніе Болтина къ крѣпостному праву въ современной ему Россіи.

„Нельзя, чтобъ нѣкоторые не жаловались на состояніе рабства своего, бывъ, по несчастью, подвержены господамъ жестокимъ; но говоря вообще, а особливо относительно къ крестьянамъ государственнымъ не есть сіе софизма, самолюбіе и жестокости Вельможъ, но самая истинна, опытами доказанная, что крестьяне Русскіе не почитаютъ состоянія своего несчастнымъ, въ разсужденіи рабства; а особливо тѣ изъ нихъ, которые въ изобиліи

---

[1]) „Примѣчанія на Леклерка“ т. I, стр. 234—35.

[2]) Тамъ же, стр. 235.

[3]) Тѣ русскіе люди, которые хоть немного склонны были у насъ тогда смотрѣть на крѣпостное право непредубѣжденными глазами, отзывались совсѣмъ иначе о положеніи нашего крестьянина. „Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, какъ нашихъ русскихъ крестьянъ, — писалъ А. Я. Полѣновъ, — которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены все возможнымъ не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя тягости, истязанія и насильства, отъ чего неотмѣнно должны они опуститься и придти въ сіе преисполненное бѣдствій.. состояніе, въ которомъ мы нынѣ ихъ видимъ“. („Записка о крѣпостномъ состояніи крестьянъ въ Россіи“, см. „Русскій Архивъ“, 1865 г., стр. 298).

въ удовольствѣ и покоѣ. Они о лучшемъ состояніи и воображенія себѣ здѣлать не могутъ; а что не понимаютъ, того и желать не могутъ: щастіе человѣческое зависитъ отъ воображенія“ [1]).

Русскій народъ даже и „воображенія себѣ сдѣлать не можетъ“ той самой вольности, которой онъ долженъ былъ бы дорожить подъ вліяніемъ сѣвернаго климата. Такъ велико было дѣйствіе „побочныхъ причинъ“ въ нашемъ историческомъ процессѣ! Ну, а если у русскаго крестьянина все-таки возникнетъ нѣкоторое представленіе о вольности? Это будетъ совсѣмъ не хорошо. Болтинъ съ огорченіемъ говоритъ:

„Съ тѣхъ поръ какъ слабые лучи мнимаго просвѣщенія, по отраженію отъ господъ худо воспитанныхъ, коснулися слегка и до служащихъ имъ, ...примѣчено уменьшеніе въ рабахъ преданности и усердія къ господамъ своимъ“. Однако, его сильно утѣшаетъ то обстоятельство, что „сіе просвѣщеніе не достигло еще до живущихъ по деревнямъ, и не распростерло вредныхъ своихъ содѣятельностей на всѣхъ ихъ“ [2]). Хорошее воспитаніе состояло, какъ видно, въ томъ, чтобы мириться съ неволей.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ я уже обращалъ вниманіе читателя на то, что въ нападкахъ нашихъ сатириковъ на тогдашнюю русскую французоманію слышалась подчасъ консервативная нота. У Болтина, очень рѣзко осуждающаго наше увлеченіе иностранными нравами, такая нота слышится еще болѣе явственно. Слѣдуетъ помнить, что Леклеркъ раздражалъ его не только легкомысленными сужденіями своими о Россіи. Ему не нравилось въ Леклеркѣ также его пристрастіе къ законодательнымъ новшествамъ. Въ своихъ возраженіяхъ ему онъ говорилъ:

„Поражая злоупотребленія и отъемля слабости пороковъ, беречься надобно, чтобъ не уменьшить силу добродѣтелей: и умѣренное исправленіе причиною было разрушенія многихъ царствъ. Исправляя обычаи и нравы, должно быть весьма осторожно“ [3]).

Тутъ онъ выражается даже гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ Стародумъ въ извѣстномъ разговорѣ своемъ съ Софьей [4]). Но тутъ онъ разсуждаетъ все-таки въ томъ же духѣ. А вотъ мнѣніе, котораго мы не слыхали даже отъ Стародума:

„Примѣчено многими, что съ тѣхъ поръ, какъ стали мы устраняться обычаевъ нашихъ предковъ и начали жить, сообразуяся иностраннымъ, здѣлалися мы слабѣе, чаще подвержены стали быть болѣзненнымъ припадкамъ, и меньшее число изъ таковыхъ

---

[1]) Тамъ же, томъ II, стр. 383; ср. стр. 451.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 244.

[3]) Тамъ же, т. II, стр. 355.

[4]) „Недоросль“, дѣйствіе IV, явленіе 2-ое.

до глубокой старости доживаютъ. Главными тому причинами, по моему скудоумію, полагаю уничтоженіе обычая ходить въ бани и введеніе французской поварни“ [1]).

Къ этой воркотнѣ усерднаго читателя Бейля и Вольтера съ самымъ живымъ сочувствіемъ отнеслись бы Стародумы временъ Кантемира. Вѣроятно, одобрили бы эти Стародумы и экономическіе взгляды ученаго генералъ-майора.

Болтинъ былъ противъ заведенія у насъ торговаго флота. Онъ желалъ, чтобы Россія навсегда лишилась „прибытковъ“, связанныхъ съ корабельнымъ дѣломъ, „обративъ тѣхъ людей, кои должна бы была она употребить на корабляхъ, въ другіе промыслы и упражненія сообразнѣйшія нашему состоянію, климату и мѣстоположенію“ [2]). Какіе же именно? „Все, что служитъ къ роскоши, да будетъ заимствовано отъ услугъ иностранныхъ,—отвѣчаетъ Болтинъ,—а своихъ оставимъ упражняться въ существенныхъ потребностяхъ для жизни: земледѣлецъ и воинъ да будутъ свои“. И какъ будто желая сдѣлать болѣе привлекательной экономическую политику этого рода, онъ указываетъ на Спарту, гдѣ „Лакедемонцы всѣ были воины, а Илоты всѣ земледѣльцы“ [3]).

Столь сочувственное воспоминаніе о соціальномъ строѣ, цѣликомъ опиравшемся на порабощеніи илотовъ, можетъ удивить нынѣшняго читателя. Но надо имѣть въ виду, что вѣдь и въ написанной гр. Л. Н. Толстымъ геніальной эпопеѣ нашихъ войнъ съ Наполеономъ фигурируютъ преимущественно наши „Лекедемонцы“ въ родѣ кн. А. Болконскаго или гр. Н. Ростова да „Илоты“ въ родѣ невозмутимаго Платона Каратаева.

Чрезвычайно любопытно, что въ своемъ крайнемъ консерватизмѣ Болтинъ весьма не долюбливалъ споровъ. „Споръ не служитъ ко исправленію порока, не исцѣляетъ отъ заблужденія, не подаетъ ни малаго успѣха въ познаніи правды, но паче ея затмѣваетъ,—писалъ онъ.—Духъ прекословія перерождается удобно въ ложную тонкость, и пристрастившіеся къ нему попадаютъ въ собственныя сѣти... Что произвели споры? Умножили разнствіе во мнѣніяхъ и искусство защищать ложь съ такою жъ удобностію, какъ и правду“ [4]).

Такъ какъ въ болѣе или менѣе образованномъ русскомъ обществѣ Екатерининской эпохи не мало было Стародумовъ à la Болтинъ, то становится вполнѣ понятнымъ, что еще во „Всякой

---

[1]) „Примѣчанія на Леклерка“, томъ II, стр. 369—370.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 27.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 336 и 337.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 364—365.

Всячинѣ“ (1769 г.) подобный ему противникъ споровъ,—подъ псевдонимомъ Аристарха Аристарховича Примирителева,—совѣтовалъ писателямъ „хранить между собою ненарушимую дружбу и вѣчное согласіе“. Понятно и то, что немного было въ этомъ обществѣ людей, способныхъ осудить просвѣщенную матушку-государыню, когда она, запрещая журналы и книги, „примиряла“ съ русской дѣйствительностью слишкомъ рьяныхъ ея порицателей.

VIII.

„Апологистъ“ по отношенію къ крѣпостному праву, Болтинъ выступалъ „апологистомъ“ и въ вопросѣ о государственномъ устройствѣ Россіи. И здѣсь его апологетическія усилія увѣнчались такимъ же малымъ успѣхомъ, какъ и тамъ.

Совершенно отвлеченныя разсужденія его на тему о преимуществахъ неограниченной монархіи не могли быть убѣдительны для западныхъ писателей, такъ какъ тѣ почти всегда говорили, что Россія своимъ государственнымъ устройствомъ напоминаетъ не монархію западно-европейскихъ странъ, а великія деспотіи Востока.

Болтинъ очень хорошо сознавалъ это. И ему очень по душѣ пришлись тѣ страницы въ четвертомъ томъ „Essai sur les moeurs“, гдѣ Вольтеръ старался доказать, что турецкое правительство далеко не такъ деспотично, какъ это воображаютъ европейцы. „Итакъ, — побѣдоносно умозаключилъ Болтинъ, приведя относящіеся сюда доводы Вольтера,—если правленіе турецкое и тѣхъ государствъ, коихъ Вольтеръ, не именуя ясно, разумѣть заставляетъ (намекъ на Францію. *Г. П.*) не суть деспотическія, то какъ можно правленіе Россійское назвать деспотическимъ“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ виды государственнаго устройства похожи одинъ на другой, то совершенно ясно, что русскій государственный строй не отличается отъ строя западно-европейскихъ государствъ. Весь вопросъ въ томъ, насколько допустимъ въ наукѣ тотъ пріемъ анализа, который состоитъ въ отвлеченіи отъ всѣхъ отличительныхъ признаковъ анализуемыхъ явленій. У Вольтера глава, посвященная характеристикѣ турецкаго правительства (по общему счету главъ—XCIII), должна быть признана одной изъ самыхъ неудачныхъ. Остроумный и просвѣщенный авторъ „Essai sur les moeurs“ разсуждалъ въ ней крайне поверхностно, и его выводы, по своей научной цѣнности, далеко

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 466.

уступаютъ соотвѣтствующимъ выводамъ Бодэна [1]). При другихъ условіяхъ Болтинъ, вѣроятно, и самъ замѣтилъ бы неудовлетворительность Вольтеровской аргументаціи. Но здѣсь онъ преслѣдовалъ не научную, а чисто апологетическую цѣль, и потому не только не поправилъ Вольтера, но еще болѣе упростилъ его мысль,—и такъ уже слишкомъ упрощенную.

Опираясь на Вольтера, Болтинъ въ то же время не преминулъ привести доводъ и отъ русской дѣйствительности. „Какъ можно,—писалъ онъ,—правленіе Россійское назвать доспотическимъ, гдѣ дворянство не меньшею вольностію, выгодами и преимуществами пользуется, а купечество и земледѣльцы несравненно меньше несутъ тягости, нежели въ которомъ ни есть изъ государствъ Европейскихъ“ [2]).

Нашъ историкъ принадлежалъ къ числу тѣхъ идеологовъ русскаго дворянства, которые были вполнѣ удовлетворены „вольностями“, дарованными ихъ сословію Екатериной II, а также,—нельзя этотъ грѣхъ утаить,—и крѣпостнической политикой этой государыни по отношенію къ „земледѣльцамъ“. Вотъ почему, когда этотъ, во всякомъ случаѣ умный и весьма свѣдущій, человѣкъ принимался думать объ отношеніи Россіи къ Западу, онъ додумывался лишь до того, уже знакомаго намъ по письмамъ Фонъ-Визина, консервативнаго афоризма, что на Западѣ люди жили и живутъ ничѣмъ не лучше, нежели въ Россіи, или что „славны бубны за горами“. Очень мало утѣшительный въ практическомъ смыслѣ выводъ этотъ былъ, къ тому же, совершенно безсодержателенъ въ смыслѣ теоріи.

Леклеркъ писалъ, что наше Уложеніе давало мужу тираническую власть надъ женою. Болтинъ назвалъ это замѣчаніе безстыднымъ и наглымъ, такъ какъ отношенія мужа къ женѣ опредѣлялись у насъ не Уложеніемъ, а церковными законами. Но ошибка французскаго писателя не уменьшала подчиненія русскихъ женщинъ ихъ мужьямъ. Что же слышимъ мы отъ Болтина собственно объ этомъ подчиненіи? Мы слышимъ, что „въ старину во Франціи мужья не меньшую власть надъ женами имѣли: обычай давалъ имъ, по свидѣтельству Боманоарову, полную волю бить женъ своихъ надосугѣ [3]), только того остерегаться были должны, чтобъ не убить до смерти и не окалѣчить“ [4]).

---

[1]) При томъ же доводы, приводимые Вольтеромъ въ пользу турецкихъ порядковъ, скрывали подъ собою горькіе намеки на французскую дѣйствительность, что не ускользнуло отъ вниманія Болтина.

[2]) Тамъ же, та же страница.

[3]) Подчеркнуто у Болтина.

[4]) Тамъ же, т. I, стр. 469—470.

Коснувшись Боярской Думы, какъ верховной судебной инстанціи, Леклеркъ привелъ тотъ отзывъ Вольтера, что не знаніе, а чинъ и рожденіе дѣлали русскихъ людей членами этого судилища. У Болтина и на это нашлось возраженіе. Онъ спрашиваетъ, гдѣ же есть „такое судилище, въ которомъ засѣданіе имѣть пріобрѣтается однимъ токмо знаніемъ?“ И онъ утверждаетъ, что всегда и вездѣ „степени, рожденіе, богатство и случай предпочитаются знанію, талантамъ и способностямъ“. Это сообщеніе,—сводящееся къ формулѣ: „такъ вездѣ было, такъ вездѣ будетъ“,—дополняется у него той, не менѣе успокоительной, догадкой, что „можетъ быть и въ судилищѣ бояръ бывали изрѣдка такіе, коихъ все достоинство состояло въ одномъ только знаніи, но, безъ сомнѣнія, больше было такихъ, коихъ богатство и порода помѣщали на сѣдалищахъ, принадлежащихъ первымъ“. А чтобы русскій читатель не подумалъ, что у насъ дѣло обстояло на этотъ счетъ хуже, нежели въ Западной Европѣ, Болтинъ поспѣшилъ прибавить: „сказываютъ, что и въ Англіи подобное случается, что, при избраніи въ члены Парламента, болѣе иногда уважается богатство, нежели знаніе и способность“ [1]).

А вотъ еще одинъ замѣчательный примѣръ:

Сопоставляя Францію съ Россіей, Болтинъ пишетъ:

„Лудовикъ XIV не всегда того хотѣлъ, чего имѣлъ право требовать, а чаще и хотѣлъ и требовалъ гораздо того больше...“ Не всегда желанія его были основаны на пользѣ государственной и благосостояніи народномъ, но болѣе на собственномъ славолюбіи и своенравіи; со всѣмъ тѣмъ французы не называютъ его деспотомъ. „Колико кратъ права мечтательныя вольности ихъ были нарушаемы и уничтожаемы; коренные законы уничтожаемы и попираемы; всѣ члены Парламента лишаемы своихъ мѣстъ и во изгнаніе посылаемы; однако жъ не называютъ французы правленія своего деспотическимъ“.

Уже знакомый намъ апологетическій выводъ опять ясенъ: хотя, можетъ быть, и есть недостатки въ русскомъ правленіи, однако, деспотическимъ и его назвать невозможно. Болтинъ совѣтуетъ Леклерку и его „потатчикамъ“ ознакомиться съ нашими законами, уставами, правами и преимуществами разныхъ государственныхъ сословій. Тогда, увѣряетъ онъ, сами они „удостовѣрятся, что Правленіе Россійское весма есть инаково нежели какимъ они его, частію по пристрастію, а частію по невѣденію, представляютъ“ [2]). Но для большей убѣдительности Болтинъ опять ссылается на весьма оппозиціонно настроеннаго Мерсье,

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 607.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 523.

разумѣется, очень рѣзко отзывающагося о французскомъ государственномъ управленіи (произвольные аресты и т. п.). Съ чувствомъ, въ искренность котораго не легко повѣрить, онъ восклицаетъ: „Вотъ изображеніе вѣрное и безпристрастное нынѣшняго состоянія Франціи и тамошняго управленія. Боже сохрани насъ отъ подобнаго!“ [1]).

Если, какъ утверждалъ покойный В. О. Ключевскій, такого рода сопоставленія Россіи съ Западомъ являлись зародышемъ сравнительно-историческаго метода, то необходимо признать зачаткомъ сравнительно-психологическаго метода тотъ полемическій пріемъ, къ которому часто прибѣгаютъ въ своихъ ссорахъ люди, лишенные умственной культуры, и который состоитъ въ томъ, что одинъ изъ противниковъ, будучи обозванъ дуракомъ или воромъ, бойко отвѣчаетъ: „отъ дурака“—или „отъ вора слышу“. Человѣкъ, обладавшій образованіемъ Болтина, могъ бы сказать что-нибудь болѣе серьезное.

Вопросъ объ отношеніи Россіи къ Западу уже въ то время становился у насъ вопросомъ о вѣроятномъ направленіи и о возможныхъ шансахъ прогрессивнаго развитія нашей страны. Это былъ самый важный, самый мучительный изо всѣхъ вопросовъ, когда-либо возникавшихъ передъ русской интеллигенціей. Но подъ перомъ Болтина онъ превращается въ вопросъ нашего національнаго самолюбія, обижаемаго тѣмъ видомъ превосходства, съ которымъ иностранцы, обогнавшіе насъ на пути цивилизаціи, отзывались,—какъ и донынѣ продолжаютъ отзываться,—о Россіи. Національное самолюбіе, конечно, не лишено правомѣрности. Невозможно и совсѣмъ нежелательно существованіе народовъ, способныхъ мириться съ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ нимъ со стороны иностранцевъ. Выступленія Новикова и другихъ сатириковъ противъ нашей французоманіи были отчасти подсказаны вполнѣ законнымъ чувствомъ обиженнаго иностранцами русскаго національнаго достоинства. Плохъ былъ бы народъ, лишенный этого достоинства! Но, ища выхода, чувство это почти всегда вступаетъ въ сочетаніе съ другими чувствами и, въ зависимости отъ ихъ характера, само пріобрѣтаетъ тотъ или иной оттѣнокъ, то или другое общественно-психологическое значеніе. Если уже въ сатирической нашей литературѣ нападки на подражаніе иностранцамъ получали иногда консервативный—чтобы не сказать: реакціонный—привкусъ, то у Болтина онѣ сдѣлались сознательно и откровенно консервативными.

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 525.

Слишкомъ пристрастный къ Болтину В. О. Ключевскій [1]) нашелъ у него, кромѣ зародыша сравнительно-историческаго метода, еще нѣкоторое своеобразное развитіе космополитической идеи, будто бы являющейся „довольно неожиданнымъ и гибкимъ оборотомъ русской патріотической діалектики прошлаго вѣка“ [2]). Оборотъ состоялъ въ томъ, что „темныя пятна, выступающія въ жизни отдѣльныхъ народовъ, русскаго, какъ и другихъ“, относились на счетъ общаго несовершенства человѣческой природы, между тѣмъ какъ подвиги и доблести причислялись къ качествамъ русскаго національнаго характера [3]). Но не трудно замѣтить, что этотъ „діалектическій“ оборотъ прежде всего плохо вязался съ общимъ историческимъ взглядомъ Болтина.

Возражая Леклерку, утверждавшему, что всѣ отрасли нашего управленія свидѣтельствуютъ о нашемъ звѣрствѣ, невѣжествѣ и т. д., Болтинъ писалъ:

„Не должно приписывать единому народу пороковъ и страстей общихъ человѣчества (человѣчеству? *Г. П.*). Прочтите первобытные вѣка всѣхъ царствъ, всѣхъ Республикъ, найдете во всѣхъ нравы, поведенія и дѣянія ихъ сходными. Можно привести тысячу примѣровъ, что повсюду человѣки были и нынѣ суть во всемъ одинъ другому подобны, кромѣ нѣкоторыхъ легкихъ чертъ составляющихъ особенность образованія въ ихъ характерѣ“ [4]).

Далѣе у него слѣдуютъ историческіе примѣры, долженствующіе подтвердить это общее положеніе; а потомъ является замѣчаніе о томъ, что дѣянія древнихъ руссовъ совсѣмъ не отличались такимъ звѣрствомъ и безчеловѣчіемъ, какія свойственны дѣяніямъ древнихъ французовъ [5]). Надобно думать, что эта сравнительная мягкость русскихъ дѣяній и представляетъ собою „легкую черту“ особенности нашего національнаго характера. Но подъ какимъ же вліяніемъ создалась эта черта. Подъ вліяніемъ климата? или подъ вліяніемъ какой-нибудь „побочной причины?“ Болтинъ какъ будто даже и не подозрѣваетъ научной правомѣрности подобныхъ вопросовъ.

Это не все. По его ученію, характеръ всякаго даннаго народа опредѣляется преимущественно дѣйствіемъ климата. Но климаты

---

[1]) Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что В. О. Ключевскій заимствовалъ у Болтина нѣкоторыя частныя историческія мысли, напримѣръ, ту, что русская исторія отличается отъ западной меньшимъ драматизмомъ. Но здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ.

[2]) Очерки и рѣчи, стр. 186—187.

[3]) Тамъ же, стр. 187.

[4]) Примѣчанія на Леклерка, т. II, стр. 1.

[5]) Тамъ же, стр. 6.

различны. Стало быть, и характеры народные никакъ не могутъ быть одинаковы. Это хорошо знали еще древніе писатели, у которыхъ нѣкоторые мыслители новой Европы заимствовали ученіе о рѣшающемъ дѣйствіи климата. Они заботливо отмѣчали, что греки, подъ вліяніемъ своего климата, очень любили свободу, тогда какъ народы Востока были равнодушны къ ней. Да и самъ Болтинъ, цитируя Витрувія, пытался объяснить намъ, какимъ образомъ различныя климатическія вліянія создаютъ у различныхъ народовъ самыя существенныя различія въ „силахъ душевныхъ“. Какъ же могутъ быть „человѣки во всемъ одинъ другому подобны“? Тутъ противорѣчіе, которое, оставаясь неразрѣшеннымъ, объясняется только тѣмъ, что, преслѣдуя свои апологетическія цѣли, нашъ авторъ позабылъ коренное положеніе свое о рѣшающемъ дѣйствіи климатическихъ особенностей на характеры и историческія судьбы народовъ.

IX.

Впрочемъ, надо и то сказать: апологетическія цѣли можно было преслѣдовать, не придерживаясь опредѣленнаго историческаго воззрѣнія. Даже удобнѣе было выступать въ литературный походъ, не обременяя себя тяжелымъ теоретическимъ багажомъ. Екатерина II, какъ нельзя болѣе убѣдительно, доказала это своей полемикой съ аббатомъ Шаппомъ [1]).

В. О. Ключевскій замѣтилъ, что, хотя въ умѣ ей никто не отказывалъ, кромѣ ея мужа, который былъ очень плохимъ судьей въ этой области, однако, она не поражала ни глубиной, ни блескомъ своего ума [2]). Высокоталантливый историкъ имѣлъ полное право выразиться болѣе рѣзко: Екатерина II отличалась умомъ очень дѣятельнымъ, но при этомъ крайне поверхностнымъ. Всякій разъ, когда она имѣла неосторожность пуститься въ теорію, она безпомощно запутывалась въ понятіяхъ, оперировать съ которыми было, кажется, не такъ уже трудно. Вспомнимъ шестую главу ея пресловутаго Наказа („О законахъ вообще“).

Мы узнаемъ отъ нея тамъ, что надъ человѣкомъ господствуютъ многія „вещи“: вѣра, климатъ, законы, правила, принятыя въ

---

[1]) Антидотъ или разборъ дурной, великолѣпно напечатанной книги подъ заглавіемъ: „Путешествіе въ Сибирь по приказанію короля въ 1761 г.“, содержащая въ себѣ нравы, обычаи русскихъ и теперешнее состояніе этой Державы, Господина аббата Шаппа д'Отероша, изъ Королевской Академіи наукъ, въ Парижѣ 1768 г. Первыя двѣ части этого сочиненія Екатерины изданы были въ 1770 г. Покойный П. Бартеневъ перепечаталъ его въ „Осьмнадцатомъ вѣкѣ“, кн. 4-я, Москва 1869 г.

[2]) Очерки и рѣчи, стр. 324.

основаніе отъ правительства, примѣры дѣлъ прешедшихъ, нравы, обычаи. Но если мы захотимъ выяснить себѣ, не существуетъ ли между этими „вещами“ причинной связи, и не оказываетъ ли, напримѣръ, климатъ рѣшающаго вліянія на нравы и обычаи (въ чемъ убѣжденъ былъ Болтинъ), то услышимъ нѣчто поистинѣ странное.

Екатерина сообщала, что „природа и климатъ царствуютъ почти одни во всѣхъ дикихъ народахъ.—Обычаи управляютъ Китайцами.—Законы владычествуютъ мучительно надъ Японіею.—Нравы нѣкогда устраивали жизнь Лакедемонянъ.—Правила, принятыя въ основаніе отъ властей, и древніе нравы обладали Римомъ“.—Въ этой густой кашѣ нѣтъ даже намека на попытку составить себѣ сколько-нибудь стройный взглядъ на ходъ историческаго процесса. Да Екатерина и не чувствовала нужды въ такомъ взглядѣ. Она до послѣдней степени развязно обращалась со всѣми этими „вещами“, сваленными ею въ одну безпорядочную кучу. Иногда она какъ будто подсмѣивалась надъ ученіемъ о рѣшающемъ дѣйствіи климата. Такъ, изъ неуклюжихъ разсужденій аббата Шаппа о грубости нервнаго сока у русскихъ людей и о вѣроятныхъ соціологическихъ послѣдствіяхъ этого физіологическаго явленія она, съ совершенно умѣстной здѣсь ироніей, сдѣлала тотъ выводъ, что „недостатокъ геніальности у Русскихъ, повидимому, есть слѣдствіе почвы и климата“ [1]). Но въ первой же главѣ своего Наказа она сочла нужнымъ обратиться къ ученію о климатѣ въ важномъ вопросѣ о томъ, есть ли Россія „европейская держава“. Екатерина утверждала, что—да, и слѣдующимъ образомъ доказывала это мнѣніе: „Перемѣны, которыя въ Россіи предпріялъ Петръ Великій, тѣмъ удобнѣе успѣхъ получили, что нравы, бывшіе въ то время, совсѣмъ не сходствовали съ климатомъ и принесены были къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ и завоеваніями чуждыхъ областей. Петръ Великій, вводя нравы и обычаи Европейскіе въ Европейскомъ народѣ, нашелъ тогда такія удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ“.

Здѣсь выходитъ, что успѣхъ Петровской реформы обезпеченъ былъ дѣйствіемъ климата. Но не думайте, что Екатерина расположена была серьезно размышлять о вліяніи географической среды на историческое развитіе народовъ. Она довольствовалась тѣмъ, ходячимъ тогда, представленіемъ, что развитіе это опредѣляется преимущественно, чтобы не сказать исключительно, дѣятельностью государей. Въ ея „Запискахъ касательно россійской исторіи“ есть чрезвычайно характерныя въ этомъ

---

[1]) XVIII вѣкъ, книга 4, стр. 445.

смыслѣ строки. „Извѣстно,—говоритъ она тамъ,—что народы и языки народовъ мудростью и тщаніемъ высшихъ правителей умножаются и распространяются. Каковъ государь благоразуменъ, о чести своего народа и языка прилеженъ, потому и языкъ того народа процвѣтетъ. Многіе народные языки исчезли отъ противнаго сему". Значитъ, даже исторія языка объясняется дѣятельностью государей. Трудно сказать, въ самомъ ли дѣлѣ вѣрила Екатерина въ такое всемогущество законодательной власти. Ея крайне осторожное отношеніе къ крѣпостному праву и вообще ея рѣшительное нежеланіе „писать" на щекотливой кожѣ дворянства законы, невыгодные для этого сословія, показываютъ, что на практикѣ она никогда не забывала о фактическихъ предѣлахъ своей власти. Но въ теоріи она легко могла забыть о нихъ именно вслѣдствіе весьма ограниченной своей способности и очень малой склонности къ теоретическому мышленію. И ужъ, конечно, она всѣми силами старалась убѣдить Россіянъ, что ихъ „блаженство" всецѣло находится въ рукахъ Семирамиды Сѣвера. Чтобы достичь этой цѣли, она готова была всячески насиловать всякую теорію.

„Исторія, или Записки Россійской исторіи, предпринимаемыя по моему согласію и утвержденію,—говоритъ она въ одномъ письмѣ къ А. С. Мордвинову,—не могутъ имѣть другого вида и цѣли, кромѣ прославленія Государства и дабы служить потомству предметомъ соревнованія и зерцаломъ. Всякое другое, менѣе блистательное направленіе, было бы вредно" [1]).

Это письмо написано черезъ 20 лѣтъ по выходѣ „Антидота". Но сильнѣйшая склонность къ „блистательному направленію" какъ въ исторіи, такъ и въ публицистикѣ вполнѣ свойственна была Екатеринѣ уже и въ то время, когда она выступала въ литературный походъ противъ аббата Шаппа. И какъ тогда, такъ и потомъ „прославленіе Государства" совпадало, въ ея глазахъ, съ прославленіемъ государыни. Главная ошибка аббата состояла въ томъ, что онъ неодобрительно отзывался о странѣ, въ которой царствовала Фелица. Эту его ошибку и долженъ былъ поправить „Антидотъ".

Екатерина принялась за дѣло даже черезчуръ усердно.

Описывая Нижній-Новгородъ, аббатъ Шаппъ сказалъ, что онъ построенъ изъ дерева, подобно почти всѣмъ городамъ Россіи. Екатерина сочла нужнымъ отозваться на его описаніе такимъ сообщеніемъ:

„Этотъ городъ сгорѣлъ въ 1767 году и перестроенъ изъ кир-

---

[1]) Письмо отъ 4 октября 1790 г.

пича и камня, по правильному плану, какъ и всѣ города, съ которыми случилось это несчастье въ царствованіе императрицы Екатерины II, напримѣръ, Тверь, которая уже устроена, благодаря тремъ стамъ тысячамъ рублей“ [1]).

Неправда этого сообщенія врядъ ли могла ускользнуть отъ вниманія русскихъ читателей. Но раздраженная „ученица Вольтера“ позабыла всякую осторожность. Она сочла нужнымъ и возможнымъ удивиться тому, что „нѣкоторые льстецы посовѣтовали Петру III объявить свободнымъ дворянство, какъ будто бы оно не было всегда свободнымъ“. Если вѣрить блистательной представительницѣ блистательнаго направленія въ исторіи, то наши дворяне прежде могли оставлять службу по своему собственному усмотрѣнію, и только Петръ I, послѣ битвы при Нарвѣ, увидѣлъ себя вынужденнымъ ограничить, — очевидно, только на время,—эту вольность его [2]). Екатерина, по всей вѣроятности, и тогда уже достаточно хорошо знала исторію внутренняго быта Московскаго государства, чтобы знать, какъ мало соотвѣтствовало дѣйствительности ея смѣлое утвержденіе. Но... „всякое другое, менѣе блистательное направленіе, было бы вредно“.

Екатерина весьма недурно освѣдомлена была о крайне тяжеломъ положеніи русскаго крестьянства. Она не однажды сама давала это понять своимъ приближеннымъ. Но если, будучи недурно освѣдомлена объ этомъ положеніи, она способна была издавать указы, еще больше его отягчавшіе, то, разумѣется, она не могла уважать требованія истины тамъ, гдѣ нужно было опровергнуть нескромнаго и непочтительнаго иностранца. „Положеніе простонародья въ Россіи,—писала она,—не только не хуже, чѣмъ во многихъ иныхъ странахъ, но... въ большинствѣ случаевъ оно даже лучше. Народъ менѣе подвергается мелкимъ поборамъ и знаетъ навѣрное, что долженъ платить: въ повинностяхъ нѣтъ ничего произвольнаго; разъ уплативши ихъ, онъ почти совершенно воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ“ [3]).

Такъ какъ „Антидотъ“, навѣрно, былъ знакомъ Болтину, то ясно, откуда заимствовалъ ученый генералъ-майоръ свое радужное представленіе о бытѣ русскаго „земледѣльца“. Вполнѣ возможно, что и Фонъ-Визину случалось заглядывать въ полемическое произведеніе Екатерины. Если это въ самомъ дѣлѣ было такъ, то и онъ обязанъ ей отрадной увѣренностью въ томъ, что трудящемуся населенію Россіи живется лучше, нежели рабочему народу западныхъ странъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не при-

[1]) Осьмнадцатый вѣкъ, кн. IV, стр. 241.

[2]) Тамъ же, стр. 315.

[3]) Тамъ же, стр. 328.

знать, что „блистательное направленіе“ литературной дѣятельности Екатерины имѣло значительное вліяніе на ходъ развитія нашей общественной мысли. Оно понравилось многимъ идеологамъ дворянства.

Екатерина недоумѣвала, почему, когда Шаппъ говорилъ о Россіи, у него было „постоянно на устахъ слово рабъ“. Единственное объясненіе этой странности видѣла она въ его злобѣ, „которая предпочитаетъ слова и выраженія наиболѣе годныя для того, чтобы представлять вещи въ низкомъ видѣ“ [1]). Если бы злоба не вводила французскаго аббата въ заблужденіе, то онъ понялъ бы, что не только русскій крестьянинъ, но и всякій вообще русскій обыватель пользуется на дѣлѣ большей свободой, чѣмъ жители западно-европейскихъ государствъ. Съ своей стороны, авторъ „Антидота“ былъ непоколебимо убѣжденъ въ этомъ.

„Если,—увѣрялъ онъ,—мы сравнимъ состояніе каждаго съ тѣмъ же состояніемъ во многихъ другихъ странахъ Европы, то мы легко докажемъ, что въ Россіи граждане (sic!) наименѣе стѣснены, наименѣе подвержены мелочнымъ придиркамъ; что всѣ повинности извѣстны и что, впрочемъ, они дѣлаютъ приблизительно что хотятъ (!); что правительствомъ наказывается лишь нарушеніе законовъ; что эти законы хотя и многочисленны и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже противорѣчатъ другъ другу, но далеко не въ той степени, какъ ворохи законовъ въ другихъ странахъ... Легко было бы доказать, что наши законы, каковы бы они ни были, еще самые простые въ Европѣ и во многомъ самые ясные и разумные“ [2]).

Депутаты, засѣдавшіе въ Коммиссіи объ Уложеніи, далеко не такъ увѣрены были въ благополучіи своихъ избирателей. Они съ завистью указывали на права и преимущества „счастливыхъ“ жителей западной Европы. Но вѣдь ихъ жалобы не могли дойти до аббата Шаппа и не могли послужить ему оружіемъ противъ автора „Антидота“! Этому послѣднему извѣстно было, какъ плохо знакомы иностранцамъ частности русской общественно-политической жизни, и потому онъ не стѣснялся въ своихъ утвержденіяхъ.

Бойкая и безцеремонная, Екатерина не упускала случая перейти въ наступленіе. Довольно хорошо знавшая слабыя стороны тогдашняго государственнаго управленія въ западныхъ странахъ, она упорно твердила, что на Западѣ живется хуже, чѣмъ въ Россіи. И едва ли не раньше всѣхъ нашихъ Стародумовъ она стала

---

[1]) Тамъ же, стр. 427.

[2]) Тамъ же, стр. 329.

употреблять тотъ полемическій пріемъ, въ которомъ В. О. Ключевскій нашелъ зачатокъ сравнительнаго историческаго метода.

„Вамъ нечѣмъ попрекать насъ, — отвѣчала она французу Шаппу: — правда, у васъ не ссылаютъ въ Сибирь, потому что у васъ ея нѣтъ; Канада у васъ отнята англичанами и во времена кардинала Ришелье ея у васъ не было; но Бордосскія ланды, Олонскіе пески развѣ не служатъ мѣстами изгнанія? А чрезвычайныя коммиссіи, а Бастилія, а Шато-тромпетъ и прочія подобныя мѣста, охотникъ вы до нихъ, г. аббатъ? Говорятъ, они не пустѣютъ, благодаря удобному изобрѣтенію lettres de cachet, подписанныхъ въ видѣ бланковъ, что, конечно, вполнѣ обезпечиваетъ гражданъ; малѣйшая интрига, если имѣешь врага, можетъ разрушить счастіе цѣлаго семейства“ [1]). Подобныя строки должны были производить на разсудительнаго и безпристрастнаго русскаго читателя такое впечатлѣніе, какого едва ли ожидалъ и желалъ ихъ авторъ. Если онъ даже и убѣждался въ томъ, что французамъ, дѣйствительно, нечѣмъ попрекать насъ, то онъ все-таки могъ спросить себя: что же въ этомъ утѣшительнаго? Развѣ русскимъ „гражданамъ“, по произволу администраціи ссылаемымъ въ Сибирь, легче отъ того, что въ бордосскихъ ландахъ тоже бѣдствуютъ жертвы самовластья? И легче ли тѣмъ, которые попадаютъ въ казематы русскихъ крѣпостей, отъ того, что Бастилія тоже имѣетъ своихъ узниковъ? Но для того, чтобы возникали такіе вопросы въ головѣ русскаго читателя „Антидота“, ему нужно было обладать именно безпристрастіемъ, которое не всегда имѣлось у представителей тогдашней русской интеллигенціи. Общественная жизнь налагала свою печать на общественную мысль. Господство крѣпостничества во внутреннихъ отношеніяхъ Россіи заставляло людей, заинтересованныхъ въ его поддержаніи, утѣшаться даже такими соображеніями, въ которыхъ на самомъ дѣлѣ не было ровно ничего утѣшительнаго. Хорошо знавшая человѣческія слабости, Екатерина, должно быть, сознательно разсчитывала на это обстоятельство, когда прибѣгала къ своему, нѣсколько рискованному, сравнительно-историческому пріему.

Но что больше всего поражаетъ въ „Антидотѣ“, такъ это наивное и вмѣстѣ безпредѣльное самохвальство его автора. Опровергая то замѣчаніе Шаппа, что никто въ Россіи не смѣетъ мыслить, и что деспотизмъ заглушаетъ тамъ умъ, талантъ и всякаго рода чувства, Екатерина пишетъ:

„Наше правительство, далекое отъ того, чтобы подавлять

---

[1]) Тамъ же, стр. 297.

умъ, таланты и чувства всякого рода, занято лишь тѣмъ, что поощряетъ и награждаетъ умъ, таланты и всѣ чувства честныя и полезныя обществу. Могутъ ли Русскіе не мыслить, какъ скоро у нихъ передъ глазами книга, продиктованная всѣми чувствами, дѣлающими честь человѣчеству и подписанная собственными руками ихъ Императрицы—хочу сказать Наказъ для составленія новаго уложенія“ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о началахъ, положенныхъ въ основу Наказа, Екатерина, съ увлеченіемъ превозносящая Екатерину, говоритъ: „Эти начала возбуждаютъ удивленіе Европы и въ особенности людей разумныхъ, число которыхъ, правда, на свѣтѣ не велико“ [2]).

Она могла бы прибавить, что эти, возбуждающія удивленіе Европы, начала, по ея же собственному выраженію, „награблены“ были у французскихъ просвѣтителей, и что она никогда не имѣла намѣренія воплотить ихъ въ русскую жизнь. Но этого она, разумѣется, не прибавила...

При своей беззаботности на счетъ теоріи и свободѣ отъ опредѣленнаго историческаго взгляда, Екатерина могла съ большимъ удобствомъ повторять: люди—вездѣ люди. И она охотно повторяла это общее мѣсто. Но, охотно его повторяя, она сочла полезнымъ воспѣть хвалу русскому національному характеру.

„Ученой Дружинѣ“ старая,—до-Петровская,—Русь представлялась темнымъ царствомъ суевѣрія, грубости, невѣжества и застоя. При Екатеринѣ II, рядомъ съ сильнѣйшей идеализаціей Петровской эпохи, въ нашей литературѣ возникаетъ стремленіе пересмотрѣть суровый приговоръ, вынесенный московской старинѣ птенцами гнѣзда Петрова. Мы еще встрѣтимся съ этимъ стремленіемъ у Новикова. Пока же замѣтимъ, что сильнѣе всего выразилось оно именно въ „Антидотѣ“, авторъ котораго такъ охотно повторялъ: люди—вездѣ люди.

Сильно разойдясь тутъ со своимъ „учителемъ“ Вольтеромъ, она рѣшительно отвергла то утвержденіе Шаппа, что, вплоть до воцаренія Петра I, Россія погружена была во мракъ невѣжества. „Мы сказали и повторяемъ,—писала она:—до царствованія царя Ѳедора Ивановича мы шли ровнымъ шагомъ со всѣми прочими націями Европы, за исключеніемъ, быть можетъ, Италіи, и лишь смуты, послѣдовавшія за смертію этого государя, замедлили наше развитіе“ [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 449.

[2]) Тамъ же, стр. 259.

[3]) Тамъ же, стр. 424—425. Ср. стр. 289. — Это не мѣшаетъ ей, впрочемъ, признавать, что „Петръ открылъ свое государство для иностранцевъ... Захотѣлъ,

Не уступая западнымъ странамъ въ образованіи, старая Русь,—Русь до смуты,—далеко оставляла ихъ за собою въ области нравственности. Тутъ у автора „Антидота“ получается настоящая идиллія.

„Разводы были почти неизвѣстны. Дѣти имѣли большое уваженіе къ своимъ отцамъ и матерямъ“. Но больше всего умиляла Екатерину приписка, будто бы включавшаяся у насъ во всѣ договоры и сводившаяся къ тому, что сторонѣ, нарушившей свое слово, будетъ стыдно.

„И такъ,—съ торжествомъ восклицаетъ она,—стыдъ былъ тогда наисильнѣйшей сдержкою, которую налагали на себя, какъ non plus ultra. Полагаю, что нѣтъ страны, которая могла бы представить въ пользу своихъ нравовъ свидѣтельство столь же краснорѣчивое, какъ эту формулу. Ее стали опускать лишь, когда перестали жить, какъ жили прежде, когда нравы стали менѣе простыми. Эту перемѣну, повидимому, можно отнести ко времени смутъ, волновавшихъ государство и семью послѣ царя Ивана Васильевича, до тѣхъ поръ нравы были очень просты“.

Можетъ показаться непонятнымъ существованіе жестокихъ уголовныхъ наказаній въ странѣ, отличавшейся такой исключительно хорошей нравственностью. Но Екатерина за словомъ въ карманъ не лѣзла. Она увѣряетъ, что розги и кнутъ перешли къ намъ отъ... римлянъ! И вообще, оказывается, что „всѣ подобные ужасы, къ несчастію, заимствованы нами у другихъ народовъ“. Отсюда вполнѣ естественно вытекалъ тотъ, пріятный для нашего національнаго самолюбія, выводъ, что не Россія должна подражать западнымъ народамъ, а западные народы—Россіи. „Пусть же эти послѣдніе,—совѣтуетъ Екатерина,—въ свою очередь послѣдуютъ нашему примѣру, если они разумны и преобразуютъ свой уголовный судъ на основаніи главы X Наказа Императрицы Екатерины для составленія уложенія, который былъ запрещенъ въ Парижѣ и въ Константинополѣ“ [1]).

Итакъ, Петръ Первый учился у Запада, а Екатерина Вторая сама учитъ Западъ...

Въ нашей литературѣ XIX столѣтія идеализація стараго русскаго быта вызывалась иногда желаніемъ передовыхъ писателей дать историческое обоснованіе своей демократической программѣ.

чтобы его подданные путешествовали... Заставлялъ ихъ учиться на свой счетъ во всѣхъ странахъ Европы“,—короче, именно просвѣтилъ Россію.

[1]) Тамъ же, стр. 294. Выше я сказалъ, какимъ образомъ Наказъ былъ запрещенъ также и въ Россіи, конечно, не безъ вѣдома Екатерины, а, можетъ быть, и по ея же почину.

Поэтому, — замѣчу мимоходомъ, — идеализаціи подвергалась тогда больше Русь удѣльно-вѣчевой эпохи, нежели Русь временъ московскихъ великихъ князей и царей. Само собою разумѣется, что Екатерина II никакъ не могла увлекаться „вольностью“ добраго стараго времени, да и не имѣла о ней ни хорошаго, ни дурного представленія. Она самого Рюрика считала самодержавнымъ государемъ.... не лишеннымъ даже нѣкоторой склонности къ „просвѣщенію“. Отнюдь не демократическіе порывы побудили ее къ идеализаціи старыхъ русскихъ нравовъ. Идеализація эта у нея имѣла смыслъ превознесенія тѣхъ сторонъ русской жизни, благодаря которымъ сложилась и окрѣпла безпредѣльно власть русскихъ монарховъ. „Нѣтъ въ Европѣ народа, который бы болѣе любилъ своего государя, былъ бы искреннѣе къ нему привязанъ“, чѣмъ — русскій, писала Екатерина [1]). Правда, всему цивилизованному міру извѣстно было, какъ много дворцовыхъ переворотовъ пережила Россія въ теченіе XVIII столѣтія. Эти перевороты могли возбудить у иностранцевъ сомнѣніе относительно привязанности русскаго народа къ своимъ государямъ. Однако, Екатерина не смущалась и этимъ. Она писала:

„Я на это скажу вещь, которая удивитъ многихъ. А именно, что въ Россіи никогда не происходило революціи, развѣ когда нація чувствовала, что впадаетъ въ ослабленіе. У насъ были царствованія жестокія, но мы всегда съ трудомъ переносили лишь царствованія слабыя. Нашъ образъ правленія, по своему складу, требуетъ энергіи; если ея нѣтъ, то недовольство дѣлается всеобщимъ и вслѣдствіе его, если дѣла не идутъ лучше, происходятъ революціи“ [2]).

Значитъ, при безпримѣрной въ Европѣ любви русскаго народа къ своимъ государямъ, нужно было только придать „нашему образу правленія“ побольше энергіи, чтобъ обезопасить себя отъ революціонныхъ попытокъ. Въ энергіи у Екатерины II недостатка не было. И она умѣла находить себѣ энергичныхъ помощниковъ. Поэтому ей оставалось только осыпать похвалами характеръ русскаго народа и считать его идеализацію дѣломъ глубокой государственной мудрости. Во всякомъ случаѣ, наша „государыня-публицистъ“ превзошла всѣхъ современныхъ ей русскихъ писателей своимъ усердіемъ по части такой идеализаціи въ охранительномъ направленіи.

Излишне говорить, что идеализація эта, равно какъ и всѣ полемическія выступленія Екатерины противъ иностранныхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 391.

[2]) Тамъ же, стр. 299.

хулителей русскихъ порядковъ, ничего не дала для сколько-нибудь серьезнаго и плодотворнаго рѣшенія вопроса о томъ, какъ можетъ и какъ должна Россія относиться къ Западу.

X.

Екатерина II разсматривала вопросъ объ отношеніи Россіи къ Западу, — а стало быть и о Петровской реформѣ, — съ точки зрѣнія своего личнаго интереса. Это значитъ, что, высказываясь объ этомъ вопросѣ, она руководствовалась не указаніями теоріи, а соображеніями практическаго расчета. Она писала то, что, по ея мнѣнію, могло быть въ данное время полезно для упроченія ея власти или для распространенія ея славы. Точка зрѣнія Болтина была не личной, а сословной. Поэтому его кругозоръ былъ значительно шире. Въ предѣлахъ этого кругозора отчасти находилось мѣсто и для внимательнаго отношенія къ требованіямъ теоріи. Мы видѣли, однако, что Болтинъ переставалъ считаться съ ними тамъ, гдѣ имъ противорѣчилъ сословный дворянскій эгоизмъ. Когда внушенія сословнаго эгоизма сталкивались съ требованіями теоріи, Болтинъ изъ ученаго изслѣдователя превращался въ „апологиста“.

Это было неизбѣжно. Это повторялось и повторяется со всѣми изслѣдователями и публицистами, подчиняющимися вліянію сословнаго (или классоваго) эгоизма. Идеологи русскаго дворянства не составляли исключенія изъ общаго правила. Мы уже знаемъ, какъ сильно подчинялся внушеніямъ сословнаго дворянскаго эгоизма кн. М. М. Щербатовъ при своихъ выступленіяхъ въ Комиссіи объ Уложеніи.

Кн. М. М. Щербатовъ (1733—90) былъ во второй половинѣ XVIII вѣка едва ли не самымъ замѣчательнымъ идеологомъ русскаго дворянства. Но дворянская идеологія имѣла у него свой особый оттѣнокъ. Между тѣмъ какъ Болтинъ, въ борьбѣ между породой и чиномъ, стоялъ на сторонѣ этого послѣдняго, Щербатовъ уже въ Комиссіи горячо защищалъ породу.

Позиціей, занятой имъ въ этой борьбѣ, опредѣлилось и его отношеніе къ Петровской реформѣ.

Какъ идеологъ дворянства, онъ вообще не могъ одобрить тѣ ея стороны и тѣ ея послѣдствія, которыя невыгодно отразились на интересахъ служилаго сословія. И тутъ онъ временами очень близко подходилъ къ Болтину. Такъ, въ своемъ политическомъ романѣ „Путешествіе въ землю Офирскую г-на С...., шведскаго дворянина“, онъ даетъ понять, что Петръ сдѣлалъ ошибку, перенеся столицу изъ Москвы въ Петроградъ. Это свое мнѣніе онъ

поддерживаетъ почти тѣми же самыми доводами, съ какими мы уже встрѣтились у Болтина. И, подобно Болтину, онъ выражаетъ надежду, что ошибка Петра будетъ со временемъ поправлена. Но это — второстепенная подробность. А вотъ черта первостепенной важности.

Признавая историческую необходимость реформы и одобряя Петра за то, что онъ учредилъ „порядочное правленіе, познаніе наукъ и военнаго искусства“, Щербатовъ не менѣе Болтина смущался ея стремительнымъ характеромъ. Это видно, между прочимъ, изъ его замѣчательнаго отзыва о борьбѣ Петра съ уродливыми выраженіями набожности.

Замѣтьте, что, по своимъ религіознымъ взглядамъ, Щербатовъ, отлично знакомый съ передовой западной литературой своего времени, былъ деистомъ, а вовсе не христіаниномъ православнаго вѣроисповѣданія. Излишняя набожность представлялась ему явленіемъ, могущимъ повести за собою до послѣдней степени вредныя послѣдствія. Такъ, къ числу условій, вызвавшихъ покореніе Руси татарами, онъ относилъ „духъ неумѣренной набожности“, проникшій въ сердца русскихъ князей. Подчинившись этому духу, князья, писалъ онъ, „въ суевѣріи (sic) и въ бесновѣріе впали, преставая имѣть попеченіе о всемъ томъ, что мірскимъ и тлѣннымъ называли; но единственно стремились къ вѣчной жизни“. Монахи и вообще духовныя лица всѣми силами поддерживали такое настроеніе свѣтской власти и „вкравшись въ мірское правленіе.... твердость и великодушіе отовсюду прогнали, а на мѣсто того духъ монашескій вселился“ [1]).

Если „бесновѣріе“ могло принести такой страшный вредъ Россіи еще въ тринадцатомъ столѣтіи, то позволительно предположить, что нашъ просвѣщенный князь считалъ борьбу съ нимъ одной изъ важнѣйшихъ обязанностей русскаго правительства. Однако, Щербатовъ не рѣшился одобрить направленныя въ эту сторону мѣропріятія Петра Перваго. Ему нравилось, правда, что Петръ не жаловалъ „чудесъ, безъ нужды учиненныхъ“, суевѣрной боязни оскоромиться, „явленныхъ образовъ, рѣдко доказанныхъ“ и т. п. Однако, онъ находилъ, что царь-преобразователь слишкомъ рано ополчился на борьбу съ суевѣріемъ.

„Когда онъ сіе учинилъ? — спрашивалъ Щербатовъ въ своемъ извѣстномъ трактатѣ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“.—Тогда когда народъ еще былъ непросвѣщенъ и тако, отнимая суевѣріе у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ божественному

---

[1]) Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ — сочинена князь Михайлом Щербатовымъ, томъ 2-ой, стр. 574—75.

закону отнималъ“ [1]). Это дѣйствіе Петра Щербатовъ сравниваетъ съ дѣйствіемъ садовника, несвоевременно срѣзывающаго древесныя вѣтви. Несвоевременное срѣзываніе вѣтвей ослабляетъ дерево. „Такъ, — продолжаетъ Щербатовъ, — урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело; исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому его закону; а нравы, за недостаткомъ другаго просвѣщенія, исправляемые вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходить“.

Передъ нами — варіація той мысли Стародума, что нынѣшніе мудрецы, искореняя предразсудки, съ корня воротятъ добродѣтель. Намъ уже извѣстно, что мысль эта раздѣлялась и Болтинымъ. Да по всему видно, что она была значительно распространена между тогдашними идеологами дворянства. Они не могли не понимать, что все болѣе утверждавшіяся и расширявшіяся привилегіи ихъ сословія были совершенно несогласимы съ тѣмъ, къ чему стремились „нынѣшніе мудрецы“ передовыхъ странъ. Поэтому, знакомясь съ сочиненіями „нынѣшнихъ мудрецовъ“ и даже отчасти увлекаясь ими, они отвергали выраженныя въ нихъ практическія требованія и объявляли эти требованія опасными для добродѣтели. А при такомъ настроеніи идеологовъ русскаго дворянства, ихъ не могла не пугать стремительность, свойственная нѣкоторымъ, — далеко не всѣмъ, — реформаторскимъ пріемамъ Петра. И они съ одобреніемъ вспоминали пословицу: тише ѣдешь, дальше будешь [2]).

Но если Щербатовъ не менѣе Болтина одобрялъ эту пословицу, если вообще его сужденія о задачахъ и ходѣ Петровской реформы опредѣлялись интересами современнаго ему дворянства, то, въ своемъ качествѣ идеолога родовитой части этого сословія, онъ порицалъ такія стороны ея, которыя ускользали отъ вниманія дворянскихъ противниковъ породы или даже одобрялись ими.

Уже въ Коммиссіи объ Уложеніи онъ доказывалъ, что родовитые дворяне воспитываются въ такой нравственной атмосферѣ, которая одна только и способна предрасполагать молодыхъ людей къ благородной гордости и безкорыстному служенію родинѣ. Невозможно было держаться такого мнѣнія, не представляя себѣ

---

[1]) Русская Старина, 1870 г., т. II, изд. 3-е, стр. 25.

[2]) Держась точки зрѣнія взаимодѣйствія между нравами и законами, они расположены были придавать больше значенія нравамъ, нежели законамъ. Но и это ихъ расположеніе объясняется не столько теоретическими ихъ соображеніями, сколько практическими опасеніями. Они повторяли plus boni mores valent quam bonae leges, опасаясь излишняго усердія правительства по части улучшенія быта крестьянъ.

въ очень привлекательномъ свѣтѣ нравовъ стариннаго дворянства. Этого мало. Русскій историческій процессъ все болѣе и болѣе вынуждалъ породу давать дорогу чину. Въ виду этого у идеологовъ породы естественно возникала склонность къ идеализаціи прошлаго. Но Петровская реформа не щадила прошлаго. Поэтому, даже признавая историческую необходимость реформы, идеологи породы должны были дѣлать по ея поводу болѣе значительныя оговорки, нежели идеологи чина.

Любопытно, что Щербатовъ даже въ своей идеализаціи старины выступаетъ передъ нами писателемъ, испытавшимъ на себѣ вліяніе просвѣтительной французской литературы. Въ этой литературѣ жизнь первобытныхъ народовъ довольно часто изображалась въ самомъ привлекательномъ видѣ. Въ такомъ же видѣ представлялась она и Щербатову. „Худы ли или хороши ихъ законы, — говорилъ онъ объ этихъ народахъ, — они имъ строго послѣдуютъ; обязательства ихъ суть священны и почти не слышно, чтобы когда кто супругѣ или ближнему измѣнилъ; твердость ихъ есть невѣроятна; они за честь себѣ считаютъ не только безъ страху, но и съ презрѣніемъ мученій умереть". Но всего любопытнѣе, что къ числу хорошихъ сторонъ первобытнаго общества нашъ родовитый защитникъ крѣпостного права относитъ его коммунистическій строй и обусловенное этимъ строемъ отсутствіе эксплуатаціи одной части его членовъ — другою. „Щедрость ихъ (первобытныхъ народовъ. *Г. П.*) похвальна, — продолжаетъ онъ, — ибо все, что общество трудами своими пріобрѣтаетъ, то все равно въ обществѣ дѣлится, и нигдѣ я не нашелъ, чтобы дикіе странствующіе и непросвѣщенные народы похитили у собратій своихъ плоды собственныхъ своихъ (ихъ *Г. П.*) трудовъ, дабы свое состояніе лучше другихъ сдѣлать".

При такомъ взглядѣ Щербатова на первобытное коммунистическое общество нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ переходъ его къ „состоянію нравовъ Россіянъ до царствованія Петра Великаго". Какъ бы кто ни думалъ объ этихъ нравахъ, очевидно, что они могли имѣть лишь крайне мало общаго съ нравами первобытныхъ народовъ. Но Щербатовъ думалъ, что старый московскій бытъ похожъ былъ на счастливый бытъ первобытныхъ народовъ отсутствіемъ въ немъ „сластолюбія", которое казалось ему главной причиной поврежденія русскихъ нравовъ.

Отсутствіе сластолюбія въ старой Москвѣ вело за собою то, что „почти всякій по состоянію своему безъ нужды могъ своими доходами проживать и имѣть все нужное, не простирая къ лучшему своего желанія, ибо лучшаго никто и не зналъ". Молодежь

воспитывалась въ страхѣ божіемъ, въ повиновеніи родителямъ и въ почтеніи къ старшимъ своего рода. Щербатовъ съ удовольствіемъ описываетъ, какъ молодые люди каждый праздникъ пріѣзжали по утрамъ къ ихъ старшимъ родственникамъ для изъявленія имъ почтенія и какъ „ближніе родственники и свойственники съѣзжались загавливаться и разгавливаться къ старшему". Съ еще большимъ удовольствіемъ перечисляетъ онъ „знаки благородной гордости", которая свойственна была русскимъ боярамъ до-Петровской эпохи. Даже наиболѣе самовластные государи вынуждены бывали, по его словамъ, считаться съ нею и уважать старые обычаи, „нетокмо снизходя на просьбы благородныхъ, но также производя предпочтительно предъ другими изъ знатнѣйшихъ родовъ".

XI.

Петровская реформа, которую Щербатовъ называетъ нужной, но, можетъ быть, излишней перемѣной, нарушила старые русскіе обычаи, открыла сластолюбію доступъ въ русскія сердца, привела къ упадку старинныхъ родовъ и породила всеобщую погоню за наживой. Чтобы пріобрѣсти возможность покрыть свои непомѣрные расходы, дворяне стали поддѣлываться къ государю и вельможамъ. „Грубость нравовъ уменьшилась, но оставленное ею мѣсто лестью и самствомъ наполнилось; оттуда произошло раболѣпство, презрѣніе истины, обольщеніе Государя и прочія зла, которыя днесь (1788 г.) при дворѣ царствуютъ и которыя въ дворахъ вельможъ возгнѣздились" [1]).

Таковы были, по Щербатову, слѣдствія совершенной Петромъ I „нужной, но, можетъ быть, излишней перемѣны". Они оказались у него совсѣмъ непривлекательными. Поэтому его тоже называли иногда предшественникомъ славянофиловъ. Но его взгляды не больше походятъ на славянофильскіе, чѣмъ взгляды Болтина. Со славянофилами его, какъ и автора „Примѣчаній на Леклерка", роднитъ лишь консервативное настроеніе, да еще, пожалуй, то или другое пріуроченное къ будущему времени ожиданіе, въ родѣ перенесенія столицы,—славянофилы говорили: резиденціи,—изъ Петрограда въ Москву.

По пріемамъ своей мысли, — хотя, разумѣется, не по практическимъ стремленіямъ, — Щербатовъ опять же, какъ и Болтинъ, былъ ученикомъ французскихъ просвѣтителей. Но между тѣмъ какъ Болтинъ, пытаясь додуматься до научнаго взгляда на ходъ исторіи,

---

[1]) Тамъ же, стр. 20.

усвоилъ себѣ одинъ изъ матеріалистическихъ элементовъ, входившихъ въ міросозерцаніе нѣкоторыхъ французскихъ просвѣтителей, Щербатовъ держался историческаго идеализма.

Глубочайшія причины историческаго движенія сводились для него къ перемѣнамъ во взглядахъ людей и въ ихъ нравахъ. Этой точки зрѣнія держался онъ, разсуждая о первобытномъ коммунистическомъ обществѣ,—когда оно привлекало къ себѣ его вниманіе,—и на нее же становился при своей оцѣнкѣ Петровской реформы.

Въ этомъ отношеніи онъ снова сближался съ Болтинымъ, не сумѣвшимъ выработать себѣ матеріалистическій взглядъ на исторію и въ концѣ-концовъ остановившимся на понятіи о такомъ взаимодѣйствіи между законами и нравами, при которомъ нравы имѣютъ болѣе важное значеніе, нежели законы.

Наконецъ, Щербатовъ напоминаетъ Болтина также и склонностью своею къ идеализаціи старыхъ русскихъ нравовъ. Но, не говоря уже о степени идеализаціи, психологическіе мотивы ея у Щербатова не тѣ, что у Болтина.

Описывая поврежденіе нравовъ въ Россіи, Щербатовъ выражалъ горячее сожалѣніе о томъ, что родовитое дворянство утрачивало свою старую благородную гордость. Болтинъ не жаловался на это, хотя онъ такъ же крѣпко дорожилъ дворянскимъ званіемъ. Сторонникъ чина и противникъ породы, онъ имѣлъ иное представленіе о дворянскомъ достоинствѣ. Въ его представленіи объ этомъ достоинствѣ отсутствовалъ тотъ элементъ независимости по отношенію къ власти, который явственно слышался въ разсужденіяхъ Щербатова. Конечно, свойственное этому послѣднему чувство независимости далеко не было безпредѣльнымъ [1]). Но все относительно, и нашъ идеологъ породы все-таки очень выгодно отличался въ этомъ отношеніи отъ идеолога чина.

Сказать, что русскіе нравы повредились подъ вліяніемъ сластолюбія, это значитъ сказать: они повредились оттого, что из-

---

[1]) Оно не помѣшало князю почтительнѣйше ходатайствовать передъ Екатериной объ уплатѣ казною его долговъ. Въ письмѣ, въ которомъ онъ обратился къ ней съ этой просьбой, она именовалась „монархиней, соединяющей качества великаго государя съ качествомъ великаго философа“ (см. статью В. А. Мякотина: „Дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи“ въ сборникѣ его статей: „Изъ исторіи русскаго общества“, изд. 2-ое, стр. 110). Между тѣмъ, трактатъ „О поврежденіи нравовъ“ изображаетъ ту же монархиню въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Правда, трактатъ написанъ въ 1788—89 гг., а письмо—въ 1773. Но свои, во всякомъ случаѣ, не лишенныя благородства сожалѣнія, объ упадкѣ благородной гордости въ дворянскомъ сословіи Щербатовъ высказывалъ еще въ Законодательной коммиссіи.

мѣнились къ худшему. Вѣдь „сластолюбіе“ даннаго общества является составною частью его „нравовъ“. Щербатовъ, утверждавшій, что „наука причинъ есть приключающая наиболѣе удовольствія разуму“, повидимому, самъ чувствовалъ, что, изображая процессъ поврежденія русскихъ нравовъ, онъ слишкомъ неясно опредѣлилъ причины этого процесса. И, подобно всѣмъ тѣмъ изъ своихъ современниковъ, которые не шли дальше понятія о взаимодѣйствіи между нравами и законами, онъ, не справившись съ вопросомъ посредствомъ апелляціи къ „нравамъ“, тотчасъ же апеллировалъ къ законодательной дѣятельности правительства. Въ ней онъ нашелъ двѣ причины порчи дворянскихъ нравовъ. Но первая изъ нихъ начала дѣйствовать еще въ эпоху, предшествовавшую Петровской реформѣ.

„Разрушенное мѣстничество (вредное, впрочемъ, службѣ и государству) и не замѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, истребило мысли благородной гордости въ дворянѣхъ,— говоритъ Щербатовъ,—ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги; и такъ каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удастся прямыя заслуги учинить, то, за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться всякими образами льстя и угождая Государю и вельможамъ“ [1]).

Другая причина исчезновенія благородной гордости непосредственно связана была съ преобразовательной дѣятельностью Петра. Она заключалась въ томъ, что онъ заставилъ дворянъ нести солдатскую службу не рѣдко вмѣстѣ со своими холопами. Когда бывшіе холопы дослуживались до офицерскихъ чиновъ, они становились подчасъ начальниками своихъ господъ и бивали ихъ палками. Кромѣ того, поступая въ солдаты, знатные молодые люди надолго отрывались отъ своихъ родственниковъ. „Роды дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцевъ своихъ и вѣкъ не увидитъ“, жалуется Щербатовъ [2]).

Это нанесло окончательный ударъ благородной дворянской гордости: „Могла ли,—спрашиваетъ нашъ авторъ,—остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые въ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали? Которые иначе какъ подслугами почтенія не могли пріобрѣсти, и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ однородцевъ безъ соединенія и защиты оставался единъ, могущій быть преданъ въ руки сильнаго?“

Нельзя не признать, что указаніе Щербатова на эти двѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 24.—На эту тему Щербатовъ говорилъ еще въ Коммиссіи.

[2]) Тамъ же, та же страница.

причины дѣлаетъ болѣе понятнымъ описанный имъ процессъ повреждения нравовъ. Повреждение это оказывается слѣдствіемъ безправія знатныхъ родовъ. Остается неяснымъ одно,—правда, самое главное,—какъ же сложилось въ Россіи то соотношеніе общественныхъ силъ, благодаря которому знатные роды утратили все свое значеніе? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, Щербатову слѣдовало бы, не ограничиваясь понятіемъ взаимодѣйствія, обнаружить ту болѣе глубокую причину, которая опредѣляетъ собою и нравы, дѣйствующіе на законы, и законы, вліяющіе на нравы. А это было не доступно не только для него, но и для гораздо болѣе глубокомысленныхъ писателей того времени. Онъ ограничился сопоставленіемъ нравовъ съ законами, какъ двухъ параллельныхъ причинъ, у которыхъ нѣтъ общаго корня. „Сказалъ я,—читаемъ мы у него,—что сластолюбіе и роскошь могли такое дѣйствіе въ сердцахъ произвести; но были еще и другія причины, происходящія отъ самыхъ учрежденій, которыя твердость и добронравіе искоренили“.

Не требуя отъ Щербатова больше того, что онъ могъ дать, замѣтимъ, однако, что понятно, почему ретроспективный обзоръ учрежденій, искоренившихъ твердость и добронравіе, не простирается здѣсь у него дальше времени царя Ѳеодора Алексѣевича. Въ другомъ мѣстѣ порча дворянскихъ нравовъ пріурочивается у него къ эпохѣ значительно болѣе отдаленной, именно—къ эпохѣ Грознаго.

Недовѣрчивое отношеніе этого царя къ знатнѣйшимъ боярамъ отнимало у нихъ возможность служить отечеству. „Ибо,—говоритъ Щербатовъ,—не токмо онъ повсюду Татарскихъ царевичей предпочиталъ единородцамъ своимъ князьямъ Россійскимъ и боярамъ, которые многія столѣтія службъ своихъ предковъ считали, но даже и Сибирскихъ князьцовъ, едва достойныхъ именъ человѣческихъ, имъ предпочтилъ. Упало сердце благородныхъ, начала истребляться приличная знатнорожденнымъ гордость, любовь къ отечеству затухла; а мѣсто ихъ заступили низость, раболѣпство, старанія о своей только собственности“ [1]).

Если это такъ, то выходитъ, что повреждение нравовъ совершилось у насъ гораздо раньше Петровскаго преобразованія. Оказывается также, что въ своемъ отношеніи къ знатнымъ родамъ Петръ остался вѣрнымъ исторической традиціи Московскаго государства, и что его преобразовательная дѣятельность не удовлетворяла Щербатова, главнымъ образомъ, по этой причинѣ. Идеологъ породы не могъ разсуждать иначе.

---

[1]) Исторія Россійская, т. I, часть 3-ья, стр. 223.

Но если онъ былъ предтечей славянофиловъ, то во всякомъ случаѣ не нашихъ московскихъ славянофиловъ XIX вѣка [1]).

Подводя итогъ всему, до сихъ поръ сказанному въ этой главѣ, надо будетъ признать, что на вопросъ о томъ, желательна ли европеизація Россіи, французскіе просвѣтители единогласно отвѣчали въ утвердительномъ смыслѣ; Руссо въ счетъ не идетъ, такъ какъ онъ не былъ настоящимъ просвѣтителемъ.

Что же касается вопроса о способности Россіи къ полному усвоенію западно-европейской цивилизаціи, то на него получался отъ нихъ отвѣтъ не вполнѣ опредѣленный. Нѣкоторымъ изъ нихъ бросалась въ глаза огромная разница между общественно-политическимъ строемъ Россіи, съ одной стороны, и тѣмъ же строемъ передовыхъ западныхъ странъ — съ другой. Весьма основательно считая третье сословіе главнымъ носителемъ новѣйшей цивилизаціи, они сомнѣвались въ будущности русскаго просвѣщенія, такъ какъ въ Россіи сословіе это было развито очень слабо или, какъ имъ казалось, совершенно отсутствовало.

Иначе отвѣчали на эти два вопроса тогдашніе русскіе писатели. Нѣкоторые изъ нихъ были убѣждены, что Россія, въ качествѣ очень молодой страны, можетъ выбрать себѣ любую „форму“. Другіе сомнѣвались въ этомъ, принимая въ соображеніе извѣстныя особенности русскихъ „нравовъ“ и считая нравы наиболѣе устойчивымъ факторомъ общественнаго развитія. А на вопросъ о желательности усвоенія Россіей западно-европейской цивилизаціи они отвѣчали, хотя и утвердительно, однако съ большими оговорками. И совершенно ясно, что, дѣлая такія оговорки, они повиновались внушеніямъ сословнаго эгоизма: полное усвоеніе Россіей западно-европейской цивилизаціи справедливо представлялось имъ опаснымъ для привилегій того сословія, идеологами котораго они выступали.

XII.

Въ образѣ мыслей всякого даннаго сословія (или класса) всегда есть болѣе или менѣе значительные оттѣнки. Они вызываются тѣмъ, что внутри этого сословія никогда нѣтъ полнаго тождества интересовъ. Мы видѣли, что у насъ идеологи породы расходились съ идеологами чина. Но въ рамкахъ сословнаго образа мыслей могутъ возникнуть довольно значительные оттѣнки также въ связи съ возрастомъ: разногласія

[1]) Ср. статью Ешевскаго: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи (изданное сочиненіе кн. М. М. Щербатова)“, въ № 3-емъ „Атенея“ за 1858 г.

между „отцами и дѣтьми“—весьма не рѣдкое историческое явленіе.

Молодые, неопытные люди почти всегда обнаруживаютъ большую склонность къ увлеченію отвлеченными идеями, нежели пожилые, умудренные житейскимъ опытомъ. Это вовсе еще не значитъ, что молодежь, принадлежащая къ высшимъ сословіямъ, не дорожитъ сословными привилегіями. Весьма нерѣдко молодые члены даннаго сословія дорожатъ его привилегіями не меньше старыхъ. Они просто рѣже задумываются о нихъ, такъ какъ вообще мыслятъ болѣе отвлеченно. Это какъ нельзя лучше видно на примѣрѣ Н. М. Карамзина (1766—1826).

Въ своихъ „Письмахъ русскаго путешественника“ онъ говоритъ: „Всѣ жалкія Іереміады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физіономіи, или не что иное какъ шутка, или происходитъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею въ самомъ вышшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что Англичане и Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ“.

Можно подумать, что эти строки написаны въ отвѣтъ на „іереміады“ Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи подъ вліяніемъ „нужной, но, можетъ быть, излишней“ реформы Петра. Называя іереміады этого рода „жалкими“, двадцатитрехлѣтній Карамзинъ рѣзко высказывался противъ національстическаго элемента, начинавшаго проникать въ сужденія тогдашнихъ русскихъ людей о Петровскомъ преобразованіи. Наши западники сороковыхъ годовъ XIX вѣка очень одобрили бы это его рѣзкое выступленіе. И они, конечно, охотно подписались бы подъ словами: „что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы человѣка, то мое, ибо я человѣкъ“.

Только Бѣлинскій, какъ наилучшій между ними знатокъ исторіи нашей литературы, можетъ быть отнесся бы къ его понятію о „человѣческомъ“ съ нѣкоторымъ скептицизмомъ. Онъ былъ бы правъ.

Приведенный мною отрывокъ написанъ Карамзинымъ (въ Парижѣ, въ маѣ 1790 г.) въ отвѣтъ на то замѣчаніе французскаго историка Россіи Левека, что Петра нельзя назвать геніальнымъ, такъ какъ, желая дать русскимъ образованіе, онъ умѣлъ

только подражать другимъ народамъ. Взятое само по себѣ, замѣчаніе это не представляется удачнымъ. Но достаточно вдуматься въ него, чтобы увидѣть, до какой степени французскій историкъ превосходилъ русскаго путешественника глубиною взгляда на Петровскую реформу и, — что еще важнѣе, — человѣчностью своего отношенія къ русскому народу.

Начать съ того, что упрекъ Петру въ подражательности дополняется и поясняется у Левека упрекомъ въ томъ, что Петръ недостаточно подражалъ другимъ народамъ. „Чтобы заставить русскихъ походить на другіе народы, надо было,—говоритъ Левекъ, — поставить ихъ въ одинаковыя съ ними условія. А для этого слѣдовало дать имъ свободу. Когда русскіе станутъ свободными, они сравняются съ другими народами въ области промышленности или даже превзойдутъ ихъ. Именно Петръ, такъ крѣпко державшій власть въ своихъ рукахъ, могъ заставить дворянство освободить крестьянъ. Онъ этого не сдѣлалъ. Петръ еще болѣе увеличилъ рабство русскихъ. Требуя, „чтобы они стали похожими на свободныхъ людей, онъ налагалъ на нихъ цѣпи и въ то же время хотѣлъ, чтобъ они быстро подвигались по пути развитія наукъ и искусствъ“ [1]). Вотъ почему успѣхи, которыхъ онъ хотѣлъ для Россіи, остались недостигнутыми. „Слишкомъ широкіе предѣлы его власти помѣшали исполненію его желаній, — превосходно говоритъ Левекъ. — ...Руками рабовъ онъ могъ построить корабли, но не могъ добиться того, чтобы рабы пользовались довѣріемъ иностранныхъ капиталистовъ“. Въ доказательство этого Левекъ приводитъ примѣръ русскаго торговаго человѣка Соловьева, который, — бывъ посланъ Петромъ по торговымъ дѣламъ въ Голландію, — сумѣлъ пріобрѣсти тамъ и богатство и довѣріе со стороны голландскихъ купцовъ. Но впослѣдствіи, отказавшись дать взятку нѣкоторымъ придворнымъ Петра, онъ былъ очерненъ ими передъ государемъ и получилъ приказъ немедленно вернуться въ Россію. Отъ этого сильно пострадали интересы его голландскихъ кредиторовъ, и упали только что начавшіяся торговыя сношенія русскихъ съ Голландіей [2]).

Мысль Левека о томъ, что Петръ, желая просвѣтить русскихъ, самъ отчасти умножилъ препятствія, мѣшавшія развитію ихъ естественныхъ способностей, осталась совершенно недоступной Карамзину. Утверждая, что „путь образованія или Просвѣ-

---

[1]) Histoire de Russie, tirée des Chroniques originales, des pièces authentiques et des meilleurs historiens de la nature par M-r Levesque, tome quatrième. A Paris, стр. 531 и 542.

[2]) Тамъ же, стр. 543.

щенія одинъ для народовъ" и что „всѣ они идутъ имъ вслѣдъ другъ за другомъ", онъ совершенно упускалъ изъ виду, что не всегда одинаковы тѣ условія, при которыхъ народы выступаютъ на этотъ путь. У него оказывается, что весь вопросъ сводился къ вопросу о платьѣ и бородѣ. „Петръ Великій одѣлъ насъ по-нѣмецки, — говоритъ онъ, — для того, что такъ удобнѣе; обрилъ намъ бороды для того, что такъ покойнѣе и пріятнѣе. Длинное платье неловко, мѣшаетъ ходить" и т. д. Онъ какъ будто не прочиталъ словъ Левека о томъ, что Петръ, снявъ съ русскихъ длинное платье, наложилъ на нихъ новыя цѣпи.

Другое мнѣніе Левека, сильно удивившее нашего путешественника, состояло въ томъ, что и безъ Петра русскіе сдѣлали бы тѣ же самые шаги по пути просвѣщенія, какіе сдѣланы были ими по его указанію. „То-есть, — иронически истолковываетъ это мнѣніе Карамзинъ, — хотя бы Петръ Великій и не училъ насъ, мы бы выучились! Какимъ же образомъ? Сами собою? Но сколько трудовъ стоило Монарху побѣдить наше упорство въ невѣжествѣ. Слѣдственно Русскіе не расположены, не готовы были просвѣщаться".

Если бы Левекъ признавалъ, что русскіе не готовы и не расположены были просвѣщаться, то онъ, конечно, попалъ бы въ смѣшное противорѣчіе съ самимъ собою, утверждая, что русскіе могли обойтись безъ Петра. Но въ томъ то и дѣло, что онъ думалъ совсѣмъ иначе. Онъ высказался противъ Руссо, утверждавшаго, что Россія не готова была для усвоенія себѣ цивилизаціи. Указывая на то, что преобразовательныя начинанія Петра немедленно поддержаны были дѣятельностью талантливыхъ русскихъ людей, онъ замѣчалъ, что историки и публицисты, охотно восхваляющіе государей, какъ будто испытывали удовольствіе, клевеща на русскій народъ. Предположеніе о томъ, что и безъ Петра русскіе достигли бы такихъ же успѣховъ по части просвѣщенія, основывалось у Левека на той увѣренности, что еще до начала Петровской реформы въ Россіи обнаружилось сильное желаніе просвѣтиться. Конечно, Карамзинъ могъ найти эту увѣренность не основательной. Но ему во всякомъ случаѣ слѣдовало считаться съ нею и, оспаривая Левека, внимательнѣе разсмотрѣть внутреннее состояніе и общественныя нужды Россіи въ эпоху, предшествовавшую началу реформы. Онъ и этого не сдѣлалъ, ограничившись тѣмъ голословнымъ утвержденіемъ, что „и въ два вѣка по естественному, непринужденному ходу вещей едва ли сдѣлалось бы то, что Государь нашъ сдѣлалъ въ 20 лѣтъ".

Противопоставленіе дѣятельности личностей естественному

ходу вещей еще не разъ встрѣтится намъ въ слѣдующихъ томахъ. Теоретически оно совершенно несостоятельно. Естественный ходъ вещей совсѣмъ не исключаетъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, а, напротивъ, предполагаетъ ее, совершаясь черезъ ея посредство. Для историка и для соціолога весь вопросъ заключается въ томъ, какія именно общественныя условія вызываютъ дѣятельность данныхъ личностей и какія содѣйствуютъ и мѣшаютъ ей. Однако, указанное противопоставленіе очень долго считалось не только допустимымъ въ теоріи, но и весьма глубокомысленнымъ. И тамъ, гдѣ мы видимъ, что спорящія между собою стороны признаютъ его правомѣрность, намъ позволительно спросить себя: какая же изъ нихъ ближе къ пониманію закономѣрности общественнаго развитія?

Такъ какъ сознательная дѣятельность людей считается ихъ свободной, т. е. незакономѣрной, дѣятельностью, то ясно, что къ пониманію закономѣрности общественнаго процесса гораздо ближе тѣ, которые апеллируютъ къ естественному ходу вещей. Сама эта апелляція есть не что иное, какъ выраженіе смутнаго сознанія закономѣрности. Вотъ почему приходится признать, что, дѣлая свои возраженія Левеку, Карамзинъ высказался, какъ мыслитель гораздо болѣе поверхностный, нежели этотъ французскій историкъ.

Въ отличіе отъ Фонъ-Визина, Болтина и Щербатова, молодой Карамзинъ безусловно стоялъ за просвѣщеніе. Но онъ до послѣдней степени отвлеченно представлялъ себѣ историческій процессъ развитія просвѣщенія. „Изъ темной сѣни невѣжества, — напыщенно восклицалъ онъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ возвращенія изъ своего заграничнаго путешествія, — должно итти къ свѣтозарной истинѣ сумрачнымъ путемъ сомнѣнія, чаянія и заблужденія; но мы придемъ къ прелестной богинѣ, придемъ, несмотря на всѣ препоны, и въ ея эѳирныхъ объятіяхъ вкусимъ небесное блаженство“. Какъ же именно придемъ? Карамзинъ этого не объяснилъ. Не подлежитъ сомнѣнію одно: онъ думалъ, что въ эѳирныя объятія богини истины мы никакъ не можетъ попасть путемъ практической борьбы съ ея врагами. Общественная борьба оставалась явленіемъ, совершенно недоступнымъ его пониманію. Поселившись въ Женевѣ, онъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (отъ 23 ноября 1790 г.):

„Въ здѣшней маленькой Республикѣ начинаются несогласія. Странные люди! живутъ въ спокойствіи, въ довольствѣ, и все еще хотятъ чего-то!“ А переѣхавъ въ Парижъ, онъ, въ виду тамошней, несравненно болѣе острой, политической борьбы, говорилъ въ одномъ изъ апрѣльскихъ писемъ того же года: „Когда

люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ щастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни". При такомъ, крайне поверхностномъ, пониманіи хода общественнаго развитія, Карамзинъ могъ совершенно упускать изъ виду тѣ конкретныя условія, въ которыхъ жили его русскіе современники. Но далеко не все то, что въ данное время уходитъ изъ нашего поля зрѣнія, безразлично для насъ. Карамзинъ сильно, хотя и безсознательно, дорожилъ тѣмъ общественнымъ порядкомъ, для анализа котораго не нашлось мѣста при его крайне поверхностномъ взглядѣ на историческое движеніе. И когда французская революція показала ему, что политическія бури могутъ иногда сверху до низу переворачивать данный общественный строй, онъ сталъ высказываться, какъ совершенно сознательный консерваторъ. Онъ писалъ тогда: „Революція объяснила идеи: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ... Теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами Властителей и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новостяхъ".

Эпоха, въ которую были написаны эти строки (1802 г.), выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи: насъ интересуетъ пока лишь Карамзинъ Екатерининскаго времени. Здѣсь нужно только отмѣтить, что, умудренный опытомъ, Карамзинъ, который въ своихъ возраженіяхъ Левеку безусловно одобрялъ Петровскую реформу, подвергъ ее желчной критикѣ въ „Запискѣ о древней и новой Россіи". Такимъ образомъ, изъ поклонника прелестной богини истины и западнаго просвѣщенія онъ превратился въ Стародума и сердито отвергъ свое собственное старое правило: что хорошо для людей, не можетъ быть худо для русскихъ.

БИБЛИОТЕКА
Коммунистической
АКАДЕМИИ